

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *И.Д. Звягельская*

Рецензенты:
доктор исторических наук *С.Н. Абашин*
кандидат исторических наук *Ю.Д. Анчабадзе*

Ситнянский Г.Ю.

Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия / Г.Ю. Ситнянский; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: ИЗА РАН, 2011. – 290 с.

ISBN 978-5-4211-0047-8

В книге исследуются межэтнические конфликты в Центральной Азии. Они вызваны разными причинами: противостоянием из-за земельных, водных и других ресурсов, непродуманностью межгосударственных границ, оставшихся от времен СССР, ростом религиозного радикализма и т.д. Эти конфликты имеют значение не только для стран региона, но и для их соседей, в первую очередь для России. Поиск механизмов их решения является важной составляющей проблем безопасности нашей страны.

Для этнологов, историков, политологов, социологов, геополитиков и всех, кого интересуют проблемы Средней Азии и Казахстана.

ISBN 978-5-4211-0047-8

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2011
© Г.Ю. Ситнянский, 2011
© Е.В. Орлова, художественное оформление, 2011

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР на территории Среднеазиатско-Казахстанского региона (или, как его теперь называют, «Центральной Азии»; об авторском видении соотношения понятий «Центральная Азия» и «Средняя Азия» речь еще будет идти) образовалось пять независимых государств – Республика Казахстан, Киргизская (Кыргызская) Республика, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан и Республика Узбекистан. Территории, вошедшие в состав Российской империи в течение XIX в. и в состав СССР – в 1920-е годы (Бухара, Хива) отчасти добровольно, отчасти насильственно, обрели государственный суверенитет.

Однако на территориях новых государств остались миллионы русских и «русскоязычных» жителей, разрыв же традиционных экономических связей ударил не только по этим государствам, но и по России, в связи с чем первоначальная эйфория от обретения самостоятельности у новых независимых государств и от избавления от «среднеазиатского подбрюшья» у России сменилась у значительной части населения мыслью о том, что полезно было бы воссоединиться.

Мнения по этому вопросу в большинстве своем разделились полярно. В первые годы после распада СССР как в России, так и в других бывших республиках, в том числе, конечно, и в Средней Азии и Казахстане (далее для краткости я иногда буду употреблять название Регион) было немало представителей истеблишмента (политики, ученые, деятели культуры), которые предлагали восстановить старое государство (СССР или Российскую империю) в полном объеме, в том числе, конечно, и со всей Средней Азией. Впрочем, и впоследствии таких было немало – вот одно из новейших высказываний в этом ключе: «У России – только один выбор – выступить локомотивом развития всего постсоветского пространства» (и даже «Евразии в целом» – добавляет тот же автор)¹.

Мотивируется это соображениями геополитическими (ссылками на то, что Средняя Азия – естественный пояс безопасности России против Востока, где сейчас все более поднимает голову радикальный ислам), экономическими (этот регион – источник нефти, газа, овечьей и не только шерсти, хлопка и другого сырья), а также заботами о многочисленном «русскоязычном» населении региона.

На противоположном полюсе собрались те представители властной и интеллектуальной элиты, которые говорят, что любая реинтеграция с лю-

быми бывшими республиками СССР России не нужна (в том числе и им самим, поскольку она, дескать, приведет лишь к консервации как в России, так и в новых независимых государствах неэффективных социально-экономических систем)², а интеграция со Средней Азией особенно вредна. Это, впрочем, пока в значительной мере подтверждается практикой, однако вопрос о том, возможна ли в принципе интеграция без таких «побочных эффектов», мы разберем ниже, а пока отметим прочие аргументы противников интеграции, которые сводятся к следующим:

- Средняя Азия – обуза для России (в качестве подтверждения приводятся цифры о том, что в советское время бюджеты среднеазиатских республик были дотационными на 60–70%);

- европейское население оттуда все равно уедет (и действительно, как мы далее увидим, выезд начался еще до «перестройки», в 1970-е годы;

- этот регион – мусульманский, следовательно, буфером против исламско-фундаменталистского Востока быть не может.

Должно было пройти несколько лет, прежде чем начало пробивать себе дорогу альтернативное обеим этим точкам зрения направление – о необходимости частичной интеграции, воссоединения некоторых из бывших республик СССР. Первое подобное предложение последовало не от политиков или ученых, а от писателя А.И. Солженицына; при этом последний в течение первой половины 1990-х годов несколько пересмотрел свои взгляды: если в 1990 г. он проповедовал только объединение трех восточнославянских республик тогда еще существовавшего СССР и северной, «русскоязычной» части Казахстана³, то выступая 28 октября 1994 г. перед депутатами Государственной Думы РФ, он высказался уже за союз трех славянских государств и **всего** Казахстана.

И в самом деле, многие авторы отмечают, что охрана такой границы, как российско-казахстанская – задача почти невыполнимая, особенно с учетом теснейших экономических и прочих связей между пограничными областями двух стран. Охрана и, если потребуется, оборона российской территории требует тесного союза с Казахстаном в области обороны и безопасности. Помимо всего прочего, Казахстан представляет собой буфер между Россией и гораздо более, чем он сам, подверженными влиянию радикального ислама государствами Средней Азии⁴.

В 2001 г. фактически поддержал А.И. Солженицына К.Ф. Затулин, который, говоря о перспективах дальнейшего проживания «русскоязычного» населения в бывших республиках СССР, настаивал на необходимости для

России содействовать быстрейшему переселению соотечественников из Средней Азии и Закавказья и в то же время сохранению «русскоязычной» диаспоры в странах Балтии и в Казахстане (и, конечно, на Украине и в Белоруссии)⁵.

Между тем исследования ряда этнографов (как дореволюционных, так и многих послереволюционных) подводят именно к такому решению проблемы, с той оговоркой, что Киргизия, по крайней мере Северная, также входит в число предрасположенных к интеграции с Россией государств, поскольку по своим этнокультурным параметрам она ближе к Казахстану, чем к Средней Азии. Достаточно сказать, что Н.А. Аристов, например, считал киргизов четвертым казахским жузом⁶.

На анализе интеграционных концепций мы еще остановимся, сейчас же обратим внимание на то, что Средняя Азия и Казахстан расположены по соседству с Россией, поэтому для нашей страны, безусловно, небезразлично, какая обстановка там сложится. Книга, предлагаемая вниманию читателей, является попыткой проанализировать межэтнические отношения в Регионе, а также выявить действительные и потенциально возможные межэтнические и внутриэтнические конфликты.

Последнее весьма важно, так как конфликт легче предотвратить, чем погасить. Так, В.А. Тишков указывает, что в методику обращения с конфликтами входят, помимо всего прочего: а) прогностическая оценка межэтнических противоречий; б) превентивная детерминация факторов конфликта; в) проективное осознание кризисных ситуаций; г) **профилактическое моделирование конфликтов** (выделено мною. – Г.С.)⁷.

Так или иначе, прежде чем начать обзор и анализ конфликтов в Среднеазиатско-Казахстанском регионе, представляется целесообразным дать краткий обзор основных школ и теорий по национальному вопросу и этнической конфликтологии и основных классификаций этнических конфликтов.

Впервые значение и историческая роль этносов (вместо понятия «этнос» в то время использовалось понятие «нация») стали осмысливаться в период крушения феодальных абсолютистских монархий в Европе в XVIII–XIX вв. Под нациями тогда понимались естественно-исторически сложившиеся общности людей, идентифицируемые по языку, историческому происхождению, культуре и т.д.⁸

Теоретическая концепция нации была впервые представлена и изложена историком Э. Ренаном. Он выделил основные характеристики, свой-

ственные нации. Для ее формирования, по Ренану, имеет определяющее значение не общность языка, религии, расы или династии, а возникновение единого духовного стремления людей жить вместе и претворять в жизнь общую цель⁹.

В конце XIX – начале XX в., когда начинается распад Австро-Венгерской, Российской и Османской империй, проблематика наций вновь выдвигается в центр социально-политической мысли. Ее главными теоретиками стали О. Бауэр, К. Реннер и Р. Шпрингер. О. Бауэр считал, что «общность языка и культуры – вовсе не главные характеристики для нации: англичане и ирландцы, сербы и хорваты, датчане и норвежцы говорят на одном языке, не представляя собой единого народа...»¹⁰. Необязательным для формирования нации является и признак территориальной целостности. Напротив, нужно отказаться от привязки нации к определенной территории: «Чистый территориальный принцип повсюду выдает меньшинство в руки большинства... каждая нация поглощает вкрапленные в ее тело меньшинства других наций, но зато жертвует своими меньшинствами, рассеянными в чужих национальных областях»¹¹. Нация, добавлял к этому Р. Шпрингер, должна быть понята не как объединение людей, живущих на одной территории, а как их личный, персональный союз, который должен быть юридически оформлен в качестве «экстерриториальной коллективной единицы»¹².

Для Средней Азии, с ее исключительной пестротой населения, с отсутствием четких границ между этническими территориями разных народов, все сказанное было бы, пожалуй, более актуальным руководством к действию при проведении национальной политики, чем для какого-либо другого региона, по крайней мере в Российской империи. Однако история распорядилась иначе...

В.И. Ленин рассматривал нацию как историко-культурную общность, достигшую уровня развития капиталистических отношений, оптимальным уровнем для развития которой является национальное государство. Эта теория, которую с рядом натяжек и оговорок можно признать правильной применительно к Европе, после взятия власти большевиками была механически, без учета местной специфики перенесена на территории бывшей Российской империи, в том числе и на среднеазиатскую почву.

После Ленина в течение многих десятилетий советского периода разработка теории наций сводилась к своего рода комментированию декларативного суждения о ее сути И.В. Сталина, который в 1913 г. сформулиро-

вал определение нации, соединив в нем два признака по К. Каутскому (общность языка и территории) с одним признаком по О. Бауэру (общность психического склада и национального характера) и добавив к ним признак общности экономической жизни, свойственный вообще государственным, а не национальным общностям¹³. Сталин-политик усматривал свою задачу в том, чтобы, различными способами подавляя этничность, сохранить территориальную целостность государства. В это время, как и в послесталинское, о конфликтологии как науке не могло быть и речи, поскольку считалось, что национальный вопрос в СССР решен если не окончательно, то, во всяком случае, «в принципе»¹⁴.

Есть точка зрения, что СССР должен был при смене режима неизбежно эволюционировать либо в единое Российское государство, либо в подобие СНГ, поскольку представлял собой компромисс между сталинской идеей «автономизации» и ленинской идеей союза суверенных республик¹⁵.

Идеологическая монолитность общества, контролируемая строгой партийной цензурой, допускала любые научные исследования в этой области (этнографические и социологические) только на основе формационного подхода к теории этноса. В этих условиях в 1970-х годах был предложен иной теоретический подход к анализу природы этноса, автором которого был популярный историк и географ Л.Н. Гумилев. Он также разделял объективистскую трактовку природы этноса, но, в отличие от традиций советской школы, настаивал на иной основе этого типа общности людей, на том, что этнос – общность не социальная, а биогеосоциальная.

Нас в теории Л.Н. Гумилева интересует как его цивилизационный подход к межэтническим отношениям (о чем мы подробнее будем говорить ниже), так и исповедуемый им принцип комплементарности (т.е. взаимоотношения друг с другом) представителей различных «суперэтносов», как на профессиональном жаргоне части этнографов называются цивилизации.

Другой центр теоретического осмысления природы этничности сложился в США. Одна из известных особенностей развития США – большая роль иммиграции. Вплоть до начала XX в. считалось (и в то время, пожалуй, так и было), что иммигранты, втягиваясь в процесс социально-экономической жизни США и перенимая ценности и стиль жизни американцев, теряют характеристики своей этнической культуры. Образ «этнического плавильного котла» и результаты интеграции иммигрантских групп в промышленных центрах США послужили основанием известному социо-

логу Р. Парку для вывода об ассимиляции как итоговой, финальной фазе развития межэтнических и расовых взаимоотношений.

Но реальность 60–70-х годов XX в. привела к падению приоритета ассимиляционного подхода. В этот период наблюдается активизация этнических чувств одновременно в различных регионах мира, в том числе и в США. В результате благодаря усилиям П.Л. ван ден Берге, М. Хехтер, П. Брас, Ч. Кейес и др. концепция «плавильного котла» в американской этнологии стала заменяться новой теорией – теорией «этнического плюрализма». Основная идея этого подхода – утверждение необходимости сосуществования в рамках единого государства различных этнических групп, которые не сплавляются, а сохраняют свои специфические черты. Отметим, что такой подход теперь, когда стала очевидной несостоятельность советского варианта теории «плавильного котла» – концепции «новой исторической общности – советского народа», теория «этнического плюрализма» стала бы очень подходящей при формировании концепции государственного строительства для всех государств бывшего СССР, а для Среднеазиатско-Казахстанского региона в силу населенности его самыми различными по цивилизационной принадлежности народами – особенно. Забегая вперед, скажем, что кое-где в Регионе попытки строительства государства по такому принципу действительно предпринимались.

Инструментальный подход, соединяющий в себе тезисы о социальной и сознательной заданности этнического самосознания и признание необходимости наличия некой объективной природной основы для формирования этнического самосознания, стал широко известен в нашей стране благодаря публикации работ Э. Геллнера¹⁶. Однако Геллнер не одинок. Отметим, что представители этого направления считают: этническое сообщество выступает как группа, характеризующаяся не столько языком, религией, общей культурой, сколько общей историей и сплоченностью вокруг общих символов. В современном мире, которому присуща стандартизация жизни, роль этничности возрастает. Посредством сплочения на ее основе и изменения статуса этноса люди стремятся повысить собственный социальный статус. Этот процесс, который американские ученые называют «массовой ретрайбализацией»¹⁷, очень характерен для стран постсоветской Средней Азии.

Фактически нация – это прежде всего внутригрупповая дефиниция, которая фиксирует в себе систему символических представлений, необходимых и для формирования, и для существования определенной социаль-

ной группы (в данном случае – народа), для установления факта принадлежности к этой группе, укрепления ее внутренней сплоченности и для создания основ власти тех, кто ею руководит. «Сегодня в мировой науке, во многих странах утверждается мнение, что определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Все большее число исследователей полагает, что нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутригрупповое определение. Нация, тем самым, может являться выражением общности судеб и интересов членов общества...».

Из этого определения, данного В.А. Тишковым¹⁸, для конфликтологического анализа следует выделить следующее:

- нация – это очень устойчивая общность, обладающая богатым историко-культурным наследием;
- она формирует сильное чувство принадлежности индивида к большой общности, дающей ему язык, связь с родной землей, место в исторической цепи поколений;
- нация создает психологию солидарности между членами общности и отличия от других подобных общностей.

В 2009 г. вышла новая работа на эту тему. В ней дается определение этнического конфликта (которому подобрано другое, возможно, более правильное название – «этнополитический») и его характеристика. Собственно, определение «этнополитический конфликт» вытекает из другого, более широкого. При разработке конфликтологических моделей, используемых для анализа и мониторинга межэтнических конфликтов, В.А. Тишков считает целесообразным ввести понятие «этнополитическая система», которое предполагает наличие элементов (не менее двух) и связей между ними (от согласия до антагонизма)¹⁹.

Все общественные явления взаимосвязаны, хотя между ними могут быть обозначены границы, позволяющие выделить различные системы, например, политические, экономические, социальные и культурно-психологические. Таким образом, исследователь абстрагирует из общества как целого некоторые элементы, которые кажутся более других соответствующими ситуации, и рассматривает эти элементы как систему. Переменными любой системы являются структуры, функции, акторы, ценности, нормы, цели, входы, выходы, реакция и обратная связь²⁰.

Итак, этнополитический конфликт – это состояние этнополитической системы, при котором между элементами системы существует определенный дисбаланс²¹. Это утверждение согласуется с мыслью Д. Истона о том, что «отдельные элементы системы могут иногда осуществлять действия, способствующие разрушению предшествующего состояния равновесия, или даже поддерживать перманентное состояние неравновесия»²². Такой подход приводит к выводу, что модели конфликтности этнополитической системы являются теоретической фиксацией возможных типов дисбаланса между различными элементами системы.

Что касается характеристики этнополитического конфликта, то это – тип внутригосударственного затяжного конфликта, в основе которого лежит чувство и осознание несправедливости по отношению к этнической группе со стороны государства и/или других этнических групп. Конфликт не имеет эффективного силового решения, которое воспринимается как новая несправедливость и может только усилить стремление к справедливости. Конструктивное урегулирование этнополитического конфликта возможно только при условии его трансформации. При этом трансформация предполагает достижение сбалансированности этнополитической системы (в терминологии Бергховского центра)²³.

Конец коммунистического режима в России и других странах бывшего СССР вызвал к жизни необходимость создания отечественной конфликтологии, поскольку в новых условиях исподволь тлевшие и прежде, но насильственно загонявшиеся вглубь и намеренно замалчивавшиеся искры межэтнических напряжений и недовольств стремительно разгораются, что делает настоятельно необходимым незамедлительное оформление противостоящего этой опасной тенденции исследовательского и прикладного направления.

Первое, с чего требует начать нынешняя ситуация в СНГ, это подойти к рассмотрению межэтнических конфликтов как неизбежного и неустранимого фактора становления новой общественной системы в бывшем СССР, способу укоренения новых взаимоотношений между его обособившимися частями, тем более что границы между бывшими республиками СССР были еще в 1920-е годы проведены настолько нелепо, что, например, автор этой книги (и, судя по всему, не только он один) ожидал после распада СССР куда большего кровопролития на межэтнической почве, чем то, которое мы имеем в действительности. Другое дело, что при разумном поведении новой, постсоветской элиты можно было бы существенно умень-

шить количество этих конфликтов и их жертв; об этом мы еще поговорим. Только такой подход, принимающий конфликты как данность, может позволить сделать их развитие минимально болезненным как для нашей страны, так и для других стран СНГ (в том числе Региона).

Вместе с тем преодоление национализма и порожденных им конфликтов должно происходить путем придания национальным притязаниям и устремлениям черт, приемлемых для всего остального человеческого сообщества (в первую очередь, естественно, для соседей участников взаимоотношений в Регионе и вне его), ибо в этом случае данные устремления и притязания, оставаясь обусловленными национальными особенностями и конкретными обстоятельствами национальной жизни, одновременно приобретают общечеловеческий и демократический характер.

Необходимо также учитывать, что конфликтные ситуации в современных межэтнических отношениях формируются целым комплексом взаимодействующих друг с другом кризисных факторов – экономических, политических, правовых, идеологических, социокультурных. В сложившейся кризисной обстановке формирование межэтнических конфликтов, как правило, начинается с формирования у населения тревожного ощущения ухудшения материального и социального положения. Это, в свою очередь, провоцирует ухудшение межэтнических отношений, рост взаимных претензий и т.д. На этой основе активизируется деятельность этнополитических партий и программ, что еще более обостряет межэтнические отношения и усложняет разрешение конфликтов, а это ведет к дальнейшей радикализации национальных движений²⁴.

Этнонациональные конфликты – это организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности. Существует несколько теорий объяснения причин этнонациональных конфликтов, которые были сформулированы на основе исследований в различных регионах мира.

Одним из доминирующих является социологический подход, который основывается на анализе этнических параметров социальных групп (классы, страты, социально-профессиональные группы и т.д.) и выявляет феномен узурпации тех или иных привилегированных социальных ниш представителями одной группировки в ущерб другой и социальной дискриминации по этническому и расовому признаку.

Важное место занимает политологический подход, который выявляет роль элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в эскалации межэтнических конфликтов. Именно вопросы о власти, о стремлении элитных групп обладать ею являются ключевыми для понимания причин роста этнического национализма и конфликтности.

Уровни институционализации межэтнического конфликта в содержательном плане наполнены следующим образом:

- **идеологический** – формирование аниметропольных идей «несправедливого центра (в нашем случае – союзного или республиканского. – Г.С.) – колонизатора»; создание героических образов «борцов» за независимость (или, после ее достижения, против оставшихся «колонизаторов» и их «пособников». – Г.С.); трансляция идей восстановления «этносоциальной справедливости» и «этнополитического порядка»; формирование и трансляция взаимных негативных этнических стереотипов; противопоставление идей национальных меньшинств и идей национальных большинства; противостояние идей коренного и пришлого населения; формирование адресных антимигрантских настроений;

- **организационный** – образование коалиций, движений, организаций анти___ (вставить нужное), экстремистской, радикалистской направленности; складывание групп поддержки и ресурсных групп (в том числе групп молодежи); образование общественных объединений националистического толка, радикальных сект; формирование террористических организаций, незаконных вооруженных формирований, отрядов террористов;

- **деятельностный** – осуществление акций ксенофобии, национализма, расизма; распространение надписей, лозунгов, призывов; осуществление «этнического кладбищенского вандализма» и «заборной ксенофобии»; проведение актов угроз и устрашения; силовые противоправные, явочные мероприятия; локальные и массовые драки и столкновения; акции «этнического партизанства», религиозного экстремизма, терроризма²⁵.

Если говорить конкретно о Регионе, то за годы советской власти в бывших республиках СССР и в российских автономиях сложились многочисленные и очень образованные этнические элиты титульных национальностей. Как только ослаб контроль Центра и образовался вакуум власти, созданные в советские годы «национальные кадры» начали борьбу за власть и право контролировать экономическую и политическую жизнь своих этнотерриториальных образований.

Однако политологический подход не может в полной мере объяснить феномен массовой мобилизации и интенсивности эмоций участников межэтнических конфликтов, изначальную силу группового стремления к автономии, жертвенность, готовность перейти ради своего торжества к самым жестоким методам насилия. Все это объяснимо с точки зрения социально-психологического подхода, который играет гораздо более важную роль, чем представлялось ранее. Иррациональное восприятие той или иной этнической группой угрозы потерять самооценку является мощным средством мобилизации к политической деятельности.

Проблема групповой легитимности, связи коллективного самосознания с фактом существования политического образования в форме сложившейся государственности стоит на стыке социально-психологических и политологических подходов. Со стороны этнических групп формируется требование создать государство – атрибут и гарант сохранения групповой целостности, которое имело бы национально-этнический характер.

Вообще весьма значительная часть национально-этнических конфликтов на территории бывшего СССР имеет в своей основе территориально-этнические притязания. Это и требования изменения границ между национально-государственными образованиями, и требования перехода под новую юрисдикцию целых национально-территориальных единиц, и стремление к созданию или воссозданию национальных образований, и т.д.

Есть и более широкое понимание таких конфликтов – «конфликты из-за ресурсов». При таком понимании конфликт представляется борьбой претензий на дефицитный статус, власть и ресурсы (не только территориальные с населяющими их людскими, но и природные; конфликты, например, из-за воды мы видим в Регионе неоднократно. – Г.С.). В этой интерпретации конфликт предстает негативной силой, чем-то вроде угрозы или болезни. Он видится естественным следствием соперничества между людьми и их группами за материальные блага, экономические привилегии, собственность и власть. При таком восприятии альтернативой насилию будет только его урегулирование посредством какого-то процесса переговоров или «торгов», который должен продолжаться до тех пор, пока ресурсы не будут перераспределены к взаимному удовлетворению всех сторон. В результате таких конфликтов обычно одна сторона выигрывает, а другая проигрывает, или же стороны приходят к компромиссу. Важно, что при таком понимании конфликта стороны не обращаются к его первопричинам, и

глубокие проблемы, которые не получают внимания, в дальнейшем могут вырваться наружу.

Для разрешения конфликта интересов необходимо, чтобы каждая сторона ясно сформулировала свои истинные и легитимные стремления, а затем оппоненты совместно и творчески работали над поиском такого решения, при котором интересы обеих сторон были бы удовлетворены в максимальной степени²⁶. Недостаток концепции, по мнению К. Бигдон и Б. Корф, в том, что сосредоточенность на интересах может скрыть от внимания первопричины конфликта, он не оказывает практически никакого воздействия на фундаментальные ценности и нормы каждой из сторон.

Отстаивание идентичности как основы конфликтов – в данном случае конфликт понимается как следствие реализации потребностей, чаяний, интересов и страхов каждой из сторон («конфликт ценностей»). Концепция, утверждающая идентичность как основу конфликта, предполагает, что источник конфликта кроется в ощущаемой неудовлетворенности или угрозе в сфере глубоко укорененных человеческих потребностей, таких, как чувство собственного достоинства, признание, безопасность, контроль над своей жизнью, наличие в ней цели, продуктивность собственной деятельности²⁷.

Наконец, важное значение для конкретизации анализа конфликтных ситуаций представляет учет стадии их развертывания и типа, ибо и то и другое служит более точному описанию и оценке состояния и тенденций развития этнического конфликта и более целенаправленному поиску средств его урегулирования и разрешения.

Так, многие этнические конфликты можно смело обозначить как замещенные конфликты, поскольку часто антагонизм интересов направлен на этническую группу, которая реально не является участником конфликта, а замещает какие-либо иные интересы и соображения. Так, часто «национальная карта» разыгрывается в борьбе за передел власти между этнополитическими элитами.

Учитывая, что в феномене нации особую конструирующую роль играют историко-культурные факторы, можно сказать, что межэтнические конфликты – это чаще всего конфликты культур как результат различного понимания и толкования жизненных реалий, различного к ним отношения.

И, наконец, при классификации этнических конфликтов мы имеем дело с реальным конфликтом интересов – из-за доступа к ресурсам, распределения объемов и полномочий власти и т.д.

Исследователями выделяются еще два принципа типологизации этнических конфликтов: один – по характеру и образу действий конфликтующих сторон и второй – по содержанию конфликтов, основным целям, которые ставит выдвигающая претензии сторона²⁸.

Э.А. Паин и А.А. Попов выделяют конфликты стереотипов, т.е. ту стадию конфликта, когда этнические группы даже не всегда четко осознают принципы противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ недружественного соседа, нежелательной группы. Фактически это тоже разновидность цивилизационного подхода к конфликтам.

Еще один тип конфликта – конфликт идей. Характерной чертой таких конфликтов (или их стадий) является выдвижение тех или иных притязаний: в литературе, средствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность, на территорию и т.д. Наконец, еще один тип конфликта – конфликт действий. Это митинги, демонстрации, пикеты, даже открытые столкновения. Впрочем, все это в значительной мере повторение того, что мы говорили выше об идеологическом, организационном, деятельностном уровнях институционализации конфликта.

Иная типологизация – по основным целям, по содержанию требований – была предложена в 1992–1993 гг. Л.М. Дробижевой. На основе оценки событий конца 1980 – начала 1990-х годов ею были выделены следующие типы этнических конфликтов.

Первый тип – статусные институциональные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость. Суть таких конфликтов может быть не этнонациональной, но этнический параметр в них присутствует непременно. К этому типу конфликтов относятся и конфликты в союзных и автономных республиках за повышение статуса, в том числе и при требовании союзными республиками (например, Казахстаном) конфедеративного уровня отношений. Автономистские движения среди таджиков Узбекистана, узбеков Киргизии, киргизов Восточного Памира тоже относятся к этому типу конфликтов. Это – конфликты интересов и конфликты из-за отстаивания идентичности (в разном сочетании того и другого в каждом конкретном случае) одновременно.

Второй тип конфликтов – этнотерриториальные. Это, как правило, самые трудные для урегулирования противостояния. На территории Средней Азии в силу чрезвычайной пестроты этнической карты региона и «размытости» этнонациональных территорий при наличии в то же время госу-

дарств, создававшихся именно по крайне неподходящему для региона этническому принципу, такие конфликты – самые распространенные.

Третий тип – межгрупповые (межобщинные) конфликты. В Средней Азии такие конфликты имели место в Узбекистане и Киргизии.

Конфликты второго и третьего типов, согласно вышеприведенной идентификации В.А. Тишкова – это классические конфликты из-за ресурсов, хотя отстаивание идентичности в них тоже присутствует.

Особую группу этнических противоборств составляют конфликты с репрессированными народами, оказавшимися в местах нынешнего проживания не по своей воле.

Впрочем, типологизация конфликтов достаточно условна – нередко в одном конфликте соединяются разные цели и содержание. Например, ошский узбекско-киргизский конфликт связан и с территориальными спорами, и с требованием автономии, и с межобщинным противостоянием.

Учет стадии развертывания конфликтов также имеет важное значение для понимания особенности конкретных ситуаций и выработки мер по их урегулированию. Фактически стадий развития конфликта две: 1) появление национально-патриотических и особенно национально-радикальных движений и перевод межнационального конфликта из потенциальной в актуальную стадию, начало выработки четких и твердых притязаний и позиций, находящихся выражение в программных документах и декларациях; 2) конфликтные действия, становящиеся в процессе нарастания конфликта все более насильственными²⁹.

По уровню напряженности конфликты можно разделить на три основных вида:

- «горячие точки», где уже пролилась или продолжает литься кровь и применяется вооруженное насилие;
- зоны, где напряжение находится на грани возможного перерастания в открытое межэтническое противостояние;
- зоны, в которых межэтническое напряжение уже отчетливо проявилось, но имеет еще достаточно низкий уровень.

Соответственно, подобные конфликты можно разделить на три этапа: 1) противоречия на национальной и иной почве в виде стычек (групповых драк), стихийно возникающих митингов, демонстраций; 2) угрожаемый период – открытое насильственное противоборство сепаратистов с государственными органами правопорядка, перетекание отдельных вспышек насилия в массовые беспорядки; 3) боевые действия, создание войсковых

формирований и параллельных структур власти (в Регионе до этой стадии пока дошел только внутритаджикский конфликт и отчасти – конфликт сторонников светского государства с исламскими радикалами; дошел до этой стадии и протекающий за пределами Региона, но влияющий на него конфликт внутриафганский; впрочем, эти три конфликта, как мы увидим, тесно переплетены между собой)³⁰.

Наконец, по мнению В.А. Тишкова, конфликты можно разделить на конструктивные и деструктивные. Если общими целями всех акторов и властных структур являются сбалансированность системы, подразумевающая ее поддержание (высокий уровень демократичности, соблюдение индивидуальных и коллективных прав), гражданский порядок (низкий уровень насилия), легитимность действий власти и групп и эффективность принятия и реализации решений, поддерживаемых всеми группами³¹, несовместимость их действий вполне преодолима, и такие конфликты можно отнести к конструктивным, т.е. обладающим позитивными функциями и ведущим к трансформации этнополитической системы и ее окружения в соответствии с вызовами времени.

В случае несовместимости целей конфликты относятся к группе деструктивных и способны привести к разрушению системы.

Таким образом, для придания конфликтам конструктивности система должна обладать особыми механизмами, позволяющими ей справиться с внутренним стрессом, поскольку «конфликт не может быть и не должен быть гражданской войной». К таким механизмам, как и в ситуации с возмущениями, исходящими от внешней среды, относятся: регуляция своего поведения (меры по преодолению дисбаланса между отдельными элементами); трансформация внутренней структуры (создание институтов, обеспечивающих конструктивное взаимодействие акторов и власти, «справедливое» распределение материальных и символических ресурсов, доступ к процессу принятия решений); изменение фундаментальных целей (от стабильности к сбалансированности).

Для того, чтобы этнополитическая система обрела сбалансированный характер и сохраняла его, она должна выполнять определенные функции, к которым относятся:

- постановка целей и задач, принимаемых всеми акторами;
- интеграция акторов вокруг разделяемых ими целей и ценностей (согласование интересов групп, предупреждение конфликтных ситуаций, угрожающих целостности полиэтнического общества);

- мобилизация ресурсов акторов и власти на достижение общих целей;
- распределение материальных и символических ценностей в соответствии с интересами всех акторов;
- восприятие внутренних возмущений и воздействия внешней среды и реакция на них.

Сбалансированная этнополитическая система выполняет возложенные на нее функции, главным образом, за счет легитимности власти в общественном сознании всех этнических акторов, легитимности действий самих акторов и наличия разнообразных ресурсов предупреждения «самовозмущения». Технологии предупреждения и преодоления внутреннего стресса в каждом конкретном случае должны учитывать тип дисбаланса (внутреннего конфликта) этнополитической системы³².

Для нашего исследования актуально стадийное деление конфликтов на действительные и потенциальные. Применительно к каждому конкретному конфликту будет указана его стадийная характеристика. Что же касается «конструктивности» и «деструктивности», то нам представляется, что однозначно «конструктивных» и однозначно «деструктивных» конфликтов нет или, по крайней мере, их немного, а как правило, есть конфликты более близкие к одной или другой категории. Поэтому мы проанализируем «конструктивность» и «деструктивность» конфликтов именно с этой точки зрения.

При анализе конфликтов в Регионе важно попытаться ответить на вопрос о том, какие варианты дальнейшего развития ситуаций более выгодны для России с точки зрения как ее, так и стран Региона национальных интересов вообще и в свете интеграционных концепций в частности. Первая попытка анализа ситуации с действительными и потенциальными конфликтами в регионе, в осуществлении которой автор также принимал участие, была сделана в 1992 г. аналитическим центром Русского общенационального союза³³. Эта попытка дала определенные (отчасти сбывшиеся) прогнозы развития этих конфликтов, которые с учетом опыта прошедших почти двух десятилетий будут использованы и проанализированы и в настоящей работе.

Однако, прежде чем приступить к работе, автор считает необходимым провести краткий обзор литературы по этническим взаимоотношениям в Регионе, используемой в настоящей работе.

Так, этнодемографическим взаимоотношениям в Казахстане уделяет внимание А. Алексеенко (здесь и далее даются только те авторы, чьи работ в данной монографии цитируется не менее двух; названия работ, чтобы не загружать введение ссылками, даны в списке литературы в конце книги). Пишут об этом Н.Э. Масанов, И.С. Савин (в том числе и совместно). Наконец, стоит упомянуть А.В. Грозина и В.Н. Хлюпина.

Этноконфессиональные отношения в Киргизстане затрагивает А.Р. Алишева, одна из ее работ написана совместно с автором данной книги. По проблемам русского и «русскоязычного» населения Киргизстана немало работ принадлежит перу Ж. Зайончковской. Этой же проблеме посвящены некоторые труды Г.А. Пядухова. О миграционных проблемах в стране упоминает Н.М. Омаров, он же дает интересный прогноз ближайшего (до 2025 г.) будущего страны.

О ситуации в Туркмении пишут, например, Ш.Х. Кадыров, А. Мамедов, из представителей Дальнего Зарубежья – А.Л. Эдгар.

Большое внимание проблемам исламского радикализма уделил узбекский автор Б. Бабаджанов. Ответом на статьи Бабаджанова является работа М.Б. Олкотт, написавшей также общий труд по проблемам Региона. Стоит отметить также А. Игнатенко.

Военно-политические аспекты этнических конфликтов в Регионе освещает Л.М. Бондарец из Киргизстана. Особенно много внимания политическим аспектам конфликтов в Регионе уделяет А.А. Князев. Затрагивают проблему безопасности стран Региона (и в связи с ними – России) в свете этнических конфликтов С.И. Лунев, А.А. Мигранян (последний – также в аспекте миграций). Большое внимание данному аспекту уделяет также В.В. Парамонов (некоторые его работы написаны в соавторстве с А.В. Строковым и некоторыми другими авторами).

Что касается Афганистана, конфликт в котором тоже заслуживает внимания как непосредственно затрагивающий интересы стран Региона, то тут стоит упомянуть К. Искандарова, В.В. Коргуна, О.А. Столповского (написавшего также несколько работ в соавторстве с В.В. Парамоновым и А.В. Строковым), особенно В.Н. Пластуну.

Большой вклад в изучение этнической ситуации в Таджикистане (отчасти – и в Регионе в целом) внесен недавно (осенью 2009 г.) скончавшимся В.И. Бушковым. Некоторые его статьи написаны в соавторстве с Д.В. Микульским, одна – совместно с автором этих строк. В исследовании вопроса этнических отношений в Таджикистане необходимо отметить так-

же вклад Л. Додхудоевой. Этноконфессиональный аспект межэтнических отношений в Таджикистане, а также роль трудовых миграций в этих отношениях освещены в работах С. Олимовой. Несколько статей (газетных) о проблемах Таджикистана написаны О.В. Панфиловым и И. Ротарем.

Самые разные аспекты межэтнических взаимоотношений в разных государствах Региона затронуты в работах А.А. Куртова.

В работе также использованы высказывания и интервью политических деятелей, как государственных, так и оппозиционных, газетные статьи, материалы энциклопедий, данные статистических справочников.

Наконец, в работе процитировано и 17 работ автора, еще 12 работ использовано при написании без цитирования. Кроме того, автор провел достаточно подробное исследование межэтнической, социально-экономической, этноконфессиональной ситуации в ряде регионов Киргизстана и отчасти Казахстана – в Нарынской (апрель–май и август–октябрь 1990, декабрь 2004 гг.), Чуйской (ноябрь–декабрь 1995, ноябрь 2007 гг.), Таласской (август–сентябрь 1992, октябрь 1997 и ноябрь–декабрь 2007 гг.), Ошской и Джалал-Абадской (октябрь–ноябрь 2000 г.), Иссык-Кульской (июнь–ноябрь 1991, ноябрь–декабрь 2004 гг.) областях Киргизстана, а также в Таразской (до 1997 г. – Джембульская) области Казахстана (октябрь 1997 г.). Кроме того, автор занимался проблемами мигрантов из Средней Азии и Казахстана в ряде регионов России – в Саратовской (ноябрь–декабрь 1999 г., ноябрь–декабрь 2006 г.), Пензенской (сентябрь–октябрь 2007 г.), Оренбургской и Самарской (август–сентябрь 2008 г.) и Омской (сентябрь 2009 г.) областях. Полевые материалы всех этих исследований также использованы в данной работе.

¹ Парамонов В.В. Анатомия политики стран Центральной Азии в отношении России (или в поисках причин «многовекторности» и ее альтернатив) // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 99.

² См., напр.: Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 70.

³ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. 1990. 18 сент.

⁴ См., напр.: Румер Е., Тренин Д., Чжао Хуашен. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М., 2008. С. 97–98.

⁵ Затулин К.Ф. Если царство разделится... // Литературная газета. 2001. 12 сент.

-
- ⁶ Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и кара-киргизов // Живая старина. 1894. III–IV. С. 391–486.
- ⁷ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов на Юге России (рукопись). М., 2009. С. 66.
- ⁸ Smith A. National Identity. L., 1991. P. 59–68.
- ⁹ Ренан Э. Что такое нация? СПб., 1888. С. 2–19.
- ¹⁰ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 17.
- ¹¹ Там же. С. 358.
- ¹² Шпрингер Р. Национальная проблема. СПб., 1909. С. 19.
- ¹³ См.: Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 4. С. 46.
- ¹⁴ Степанов Е.И. Введение в конфликтологию национальных отношений // Социальные конфликты. М., 1992. Вып. 2. С. 6–7.
- ¹⁵ Елисеев А. Избавление от СНГ // Стратегический журнал. 2005. № 1. С. 55–56.
- ¹⁶ Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991.
- ¹⁷ Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975.
- ¹⁸ Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М., 1989.
- ¹⁹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Указ. соч. С. 8.
- ²⁰ Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии: В поисках парадигмы. М., 2001. С. 78.
- ²¹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Указ. соч. С. 8.
- ²² Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли (в 5 томах). Т. 2. М., 1997. С. 632.
- ²³ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Указ. соч. С. 48–49.
- ²⁴ Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. В 3 кн. М., 1994 и др.
- ²⁵ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Указ. соч. С. 60–61.
- ²⁶ Там же. С. 40.
- ²⁷ Бигдон К., Корф Б. Роль помощи развитию в трансформации конфликта: расширение полномочий граждан и укрепление общин // Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. С. 396–397.
- ²⁸ Глезер О.Б., Стрелецкий В.Н. Типология территориально-этнических притязаний и конфликтов на территории бывшего СССР // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 3. Ч. 2. М., 1993. С. 28–36; Степанов Е.И. Ориентиры этноконфликтологического мониторинга // Там же. С. 225.
- ²⁹ Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994. С. 71–84.
- ³⁰ Гаврилов В., Шепова Н. Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. Южный Кавказ. М., 2009. С. 21.
- ³¹ Eckstein H. The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions // Sage Professional Papers in Comparative Politics. № 01–017. Beverley Hills, 1971.
- ³² Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Указ. соч. С. 28–29.
- ³³ В борьбе всех против всех Средняя Азия вне империи // Политика. 1993. № 9.

ГЛАВА I

КОНФЛИКТЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

«Цивилизационный» аспект

Перечисленные методы типологизации и классификации конфликтов не всегда учитывают цивилизационную составляющую, что побуждает дополнить их введением дополнительных параметров, исходя из особенностей межэтнических отношений.

Начнем с того, что все пять государств Центральной Азии являются полиэтничными. Дж. Ротшильд выделил семь типов полиэтничных государств¹, аналоги которых можно попытаться найти в Регионе.

Тип первый: политически доминирующее большинство противостоит подчиненному меньшинству или нескольким меньшинствам. Характерный пример – Канада с политически доминирующим англоязычным большинством и противостоящим ему франкоязычным Квебеком. В Регионе к этому типу можно отнести практически все государства, даже если не говорить о «русскоязычном» населении, а только о «коренном»: в Казахстане, Киргизстане, Таджикистане и Туркменистане есть узбеки, в Таджикистане и Узбекистане, кроме того – киргизы, в Узбекистане – таджики и каракалпаки.

Тип второй: политически доминирующее меньшинство противостоит подчиненному большинству. Подобная ситуация была характерна для всех колониальных стран, где политическая власть принадлежала белому меньшинству, а в совсем недавнем прошлом – для ЮАР. Однако в Регионе таких примеров не было и нет.

Тип третий: доминирующее центральное ядро (не большинство), рассматривающее себя символическим создателем государства, противостоит конгломерату (не коалиции) периферийных этнических групп. Ротшильд считает ярким примером такого взаимодействия бывший СССР и современные США, однако русские в СССР составляли пусть незначительное, но все же большинство (с англосаксами в США сложнее). А вот Казахстан до 1997 г., когда казахи стали большинством – как раз такой пример.

Тип четвертый: одна этническая группа доминирует политически, другая – экономически (биполярный баланс). В качестве примера можно назвать современную Малайзию (малайцы – китайцы), но по такому признаку

строилось и этническое взаимодействие во многих республиках СССР, в том числе во всех странах Региона. Например, в Казахстане и Киргизии политически доминировали соответственно казахи и киргизы, а экономически – «русскоязычные», а на юге Киргизии – также узбеки.

Впрочем, возможно, тут для стран Региона больше подходит тип пятый: экономически сильные, но политически уязвимые этнические меньшинства реализуют себя в коммерческой и посреднической деятельности (евреи в ряде стран Европы и США, китайцы в Таиланде, народы Кавказа в России). В Регионе к такому типу можно отнести Киргизстан (узбеки); кроме того, во всех странах региона реализуют или реализовали себя русские, правда, не в торговле, а в отраслях, требующих высокой квалификации.

В качестве следующего шага предлагается рассмотреть этнополитические системы стран Региона, выделив за образец анализ этнополитической обстановки на Юге России². Итак, необходим комплексный анализ следующих акторов (в тех случаях, когда применительно к Региону данный актор неочевиден, в скобках даются пояснения): власть и русское население; власть и коренные народы; власть и титульные народы; власть и репрессированные народы (турки-месхетинцы, например); власть и казачество (иртышское, уральское, семиреченское); власть и диаспоры; репрессированные и нерепрессированные народы; русское и нерусское население; титульное и нетитульное население; резиденты и мигранты; казачество и мигранты; субгруппы диаспор; православное и исламское сообщества; различные христианские сообщества (православные, католические, протестантские и т.д.).

В этноконфессиональном аспекте по крайней мере в Казахстане и Киргизстане надо добавить еще «протестантское и исламское сообщества».

Имманентные качества отмеченных субъектов продуцируют баланс либо дисбаланс этнополитической системы. Это ярко проявляется в межэтнических отношениях в полиэтничных макрорегионах, где широкая номенклатура участников межэтнического и межкультурного диалога при определенных обстоятельствах объективно и субъективно провоцирует возмущение этнополитической системы.

К основным факторам сбалансированности, которые могут выступать как в качестве факторов стабильности и политической потенции, так и в качестве факторов нестабильности и политической несостоятельности, относятся:

- разнообразная этническая и конфессиональная палитра;
- мозаичное, чересполосное расселение народов;
- сложная, остросюжетная политическая история народов;
- выраженная региональная этнокультурная и этноконфессиональная ментальность;
- противоречивые факты, тенденции и закономерности национально-государственного строительства.

Практически все перечисленное (кроме разве что акторов «казачество и мигранты») имеет место в Средней Азии и Казахстане. Однако всего перечисленного, при всей его важности, недостаточно для классификации этнических взаимоотношений в Регионе. Необходима также цивилизационная систематизация.

Как известно, Средняя Азия и Казахстан делятся на две части: 1) Казахстан и Киргизия (по крайней мере Северная), относящиеся к Евразийскому степному единству и тяготеющие к России; 2) собственно Средняя Азия, относящаяся к мусульманскому Востоку. Однако для начала надо подробнее сказать о евразийстве и евразийской цивилизационной классификации этносов.

Начнем с нового положения о существовании «российской нации», которое содержится в преамбуле к новой концепции национальной политики России³. Идея правильная, еще П.Б. Струве полагал, что «Россия есть государство,... которое, будучи государством многонародным, в то же время обладает национальным единством»⁴. Что касается узко-этнографических русских националистов, которые видели в качестве национального государства только ареал расселения русских, то о них украинский националист, но сторонник единого государства писал иронически еще в начале 1870-х годов: «Этот новый род “великорусских сепаратистов” говорит: да Бог с ними, с этими окраинами;... будем заниматься своими делами, а окраины пусть живут как хотят! Конечно, останься эти “ультрарусские” без Риги и Варшавы, а чего доброго без Вильно и Киева, они бы почувствовали себя не совсем ловко»⁵. Очень актуально, по-моему, применительно к современности, хотя о конкретных этнических и географических реалиях, без которых Россия «чувствует себя не совсем ловко», можно спорить.

Так или иначе, можно говорить о России как о многонародной нации, а о России до 1917 г. как о формирующемся национальном государстве с национальным ядром на основе русскоязычной российской культуры⁶. Однако, с моей точки зрения, все сказанное верно в отношении не всей бывшей Рос-

сийской империи – СССР и не нынешней РФ, а в отношении так называемого евразийского единства восточнославянских и степных народов.

Зародившаяся в 1920-х годах в среде русских эмигрантов и развитая в конце XX в. Л.Н. Гумилевым теория (и выросшая из нее идеология) «евразийства» стала предметом многочисленных дискуссий. Адепты этой теории объявили Российскую империю органическим синтезом населявших ее народов, в течение последних полутора тысячелетий – преимущественно восточных славян и тюрков-степняков, каковой синтез просто не мог не привести к образованию на данной территории единого государства. С 1940–1950-х годов эту точку зрения приняли сталинские историки, провозгласившие, что единство народов существовало на территории будущего СССР уже с III в. до н.э.⁷

Но у евразийской идеологии была еще одна черта – она являлась до предела антизападной, антилиберальной и тоталитарной. В наше время эта черта евразийства была доведена до уродливо-комических форм и размеров А.Г. Дугиным, но вообще-то была всегда.

Так, «евразиец № 1» Н.С. Трубецкой (здесь и далее я буду называть его так согласно общепринятой оценке, хотя имеется и другая точка зрения – что «евразийцем № 1» был П.Н. Савицкий, о котором речь пойдет ниже) говорил о «евразийской партии» как о «государственно-идеологическом союзе, не делящемся властью с другими партиями и даже не допускающем существования других партий»⁸. Примерно то же самое утверждал Н.Н. Алексеев, по сути, повторяя В.И. Ленина: на Западе, дескать, существует некая константа, заслоняемая пышными декорациями демократического режима, а «мы» (евразийцы. – Г.С.), выдвигая тезис об однопартийной диктатуре, вдохновленной «идеей-правительницей», «четко формулируем то, что они старательно прячут». Евразийцы выступали за «единство народа», воля которого должна быть выражена «через определенного носителя»⁹, причем «идея-правительница не может допустить существования внутри себя каких-либо неподконтрольных ей факторов»¹⁰.

Идеалом для евразийцев была империя Чингис-хана; из классических евразийцев наиболее откровенно выражался Э. Хара-Даван: монгольские ханы, а затем московские цари создали систему абсолютной власти, при которой вся страна была их полной собственностью (Ричард Пайпс называл это «вотчинным государством»)¹¹, а подданные – крепостными рабами.

Однако и либеральные критики евразийства, не желая видеть в нем ничего, кроме «свирепой диктатуры со сгибанием всех инакомыслящих в

бараний рог»¹², «выплеснули вместе с водой и ребенка», не заметив в нем важной позитивной составляющей. П.Н. Милюков сказал о евразийцах: «Что у них правильно, то не ново, а что ново, то неправильно»¹³. Лично я считаю, что в евразийстве есть одно принципиально новое и в то же время правильное положение. Я имею в виду представление о России как об органическом единстве пусть не всех народов Российской империи – СССР, но некоторых, а именно восточных славян и населения Великой Степи. И это положение евразийства отнюдь не противоречит ни либеральным и демократическим ценностям, ни интеграции России в Европу.

Несомненной заслугой «евразийцев» стало то, что они впервые поставили вопрос о такой сути Российского государства, не уточняя, правда, о каких именно тюркских народах идет речь – многие «евразийцы» причисляли к Евразийскому единству и оседлые народы той же Средней Азии. Однако «евразиец № 2» (по общепринятой иерархии, хотя некоторые единомышленники, как сказано, считают его «евразийцем № 1») П.Н. Савицкий полагал, например, что «южная часть Средней Азии относится не к Евразийскому, а к Иранскому (Исламскому. – Г.С.) миру»¹⁴. «Евразийцы» считали, на мой взгляд, совершенно правильно (и солидарно с цитируемыми выше и многими другими неевразийскими авторами), что в России невозможно строительство чисто русского национального государства, основанного на русском национализме (в хорошем смысле этого слова – Трубецкой, по-видимому, употребляет слово «национализм» в значении «патриотизм»), а необходимо строить евразийское государство, основанное на общеевразийском национализме¹⁵.

В 1970–1980-х годах работы «евразийцев» были продолжены Л.Н. Гумилевым, который, в частности, считал, что основными суперэтносами, послужившими основанием для возникновения России, были: 1) российский, включавший три восточнославянских народа – русских, украинцев и белорусов – и такие «малые» народы, как марийцы, мордва, удмурты, карелы и т.д., и 2) евразийский, в который входили народы Великой Степи – тувинцы, буряты, ногайцы, алтайцы, калмыки, а на территории интересующего нас региона – казахи и киргизы. Некоторых смущает, что в рамках одного суперэтноса объединены разные языки, религии, культуры, но ведь и в рамках, скажем, западноевропейского суперэтноса объединены католики, протестанты, даже православные (Греция), романцы и германцы, славяне и балты, финно-угры и кельты, а разница между венграми и ирландцами, по моему мнению, не меньше, чем между бурятами и казахами.

Российское государство возникло и развивалось на населенной этими двумя суперэтнотерриториями в силу двух причин – положительной комплементарности (комплементарностью Л.Н. Гумилев называет «ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на “своих” и “чужих”»)¹⁶ входящих в них народов (и, как следствие, добровольности присоединения этих народов к России в XVI–XIX вв., тогда как народы, в Евразийское единство не входившие, России пришлось присоединять силой. – Г.С.) и отсутствия между ними четкой границы: так, донские и терские казаки – потомки смешавшихся со славянами крещеных степняков-хазар, запорожцы – потомки таких же крещеных кипчаков-половцев и т.д.¹⁷

Многие дореволюционные этнографы также противопоставляли в своих работах евразийских скотоводов – киргизов и казахов – всему оседлому населению Средней Азии. Так, например, В.А. Липский писал: «Киргизы (здесь, правда, неясно, идет ли речь о собственно киргизах, о казахах, которых в то время тоже называли киргизами, или о тех и других. – Г.С.) – племя даровитое, чуждое мусульманской инертности и мертвенности, способное к [европейской] культуре». Он же сравнивал киргизов с украинцами, находя аналогии в женских хоровых песнях и в строительстве жилищ (мазанок)¹⁸. И действительно, если учесть, что кипчаки сыграли немалую роль и в формировании украинцев, то ничего удивительного в этих параллелях нет.

Итак, Среднеазиатско-Казахстанский регион делится на две части, степную скотоводческую и оседло-земледельческую. Поэтому представляется целесообразным в дальнейшем использовать для всего региона в целом столь часто критикуемый сейчас термин «Центральная Азия», а для его частей применять названия «Евразия» для степной скотоводческой (хотя эти территории составляют лишь не очень большую часть Евразийского единства) и «Средняя Азия» для оседло-земледельческой.

Так вот, деление Центральной Азии на Евразию и Среднюю Азию прослеживается со скифских (если не с андроновских) времен и до наших дней. Граница между этими частями проходит по линии: полуостров Мангышлак – Аральское море – немного восточнее р. Сырдарья – горы Каратау – Кетмень-Тюбинская котловина – перевал Торугарт. При этом надо отметить, что по ту сторону этой границы имеется промежуточная зона, населенная тяготеющими к Евразии этническими группами – южные киргизы, сырдарьинские казахи, отчасти кочевые узбеки. Этноязыковая же принадлежность населяющих обе части региона народов принципиального

значения не имела и не имеет. В скифское время обе части Центральной Азии были населены народами, говорившими на иранских языках, с конца I тыс. до н.э. сначала в Евразии, а потом и в Средней Азии широко распространились тюркские языки, но граница между ними оставалась неизменной, и практически все восточные завоеватели, от персидских царей до среднеазиатских ханов XVII–XIX вв., не могли распространить свое влияние дальше нее.

Народы, жившие севернее этой границы, сохраняли (вплоть до XIX в.) кочевой или полукочевой образ жизни (тогда как к югу от нее господствовало оседлое ирригационное хозяйство), стремились к дружеским отношениям с лесным населением, жившим к северу от степного пояса (финно-уграми, а позднее славянами, Русью, наконец – с Россией) и в то же время были отрицательно комплементарны Востоку. В частности, степняки-евразийцы значительно хуже оседло-восточных частей Региона воспринимали шедшие с Востока религиозные учения (зороастризм, позднее – ислам). При этом, если какая-то этническая группа, двигаясь в меридиональном направлении, пересекала границу, то она становилась частью цивилизации, расположенной по другую сторону последней. Достаточно же дальние широтные передвижения вдоль границы подобными метаморфозами не сопровождались.

Так, в XI в. практически одновременно начались передвижения тюркских племен кипчаков по Степи с берегов Иртыша через всю западную часть Великой Степи до границ Руси и турок-сельджуков (огузов) с низовьев Сырдарьи через Среднюю Азию, Иран, Месопотамию и Палестину до Малой Азии. С этого момента пути этих двух этносов (оба они были кочевниками-евразийцами) во многом разошлись.

Сельджуки, выйдя за пределы Евразийской степи, постепенно смешались с оседло-мусульманским населением, передали ему свой язык, но переняли его этнокультурные традиции, и в конце концов влились в мусульманскую цивилизацию, дав начало современным туркам, туркменам и азербайджанцам. Кипчаки же остались евразийцами, и после короткого периода конфронтации с русскими княжествами (вторая половина XI – начало XII в.) установили отношения симбиоза («симбиоз» по Л.Н. Гумилеву – «сосуществование двух и более этносов в одном регионе, когда каждый занимает свою экологическую нишу»)¹⁹ с русскими княжествами, а к концу XII в. Русь и Степь фактически представляли собой одно полицентрическое государство²⁰.

Самый поздний по времени пример такого рода относится к XV–XVI вв.: евразийцы-узбеки, переселившись после краха державы Тимуридов из степей современного Центрального Казахстана в Мавераннахр, очень быстро смешались с местным земледельческим населением – сартами, передали последним свой этноним, но сами превратились в часть оседло-мусульманского мира²¹. Впрочем, как уже говорилось, часть узбеков осталась кочевниками, что и позволяет многим специалистам говорить о нечеткости границ между кочевым и оседлым мирами в Регионе.

Примечателен тот факт, что из всех государств, основанных Чингисханом и его преемниками, самым нежизнеспособным оказался улус Чагатай, в котором были механически соединены евразийское Семиречье и оседло-мусульманские Мавераннахр и Восточный Туркестан. Уже в начале XIV в. Чагатаиды удерживали в своих руках только степи Семиречья и Южного Казахстана²².

Когда в XIX в. Россия присоединила к себе Центральную Азию, то многие ученые, политики и военные советовали ограничиться присоединением казахских («киргизских») степей, Семиречья и Ташкентского оазиса, не завоевывая собственно Среднюю Азию. Мотивировалось это тем, что последняя не будет полезна для России: русские переселенцы там жить не смогут, страна получит большую территорию, населенную чуждыми ей оседлыми мусульманами, тогда как у евразийцев ислам слаб, и их можно при желании обратить в христианство.

В подтверждение тезиса о слабости ислама казахи в 1762 г. просили Екатерину II «защитить их от пропаганды мусульманства и обратить в православие»²³; просьба не была услышана, но неоднократно повторялась в дальнейшем – например, в 1830 г. казахи просили Николая I «мечетей и школ (мусульманских. – Г.С.) у них не заводить, ахунов и указных мулл не определять»²⁴.

В XIX в. многие российские ученые и политики призывали поставить заслон на пути исламизации казахов и киргизов, обратив их в христианство, против чего сами эти народы, как мы видели, тоже не возражали. Подобной точки зрения придерживались Ч.Ч. Валиханов²⁵, М.И. Венюков и многие другие.

Однако как царское правительство, так и официальная Православная церковь после некоторых колебаний заняли отрицательную позицию относительно христианизации этих народов. Так, на территории нынешнего Киргизстана за все время нахождения его в составе Российской империи

христианство приняли всего 8 киргизов, два туркмена, три узбека и один «перс» (вероятно, таджик)²⁶. Более того, власть усиленно содействовала их исламизации: мы (Россия) сами строили для них мечети, заводили указных (т.е. ученых, более фанатичных) мулл и т.д.²⁷ Еще 21 апреля 1787 г. Екатерина II подписала указ об обеспечении казахов необходимым числом мулл, которых следовало отбирать преимущественно из числа выходцев из Казанской губернии (проще говоря, из татар)²⁸.

Отношение к исламизации казахов изменилось только в середине XIX в., когда стало ясно, что сильно исламизированные этносы склонны зачастую проявлять антироссийские настроения (Крымская война это показала); однако и теперь проводилась политика не столько христианизации, сколько «охраны от исламизации». Кстати, именно этими соображениями обуславливалось и завоевание оседлых мусульманских государств Средней Азии²⁹. Но о христианизации мы еще скажем.

В целом в плане пределов продвижения России разумные голоса тех, кто призывал ограничить их евразийскими границами, тоже не были услышаны. Возобладала точка зрения, что южнее рек Урал и Иртыш нет территорий, способных содержать сплошное оседлое европейское население и что Россия поэтому, начав завоевание региона, не сможет остановиться «на полдороге» и вынуждена будет «дойти до Гиндукуша и Хорасана»³⁰. Но ведь именно на южных границах Российской империи – СССР – СНГ нет территорий, где могли бы жить европейцы (в сельской местности). Следуя вышеприведенной логике, Россия должна была бы расширять свои владения до Индийского океана, что, кстати, предлагалось кое-кем уже тогда³¹.

Зато территории, способные содержать сплошное оседлое европейское население, имеются на южной окраине казахских степей, в Семиречье. Еще при жизни М.И. Венюкова (он умер в 1901 г.) эти земли стали интенсивно заселяться европейцами, и сам он признавал, что Семиречье очень удобно для русской колонизации³². Русские поселенцы в больших количествах осваивали также долины рек Иртыш и Урал. Как там, так и в Семиречье скотоводы-степняки и земледельцы-славяне занимали разные природные ниши, не мешая друг другу. Существовал некий симбиоз. Разумеется, отношения не были безоблачными – достаточно вспомнить восстание казахов и киргизов против России в 1916 г., но такие явления все же представляли собой исключение, а не правило. К тому же не надо забывать, что 1916 г. – это канун Гражданской войны в самой России, при-

нявшей еще более жестокие формы. Может быть, 1916 г. – это «первое сражение евразийской гражданской войны? В подтверждение этой точки зрения можно сказать, что в Казахстане и Киргизстане, как и в России, Гражданская война закончилась в 1921–1922 гг., тогда как в оседлой Средней Азии басмачество продолжалось еще 15–20 лет. Так или иначе, подобные потрясения всегда были непродолжительны, и после них отношения симбиоза восстанавливались.

В то же время к концу XIX в. стала очевидной (даже для далеких от Средней Азии иностранцев, например, для французских авторов знаменитого восьмитомника по истории XIX в.)³³, что в оседлой части Региона большие массы русских жить не смогут, так как земледельческие угодья заняты местным населением. В целом в Киргизии к 1989 г. в сельской местности проживало до 30% «русскоязычного» населения, в Казахстане – 23%, тогда как в Средней Азии этот процент колебался в пределах 3–6%³⁴.

И вряд ли случайно, что еще в первой половине 2000-х годов аналитики прогнозировали практически полный выезд «русскоязычного» населения из Средней Азии в ближайшем будущем, тогда как в Киргизии (не говоря уже о Казахстане), почти по всем прогнозам, крупная «русскоязычная» диаспора должна была остаться³⁵ (о том, почему ситуация в Киргизстане изменилась во второй половине 2000-х годов, разговор пойдет ниже).

Но, повторяем, во второй половине XIX в. разумные доводы услышаны не были. А неправильное представление о Центральной Азии как о едином цивилизационном пространстве стало общей (и, главное, официальной) точкой зрения, было надолго закреплено в среде наших ученых и политиков и, что самое печальное, определило конкретные политические шаги России по отношению к этому региону. Бывший посол России в Таджикистане, известный политик Р.Г. Абдулатипов говорил, что «Россия, в отличие от Запада и Востока, против цивилизационного раскола Центральной Азии»³⁶. В данном случае речь идет о политических проектах – разделе Центральной Азии на зоны влияния, но что касается раздела действительно цивилизационного, то он всегда имел место.

Россия завоевала Среднюю Азию, не в последнюю очередь, из страха перед тем, что иначе там утвердятся англичане; последние, со своей стороны, опасались появления русских «на подступах к Индии» и поэтому занимались столь же ненужными им завоеваниями в Афганистане, Синьцзяне, Тибете и т.д. Таким образом, две великие державы, боясь друг дру-

га, совершали ненужные им завоевания, пока не столкнулись под Мервом (1881–1885 гг.) и на Амударье и Памире (1893–1895 гг.).

Вернемся к религиозной проблеме. Ислам у титульных народов евразийских государств Региона так и не прижился по-настоящему, хотя опять-таки во второй половине 2000-х годов получили развитие новые тенденции, о которых мы скажем дальше. Автор с 1995 по 2007 гг. провел достаточно подробное исследование этноконфессиональной ситуации во всех (кроме Баткенской) областях Киргизстана, а также в Таразской (до 1997 г. – Джамбульская) области Казахстана. Анализ ситуации позволяет говорить о том, что в некоторых районах как Северной Киргизии, так и Казахстана евангельское христианство (баптизм, адвентизм и т.д.) сопоставимо с исламом по степени влияния на молодежь, а в некоторых районах столичной Чуйской области Киргизстана, возможно, и превосходит его; об этом говорят исследования и многих других авторов³⁷. Под влиянием общей обстановки в последнее время меняет свое отношение к прихожанам казахской и киргизской национальности и местная православная церковь, ранее не принимавшая их. Впрочем, тут речь идет о позиции местных священников; официальная линия РПЦ остается прежней – не вести миссионерской работы среди евразийских скотоводов.

В то же время в случае реальной, глубокой исламизации казахов и киргизов и превращения их в часть Мира Ислама следующими на очереди будут башкиры и тюркские народы Сибири, сходные с казахами по этнокультурным параметрам. Башкиры же, в свою очередь, занимают промежуточное положение (географическое и этнокультурное) между казахами и татарами. Учитывая уже упоминавшееся отсутствие четкой границы между Россией и Степью, подобный поворот событий означал бы весьма негативные последствия для России³⁸; но более того, на всем Евразийском материке геополитический баланс резко изменился бы в ущерб как Евразийскому единству, так и Европейской цивилизации вообще.

Исходя из всего этого, можно заключить, что именно евразийская часть Региона представляет собой наибольшую важность для России. Поэтому при всей сложности этнополитической обстановки в Регионе в предлагаемой читателю работе все межэтнические конфликты в грубом приближении могут быть разделены на три группы:

1. Внутриевразийские, т.е. конфликты между разными народами Евразийской славянско-степной общности;

2. Евразийско-восточные, т.е. конфликты народов этой общности с народами, входящими в состав оседло-исламской цивилизации; сюда же относятся и конфликты с Китаем;

3. Конфликты между этносами, принадлежащими к оседлому Востоку.

Помимо евразийского принципа, классификация конфликтов будет проводиться по методу В. Гаврилова и Н. Шеповой: 1) противоречия на национальной и иной почве в виде стычек (групповых драк), стихийно возникающих митингов, демонстраций; 2) открытое насильственное противостояние сепаратистов (или представителей клановой, этнической и т.д. оппозиции) с государственными органами правопорядка, перетекание отдельных вспышек насилия в массовые беспорядки; 3) боевые действия, создание войсковых формирований и параллельных структур власти³⁹. Первую группу конфликтов мы будем квалифицировать как «латентные», вторую – как «состоявшиеся», третью – как «организационно оформившиеся» конфликты. В то же время, поскольку в третьей группе конфликтов в Регионе только внутритаджикский принадлежит к собственно региональным, а два других – узбекско-таджикско-пуштунский и китайско-уйгурский – к так называемым «конфликтам-сателлитам», т.е. оказывающим влияние на ситуацию в Регионе, но происходящим за его пределами, то первый из них мы отнесем к «состоявшимся конфликтам», а для двух других выделим специальную главу.

Кроме того, некоторые проблемы общерегионального значения, которые являются фоном для разворачивающихся здесь конфликтов и которые, одновременно, могут при определенных условиях стать их причиной, мы считаем нужным выделить в особое производство и рассмотреть в этой главе. Это, во-первых, «переток населения с юга на север» (имеются в виду трудовые миграции в Регионе и вне его), а во-вторых, конфликт между сторонниками светского государства и сторонниками радикального ислама. Это сделано в силу особой важности этой проблемы с точки зрения геополитических интересов как России, так и самих стран Региона.

Переток с юга на север*

Этот процесс имеет место в течение последних 10–15 лет и включает в себя перемещение различных этносов по территории разных государств в Регионе и вне его, но все эти перемещения объединяет одно – северный вектор. Собственно, начало этому процессу было положено выездом «русскоязычного» населения из Региона, однако это было только начало...

Начнем с Киргизстана. Киргизстанская составляющая этого процесса состоит из двух частей.

Во-первых, имеет место приток больших масс узбекского и таджикского населения в Южный Киргизстан, в частности, на сельскохозяйственные заработки. Правда, первоначально они приезжают как гастарбайтеры, нанимаясь к киргизам, например, на уборку хлопка, но постепенно многие из них оседают совсем.

Стали нормой и нелегальные поездки ферганских дехкан в соседнюю Южную Киргизию, где они могут продавать свои продукты на рынке, тогда как в Узбекистане их приходится сдавать государству по фиксированным ценам. Однако такие поездки, мягко говоря, небезопасны: продажа плодов своего труда в соседний Киргизстан карается жестокими санкциями. При этом материальное положение «виновного» значения не имеет – автору рассказывали, например, о матери-одиночке с пятью детьми, с которой обошлись таким образом⁴⁰. Не имеет значения и то, что при этом все необходимое для себя, от продуктов до горюче-смазочных материалов, дехкане приобретают по рыночным ценам⁴¹.

Стоит ли удивляться, что многие узбеки стараются перебраться в Южную Киргизию совсем. И киргизы, которые, как представители скотоводческого народа, менее расположены к земледелию, зачастую сдают им свои участки в аренду (в Киргизстане поденщики – «мардикеры» – получают в среднем в полтора-два раза больше узбекских).⁴² Но осенью 2007 г. президент Узбекистана И.А. Каримов запретил узбекским гастарбайтерам работать в Киргизстане на уборке хлопка. Мотив запрета: Узбекистан – региональная держава, бесспорный лидер, так что зазорно его гражданам ехать зарабатывать в какой-то Киргизстан. Так или иначе, если такие запреты будут множиться, то все больше гастарбайтеров (которых меньше

* При написании данного параграфа использованы материалы работы по грантам РГНФ №06-01-00134а и № 09-01-00251а.

не станет, так как необходимость зарабатывать никуда не исчезнет) будут просто вынуждены оставаться в Киргизстане навсегда. Между тем последняя информация, которой я располагаю, говорит о том, что по крайней мере на май–июнь 2009 г. ситуация оставалась той же: границы были фактически перекрыты для продажи узбекской сельскохозяйственной продукции за рубеж, более того, с конца мая 2009 г. речь идет чуть ли не о «палестинской стене» между Узбекистаном и Киргизстаном (пока, правда, только на отдельных участках границы)⁴³.

Так что тут покажется не очень фантастичной и перспектива противостояния между исламским Югом и светским Севером Киргизстана. По крайней мере, в Киргизстане опасаются того, что узбеки рано или поздно составят на Юге большинство и тогда отторгнут его, как албанцы поступили с Косово⁴⁴. В печати Киргизстана уже с 2000 г. сообщалось о начавшемся процессе оттока киргизов с Юга на Север и в Центр (Нарынская область), причем как под узбекским и таджикским демографическим давлением, так и из страха перед ростом радикального ислама, хотя о масштабах оттока не сообщалось⁴⁵.

Известно, однако, что из 11 000 киргизов, выехавших из контролируемого исламистской оппозицией Джиргатальского района Таджикистана, 7000 перебрались на Север, а остальные – в основном в г. Ош и его окрестности⁴⁶. Вообще переток с юга на север начался с Таджикистана, с повального бегства из этой объятой гражданской войной страны начиная с 1992 г. По данным Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев, только в 1995 г. из Таджикистана в Казахстан уехали около 16 000 чел., в том числе около 10 000 этнических казахов. В Киргизию же выехали около 35 000 чел., большинство из которых составили киргизы (видимо, преимущественно жители Джиргатальского района Каратегина)⁴⁷. А вслед за этим приходят и те, кто вытеснил киргизов и казахов.

Помимо узбеков, перебираются в Киргизстан и таджики. Так, в одном из сел Ляйлякского района Баткенской области (население села – 11 тыс. чел.) уже обосновались 66 семей (т.е. 300–400 человек), и это только постоянно обосновавшиеся – гастарбайтеров зачастую вообще никто не считает. Вызвано это тяжелыми (даже по сравнению с очень бедным Югом бедного Киргизстана) условиями жизни в самих Узбекистане и Таджикистане, по крайней мере в сельской местности, и густонаселенностью соседних с Южным Киргизстаном районов. Так, согласно последним (2008 г.) исследованиям Государственного комитета Республики Таджикистан по

статистике, 53% населения Таджикистана относятся к бедным, а 17% – к критически бедным⁴⁸. О густонаселенности Узбекской Ферганы уже говорилось, а в соседнем с упомянутым выше селом Ляйлякского района таджикском селе живет 54 тыс. чел. примерно на такой же территории – в пять раз больше, чем в этом киргизском селе⁴⁹.

Что касается Узбекистана, то, по западным данным, ВВП на душу населения в Узбекистане упал за 1999–2003 гг. с 650 до 420 долларов, тогда как в Киргизстане за те же годы вырос с 300 до 330 долларов. К 2005 г. показатели стали еще более сопоставимы – 477 долларов в Киргизстане и 558 в Узбекистане (такими темпами Киргизстан должен был примерно году к 2009-му догнать Узбекистан). А, например, регистрация собственности в Киргизстане в среднем занимает 15 дней, тогда как в Узбекистане – 97 (это, конечно, в среднем, попадались мне и в Киргизстане случаи, когда собственность регистрируется по десять лет; к тому же приводимые выше сведения – пятилетней давности, есть некоторые основания думать, что за пять лет и в Киргизстане ситуация изменилась не в лучшую сторону).⁵⁰

Вот и вынуждены узбеки ехать в Россию, Казахстан, Киргизстан. В Киргизстане пока этот процесс не принял массового характера. Так, в 2002–2006 гг. в три южнокиргизские области (Баткенскую, Джалал-Абадскую и Ошскую) прибыло на ПМЖ 1555 человек из Узбекистана и Таджикистана, а в г. Бишкек и Чуйскую область – 1944, причем, во-первых, по годам данные снижаются по всем областям⁵¹, а во-вторых, неясно, все ли они узбеки и таджики (о переселении из Таджикистана киргизов уже говорилось).

Но, опять-таки, далеко не все мигранты учитываются, даже в России с ее неизмеримо большими возможностями учета и контроля после всех нововведений, этот самый учет упорядочивающих, продолжает оставаться немалое число нелегальных мигрантов. Так, в Пензенской области в 2007 г. на работу официально оформилось впятеро больше гастарбайтеров, чем в 2006, однако число нелегалов продолжало составлять не менее одной шестой части от числа мигрантов легальных⁵². А что говорить о Киргизии!

В прессе Киргизстана обсуждается не только «косовский» вариант для Юга (о чем уже говорилось), но и перспектива раздела страны между Узбекистаном и Казахстаном. Правда, тут же следуют две оговорки. Во-первых, киргизстанским политикам, дескать, не свойственно разыгрывать карту сепаратизма в своих интересах. Но это возражение из серии «не может быть, потому что не может быть никогда». Второе возражение серь-

езнее: проживающие на Юге узбеки совсем не хотят присоединяться и себя с Узбекистаном не ассоциируют⁵³. Это действительно так, автор сам неоднократно в этом убеждался, но останется ли это обстоятельство в силе и дальше (например, при смене режима в Узбекистане; подробнее об этом ниже)?

Схожие процессы вызывают и переток киргизов с Юга на Север.

По официальным данным, из Ошской области выбыло в 2002 г. 866 чел. (425 киргизов и 441 узбек), в 2003 – 641 (331+310), в 2004 – 756 (404+352), в 2005 – 1799 (1236+563), в 2006 – 3318 (2557+761), итого за пять лет 7380 (4953+2427).

Из Джалал-Абадской области в 2002 г. выбыло 610 чел. (265 киргизов, 334 узбека и 11 таджиков), в 2003 – 438 (183+249+6), в 2004 – 687 (337+344+6), в 2005 – 1501 (895+598+8), в 2006 – 3404 (2032+1361+11), всего 6640 (3712+2886+42).

Из Баткенской области в 2002 г. выехало 429 чел. (265+138+26), в 2003 – 237 (153+176+18), в 2004 – 413 (279+111+23), в 2005 – 1093 (800+164+129), в 2006 – 1482 (1180+226+176), всего 3654 (2667+715+272). Итого с Юга выехало 17 674 чел., из них 11 332 киргиза, 6028 узбеков и по двум областям 314 таджиков⁵⁴.

При этом при росте оттока представителей всех этносов среди выезжающих непрерывно растет доля киргизов – от 45–60% в 2002 до 60–80% в 2006 г.

Помимо России и Казахстана, южане перебираются и на Север Киргизстана. По некоторым данным, в 2005–2006 гг. в селах Чуйской области действовали официальные или полуофициальные разнарядки, сколько переселенцев с Юга должно принять то или иное село (в среднем по одной семье на 100–150 дворов)⁵⁵. Так что в прессе Киргизстана южан уже сравнивают с Кокандским ханством, завоевавшим Северную Киргизию в 1820–1830-х годах – так, мол, и они завоевали «окультуренный русскими Север». Во всяком случае, недвижимость в Бишкеке и окрестностях теперь покупают в основном южане⁵⁶. Растет их влияние и во властных структурах, да и как бы иначе могли действовать установки на прием такого-то числа южан северными селами?

Это все, в свою очередь, нарушает и без того хрупкий этнический баланс между киргизским и «русскоязычным» населением и в Киргизстане Северном. Численность русских, украинцев и немцев только с 2001 до начала 2006 г. сократилась с 611 до 528 тыс.⁵⁷, к началу 2007 г. – до 510,5

тыс., а, например, в Таласской области осталось чуть более 6 тыс. (менее 3% населения), в Джалал-Абадской еще в 2002 г. – чуть более 12 тыс. (чуть более 1,2%), в Ошской – вообще 0,15% (2 тыс. из 1,3 млн)⁵⁸. Итак, третий аспект проблемы – выезд «русскоязычного» населения.

И оттоком европейцев дело не ограничивается. Едут на заработки в Россию и Казахстан и сами киргизы. В странах СНГ их официально насчитывается, по разным данным, от 300–500 до 700–800 тыс.,⁵⁹ в том числе 253 тыс. в России⁶⁰, а, например, в одной Москве – до 150 тыс.⁶¹ Только с января по апрель 2007 г. гражданами России стали 30 000 киргизстанцев⁶². Всего в России насчитывается до полумиллиона киргизских трудовых мигрантов и примерно столько же узбекских, таджикских же – от 500 до 800 тыс.⁶³ Это при том, что не все уехавшие попадают в статистику.

В Казахстане уже к лету 2006 г. насчитывалось 138 тыс. трудовых мигрантов, из них около 100 тыс. из Узбекистана, 19,4 тыс. из Киргизстана, 9,2 тыс. из России (например, из некоторых депрессивных районов Сибири) и около 4 тыс. из Таджикистана⁶⁴. На 2009 г. трудовых мигрантов в Казахстане имелось уже 500 тыс., в том числе 15% всех трудовых мигрантов из Узбекистана, треть всех из Киргизии и только 1% гастарбайтеров-таджиков (ираноязычные таджики предпочитают Россию, тогда как многие турки – Казахстан)⁶⁵.

В миграционных бюллетенях, раздаваемых Комитетом по миграции и занятости таким гастарбайтерам, в качестве городов, где можно связаться с официальными представителями Киргизии, указаны, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, также Ростов-на-Дону, Самара, Екатеринбург, Красноярск, Иркутск, а в памятке мигрантам, раздаваемой городскими и областными отделами миграции и занятости – также Казань, Челябинск, Оренбург, Томск, Новосибирск, Абакан, Чита, Улан-Удэ, Якутск и практически все крупные города Казахстана с указанием телефонов местных руководителей киргизских диаспор, посольств и консульств и некоторых других полезных для мигрантов служб. Открыты специальные рейсы для мигрантов в Екатеринбург, Красноярск, Астану, Омск и Томск. А в день выборов в Жогорку Кенеш (парламент Киргизии) 16 декабря 2007 г. участки для голосования граждан Киргизстана были открыты в 9 крупных городах России – Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани, Челябинске, Иркутске, Омске и Самаре; для сравнения, в Германии работали три участка, в Казахстане – два (в Астане и Алма-Ате), в США и Турции тоже по два⁶⁶.

Возьмем, например, Панфиловский район на западе Чуйской области – его называют последним в области в прямом и переносном смысле. Некогда имевший всесоюзное значение кабельный завод работает максимум на 10%, завод ЖБИ простаивает. Показатель бедности: многие жители района никогда не держали в руках купюры в 1000 сом (чуть более 700 руб.). В с. Первомайское более половины жителей уехали в соседний Казахстан на заработки, оставив пустые дома, «как после бомбежки». Едут люди и в Россию, и в Бишкек, и в соседний более благополучный Жайылский (бывший Калининский) район.

Из Токмака (Чуйская обл.) за 2006 г. выехало 933 человека, в том числе 254 в Россию и 650 в Казахстан, а за 9 месяцев 2007 г. – 1676 по городу и 816 по району. Реальная цифра, по мнению сотрудников районного отдела миграции, минимум на 10–15% больше. Из Кара-Балты (центр того самого «более благополучного» Жайылского района) в 2006 г. выехали 42 человека в Казахстан и 63 «в другие страны СНГ», за 9 месяцев 2007 г. – соответственно 47 и 275⁶⁷.

Еще больше выезжает с Юга. Выше уже приводились данные по выехавшим из трех южных областей Киргизстана за 2002–2006 гг. А теперь сопоставим эти данные с данными по Таласской области, откуда в 2006 г. официально выехало 566 человек на ПМЖ⁶⁸ и 2000 на заработки (в том числе 900 в Казахстан, а остальные в Россию), а в 2007 г. на заработки, по моим подсчетам, выехало 4–5 тыс. чел. В самом деле, например, из с. Аманбаево Кара-Бууринского района в 2006 г. выехало на заработки 5 человек в Россию и 30 в Казахстан, а в 2007 г. – соответственно 30 и 200 (при населении Аманбаевского айыл окмоту – сельской управы – в 10 тыс.), из с. Шекер того же района в 2006 г. – один человек в Россию и 7 в Казахстан, в 2007 – 7–8 и 50 соответственно (население айыл окмоту – примерно 3000). Из Чымгентского (5000 чел.) айыл окмоту 20 человек получили российское гражданство в 2006 и 30 – в 2007 гг., а выезжавших на заработки в Казахстан было соответственно 9 и 50. И так далее. В пересчете на область с населением 213 тыс. чел. выходит примерно 4–5 тыс.

Получается, что при таких пропорциях в 2002–2006 гг. на заработки должно было выехать из трех южных областей примерно 70 тыс. чел., из них 30 тыс. за один 2006 г., а в 2007 – от 60 до 80 тыс. Если же принять за основу те данные, что в этом году из Таласской области выехало на заработки 10–12 тыс., то с Юга по той же пропорции только в 2007 г. должно было выехать 135–160 тыс. чел. Но в том-то и дело, что из Таласской об-

ласти едет сравнительно мало людей, так как там несколько выше уровень жизни: уровень бедности составляет 40%, ниже только в столице (5%) и столичной области (20%), а в южных областях – 51% в Баткенской области, 52% в Ошской, 58,3% в Джалал-Абадской⁶⁹. Естественно, процент оттока оттуда выше. Например, в Омской области среди трудовых мигрантов из Киргизстана уроженцы Юга составляют 83–84% от общего числа⁷⁰. Собранные автором данные о том, что во многих районах Южной Киргизии (Араванский Ошской области, например) остались только те мужчины, у которых нет денег доехать даже до Казахстана, а так – женщины, дети и старики, так что кое-где «даже сено некому косить», опять-таки подтверждаются Международной организацией миграции (МОМ) и некоторыми другими источниками⁷¹.

Едут врачи. В Пензенской области, например, мне довелось встретиться с врачами-киргизами, приехавшими туда (в основном из Бишкека и Чуйской области) по переселенческой программе и отправленными в сельские районы, где нехватка врачей⁷². А в Таласской области стало проблемой найти хорошего педиатра – все уехали в Казахстан, где действует похожая программа. Эти сведения официально подтверждает и МОМ: некому стало, например, делать прививки, остро не хватает медперсонала в роддомах⁷³.

Едут учителя. Те, кто проживает в пограничных с Казахстаном районах Чуйской и Таласской областей, давно уже работают в Казахстане, продолжая жить дома. И неудивительно – ставка учителя в Казахстане в 10–15 раз выше.

Такой отток населения – не последняя причина того, что продолжает оставаться столь распространенным русский язык, несмотря на усилия некоторых политиков лишить его статуса официального. Например, ратующий за такое решение председатель Госкомитета по госязыку Т. Жумагулов приводит в пример Туркменистан (но это явно не пример для подражания), Таджикистан (но там давно уже практически не осталось европейского населения), Казахстан (но оттуда гастарбайтеры сотнями тысяч не едут)⁷⁴. Сам по себе такой отток населения вынуждает учить русский язык. Например, в Таджикистане хотят ввести специальные курсы русского языка для гастарбайтеров⁷⁵.

Едут дунгане – например, после дунганских погромов весной 2006 г. в с. Искра Чуйской области несколько сот их переехало в Россию, в основном в Саратовскую область, и в Казахстан.

Перетекающие на Север южные киргизы более исламизированы по сравнению с северными, хотя все равно недостаточно по сравнению с узбеками и таджиками. И вот уже на намазе Орозо-Айт в Бишкеке в 2007 г., по неофициальным данным, присутствовало от 110 до 123 тыс. чел., вдвое больше, чем в 2006 г.⁷⁶ Но тут не только и не столько в южных киргизах дело, а в притоке узбеков, таджиков и более южных этносов (в Узбекистане, например, уже налицо «очень маленький», по словам С. Олимовой, тренд сезонных мигрантов из Афганистана)⁷⁷. Маленький или не маленький, а рост за последние три года на улицах киргизских городов числа женщин в хиджабах, мужчин в фесках и с бородами и т.д. виден и невооруженным глазом, хотя их доля все равно невелика по сравнению с основной массой киргизского населения. В Бишкеке проповедуют, например, пакистанцы – мне самому попадались на улицах города (осенью 2007 г.) форменные талибы по виду.

При этом переток в Россию тюрок-степняков в рамках Евразийского единства – дело обычное. Уже во времена Владимира Мономаха кипчаки в массовом порядке переселялись на Русь, крестились и т.д. А вот массовый переток оседлых мусульманских народов – явление необычайно новое. Раньше они переселялись только в отдельные регионы – например, бухарцы (узбеки и таджики) в Западную Сибирь в XVI–XVIII вв. Интересно, что и сейчас менее исламизированные бывшие кочевники охотно едут в Москву и другие крупные города, а вот оседлые мусульмане предпочитают регионы с большой долей местного мусульманского населения: Поволжье, Южный Урал, Западную Сибирь⁷⁸.

Сейчас в Пензенской области, например, 14 000 выходцев из СНГ, 53–56% из которых составляют узбеки. В Татарстане 36 000 среднеазиатских мигрантов, в Башкирии – 30 000, а в Самарской области каждый 14-й житель – мигрант, в основном из Средней Азии. В Омской области, которую автор посетил в сентябре 2009 г., преобладание узбеков среди трудовых мигрантов из Региона еще больше.

Отметим, что если киргизы, как уже говорилось, в значительной мере предпочитают Казахстан, то 84% таджикских трудовых мигрантов едут в Россию, и лишь 5% в Узбекистан, 3% в Киргизстан и 1% в Казахстан (помимо всего прочего, сильно исламизированные таджики не хотят смешиваться с казахами и киргизами)⁷⁹. В сочетании с тем, что у этих народов, как уже говорилось, растет влияние исламских радикалов, о последствиях страшно подумать.

Напомню, что огромные пространства Поволжья ниже Нижнего Новгорода, земли Причерноморья, Предкавказья, Южного Урала, Южной Сибири геополитически представляют собой единое евразийское степное целое с Казахстаном и плавно переходят в него, четкой границы между славянской и степной частями Евразийской общности нет и никогда не было. Тем опаснее, если эта территория окажется во власти чуждых Евразийской общности сил. На российско-казахстанской (скажем) границе они не останавливаются.

Уже сейчас поступают сообщения о зачистках органами ФСБ организаций «Хизб ат-Тахрир» в Татарстане, Башкирии, Чувашии, Оренбуржье (а также украинскими силами безопасности в Крыму), или о том, что еще одна радикально-исламская организация – «Исламский Джамаат» – готовила взрывы на праздновании тысячелетия Казани в 2005 г.⁸⁰ Между тем еще в самом начале нового столетия, до массового наплыва гастарбайтеров в страну в целом и в Поволжье в частности, политологи указывали на поддержку местных исламских радикалов в том числе и из Средней Азии⁸¹.

Здесь надо прерваться и рассказать об организации «Хизб ат-Тахрир аль ислами» (далее – Хат), созданной еще в 1953 г. в Иерусалиме и ставящей своей задачей ни много ни мало свержение всех без исключения мировых правительств как «шайтанских» и создание «Всемирного Исламского Халифата».

Автор еще десять лет назад предупреждал о геополитических последствиях такого сценария развития событий, о том, что в предельном варианте от России может остаться только то, что было до взятия Иваном Грозным Казани. Правда, тогда в качестве главной причины такого возможного сценария я указывал не переток узбеков и таджиков, а угрозу настоящей, глубокой исламизации казахов и киргизов⁸².

Но, как бы то ни было, во-первых, с геополитической точки зрения результат будет тот же, а как именно произойдет смена слабо исламизированного евразийского населения на настоящее мусульманское, не суть важно, а во-вторых, второй процесс тоже идет: как уже сказано, перетекающие на Север южные киргизы более исламизированы по сравнению с северными, хотя все равно недостаточно по сравнению с узбеками и таджиками.

При этом следует учесть, что США и их союзники пока хоть как-то удерживают талибов в Афганистане, и вспомнить, что до оккупации Афганистана странами НАТО исламисты с каждым годом все активнее вторга-

лись и в Ферганскую долину, включая и киргизскую ее часть, и в Южный Узбекистан, и на 2001 г., по ряду данных, планировалось еще более масштабное вторжение. Надо учесть, что власть пока сдерживает экстремистов в Пакистане – стране, население которой превышает российское. Что будет, если эти силы некому станет сдерживать – страшно даже подумать. Последствия крушения Евразийского пространства «до Казани» примут характер глобальной геополитической катастрофы.

Впрочем, недавно возникло новое явление, которое может в перспективе стать «отдушиной», отвлекающей с севера часть узбекских гастарбайтеров – многие из них не менее охотно, чем в евразийские страны, подрабатывают и на таджикстанцев. Вот, например (сообщение информагентства Фергана.ру от 9 января 2008 г.), молодой человек, сам только что приехавший в родной Канибадам «на побывку» из России, где он зарабатывает, теперь, в свою очередь, хочет нанять мардикоров (разнорабочих) из Узбекистана, чтобы за два месяца «побывки» успеть отремонтировать дом и после того женить сына. По его словам, «весь Канибадам» строят мардикоры из Узбекистана.

Нанять мардикора можно прямо на пограничном посту «Патар»; по словам нанимающихся на работу узбеков, они могут в Таджикистане зарабатывать раза в три больше, чем дома. Зарботки, конечно, не российские и не казахстанские, но все же... Кстати, сельскохозяйственные рабочие из Узбекистана, подрабатывающие в Южной Киргизии, зарабатывают «всего» примерно в 1,8 раза больше, чем дома. А главное, в Таджикистане ввиду цивилизационной близости лучшее отношение к узбекам, чем в евразийских государствах.

«А здесь (в Таджикистане. – Г.С.) все хорошо, мы друг друга понимаем. Кормят нас как положено, за ночлег не надо платить. Надо домой съездить? Никаких проблем. Отработал договор, получил заработок – и айда домой. Дома отдохнул, через десять-пятнадцать дней опять сюда». Очевидно, территориальная близость и возможность регулярно ездить домой – не последняя причина отдаваемого Таджикистану предпочтения.

Опасность «перетока» – и в том, что он тесно увязан еще с одной общерегиональной проблемой.

Конфликт между сторонниками светского государства и исламскими радикалами

Речь идет о межмусульманских и мусульманско-евразийских конфликтах, хотя некоторые авторы говорят и о конфликте между светским Севером и исламским Югом и применительно к Казахстану (тут уж правильнее – Юго-Западом) и Киргизстану⁸³, однако там даже и более исламизированному Югу до фундаментализма пока далеко.

Наиболее важным представляется анализ этого процесса в Узбекистане, где исламские радикалы являются выразителями протестных настроений. Поэтому кажется необходимым более подробно остановиться на противостоянии в некоторых регионах Узбекистана (в первую очередь в Фергане) с конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Первоначально (в 1989–1990 гг.) «исламисты» (например, «Адолят») занимались благими делами – скажем, защитой предпринимателей от рэкетиров. Однако постепенно они перешли к насильственному насаждению «исламского образа жизни» – погромам дискотек и магазинов, продававших спиртное, а затем осадили прокуратуру в одном из ферганских областных центров и не успокоились, пока не заставили прокурора уйти в отставку и не получили на руки все уголовные дела на себя, которые тут же, во дворе прокуратуры, и сожгли.

Не случайно учредительный съезд Узбекского отделения тогда еще (январь 1991 г.) всесоюзной Исламской партии возрождения состоялся в Намангане. После падения коммунистической власти отношения между руководством независимого Узбекистана и исламистами некоторое время были более или менее нормальными. Осенью 1991 г. в Намангане появилась своего рода исламская народная милиция для борьбы с преступностью (движение «Адолят»), численность которой достигла 8–10 тыс. чел.

Однако вскоре начались конфликты с властью. В ходе поездки Каримова в Наманган (декабрь 1991 г.) ему были предъявлены так называемые «15 требований», в том числе провозглашение Узбекистана исламской республикой, немедленная регистрация ИПВ, упразднение САДУМА (Среднеазиатское духовное управление мусульман) как организации, созданной в советские годы в целях партийно-кагебистского контроля над верующими и т.д. Еще до того в одном из областных центров Ферганы была захвачена мэрия.

Впрочем, большинство требований были экономическими. Когда Тахир Юлдаш (о нем подробнее ниже; см. также биографию в Приложении) хотел ограничиться требованиями религиозного характера, толпа закричала: «Это **ваши** требования, а теперь зачитайте **наши**!» Каримов заявил о принятии всех требований, но выполнил лишь одно – о передаче мусульманской общине бывшего здания обкома. В итоге после президентских выборов (январь 1992 г.) выступления исламистов постепенно подавили, Тахир Юлдаш бежал в Таджикистан, а затем, после поражения там исламистов – в Афганистан⁸⁴.

К весне 1992 г. обстановка снова обострилась; появились даже экстремистские группировки (например, «Тауба»), объявившие «джихад» правящему режиму. Лишь массовые аресты января-февраля 1993 г. позволили резко снизить исламскую угрозу в Ферганской долине⁸⁵. В дальнейшем, однако, угроза обострялась неоднократно. Что касается Исламского движения Узбекистана (ИДУ, в 2005 г. переименованное в Исламское движение Туркестана – ИДТ), то сейчас его основной центр находится, по мнению сингапурского аналитика Р. Гунаратна, в Южном Вазиристане (Пакистан), где оно имеет опорные базы и контакты с главами ряда местных племен⁸⁶.

Сторонники радикальных исламских движений, судя по всему, обречены на численный рост в силу обнищания населения Узбекистана. Еще в позднесоветское время сказывалось обнищание масс в результате перенаселения: так, за 1979–1999 годы обеспеченность орошаемыми землями на душу населения снизилась с 0,27 до 0,17 га. В 1994 г. в Намангане по карточкам выдавалось на месяц 300 г. сахара, 500 г. хлопкового масла, 100 г. чая, 800 г. риса, 4 кг муки, ¼ куска хозяйственного мыла, в Андижане было чуть лучше, но в июне 1994 г. были введены карточки и на хлеб⁸⁷. В настоящее время положение стало несколько лучше. Теперь (данные на начало 2009 г.) в Узбекистане считаются богачами те, кто получает по 400 долларов в месяц (предприниматели, строители, торговцы, инженеры, работники нефтегазового комплекса, водители БелАЗов, золотодобытчики), а, например, врач получает 65 долл., учитель – от 47 до 69, преподаватель самого престижного Ташкентского университета – 136 долл.⁸⁸

Но все равно это сравнительно немного. А начавшиеся были рыночные реформы тут же стали «корректироваться», и не только в сельском хозяйстве (о чем уже писалось). В 2002 г. государство сильно ограничило

мелкую торговлю, не предложив ничего взамен тем, кто в результате потерял работу. Так что социальная база исламским радикалам обеспечена.

Во всяком случае, на рубеже XX–XXI вв. на улицах Ташкента появилось огромное количество выходцев как раз из Ферганы и «Суркаша», выглядящих форменными люмпенами и за грошовые даже по меркам Узбекистана деньги готовых наняться на любую, самую грязную разовую работу вроде уборки мусора или разгрузки машин. Но с учетом того, что именно эти регионы – наиболее исламизированные в Узбекистане, странно было бы, если бы соответствующие религиозно-политические силы не пользовались тяжелым экономическим положением.

И новый всплеск активности исламистов в отношении Региона пришелся на рубеж XX–XXI столетий. Вслед за захватом Афганистана своими единомышленниками-талибами «ваххабиты» (как мы их для краткости будем называть) начали подготовку экспансии в Среднюю Азию. Уже весной и летом 1997 г. в Стамбуле состоялось секретное совещание по подготовке государственного переворота в Узбекистане. На нем присутствовали лидеры исламистской оппозиции – М. Солих (С. Мадаминов), Джума Намангани (Ж.А. Ходжаев), Т.А. и А.А. Юлдашевы (первый из них более известен под именем «Тахир Юлдаш»), среди которых преобладали выходцы из Ферганского региона.

М. Солих примкнул к заговору при условии, что президентом Узбекистана в случае его удачи станет он. В Чечне около того же времени полковой командир Хаттаб создал лагерь «Узбекский фронт», готовивший по 20 боевиков-узбеков ежемесячно. Заговорщиков финансировали такие организации, как «Всемирное исламское возрождение» (Саудовская Аравия), «Серые волки» (Турция, Азербайджан), «Братья-мусульмане» (Египет, Иордания), Всемирный Исламский банк, а также лично Усама бен Ладен, выделявший на работу в странах СНГ по 250 млн. \$ ежегодно. Впрочем, все эти сведения получены из показанного в августе 1999 г. по ТВ-6 узбекского фильма «Ташкент: пять взрывов в феврале». Есть и другие источники...

На 1997 г. пришелся пик терактов, организованных исламистами в Узбекистане. Затем наступило некоторое затишье. Осенью 1998 г. в Кабуле было принято решение о начале операции против Узбекистана. Предполагалось, что в феврале 1999 г. в Ташкенте будет осуществлено примерно 25 взрывов в наиболее людных местах и в государственных учреждениях; одним из этих взрывов предполагалось убить Каримова. Воспользовав-

шись наступившей в стране паникой, предполагалось начать наступление отрядов Юлдашева и талибов от Термеза на север, а боевиков Джумы Намангани – из контролируемого Джиргатальского района в Ферганскую долину и далее на Ташкент. К этому времени практически в каждом из отрядов вышеперечисленных сил имелся мулла-ваххабит, проводивший соответствующую «политико-воспитательную работу»⁸⁹.

Взрывы в Ташкенте 16 февраля 1999 г. действительно прогремели, но не 25, а всего пять; правда, есть непроверенные сведения, что погибло не 16 человек (как сообщалось официально), а более 300, но Каримов остался жив, и паники в стране не возникло.

Вторжение боевиков Джумы Намангани из Джиргатальского района в Южную Киргизию с прицелом на Ферганскую долину Узбекистана 22 августа 1999 г. действительно началось, однако теперь требования боевиков были намного скромнее: они требовали то дать им пройти в Узбекистан, то дать воздушный мост для бегства в Афганистан, хотя по некоторым данным, по крайней мере часть из них собиралась зимовать в Баткенском районе Ошской области (с 2000 г. – Баткенская область), а возможно, и превратить его в базу для дальнейшей экспансии в Ферганской долине. По некоторым данным (например, выступление А. Акаева в программе «Здесь и сейчас» по ОРТ 8 сентября 1999 г.), целью участников вторжения было воссоздание Кокандского ханства, объединяющего всю Ферганскую долину. О том, что такая идея носится в воздухе, уже говорилось, причем ее сторонники имеются и среди южных киргизов⁹⁰.

В 2000 гг. боевые операции «ваххабитов» в Средней Азии тоже начались в августе. При этом есть основания думать, что они были скоординированы с соответствующими действиями в других регионах СНГ. Так, если в августе-сентябре 1999 г. имели место вторжение чеченских боевиков в Дагестан и теракты в ряде российских городов, то в августе 2000 г. – теракт на Пушкинской площади в Москве и активизация боевиков в Чечне.

В 2001 г. начало «ваххабитских» операций предсказывалось на май месяц⁹¹. И действительно, рассуждая логически, этого можно было ожидать: ведь «ваххабиты» проходят в Ферганскую долину по горным перевалам, которые уже в сентябре-октябре закрываются снегом, так что август – время для их начала слишком позднее.

Все говорило за более активные операции в 2001 г., чем в предыдущие годы: переброска (по данным Федеральной пограничной службы России) до 200 героиновых лабораторий с юга Афганистана на север, сосре-

доточение нескольких сот исламских боевиков Джумы Намангани на таджикской территории около границы с Узбекистаном в начале 2001 г.,⁹² появление нового – помимо Ферганы – очага «ваххабизма» в Узбекистане – в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях: как известно, в отличие от 1999 г., местные «ваххабиты» в 2000 г. действовали не только в Фергане, но и там, и имелись серьезные основания полагать, что в 2001 г. это направление будет решающим. В самом деле, именно тут пролегает накатанная тысячелетиями трасса Великого Шелкового пути из Мавераннахра в Семиречье, тогда как между Семиречьем и Ферганой лежат горы Тянь-Шаня, которые пересекают лишь несколько дорог, причем эти дороги при желании очень легко сделать совсем непроезжими. О том, что существует вполне реальная угроза распространения «ваххабизма» в Семиречье и далее в Казахстане, а потом и в ряде тюркских регионов России и о том, как это опасно для России и для всего мира, автору уже приходилось писать⁹³.

Далее, Ферганская долина была прикрыта от основной базы «ваххабитов» – талибского Афганистана – войсками Северного альянса и российскими пограничными войсками в Таджикистане, тогда как к южным районам Узбекистана примыкает район афганского города Мазари-Шариф, захваченный талибами еще в 1997–1998 гг. и находившийся в их руках до осени 2001 г. (при вторжении войск США и их союзников и наступлении войск Северного Альянса находящийся близ Мазари-Шарифа Кундуз пал последним, одновременно с «колыбелью талибской революции» – Кандагаром). Кроме того, режим И.А. Каримова особенно пристально следил именно за Ферганской долиной, опасаясь как мощного властного ферганского клана, так и (в последнее время даже больше) исламских радикалов (которые, впрочем, все чаще смыкаются с последним). В то же время Южному Узбекистану особого внимания не уделялось.

Одним словом, у «ваххабитов» было немало оснований перенести основную тяжесть своих ударов именно сюда. Впрочем, действия в Ферганской долине тоже ожидалось – хотя бы в качестве отвлекающих от Узбекского Юга маневров. Уже в августе 2000 г. в окрестностях ГЭС на р. Нарын в Южной Киргизии (самая мощная – Токтогульская) появились какие-то странные люди, «одетые в белое, как талибы», по описанию местных жителей⁹⁴, явно интересовавшиеся именно ГЭС. При этом местные «ваххабиты» (например, некий таджикский мулла, приехавший в г. Таш-Кумыр еще в 1994 г. с целой группой учеников) явно оказывали им содействие. В

самом деле, взрыв плотин этих ГЭС (общий объем водохранилищ – 20 млрд м³) создал бы огромные проблемы для территорий Узбекистана, расположенных ниже по течению Сырдарьи – Нарына. Наконец, общий настрой в Южной Киргизии (судя по личным впечатлениям автора от поездки туда в ноябре–декабре 2000 г.) был именно на начало боевых действий весной.

В общем, все было продумано. Действительность, как известно, оказалась иной. «Ваххабиты» не начали боевых действий ни в мае, ни в августе. Я пытался найти этому объяснение, например, в том, что в первые месяцы 2001 г. Узбекистан проводил в своих южных областях превентивную зачистку местных «ваххабитов» – на начало апреля имелись данные о 360 депортированных семьях⁹⁵. Кстати, подобные зачистки имели место и в августе 2000 г.⁹⁶, но тогда они носили характер ответных мер. События внутриафганского конфликта и связанных с ним террористических актов 11 сентября 2001 г. дали другое объяснение этой выжидательной тактике: боевики ждали результатов теракта, которые ожидались несколько иными, чем на самом деле (предполагалось, что США обвинят Иран и начнут против него войну, а талибы и их среднеазиатские союзники этим воспользуются для достижения своих целей)⁹⁷.

После совместной операции США и Пакистана по разгрому баз ИДУ на пакистанской территории (2001–2002) часть сил ИДУ примкнула к отрядам «Талибана». В руководстве ИДУ возникли разногласия: часть руководителей требует не воевать против США, а готовиться к возвращению и борьбе в Узбекистане. По некоторым сведениям, США после ссоры в 2005 г. с режимом Каримова негласно поддерживают это крыло ИДУ. В марте 2004 г., восстановив в основном свои силы, ИДУ снова начало вторжения боевиков в Узбекистан. К 2007 г. в его рядах насчитывалось (в Афганистане и Пакистане) до 600 боевиков⁹⁸.

В это же время в Узбекистане начались выступления против экономической и религиозной политики Каримова. 2003–2004 гг. ознаменовались демонстрациями в Ташкенте, Джизаке, Бухаре, Коканде, Андижане⁹⁹. В ноябре 2004 г. состоялись демонстрации протеста в Коканде и Карши¹⁰⁰. 29 марта 2005 г. вспыхнули волнения в Джизаке, где у местных фермеров отобрали землю; по свидетельству очевидцев, Джизак, где власти применили против повстанцев силу, напоминал поле битвы – в частности, все улицы были забиты подожженными машинами. 3 мая спецназ избил и ра-

зогнал женщин из Карши, устроивших митинг протеста в Ташкенте¹⁰¹. Все это стало прелюдией к известным андижанским событиям мая 2005 г.

Андижан-2005. Вся официальная информация о событиях в Андижане сводится к тому, что восстанием руководила секта «Акрамия», связанная с Исламским движением Узбекистана (ИДУ). Согласно же ставшей уже общей как в России, так и на Западе правозащитной точке зрения, это было кровавое подавление «стихийного народного протеста» против «каримовского режима»¹⁰². Основываясь на фактическом материале (опросы разных лиц, от местных правозащитников до начальника Андижанской тюрьмы, и личные наблюдения), как это сделала, например, Ш. Акинер (Лондон)¹⁰³, можно нарисовать совсем другую картину событий в Андижане – не «стихийного выражения народного гнева», а тщательно спланированной акции, причем спланированной именно исламистами.

Так, по опросам местных жителей, в том числе, например, правозащитника, т.е. лица, по определению не испытывающего большой симпатии к власти, можно установить, что среди участников беспорядков были уроженцы не только Ферганской долины, но и других областей Узбекистана (Ташкент, Бухара), а также Киргизстана и, возможно, Таджикистана. Один из взятых повстанцами заложников слышал разговор своих охранников и на русском языке. Последнее могло быть, если среди боевиков были, например, чеченцы, чей язык сильно отличается от тюркских, или исламисты из более русифицированных российских регионов (как известно, последние попадали в плен даже к американцам в Афганистане).

Большинство заключенных Андижанской тюрьмы (кроме членов секты «Акрамия») не оправдали надежд повстанцев и не присоединились к ним, многих из них повстанцы, согнав в тюремный двор, принудили силой пойти с ними – вплоть до того, что сопротивлявшиеся были убиты, а пытавшихся спрятаться вытаскивали из-под коек. Та же Ш. Акинер сама беседовала с заключенными, которые были ранены повстанцами при попытке к сопротивлению или бегству, сокамерники же их были убиты.

На основании опросов работников кладбищ, аксакалов, а также личного осмотра города на предмет внешних признаков траура по погибшим Ш. Акинер приходит к выводу, что официальная цифра в 170 погибших более заслуживает доверия, чем 750, 1000 и даже 1500, называвшиеся правозащитниками. Далее, по ее мнению, не могло быть «сотен трупов на городской площади» по причине того, что на следующий же день на этой площади проходил митинг протеста. Спрашивается, кто за ночь успел уб-

рать трупы? А в больнице на 250 мест (единственной в Андижане такого профиля) половина мест сразу после событий пустовала. Впрочем, здесь можно возразить, что многих раненых вполне могли спрятать родственники из опасения за их дальнейшую судьбу.

Спланированность акции подтверждает не только факт сбора в Андижане участников из самых разных регионов СНГ, но и изъятие у повстанцев сотен единиц стрелкового оружия, а также гибель в столкновениях с ними до 40 представителей силовых структур. Если погибло 40 силовиков и 170 повстанцев, то это говорит скорее о контртеррористической операции, чем о подавлении стихийного народного выступления. Например, в Баку в январе 1990 г. при подавлении частями Советской Армии отнюдь не безоружного народного выступления соотношение потерь было 1:16.

Есть и другие точки зрения на андижанские события. По мнению А. Ильхамова, «Акрамия», основанная Акрамом Юлдашевым – «сложное, противоречивое, но не экстремистское учение». Самого А. Юлдашева, уже осужденного в феврале 1999 г. на 17 лет по обвинению в организации взрывов в Ташкенте, тоже обвинили в организации андижанских событий¹⁰⁴.

Вместе с тем слова Ш. Акинер о том, что экономическое положение в Ферганской долине не такое уж плохое, не вполне совпадают с тем, что я слышал об этом положении осенью 2004 г. в сопредельных южно-киргизских областях. Да, на начало 2005 г. торговый оборот на душу населения в Андижане был на 35% выше среднего по Узбекистану, уступая только Ташкенту. И вообще, социальная база «Акрамии» – не самые бедные люди¹⁰⁵. Однако в сельской местности трех ферганских областей, по моим сведениям, положение существенно хуже, чем в областных центрах.

Конечно, человеку, который сам не был в узбекской Ферганской долине и черпает сведения из источников в пограничных районах сопредельного государства, трудно спорить с тем, кто побывал в Андижане по горячим следам, однако из текста статьи неясно, была ли сама Ш. Акинер в сельской местности узбекской части Ферганской долины. Одним словом, тут стоит привести высказывание одного европейского политолога, практически идентичное тому, что писала «Вашингтон Пост» об Афганистане: «Если изменения в системе власти приведут к взрыву более широкого насилия (сценарий, который в Узбекистане отнюдь не выглядит невероятным), то виной тому будет не ... исламский заговор, а ... стремительно распространяющееся чувство разочарования, горечи и безнадежности»¹⁰⁶.

Впрочем, тот факт, что исламисты используют недовольство народа в своих целях, их, конечно, не оправдывает. Тут можно вспомнить слова Генриха Манна: «Легко было бы бороться с фашизмом, если бы он был всегда неправ». Тем более что преследуют не только экстремистов, но и умеренных исламистов. Так, в июле 2002 г. было осуждено на 15–18 лет 12 человек за чтение трудов Саида Нурси. В целом по Узбекистану в 1993 г. было 6000 мечетей, а в 1997 – уже 4200; уже через год оставалось всего 1967, а в 1999, после взрывов в Ташкенте – только 1566¹⁰⁷.

Так или иначе, надо кратко рассказать о секте «Акрамия». Ее основатель Акрам Юлдашев родился в Андижане в 1963 г. Одно время он преподавал в школе обществоведение, причем с религиозным уклоном. Затем он привлек к себе внимание ХаТ. При этом ХаТ, набирающий силу в Регионе с конца 1980-х годов, действует с неизмеримо большим размахом, чем региональная «Акрамия», и в Регионе его влияние выходит далеко за пределы Узбекистана, захватывая Таджикистан, а также евразийские Киргизстан и Казахстан.

Под влиянием ХаТ и была создана «Акрамия». Впрочем, «претензий на защиту угнетенных» у секты нет. Еще один деятель, Баходыр Мамаджанов, родился в 1950 г. в Маргеланской области. Однако он отличается богословской безграмотностью, например, отрицает Сунну и хадисы, не зная того, что пятикратная молитва – требование Сунны, а не Корана¹⁰⁸. В целом это религиозное движение вызывает подозрения. Одно только внимание ХаТ при создании ее заставляет насторожиться.

В общем же есть серьезные основания полагать, что у исламистов в Узбекистане значительно больше сторонников, чем количество принимавших участие в беспорядках 13–17 мая 2005 г. даже по завышенным оценкам тех, кто говорит о выступлении сочувственно. Более того, репрессии против невинных привели к тому, что экономические и политические неудачи каримовского режима вызывают радость и неэкстремистов¹⁰⁹.

Впрочем, есть и альтернативная точка зрения, относящаяся к несколько более позднему периоду (2007–2008 гг.) – о том, что на селе в Узбекистане начали-таки работать рыночные механизмы, а компетенция властей по вмешательству в экономику сужена¹¹⁰. Но судя по последним данным, цитировавшимся в первой главе, это едва ли так. В любом случае проблем, служащих питательным полем для недовольства, явно остается очень много.

Что касается ХаТ, то он формально выступает за мирные методы борьбы и даже осуждает других исламистов (того же бен Ладена, например) за насилие, но одна только форма организации этого движения – каждый ее рядовой член знает только свою пятерку и непосредственного начальника – наводит на совсем иные мысли. Во всяком случае, все, кто хорошо знает ХаТ, в его «мирные» методы категорически не верит. Да и сотрудничество с формально осуждаемыми «ваххабитами», как одно время неправильно было принято называть сторонников бен Ладена и вообще исламских радикалов, налажено у них в Южной Киргизии по крайней мере до уровня областных духовных управлений¹¹¹.

На конец 2007 г. в Ошской области насчитывалось около 70 человек, искавших политического убежища, по большей части из Узбекистана. Это официально, неофициально их, по данным правозащитных организаций, «в разы» больше, просто они не обращаются в миграционные службы, так как одни не верят, что можно получить статус беженца, а другие надеются скоро вернуться. Но, немного «придя в себя», перебежчики с Юга спешат на Север Киргизстана, подальше от границы и поближе к инстанциям, в том числе и международным¹¹². Сколько среди них ХаТовцев, неясно, но, думается, немало.

Уже в 2001 г. из 2000 действовавших мечетей только 921 прошла официальную государственную регистрацию, и вообще традиционный ислам в Киргизстане постепенно сдает позиции ХаТ и им подобным. Сплошь и рядом красивые новенькие мечети строятся рядом с «разваливающимися от бесхозности» школами, а то и на их месте, и это рассматривается многими в Киргизии как вызов светскому просвещению. Сплошь и рядом арабские, например, инвесторы в экономику Киргизстана ставят в качестве условий возведение в районе приложения инвестиций N-ного числа мечетей¹¹³. И больше половины из них – неофициальные. А чьи же?

Уже в 2004 г. ХаТ разбрасывал листовки в Караколе (центр Иссык-Кульской области), значительно возросла его активность в Токмаке (столичная Чуйская область). Вообще, в обеих этих областях ХаТ в указанное время активизировался¹¹⁴. Идут аресты ХаТовцев и в Таласской области. А накануне парламентских выборов 16 декабря 2007 г. ХаТовцы начали внедряться в те или иные политические партии, говоря, например, кандидатам от них: «Если ты хочешь, чтобы за тебя голосовала наша махалля, то обещай проводить в жизнь исламские принципы». Пресса отмечает и совпадение интересов части киргизстанской оппозиции с ХаТ¹¹⁵. Не гнуша-

ется последняя и прямыми провокациями. Так, недавно в Бишкеке, Караколе и ряде мест Юга кем-то были разбросаны листовки с призывом проголосовать за партию «Эркин Кыргызстан» («Свободный Киргизстан») и установить исламское государство. Лидер этой партии, правда, отмежевался от листовок¹¹⁶.

А в Таджикистане исламские радикалы превратились в легальную оппозицию. Согласно Московскому соглашению 27 июня 1997 г., 30% властных должностей должны были занять члены ОТО, в основном Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Вооруженные формирования как ОТО, так и «Народного фронта» распускались. А в 1999 г. был снят запрет на деятельность партий, ранее входивших в ОТО. ПИВТ начала трансформацию в легальную политическую партию¹¹⁷, для чего ей пришлось существенно «поумерить пыл» и оставить только радикальную оболочку. На выборах 2000 г. ПИВТ получила 7,31% голосов, а на выборах 2005 г. – 8,94%, получив два места в таджикском парламенте¹¹⁸.

Впрочем, Таджикистан, похоже, получил-таки за 1990-е годы хорошую «прививку» от радикального ислама. Так, среди таджикской молодежи в середине 2000-х годов только четверть считала, что «исламский проект» подходит стране. Популярность Партии исламского возрождения в июне 2005 г., по данным опросов, колебалась от 3,2% среди 18–29-летних до 9,3% среди 50–59-летних, при этом среди 18–29-летней молодежи 51% считал, что «Хизб-ат-Тахрир» представляет большую угрозу для Таджикистана, 32% – что «небольшую или среднюю», и лишь 13% – что эта организация совсем не угрожает их стране¹¹⁹.

С конфликтами в Средней Азии тесно связана ситуация в Афганистане, север которого населен теми же таджиками и узбеками. Так вот, одной из основ конфликта в Афганистане стала религиозная проблема: восстания исламистов против светского государства начались еще в правление Дауда, в 1975 г.¹²⁰ После апрельской революции 1978 г. выступления исламистов органично вписались в антикоммунистическую борьбу различных ветвей афганской оппозиции.

В заключение отметим, во-первых, кредо среднеазиатских исламистов, считающих демократию смертельной для ислама, а секулярное государство – «режимом отступников»¹²¹, а во-вторых, причину их успехов во многих странах Региона (помимо экономической ситуации): отсутствие действующей на государственном уровне идеологической программы и отсутствие эффективной работы официальных религиозных лидеров¹²². И любые

внешние силы, будь это Талибан, «Хизб ат-Тахрир» или кто-то еще, могут лишь усилить (или, напротив, ослабить) те тенденции, которые вызываются внутренним развитием ситуации в той или иной среднеазиатской стране.

-
- ¹ Rotschild J. Ethnopolitics. A Conceptional Framework. N.Y., 1981.
- ² Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов на Юге России (рукопись). М., 2009. С. 54–55.
- ³ Тишков В.А. Россия – это нация наций // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78 (март–апрель). С. 9.
- ⁴ Русская мысль. 1914. № 12. С. 180.
- ⁵ Вестник Европы. 1872. Май. С. 239.
- ⁶ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Указ. соч. С. 123.
- ⁷ См., напр.: Толстов С.П. Из предыстории Руси // Сов. этнография. 1947. Вып. 6–7.
- ⁸ Цит. по: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 11.
- ⁹ Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 161–173.
- ¹⁰ Цит. по: Исаев И.А. Идеи культуры и государственности в трактовке «евразийства» // Проблемы правовой и политической идеологии. М., 1989. С. 3–36.
- ¹¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 59–61, 127–149.
- ¹² Кизеветтер А.И. Славянофильство и евразийство // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 10–15.
- ¹³ Цит. по: Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнограф. обозрение. 2006. № 3. С. 8–21.
- ¹⁴ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 123–130; Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Там же. С. 59–76.
- ¹⁵ Трубецкой Н.С. Общевеэвразийский национализм // Мир России – Евразия. М., 1995.
- ¹⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 497.
- ¹⁷ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // СОЦИС. 1992. № 1. С. 50–57.
- ¹⁸ Липский В.А. По горным тропам Русского Туркестана // Известия РГО. 1907. Т. XLII. С. 91–236.
- ¹⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 499.
- ²⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993. С. 327.
- ²¹ Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
- ²² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 614.
- ²³ Krader L. Peoples of Central Asia. Bloomington; Hague, 1963. P. 127.
- ²⁴ Тихонов Т. За Уралом – в Сибири // Русский вестник. 1897. № 4, 7.
- ²⁵ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Избранные произведения / Под ред. А.Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958. С. 187–195.
- ²⁶ Мурзахалилов К., Маматалиев К., Маматюсупов О. Ислам в условиях демократического развития Кыргызстана: сравнительный анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3 (39). С. 54.

-
- ²⁷ Венюков М.И. Россия и Восток. СПб., 1868. С. 158–160; Тихонов Т. Указ. соч.
- ²⁸ Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898. С. 7.
- ²⁹ Ремнев А.В. Российская империя и ислам в Казахской степи (60–80-е годы XIX века) // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 242–243.
- ³⁰ Венюков М.И. Указ. соч. С. 140.
- ³¹ Гаспринский Исмаил-бей. Русско-восточное соглашение // Арабески истории. СПб., 1994. С. 369–385.
- ³² Венюков М.И. Указ. соч. С. 415, 427–430.
- ³³ История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 8. М., 1939. С. 302.
- ³⁴ Космарская Н. Социально-психологические аспекты межнациональных отношений в Северном Прииссыкулье // Этносоциальные процессы в Кыргызстане. М., 1994. С. 49–75.
- ³⁵ Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, проблемы, перспективы. М., 1996; Новые русские диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996; Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995.
- ³⁶ Абдулатипов Р.Г. Выступление // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 6.
- ³⁷ Алишева А.Р. Поликонфессиональный Киргизстан // Ренессанс или регресс. Бишкек, 1996. С. 69–814; Алишева А.Р., Ситнянский Г.Ю., Табышалиева А.С. Новые протестанты // Там же. С. 101–106; Ситнянский Г.Ю. Крест или полумесяц: Киргизия перед выбором веры // Центральная Азия. 1998. № 2. С. 73–79; Ситнянский Г.Ю. Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность. М., 1998.
- ³⁸ Ситнянский Г.Ю. Откуда исходит угроза единству России // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 36–39.
- ³⁹ Гаврилов В., Шопова Н. Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. Южный Кавказ. М., 2009. С. 21.
- ⁴⁰ Полевые материалы автора 2004 г.
- ⁴¹ Полевые материалы автора 2007 г.
- ⁴² Полевые материалы автора 2004 г.
- ⁴³ Вооруженные столкновения у границы Узбекистана // Lenta.ru, сайт <http://www.lenta.ru/story/uzbekborder/>; Таксанов А.А. Узбекские реформы: огурцы за дарма (так в оригинале. – Г.С.) // Сайт http://zhurnal.lib.ru/t/taksanov_a_a/277.shtml.
- ⁴⁴ См.: Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrgyznews (17 марта 2008 г.). Сайт: <http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058>.
- ⁴⁵ Акимов Т. Язык в аспекте безопасности // Московский комсомолец в Кыргызстане. 2000. 7–14 дек.
- ⁴⁶ Полевые материалы автора 2000 г.
- ⁴⁷ Додхудоева Л. Документы по проблемам миграции // Бюллетень. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1996. № 13. С. 20–21.
- ⁴⁸ Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. С. 34.
- ⁴⁹ Пожарский В. Юг, который мы теряем // Дело №... 2007. 5 дек.
- ⁵⁰ Мы и они. Узбекистан // Вестник ИСИТО. 2004. № 2. С. 12–13; Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира. М., 2008. С. 96–97.

-
- ⁵¹ Демографический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 2007. С. 351–352, 356, 359.
- ⁵² Полевые материалы автора 2007 г.
- ⁵³ Малеванная Д. Территория «икс» // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.
- ⁵⁴ Демографический ежегодник... С. 366–367, 371.
- ⁵⁵ Полевые материалы автора 2006 г.
- ⁵⁶ Чериков С. И от родичей не спрятаться, не скрыться... // Дело №... 2007. 14 нояб.
- ⁵⁷ Социальные тенденции Кыргызской Республики. Вып. 2. Бишкек, 2007. С. 23.
- ⁵⁸ Демографический ежегодник... С. 103–107.
- ⁵⁹ Павлович Л. Бермет Молдобаева: эта многоликая миграция // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 30 нояб.; Сушкова Ю. Маркус Мюллер: границы исчезают // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.
- ⁶⁰ Мешкова Е. От вакансий к рабочим местам // Моя столица – новости. 2007. 13 нояб.
- ⁶¹ Мешкова Е. Раимкул Аттокуров: соединяем интересы страны и людей // Моя столица – новости 2007. 9 нояб.
- ⁶² Каландаров В. Как удержать человека с чемоданом // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 2 нояб.
- ⁶³ Румер Е., Тренин Д., Хуашен Чжао. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М., 2008. С. 131.
- ⁶⁴ Мендикулова Г. Незаконная миграция в Казахстане – угроза национальной и региональной безопасности // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 251.
- ⁶⁵ Олимова С. Место трудовой миграции в экономике стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 301.
- ⁶⁶ Малеванная Д. Урна и за кордоном найдет // Моя столица – новости. 2007. 7 дек.
- ⁶⁷ Полевые материалы автора 2007 г.
- ⁶⁸ Демографический ежегодник... С. 372.
- ⁶⁹ Мешкова Е. На донора надейся, но... // АиФ. Кыргызстан. 2007. 7 нояб.
- ⁷⁰ Полевые материалы автора 2009 г.
- ⁷¹ Павлович Л. Указ. соч.; Байджиев М. Земля, вода... А человек? // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007 г. 30 нояб.
- ⁷² Полевые материалы автора 2007 г.
- ⁷³ Павлович Л. Указ. соч.
- ⁷⁴ Языковед, каких во всем СНГ нет // Вечерний Бишкек. 2007. 2 нояб.
- ⁷⁵ Полевые материалы автора 2008 г.
- ⁷⁶ Маликов К. Религиозный фактор – опасность или подпорка в государственном строительстве // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 26 окт.
- ⁷⁷ Олимова С. Место трудовой миграции... С. 303.
- ⁷⁸ Волков В.И. Основные направления и перспективы интеграции Центральной Азии в глобальные мировые процессы: этноконфессиональный аспект. Бишкек, 2008. С. 243.
- ⁷⁹ Мигранян А.А. Миграция как фактор экономической безопасности стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии ... Бишкек, 2009. С. 310; Пластун В.А. Интеграция в Центральной Азии и влияние внешних факторов // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 62.

- ⁸⁰ Ульянов В. Точка невозврата уже близка // Земляки. Приложение к «Социальной защите». 2007. № 8. С. 34–36.
- ⁸¹ Малащенко А.В. Исламский фактор в российской политике // Religare – Религия и СМИ. 2002. 21 нояб. Сайт http://www.religare.ru/2_1128.html.
- ⁸² Ситнянский Г.Ю. Откуда исходит угроза единству России // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 36–39.
- ⁸³ Бабаджанов Б. Секуляризм и проблема межконфессионального отчуждения // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 124.
- ⁸⁴ Бабаджанов Б. Джихад как идеология «изгоев» (ghuraba'). По документам и публикациям // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 206–211.
- ⁸⁵ Трофимов Д.А. Центральная Азия. М., 1994. С. 13–15.
- ⁸⁶ Акмалов Ш. Потенциал ШОС в противостоянии международному терроризму и религиозному экстремизму (в контексте проблемы Исламского движения Узбекистана) // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 144–145.
- ⁸⁷ Центральноазиатские страницы. Информационные сводки по Узбекистану. Вып. 3. М., 1995. С. 3.
- ⁸⁸ Ананьева Г. Ташкент – город хлебный. Был // Земляки. 2009. № 2. С. 62–65.
- ⁸⁹ Кириленко А. Киргизстан хотят поставить под знамя джихада...Пока не получилось // Профи-информ. 1999. № 1. Октябрь.
- ⁹⁰ Абдулаев Э. Эта странная война в Баткене // Профи. 1999. № 11.
- ⁹¹ Виноградов Б. Война начнется в мае // Известия. 2001. 20 февр.
- ⁹² Георгиев Б. Исламские боевики готовят новое вторжение в Узбекистан // Независимая газета. 2001. 20 янв.
- ⁹³ Ситнянский Г.Ю. Откуда исходит угроза единству России.
- ⁹⁴ Полевые материалы автора 2000 г.
- ⁹⁵ Панфилова В. Ташкент готов к новой войне с исламистами // Независимая газета. 2001. 11 апр.
- ⁹⁶ Магда В. Ташкент готов к новой борьбе с исламистами // Независимая газета. 2001. 24 янв.
- ⁹⁷ Подробнее. см.: Игнатенко А. Если бы не иранский офицер безопасности... // Независимая газета. 2001. 19 сент.
- ⁹⁸ Искандаров К. «Талибан»: факторы возрождения и перспективы мира и региональной безопасности // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 51; Салимзода М. Некоторые характеристики Исламского движения Узбекистана (2001–2007 гг.) // Афганистан, ШОС... С. 150–151.
- ⁹⁹ Ильхамов А. Акрамия: экстремистское движение или предтеча исламской социальной демократии? // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 126–128.
- ¹⁰⁰ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.; Бишкек, 2005. С. 153.
- ¹⁰¹ Известия. 2005. 17 мая.
- ¹⁰² Борисов Н. Современный политический процесс в Узбекистане: тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 164.
- ¹⁰³ Akiner Sh. Violence in Andijan, 13 May 2005 // Silk Road Paper. July 2005. Сайт <http://www.silkroadstudies.org/new/inside/publications/0507Akiner.pdf>.

-
- ¹⁰⁴ Ильхамов А. Указ. соч. С. 117–125.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁰⁶ Кордые Б. де. Евразийское мусульманство? // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 159.
- ¹⁰⁷ Ильхамов А. Указ. соч. С. 137–140; Пейруз С. Управление религиозным фактором в Центральной Азии: продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // Расы и народы. Вып. 32. С. 14.
- ¹⁰⁸ Бабаджанов Б. Кто по ту сторону баррикад (о секте Акрамия и ей подобных) // Расы и народы. Вып. 32. С. 47–59.
- ¹⁰⁹ Олкотт М.Б. Несколько слов о статье Б. Бабаджанова // Расы и народы. Вып. 32. С. 114.
- ¹¹⁰ Луамулин М. Геополитические ориентиры стран Центральной Азии на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 28.
- ¹¹¹ Полевые материалы автора 2000 г.
- ¹¹² Приютили – и на том спасибо // Вечерний Бишкек. 2007. 19 нояб.
- ¹¹³ Чериков С. Беспроцентный ислам // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 30 нояб.
- ¹¹⁴ Мурзахалилов К., Маматалиев К., Мамаюсупов О. Указ. соч. С. 63.
- ¹¹⁵ Груздов Ю. Не следует недооценивать религиозных экстремистов // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.
- ¹¹⁶ Груздов Ю. Черная грязь... // Моя столица – новости. 2007. 7 дек.
- ¹¹⁷ Олимова С. Молодежь и ислам в Таджикистане // Расы и народы. Вып. 32. С. 162.
- ¹¹⁸ Абдулло Р. Таджикистан: выборы-2005 и перспективы развития государственности страны // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3. С. 152–157.
- ¹¹⁹ Там же. С. 175–178.
- ¹²⁰ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995. С. 24; Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М., 1998. С. 155–159.
- ¹²¹ Олкотт М.Б. Указ. соч. С. 122–123.
- ¹²² Сидоров О. Исламский фактор во внутриполитической стабильности государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 1 (49). С. 16.

ГЛАВА II

ЛАТЕНТНЫЕ ВНУТРИЕВРАЗИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Противоречия между евразийскими этносами Региона носят латентный характер, при этом с течением времени они не нарастают, а снижаются. Поэтому едва ли их можно назвать конфликтами в собственном смысле слова, однако по принятой нами классификации их все же следует отнести к разряду латентных конфликтов.

Казахско-русское этническое взаимодействие

Казахско-русское этническое взаимодействие имеет место в основном как в северных областях Казахстана от Гурьева (переименованного в 1991 г. в Атырау) до Усть-Каменогорска, так и в Алма-Атинской области. Здесь едва ли можно говорить о конфликте, разве что о первой его стадии, когда «межэтническое напряжение отчетливо проявилось, но имеет достаточно низкий уровень», да и то с натяжкой и местами.

Вообще, исторических традиций вражды между славянами и степняками, как уже говорилось, не было. Казахи, как и их этнические предки (первое место среди которых занимают кипчаки), всегда тяготели к восточным славянам и к христианству. Так было и в XII–XIII вв. в долинах Днепра и Дона, где русичи и кипчаки создали, как уже говорилось, полицентрическое государство¹, так было и в XIX–XX вв. в Семиречье и в долинах рек Урал и Иртыш.

Симбиоз славян и степняков, составлявший основу Российского Евразийского государства, был нарушен в 1929–1933 гг., когда казахи были принудительно переведены на оседлый образ жизни, что не могло не породить конфликтов из-за земли. То есть, конечно, казахи и раньше постепенно переходили на оседлость, начиная с XIX, а местами и с XVIII в., но этот процесс до коллективизации был стихийным, добровольным, а главное – не мог породить таких проблем в силу постепенности. Однако в принципе возможности для добрососедского сосуществования, учитывая исторические традиции, сохранились.

Но, помимо перевода казахов на оседлый образ жизни, зарождению конфликта способствовали произвольно проведенные советской властью границы между бывшими союзными республиками. Особенность Казахстана – не только уже упоминавшееся проживание 23% (данные на 1989 г.)

его «русскоязычного» населения в сельской местности, но и размещение населения.

Территорию Казахстана можно условно разделить на три группы областей: с подавляющим преобладанием неказахского населения (пять «целинных» областей Северного Казахстана, Карагандинская, Восточно-Казахстанская и г. Алма-Ата), с примерно равным представительством титульного и нетитульных этносов (Актюбинская, Алма-Атинская, Джезказганская, Западно-Казахстанская, Мангистауская (ранее – Мангышлакская), Семипалатинская, Талды-Курганская, Таразская (ранее – Джамбульская)) и с подавляющим преобладанием казахов (Атырауская (ранее – Гурьевская), Кзыл-Ординская, Тургайская, Южно-Казахстанская (ранее – Чимкентская)).

Интересно, что из четырех областей третьей группы одна (Тургайская) – чисто степная, где проживание больших масс «русскоязычного» населения весьма затруднительно, чтобы не сказать невозможно, а еще две (Кзыл-Ординская и Чимкентская) расположены в Сырдарьинской долине, тяготеющей к Средней Азии. Достаточно сказать, что остальные казахи часто выделяют местных казахов среди всех остальных как «не вполне казахов», сильно «обузбеченных»².

При проведении межреспубликанских границ обширные территории с компактно проживавшим славянским населением, в том числе значительная часть земель Яицкого, Иртышского, Сибирского и все земли Семиреченского казачьего войска оказались за пределами России.

Казахстан занимает в Центральной Азии особое положение в силу полиэтничности своего населения, в составе которого доля «русскоязычной» диаспоры в советский период превышала половину. Эта полиэтничность начала складываться еще в XVII–XVIII вв., когда сначала в бассейны рек Иртыша и Урала, а потом и в казахстанские степи началось массовое переселение русских крестьян-колонистов. А на правом берегу Иртыша русское население появилось раньше казахского, которому было разрешено там кочевать лишь в 1798 г.³ В связи с развитием с конца XIX в. в Центральном и Северном Казахстане городов и созданием горнодобывающей промышленности стало складываться и городское европейское население. Такие города, как Актюбинск, Уральск, Петропавловск, Семипалатинск к концу XIX в. насчитывали по 20–50 тыс. жителей⁴.

Всего в период до 1917 г. в Казахстан из России, Украины и Белоруссии прибыло 1 150 000 человек. К 1926 г., согласно данным Всесоюзной

переписи населения, доля казахов в населении республики составляла 57,1%, европейцев – 34,1%. А всего в XX в. на территорию современного Казахстана было переселено около 8,5 млн чел., в том числе примерно 1,9 млн сосланных и эвакуированных. С другой стороны, коллективизация, пожалуй, ни по одному народу СССР не ударила так сильно, как по казахскому. Полтора миллиона казахов (четверть всего народа!) погибли, еще 1,3 млн безвозвратно откочевали за пределы СССР. Впрочем, и эти цифры отдают преуменьшением, если учесть, что в 1930 г. население республики насчитывало 5873 тыс. чел., а в 1933 г. – только 2493 тыс.⁵ – и это при том, что в эти годы в Казахстан въехали сотни тысяч «русскоязычных» (в период коллективизации в Казахстан прибыло примерно 250 000 «раскулаченных»).

В итоге к 1959 г., опять же по данным Всесоюзной переписи населения, славяне составляли 52,1% населения Казахстана, казахи же – только 30%. На этот год приходится пик удельного веса «некоренного» населения в общей численности населения Казахстана. Однако затем удельный вес, а потом и численность нетитульного населения стали сокращаться – сначала за счет более высоких темпов естественного воспроизводства населения у казахов, а позднее – и за счет выезда неказахского населения.

Еще в конце 1980-х годов благодаря уменьшению индустриальной миграции в республику при росте оттока населения из нее общереспубликанское сальдо миграции стало отрицательным⁶. За 1969–1989 гг. из Казахстана уехало 500 000 русских, а также 230 тыс. украинцев и 160 тыс. немцев⁷. По Всесоюзной переписи 1989 г., в Казахстане из 16 464 тыс. жителей насчитывалось 6,5 млн казахов, 6,2 млн русских, примерно 2,36 млн «русскоязычных», включая татар, которых, несмотря на их тюркскую языковую принадлежность и мусульманскую религию, в Центральной Азии причисляют к «русскоязычным».

В 1990-е годы нарастал темп активной внутриреспубликанской миграции из второй и третьей групп областей в первую; в этой группе было положительное сальдо миграции, в том числе и за счет иммигрантов из Средней Азии. В то же время из многих северных областей казахи переселялись на юг. Эти потоки («русскоязычных» на Север и казахов на Юг) были примерно равны по численности. В то же время в конце 1990-х – начале 2000-х годов имел место достаточно большой поток переселенцев из Казахстана (в том числе из северных областей) в Россию.

Исторически сложившаяся диспропорция между удельным весом казахов в общей численности населения республики и их долей в производящих отраслях хозяйства привела к тому, что если первый вырос с 36% в 1979 г. до 39,7% в 1989 г. и до 51% в 1997 г., то среди рабочих казахи и к концу 1990-х годов составляли не более 20%, причем в значительной мере это были рабочие совхозов и представители специальностей, не требующих высокой квалификации. Доля же рабочих-казахов в таких отраслях, как черная металлургия и угольная промышленность, составляла в 1989 г. соответственно лишь 8,6% и 9,2%⁸. Офицерский корпус армии Казахстана еще в 1997–1998 гг. состоял из «русскоязычных» более чем на 90%.

Кроме того, между Россией и Казахстаном существуют прозрачные границы, единственно возможные в ситуации, когда в десяти областях России, граничащих с Казахстаном, живут сотни тысяч казахов, а в девяти пограничных с Россией областях Казахстана проживают миллионы (в 1994 г. – 2935 тыс.) русских⁹.

Важным фактором, влияющим на ситуацию, является сложившееся фактическое одностороннее двуязычие: в 1989 г. лишь около 0,5% русских Казахстана свободно владели казахским языком, в то время как русским языком свободно владели 64,1% казахов. Более того, даже во второй половине 1990-х годов, в условиях проведения государственной политики по внедрению казахского языка во все аспекты официальной жизни, продолжала проявляться тенденция перехода казахов на русский язык. Так, в 1994–1995 учебном году закрылось 65 начальных и 157 малокомплектных школ с обучением на казахском языке, а также 360 школ-интернатов для детей чабанов. К 1996 г. на казахском языке функционировало 23% дошкольных детских учреждений и 40% школ, причем число их постоянно сокращалось: родители-казахи переводили детей в русскоязычные школы, поскольку там выше уровень обучения. Из 200 телевизионных каналов и студий на казахском языке вещали лишь три.

Невероятно, но факт: согласно проведенному казахстанскими социологами в июле 1994 г. исследованию, затруднения в связи с переходом на государственный язык испытывали 17% русских и 25% (!) казахов¹⁰. В этой ситуации правительство Казахстана вынуждено было многократно переносить сроки перехода на государственный язык, а затем окончательно передало вопрос на усмотрение местных органов власти. В новой Конституции 1995 г. русский язык объявлялся официальным¹¹.

Правда, в 1997 г. был принят новый Закон о языках (проект Закона был, кстати, написан на русском), обязавший СМИ уделять не менее половины эфирного времени вещанию на казахском языке¹²; однако действенность подобного административного вмешательства легко можно себе представить. На 1 мая 2001 г. в Казахстане выходили, например, 1373 газеты, из них 186 на казахском языке и 526 на русском (из источника неясно, сколько газет из оставшихся 661 выходит на обоих этих языках, а сколько – на каких-то других и выходят ли последние вообще)¹³. Из 1144 детских дошкольных учреждений на 1 декабря 2000 г. 280 были казахскоязычными, 516 – русскоязычными, 346 – смешанными, а в двух воспитание осуществлялось на других языках. Из 8007 общеобразовательных школ по языку обучения были: казахскими – 3545, русскими – 2356, с двумя и более языками обучения (опять-таки неясно, какими, но логично предположить, что подавляющее большинство из них – двуязычные казахско-русские) – 2008. 67,8% студентов вузов училось на русскоязычных отделениях¹⁴. Но и в конце 2000-х годов русский язык в вузах использовался наравне с казахским. В целом же по стране по-русски говорили 85% населения (в городах – 92%), тогда как по-казахски – только 64,7%¹⁵.

Из последней цифры неясно, какой процент на русскоязычных отделениях составляют «русскоязычные» студенты. Рассмотрим для примера ситуацию в отдельно взятой Восточно-Казахстанской области. В 1993 г. казахи составляли почти 100% студентов наиболее престижного юридического факультета Усть-Каменогорского (Усть-Каменогорск – центр области) Педагогического института, 80% студентов-историков; на других факультетах доля казахов была ниже, но существенно превышала их удельный вес в населении¹⁶.

Здесь мы считаем нужным упомянуть о другом аспекте проблемы: уменьшении доли неказахов в органах управления (с 50% в 1989 г. до 25% в 1994 г.). За 1989–1993 гг. доля казахов в населении Усть-Каменогорска возросла с 10% до 13%, тогда как доля казахов среди городских чиновников выросла с тех же 10% до 18% (а в области в целом – с чуть более чем 20% до 40%). Среди пяти высших должностей в области за эти годы на четыре были назначены казахи.

Дискриминация неказахов в области управленческой работы, высшего образования (отчасти и по языковому признаку) вынуждала немалое число «русскоязычных» покидать республику и принимать российское граждан-

ство, причем масштабы действия этих побудительных причин на некоренное население возрастали по крайней мере в первые годы независимости.

Интересна оценка ситуации, данная внутренними для Казахстана наблюдателями, принадлежащими к новым этническим меньшинствам. Например, по мнению обозревателя газеты «Караван» этнического немца В. Верка, руководство Казахстана, обвинявшее Россию во всех смертных грехах, в насильственной ассимиляции и аккультурации титульного населения, сегодня проводит ту же самую политику, которая, став не навязываемой сверху, а своей собственной, тут же сменила в глазах казахстанских чиновников минусовую оценку на плюсовую¹⁷.

Естественно, что в первые годы независимости Казахстана миграционные настроения среди «нетитульного» населения республики росли. Так, в августе-сентябре 1991 г. ВЦИОМ проводил комплексное исследование на тему «Русские в республиках». При этом выяснилось, что лишь 5% «русскоязычных» намерены покинуть Казахстан (для сравнения: в Киргизии таких было 20%, в Азербайджане – 25%, в Чечне – 35%). При этом только 7% опрошенных назвали в качестве причины отъезда проявление межэтнической неприязни¹⁸.

Однако в ноябре 1993 г. уже 15,2% городского «русскоязычного» населения республики выразили готовность эмигрировать, а 19,2% колебались¹⁹. Еще через год, в сентябре-октябре 1994 г., в Алма-Ате 18% опрошенных русских заявили, что Россия – это «отчий дом, куда они смогут вернуться», 22,6% – что это «надежда на будущее», 25,8% – «их настоящая родина», кроме того, 21,9% опрошенных заявили, что для них быть русским означает жить в России. Столько же сказали, что Казахстан для них – «место, где они не чувствуют себя в безопасности», а 15,6% – что это – «земля, которую они покидают». В то же время 37,5% опрошенных считали, что Казахстан – «их настоящая родина», и столько же однозначно заявили, что они являются гражданами Казахстана. Таким образом, в эти годы имело место постепенное нарастание числа желающих уехать. Суммируя эти цифры, можно сделать вывод, что около 20% опрошенных связывали свое будущее с переездом, а около 40% однозначно решили остаться, хотя в то же время 71% опрошенных русских Алма-Аты выразили желание «уехать, если представится такой случай».

По данным же Института Гиллера, к этому времени примерно 40,1% «русскоязычных» Казахстана (т.е. чуть больше, чем по данным ВЦИОМ) твердо решили остаться, 14% – твердо решили уехать, а 33,5% «хотели

бы уехать, но не могут». Причем, по данным тех же опросов, 48,6% потенциальных мигрантов изменили бы свое решение, если бы улучшилась экономическая ситуация. Таким образом, на первое место среди причин отъезда стал постепенно выходить экономический фактор. По 1995 и позднейшим годам данных социологических опросов нет, за исключением одного локального: в Талды-Кургане в марте 1995 г. 37% опрошенных хотели уехать, в том числе 5% «в ближайшее время», а 27% заявили, что «хотели бы, но не могут»²⁰. Поэтому ограничимся данными о фактическом выезде некоторых групп «русскоязычных» (таблица 1).

Намерения уехать, как видно из таблицы, не оставались только намерениями.). Всего за 1991–1995 гг. Казахстан покинули около 1 млн «русскоязычных»²¹, и к середине 1990-х годов доля русских в населении Казахстана сократилась с 44% до 37%²².

Таблица 1
Миграция некоторых групп «русскоязычных» Казахстана
в 1993–1996 гг.²³
(выбыло / прибыло / сальдо)

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Русские	251 958	357 666	225 861	170 344
	128 181	105 372	99 393	73 960
	– 123 777	– 251 934	– 126 468	– 96 384
Немцы	101 205	103 921	91 597	65 372
	17 082	14 125	11 855	8429
	– 84 123	– 89 796	– 79 742	–56 943

Тем не менее последние данные подтверждают правоту тех, кто предсказывал уменьшение потока эмигрантов после 1994 г. (таблицы 1, 2). Так, если за 1994 г. республику покинули 614 591 человек (речь идет обо всех, не только о «русскоязычных», которых выехало примерно полмиллиона), то за первый квартал 1995 г. выезд славянского населения составил 69 000 человек, а за первый квартал 1996 г. – только 28 000²⁴. В период же 1997–2000 гг. выезд «русскоязычных» из страны, то немного возрастая (1998 г. – 186 397), то, резко снижаясь, например, до 89 998 в 1999 г. (возможно, из-за дефолта 1998 г. в России, а в 2000 г. выезд возрос до 109 343 чел.), все же постепенно уменьшался.

Что касается «возвращенцев», то в конце 1990-х годов в казахстанской печати периодически появлялись истории о том, как некие русские уехали в Россию, как им там стало плохо и они вернулись назад²⁵. Впрочем, конкретные цифры вернувшихся казахстанской печатью до недавнего времени не назывались. Только Президент Казахстана в цитируемой выше статье в «Независимой газете» указал, что в 1994 г. вернулись около 50 000 человек²⁶. Однако имелись кое-какие косвенные данные. Так, в Кемеровской области России, где 60% всех переселенцев из Ближнего Зарубежья составляли именно переселенцы из Казахстана, число мигрантов за 1992–1997 гг. сократилось с 32 000 до 3500²⁷.

Таблица 2
Выезд русских из Казахстана в 1997–2000 гг.²⁸

Год	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Выбыло русских	174 616	186 397	89 998	109 343
Всего вы- было евро- пейцев	243 967			
Сальдо с Россией	– 210 500	– 183 200		

В конце 2000 г. наконец появились и прямые сведения: в страну прибыло более 100 000 мигрантов, в основном бывшие казахстанские жители, искавшие и не нашедшие лучшей доли в других странах²⁹. Впрочем, неясно, какой процент из них составляют «русскаяязычные». Неясно и то, с какого времени ведется учет количества вернувшихся – если с самого начала существования независимого Казахстана, то цифра явно сильно занижена. Доля числа «русскаяязычных», тем не менее, может быть вычислена по косвенным данным. Так, в 1998 г. из числа прибывших в Восточно-Казахстанскую область русские составляли 47%, казахи же – 29%³⁰. По непроверенным данным (начало 2004 г.), более или менее массовое возвращение в Казахстан продолжалось и в начале 2000-х годов. По данным опроса осенью 2008 г., 82,6% русских и «русскаяязычных» Казахстана родились в стране проживания и 86,6% проживают более чем в двух поколениях, а 10,1% приехали в Казахстан до 1990 г. и 2,7% – после 1990 г.³¹ Не-

ясно, входят ли в эти 2,7% «возвращенцы», но в любом случае, учитывая большой размер диаспоры, число немаленькое.

Оптимизм относительно дальнейшего проживания большой славянской диаспоры в Казахстане внушают, например, такие цифры: если среди уехавших из Казахстана «русскоязычных» лица моложе 60 лет составляют 85,5%, то среди «возвращенцев» – 89,3%.

Впрочем, были места, где и в конце 1990-х годов европейцы не чувствовали себя в безопасности. Речь идет о Чимкентской и Кызыл-Ординской областях. Так, в Чимкенте еще и в 1996–1997 гг. «казахам все продавали без очереди, а русским грубили, обзывали рабами и говорили, чтобы убились в свою Россию». Казахская молодежь практиковала, например, избиения русских, которые не могли сосчитать по-казахски до ста³² или заставляла снимать штаны и избивала тех, которые не были обрезаны (рассказы русских переселенцев)³³.

И.С. Савин (сам житель г. Чимкента) пишет, что уменьшение числа уехавших после 1994 г. едва ли можно рассматривать как признак стабилизации межэтнических отношений, поскольку в первой половине 1990-х годов уехало относительно мобильное «русскоязычное» население (приехавшие в годы хрущевско-брежневскихстроек 1960–1980-х годов), а сейчас начинают уезжать так называемые стабильные русские (жившие в Казахстане до этого). В целом из Южного Казахстана в 1997 г. выехали 52 тыс. чел., вернулись же только 10 тыс.³⁴ Применительно к Чимкентской области эти тенденции вполне правдоподобны. Однако эти регионы не типичны для всего Казахстана.

Впрочем, есть регионы и в Северном Казахстане, из которых в конце 1990-х – первой половине 2000-х годов, как уже говорилось, проходил достаточно массовый выезд славянского населения³⁵. Дело в том, что тут с опозданием шли те процессы, которые в Семиречье и Северной Киргизии (о ней речь впереди) протекали десятью годами ранее.

А вот тенденции последних двух-трех лет (таблица 3); хотя число сталкивающихся с нарушением их прав постоянно при поступлении на работу и в быту существенно выросло, однако оно продолжает составлять сравнительно небольшой процент от общего числа ответивших.

Таблица 3

**Сталкивались ли русские в Казахстане с нарушением их прав
(в % от числа опрошенных)³⁶**

	Опрос 2006 г.	Опрос 2008 г.
При поступлении на работу:		
Постоянно	8	14,2
Отдельные случаи	43,8	35,7
Практически не сталкиваемся	27,1	28,8
В быту		
Постоянно	4	8,9
Отдельные случаи	52,9	40,3
Практически не сталкивался	22,4	31,8
При получении образования		
Постоянно	4	5,2
Отдельные случаи	32,3	24,7
Практически не сталкивался	36,3	38,8
В общественно-политической деятельности		
Постоянно	4	5,7
Отдельные случаи	16,2	12,7
Практически не сталкивался	28,2	24,9

В течение 1990-х годов власти продолжали чинить всякие препятствия в регистрации русских организаций. Так, Казахстанская русская община с большим трудом зарегистрировалась к сентябрю 1992 г.; интернациональный блок «Единство» власти не регистрировали, усмотрев в придании русскому языку статуса государственного «претензии на исключительность русского народа» и т.д. Интересны мотивировки отказа – так, например, об Уральском казачьем войске было сказано: «Так называемое “возрождение” этого агрессивного по своей природе, предназначению и в сущности привилегированного по-имперски сословия не могло осуществиться в тех же самых сугубо гуманистических формах, в которых происходит возрождение подлинно национальных обычаев и традиций различных народов, оказавшихся жертвой великодержавной политики Москвы»³⁷. В 1994–1995 гг. были отказы в регистрации «русскоязычных» кандидатов в депутаты (на-

пример, в Кокчетаве – местных русских активистов, выступавших за право на двойное гражданство), закрытие «русскоязычных» газет.

В марте 1995 г. вместо распущенного парламента Н.А. Назарбаевым был создан декоративный орган – «Ассамблея народов Казахстана»; однако из 290 членов «Ассамблеи» казахов 133 (что, впрочем, не больше их доли в населении Казахстана на тот момент), а вот русских только 46 – явно существенно ниже удельного веса в населении. Отметим, что примерно в 1994 г. был остановлен (по крайней мере, приостановлен) процесс массовой «казахизации» администрации в некоторых североказахстанских областях (например, в Кустанайской)³⁸, а за вторую половину 1990-х годов несколько вырос процент «русскоязычных» среди чиновников, вплоть до министров³⁹. В то же время и по сей день лишь 10,5% русских Казахстана полагают, что организации российских соотечественников занимают важное место в жизни страны (в 2006 г. было 11,1%), зато за эти два года с 20,8% до 29,5% выросло число тех, кто считает, что власти обращаются к этим организациям за поддержкой, когда это выгодно, и с 15,9% до 18,3% – что практически никакой роли организации соотечественников не играют⁴⁰.

Что касается самих «русскоязычных», то в Казахстане на интеграцию с Россией или создание национальной автономии настроено (в процентах к общей численности) в три раза больше людей, чем в Киргизии, и в четыре раза больше, чем в Узбекистане⁴¹. А 65,5% опрошенных русских алмаатинцев заявили, что оптимальным выходом стало бы принятие закона о двойном гражданстве⁴². Десять лет спустя число русских Казахстана, считавших необходимым закон о двойном гражданстве, выросло с 53% в 2006 до 54% в 2008 г. (примерно столько же – 53,3% – считает, что Россия должна предоставлять соотечественникам двойное гражданство; в 2006 г. таких было 50,1%), а число считавших, что русскому языку необходим статус второго государственного – с 55% до 56%⁴³.

Отметим еще, что по данным опросов 2006 и 2008 гг. среди русских Казахстана уменьшилось число тех, кто считает, что руководство страны стремится к тому, чтобы русские по возможности покинули страну (2006 – 22,1%, 2008 – 16,9%); правда, еще больше снизилось число тех, кто полагает, что политика руководства Казахстана направлена на то, чтобы русские жили так, как сами считают нужным (с 27,2% до 17,1%); зато на треть выросло число тех, кто думает, что руководство Казахстана хочет, чтобы русские выучили местный язык и приспособились к местным условиям (с 42,2% до 56,1%). Кроме того, 44,3% полагают, что русские и «русскоязычные» могут

совместными усилиями защитить свои интересы (18,3% – определенно да и 26% – скорее да), тогда как 37,8% придерживается противоположного мнения (31,3% – скорее нет и 6,5% – определенно нет)⁴⁴. Отметим, что раскол Казахстана на Север и Юг вновь станет более вероятен, если эти процессы будут и далее набирать силу.

Впрочем, экономическая стабилизация Казахстана делает более вероятным постепенное «затухание» конфликта с восстановлением добрососедских отношений между русскими и казахами. По крайней мере, по данным того же опроса 2008 г., 53% опрошенных соотечественников о своем материальном положении говорят, что «денег в основном хватает, однако покупка дорогих вещей вызывает затруднения», а процент людей, которые могут ни в чем себе не отказывать, в два с лишним раза выше процента тех, кому «денег не хватает даже на еду» (7% против 3,3%)⁴⁵.

Поэтому еще в 1996 г. был сделан прогноз о том, что в ближайшие пять лет из Казахстана выедет не более 16% нетитульного населения⁴⁶. Судя по приводившимся выше данным за 1997–2000 гг., реально уехало существенно меньше. По данным опроса в октябре–ноябре 2008 г., 95,6% проживающих в Казахстане «русскоязычных» являлись гражданами Казахстана и 3,2% – России (граждане других стран и лица без гражданства составляют по 0,2%).

Однако экономическая стабилизация породила новые тенденции – приток в Казахстан трудовых мигрантов из Средней Азии (где экономическое положение гораздо хуже) – часть «перетока с юга на север».

Для России выгоднее всего как можно более тесная интеграция с Казахстаном, противодействие радикальному исламу со стороны традиционного ислама и других неэкстремистских религий, принимаемых населением, а главное – радикальные преобразования в направлении интенсификации традиционного казахского (и киргизского) скотоводства. Такое преобразование будет способствовать качественному изменению уровня и образа жизни казахов. В случае успешной интенсификации овцеводства будут созданы условия для прорыва Казахстана (и Киргизии) в будущее, для превращения их в относительно благополучные и стабильные государства, где и «титульные» нации смогут намного повысить свой уровень жизни, и для миллионов «русскоязычных» место найдется⁴⁷.

Отметим еще, что в Казахстане за 2006–2008 гг. в полтора раза выросло число соотечественников, считающих, что Россия делает для них все, что может (с 10,6% до 15,7%) и примерно на четверть (с 33,9% до

24,9%) снизилось число не чувствующих никакой конкретной поддержки (число тех, кто считает, что делается недостаточно, выросло незначительно, с 36,4% до 38,4%)⁴⁸. Таким образом, налицо рост доверия соотечественников к России, и не хотелось бы его не оправдать...

Наконец, неоднозначную реакцию среди опрошенных соотечественников в Казахстане вызывает программа переселения соотечественников в Россию. «Работа по информации слабая, о программе не будут знать» – так считали 53,9% опрошенных в 2006 г. и 54,6% в 2008. Что программа выгодна и России, и соотечественникам, полагали в 2006 г. 50,3%, в 2008 г. несколько меньше – 47,3%. То, что отъезд русских ослабит позиции России в СНГ, в 2008 г. беспокоило втрое меньше людей, чем двумя годами ранее – 8,9% против 26,5%. Зато на два порядка больше стало тех, кто считает, что программа помогает соотечественникам в СНГ – с 0,3% до 20,3%⁴⁹.

Русско-киргизские отношения

В 1992 г. казалось вероятным возникновение русско-киргизского конфликта в Чуйской долине. Здесь тоже была первая стадия, когда «межэтническое напряжение уже отчетливо проявилось, но имеет достаточно низкий уровень», однако более высокий, чем в Казахстане. Начать конфликт могли, как представлялось, сами киргизы, которым агитаторы-националисты внушали, что «колонизаторы» хорошо устроились за их счет⁵⁰.

Переселение восточных славян и других «русскоязычных» этнических групп в Киргизию началось сразу же после присоединения ее к России, в 1860-х годах. До 1917 г. переселение, как и в Казахстане, носило в основном характер стихийной или плановой миграции крестьян преимущественно юга России и Украины, с созданием на территории Киргизии, как в Семиречье, так и в Ферганской долине, «русских поселков». Именно поэтому в Киргизии до 30% «русскоязычного» населения (по состоянию на 1989 г.) проживало в сельской местности (больше, чем в Казахстане). Всего к моменту образования Каракиргизской автономной области (октябрь 1924 г.) в Киргизии жили 833 884 человека, в том числе 510 061 киргиз (61,2%), 146 041 узбек (17,5%), 138 686 русских (16,6%) и 39 096 (4,7%) представителей других национальностей⁵¹.

После 1917 г. переселение «русскоязычных» в Киргизию осуществлялось по общесреднеазиатской модели и было направлено на формирование современных индустриальных, научных, культурных и управленческих

кадров. В связи с этим в течение 1917–1953 гг. в Киргизию переселилось более половины всех европейцев, живших там к 1990 г. Впрочем, эти данные только по Таласской области⁵², однако данные опроса 2008 г. по всей Киргизии дают еще более внушительное преобладание ранних переселенцев – 89,8% живут в Киргизстане более чем в двух поколениях, т.е. как раз по крайней мере с 1950-х годов⁵³. Основную часть этих переселенцев по-прежнему составляли крестьяне (в том числе и попадавшие сюда не по своей воле), сохранявшие сельские традиции, привязанность к земле и сумевшие в итоге не только наладить хорошие отношения с местным населением, усвоить в значительной части его культуру, обычаи и со своей стороны внесшие существенный вклад в обогащение культуры местного населения.

Примерно с конца 1950-х годов эта тенденция была нарушена, и переселенческие потоки 1960-х и 1970-х годов, связанные в основном с так называемой «второй индустриализацией» (как иногда именуется строительство промышленных объектов в Средней Азии в это время), состояли по преимуществу из маргиналов, растерявших сельскую культуру и не усвоивших городскую, и соответственно резко противопоставивших себя местному населению.

Отъезд русских начался во второй половине 1970-х годов. Только между 1976 и 1986 годами нетто-миграция русских из Киргизии составила 141 200 чел.⁵⁴; по другим данным, по нашему мнению, заниженным – 70 000 за 1979–1989 гг.⁵⁵ В связи с этими процессами, а также ввиду более высокого естественного прироста у титульного населения доля европейцев в населении республики сократилась за 1959–1989 гг. с 43% до 27%, в том числе русских – с 30,2% до 21,9% (см. табл. 4).

Таблица 4
Доля «русскоязычных» диаспор в населении Киргизии
(в %, по материалам переписей населения)

Год	Европейцы	В т.ч. славяне	В т.ч. русские
1926	19	18,1	11,7
1939	31,5	30,2	20,8
1959	41,5	36,8	30,2
1970	38,8	33,3	29,2
1979	33,9	29,0	25,9
1989	27	24,3	21,4

В этот период выезжали те представители некоренного населения, которых не могла востребовать экономика республики, поскольку количество вновь создаваемых рабочих мест в 3–3,5 раза отставало от темпов прироста трудоспособного населения⁵⁶.

Ситуация существенно изменилась в 1989 г. Ряд межэтнических конфликтов, прежде всего в Ферганской долине, а также проявившиеся на бытовом уровне антирусские настроения оказали существенное психологическое воздействие на «русскоязычное» население, побуждая его покидать республику.

Первым толчком к массовому выезду «русскоязычного» населения из Киргизии стало принятие 23 сентября 1989 г. Верховным Советом республики Закона о государственном языке, согласно которому государственным языком в республике признавался только киргизский. Русский же язык не был признан ни вторым государственным, ни языком межнационального общения. В 1994 г. при проведении социологического опроса 83% потенциальных мигрантов среди «русскоязычного» населения заявили, что причина их предстоящего отъезда – ситуация с языком⁵⁷.

Кроме того, в 1990 г. киргизская молодежь, переселявшаяся в город из перенаселенных периферийных районов Киргизии, начала с фактического одобрения республиканских властей самозахваты земли под Бишкеком (тогда еще Фрунзе). Фактически в настоящее время площадь самозастроек примерно равна площади всей киргизской столицы на 1989 г. К 1995 г. там проживало примерно 150–200 тыс. чел., в 1997 г. – 300–400 тыс.⁵⁸ Десять лет спустя фактическая численность населения столицы Киргизстана превышала официальную уже на 500 тыс.; при этом наряду с гиперурбанизацией столицы происходила деурбанизация остальной страны⁵⁹. 98% застройщиков составляют киргизы, причем 90% этих новых горожан городу не нужны – они не могут найти там ни работы, ни достойных условий жизни, не говоря уже о том, что инфраструктура города не рассчитана на такое количество жителей⁶⁰.

Сложной была в 1990 г. и этнополитическая ситуация. В некоторых областях (Нарынская, Таласская) под влиянием конфликта с узбеками имели место выступления и против «русскоязычного» населения – с угрозами, осквернением кладбищ, битьем стекол в домах т.д.⁶¹ Все это привело к тому, что если еще в 1989 г. эмиграция «русскоязычного» населения

не превышала нормальных среднегодовых показателей, то уже в 1990 г. она возросла в 2,5 раза и достигла 42 000 человек⁶².

Пик антирусских настроений в республике пришелся на 1991 г., особенно на вторую его половину (впрочем, лично на себе я неприязни почти не ощущал, хотя и находился тогда в Киргизии с июня по ноябрь 1991 г.). Летом, в 75-ю годовщину восстания 1916 г., киргизская молодежь организовала демонстрацию, участники которой прошли вокруг Иссык-Куля. На митингах, организованных по пути следования, звучали, например, призывы не покупать у русских дома, поскольку они «все равно сами бросят»; подобные призывы раздавались тогда и в других местах – например, в Таласской области⁶³. Автору рассказали такой случай: к одной русской семье в г. Талас в 1990 или 1991 г. пришла соседка-киргизка и спросила, за сколько они хотят продать дом. Получив ответ, что они не собираются его продавать, она воскликнула: «Но ведь уедете же вы когда-нибудь»⁶⁴. И таких примеров, вероятно, было немало.

Эмиграция русских из Киргизии, очевидно, приняла бы гигантские размеры уже в 1991 г., если бы не два обстоятельства. Во-первых, в июле этого года в республику прибыла с официальным визитом делегация РСФСР во главе с только что избранным Президентом Б.Н. Ельциным и тогдашним премьером И.С. Силаевым. Многочисленные встречи и беседы, подписание ряда соглашений, совместное заявление о «следовании традициям дружбы и братства» показали «русскоязычным» концом всех испытаний. А постоянные выступления Акаева в качестве последовательного поборника дружбы народов и его убедительная победа на президентских выборах в октябре 1991 г. еще больше усилили эту уверенность.

Однако вскоре выяснилось, что этим надеждам не суждено было сбыться и испытания только начинаются. К концу года распался СССР. Киргизия (с осени 1990 г. – «Республика Кыргызстан», с мая 1993 г. – «Кыргызская республика») еще 31 августа 1991 г. провозгласила независимость. Позиция киргизского руководства в 1992–1993 гг. однозначно была направлена в первую очередь не на консолидацию народов, населяющих страну, а на «защиту интересов титульной нации». Венцом подобной политики стало принятие 5 мая 1993 г. новой Конституции республики, которая провозглашала государственным языком только киргизский. Ссылки представителей «русскоязычной» общественности на пример западных двуязычных стран – Канады, Бельгии, Финляндии, а также трехязычной

Швейцарии, в подобие которой сам Акаев мечтал превратить Киргизию, ни к чему не привели.

Незнание государственного языка стало достаточным поводом для изгнания с руководящей работы и вообще с государственной службы. Так, уже к 1994 г. среди руководителей крупных промышленных предприятий не осталось ни одного «русскоязычного». При этом широко применялась тактика «выдавливания»: вместо открытого увольнения европейцев с работы часто сокращали занятые ими должности, а потом восстанавливали и принимали на них киргизов. Помимо чисто этнического фактора, играло роль и то, что «русскоязычные» не признавали принципа старшинства (в роде, племени и др.). Так, русский начальник Таласского городского отдела ГАИ, удерживавшийся на своем посту по крайней мере до 1992 г. благодаря покровительству Ф.Ш. Кулова (министра внутренних дел, а в 1992–1993 гг. вице-президента Киргизии), наказывал любых «ответственных работников» за нарушение правил дорожного движения. И вообще, с точки зрения киргизов, европейцы ведут себя по отношению к начальству более независимо, чем киргизы, для которых начальник, как правило, старший в роде⁶⁵.

После перевода на киргизский язык отчетности в государственных учреждениях процедура составления отчетов превратилась в сущее мучение не только для русских, но и для многих киргизов. Неудивительно: по некоторым данным, еще и в 2001–2002 гг. до 600 тыс. киргизов считали русский язык родным⁶⁶. Даже совещания требовалось проводить по-киргизски, хотя в руководстве, например, Чуйского областного УВД 70% составляли «русскоязычные». Потом эту практику признали ошибочной, но многие русские – в большинстве своем высокопрофессиональные кадры – уже ушли, и вернуть их оказалось невозможно⁶⁷.

Переход на киргизский язык первоначально планировалось осуществить к 1998 г., но по старой советской традиции местные власти решили действовать «с опережением графика». В русских школах г. Бишкека осенью 1992 г. киргизский язык стали преподавать по пять часов в неделю, а русский – только по два, как «иностраный». Если раньше все официальные мероприятия проводились на двух языках, то теперь только на киргизском. Известно также и о таких фактах, как применение киргизского языка в суде в гражданском деле между двумя «русскоязычными» (Рыбачье (ныне Балыкчы), весна 1990 г.) и т.д.⁶⁸

Так, в Таласской области переход должен был завершиться уже к 1993 г. Правда, затем срок передвинули на 2000 г., а потом на 2005, но это стало лишь отсрочкой, а не принципиальным решением проблемы.

Между тем, по данным переписи 1979 г., только 1,2% русских хорошо владели киргизским языком, в том числе 1% в городах и 1,85% в сельской местности. Но виноваты ли в этом они сами, если преподавание в русских школах киргизского языка было прекращено еще в сталинские времена, а киргизы во многих городах, да и в русских селах практически не жили до 1960-х, а то и до 1970-х годов? Отметим, кстати, что к 1992 г. процент знающих киргизский язык среди русских возрос до 10% в городах и 5% в селах⁶⁹.

Начавшиеся экономические реформы, в том числе и приватизация, создали новый повод для дискриминации европейцев: было объявлено, что приватизационные чеки не получают лица, прожившие на территории республики менее 10 лет, даже если они приехали сюда не по своему желанию, а, например, по распределению или в порядке служебного перевода.

Кроме того, скоро выяснилось, что Россия не собирается требовать от Киргизии неуклонного соблюдения прав «русскоязычного» населения согласно подписанным в июле 1991 г. и позже договорам, давая в то же время Киргизии крупные дотации, хотя, конечно, и несравнимые с теми, которые последняя получала от Центра при существовании СССР⁷⁰. Поэтому неудивительно, что уже в 1992 г. из республики выехали 56 тысяч «русскоязычных», а в 1993 – 120 тысяч, в том числе 102 тысячи русских⁷¹.

Справедливости ради надо отметить, что в возникающих межэтнических конфликтах отчасти повинны и сами «русскоязычные» (и часть из них это признает) – не знают киргизского народа, его обычаев и т.д.⁷² (о незнании языка уже сказано). А, например, на президентских выборах 13 октября 1991 г. А. Акаев получил меньше голосов именно в тех избирательных округах, где большинство населения составляли европейцы. Киргизские национал-радикалы не преминули этим воспользоваться и заявить о том, что вот, дескать, к чему приводит заигрывание с «колонизаторами». Многие действия А. Акаева осенью 1991 г. – в частности, упоминавшееся введение десятилетнего «ценза оседлости» при проведении приватизации, а также заявления вроде: «Если бы Центр не грабил Киргизию, забирая сырье по бросовым ценам, то она заняла бы место в первой двадцатке стран мира по уровню жизни»⁷³ – еще до выборов, но после них таких заявлений стало больше – возможно, были вызваны именно этим фактором.

Небезынтересно, что, помимо миграции за пределы республики, многие «русскоязычные» осуществили внутриреспубликанскую миграцию: в 1990-е годы наметилась тенденция к переезду значительной части европейцев с периферии в столичную Чуйскую область. Так, среди уехавших в 1989–1992 гг. из Таласской области «русскоязычных» такие составляли 10%⁷⁴. Дело в том, что Чуйская долина оставалась единственным регионом Киргизии, где европейцы еще и на рубеже XX–XXI вв. составляли компактные районы проживания, а во многих местах, в том числе и в столице – большинство (имеется в виду старый город Бишкек, без новых застроек 1990-х годов, где киргизы, как уже говорилось, составляют 98% населения).

Автор одно время допускал вероятность развития ситуации в Чуйской долине по «приднестровскому» сценарию в случае, если будет продолжаться наступление на права «русскоязычных», с отстаиванием этих прав всеми средствами вплоть до вооруженной защиты⁷⁵.

Однако с тех пор возможность возникновения конфликта существенно снизилась. С одной стороны, «русскоязычное» население Чуйской долины сильно разбавлено многочисленными киргизскими переселенцами с периферии и выездом из республики в 1990–1999 гг. примерно 480 000 европейцев; с другой стороны, киргизы постепенно осознают, что без «русскоязычного» населения их республика окажется в катастрофическом положении. Оно и понятно с учетом того, что доля киргизов в составе квалифицированных рабочих и служащих в 1977 г. составляла 15,5%, а на машиностроительных заводах, например – 5–8%⁷⁶.

В начале 1994 г., правда, Акаев еще позволял себе высказывания вроде «одно из условий продолжения демократических преобразований в республике – отъезд русских». Но эти высказывания, созвучные цитированным выше строкам И.Г. Яковенко⁷⁷, сбылись «с точностью до наоборот». В 1994–1995 гг. наметился некоторый поворот в межэтнических отношениях. Правительство Киргизии приняло ряд законов о защите «русскоязычного» населения: так, 15 июня 1994 г. Президент Киргизии Акаев издал ряд указов – о придании русскому языку статуса официального на тех предприятиях и в тех селах, где «русскоязычное» население преобладает, а также там, «где русские специалисты незаменимы», о запрете дискриминации за незнание государственного языка, о предоставлении гражданства Киргизии всем «русскоязычным», которые уехали из республики раньше, а теперь пожелают вернуться, и т.д.⁷⁸

Таблица 5

Баланс миграции «русскоязычного» населения Киргизии⁷⁹

Год	Выехало	Вернулось	Сальдо
1989	24 200	20 600	– 3600
1990	38 700	18 500	– 20 200
1991	33 600	17 800	– 15 800
1992	65 400	13 200	– 52 200
1993	106 400	11 000	– 95 400
1994	49 400	10 900	– 38 500
1995	20 100	9900	– 10 200
1996	15 100	8200	– 6900
1997	11 400	6300	– 5100
1998	8714	5254	– 3460
1999, I–IX	6928	3215	– 3713
Всего	380 142	123 769	– 256 373

Стали создаваться русскоязычные вузы, среди которых в первую очередь заслуживает внимания созданный осенью 1993 г. Славянский университет (к которому постепенно добавилось несколько отделений российских университетов), и расширяться сеть русскоязычных школ (впрочем, на 2008 г. русские школы посещало только 25% школьников)⁸⁰.

Наконец, 12 февраля 1996 г. киргизский парламент принял постановление об отмене графы «национальность» в паспортах, а месяц спустя – Закон о придании русскому языку статуса официального (однако этот закон был полностью ратифицирован только в 2000 г.). В то же время парламент Киргизии не поддержал инициативу Акаева о предоставлении двойного гражданства представителям славянских народов «как наиболее пострадавшим от развала СССР»⁸¹. Осенью 2001 г. русский язык в Киргизии получил статус официального.

Многие называют решения киргизстанского руководства по защите «русскоязычного» населения запоздалыми и половинчатыми, и это, пожалуй, правильно: действительно, остановить выезд европейского населения могут только решительные, опережающие действия, среди которых главное место должно занимать признание русского языка вторым государственным (затянувшееся, как мы видели, до 2000 г.). Тем не менее и эти решения принесли свои плоды: после 1993 г. выезд «русскоязычных» суще-

ственно уменьшился; после 1996 г. он сократился до среднего уровня 1980-х годов (таблица 5).

Кроме того, появилось относительно большое число вернувшихся назад; возвращение объясняется как сравнительно плохой приживаемостью этнических россиян на исторической родине, так и тем, что произошли существенные изменения к лучшему в статусе «русскоязычных» жителей Киргизии. Впрочем, по данным того же источника, на выезд были настроены 40% гуманитарной интеллигенции и 25% производственной, 40% горожан и более половины жителей сел, однако сообщивший эти сведения автор, сам себе противореча, предполагал отток на уровне 1% в год; реальная цифра, как мы видели, оказалась еще ниже. Кроме того, среди твердо решивших остаться «многие» хотели бы приобрести в Киргизии недвижимость или предприятие⁸². По данным более раннего социологического опроса, 69% городских и 56% сельских «русскоязычных» хотели бы стать в Киргизии собственниками⁸³. В целом подобное намерение «русскоязычных» внушало некоторый оптимизм и надежду на постепенное снижение миграционных настроений, что, в свою очередь, могло стимулировать и процесс возврата.

Впрочем, известные события 1999–2000 гг. в Баткенской области (до 2000 г. – западная часть Ошской области) вызвали новое увеличение оттока «русскоязычного» населения. Так, за 1998 г., по сведениям Славянского фонда Кыргызстана, отрицательный баланс (превышение числа уехавших над числом вернувшихся) составил 4 тысячи, за 1999 г. – 7–8 тысяч (при этом за первые девять месяцев года, напомним, 3713 человек, а баткенские события начались в августе), за первое же полугодие 2000 г. отток увеличился в полтора-два раза по сравнению с первым полугодием 1999 г.⁸⁴ – и это при том, что миграционные настроения были, по подсчетам социологов, уменьшены примерно вдвое тем, что в мае 2000 г. наконец-то вступил в силу закон о статусе русского языка как официального⁸⁵. Конечно, цифры отъезда «русскоязычных» в 1999–2000 гг. не идут ни в какое сравнение с темпами эмиграции в первые три-четыре года после распада СССР, однако тенденция тревожная, особенно если учесть, что и в дальнейшем националистически настроенная часть киргизского истеблишмента не оставляла идеи лишить русский язык статуса официального – об этом, например, говорилось в киргизском парламенте весной 2007 г.⁸⁶ Интересно, что если в 2006 г. 45% опрошенных «русскоязычных» считали, что для комфорта в стране нужен государственный статус русско-

го языка, то в 2008 – только 25%⁸⁷. Впрочем, надо помнить, что русский язык по-прежнему является официальным, а главные причины дискомфорта, как мы видели – не языковые.

Возможно, что разгром в 2001 г. афганского движения «Талибан», спонсировавшего вторжения исламских экстремистов, в том числе и на территорию Киргизстана, равно как и отсутствие факта вторжения «ваххабитов» на территорию Киргизии в 2001 г. благотворно повлияли бы на миграционные процессы в стране, сократив выезд европейского населения до совсем уже ничтожных величин, если бы не еще одно обстоятельство.

Дело в том, что уже в 1994 г. (по моим личным наблюдениям – уже отчасти и с 1992 г.)⁸⁸, по данным опросов, уезжавшие европейцы начали, как и в Казахстане, ставить на первое место среди причин отъезда не национально-политические, а чисто экономические причины – низкий уровень жизни по сравнению с Россией или с соседним Казахстаном, трудности с работой и т.д.⁸⁹ Интересно и то, что из тех «русскоязычных», кто решил остаться, испытали на себе национальную неприязнь 40%, а среди потенциальных мигрантов – не более 20%⁹⁰. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем – до настоящего времени, и неудивительно: если в Казахстане по данным опроса 2008 г. «денег в основном хватает» 53% опрошенных, то в Киргизстане – 37,2%, при этом у такого же количества (37,1%) денег хватает только на еду и самое необходимое⁹¹.

По данным оппозиционной печати, миграционный отток вырос с 10 000 в 1999 г. до 16 700 в 2003 г.⁹² Отрицательный баланс (превышение числа уехавших над числом вернувшихся) возрос с 3–5 тыс. в 1999 до 10 тыс. в 2003 г.⁹³ По другим данным, за первые десять месяцев 2004 г. 4412 киргизстанцев получили разрешение на переселение в Россию⁹⁴. При этом, по некоторым данным, уже в 2004 г. до трети выезжающих в Россию составляли представители титульной национальности⁹⁵. Речь идет о выезжавших на ПМЖ, трудовых мигрантов уже тогда было гораздо больше, например, в 2004 – 6,3 тыс., а в 2005 – 8,2 тыс.⁹⁶

Отметим, что несколько усилило миграционные настроения принятие нового Закона о языке 12 февраля 2003 г. Так, лица, претендующие на должности в госаппарате или на поступление в КГУ, должны теперь продемонстрировать не просто понимание киргизского языка, но свободное владение им. Одна треть новостных программ должна теперь транслироваться на киргизском языке. Русский язык сохранил статус официального,

но за киргизским языком наряду с русским был закреплён статус языка межнационального общения⁹⁷.

В целом же к середине 1990-х годов доля русских в населении Киргизии сократилась до 17% против 21,5% в 1989 г. В 1997 г. «русскоязычных» оставалось 17,15% против 24,2% в 1989 г.⁹⁸ По переписи же 24 марта 1999 г. русских осталось 603 201 чел. (по другим данным – 663 тыс.) против 916 558 в 1989 г.⁹⁹ В конце 2004 г. было уже 498 тыс., хотя эта цифра представляется несколько заниженной: источник сообщал, что 95% русских живут в Бишкеке и Чуйской области, т.е. на долю остального Киргизстана приходится менее 25 тыс. чел.¹⁰⁰ Между тем только в Караколе (15–18 тыс.) и в Джалал-Абадской области (12 тыс.) русских было больше¹⁰¹. До 20% населения составляло в середине 2000-х годов «русскоязычное» население в Кызыл-Суу (бывшая Покровка), в Балыкчы (бывшее Рыбачье), до половины населения – в Чолпон-Ате¹⁰². Но русское население – это лишь часть (примерно три четверти) европейского, отсюда возможна некоторая путаница.

В 1996 г., как уже говорилось, существовал прогноз отъезда в Россию до 2000 г. до 12% остававшегося на тот момент нетитульного населения Киргизстана¹⁰³. Однако этот прогноз не сбывлся, реальная убыль населения в 1996–2000 гг. составила гораздо меньше, менее 5% (таблица 6). Явно не сбывается и другой, гораздо более пессимистический прогноз о том, что «через 15 лет (написано в 1997 г. – Г.С.) доля русских приблизится к нулевой отметке»¹⁰⁴. Несмотря на возросший к 2004 г. отток «русскоязычного» населения, о «нулевой отметке» к 2012 г. говорить не приходится, хотя сам автор прогноза уехал в Россию.

Объективно в Киргизии и Казахстане в выезде «русскоязычного» населения заинтересована лишь узкая прослойка националистической номенклатуры и некоторые внешние силы, враждебные как обоим этим государствам, так и России (часть радикально-исламских сил). Сохранение по крайней мере на первую половину 2000-х годов основного костяка европейской диаспоры, постепенное изменение отношения к ее представителям, возвращение значительной части уехавших – в некоторые годы до 40% – назад, исторический опыт, доказавший возможность экономического и бытового симбиоза славян (и вообще европейцев) с евразийскими скотоводами, а также относительно слабая исламизированность скотоводов-киргизов и казахов – все это является факторами, которые располагают к проживанию в Казахстане и Киргизстане значительного европейского населения.

По нашему мнению, как и в Казахстане, процент «русскоязычного» населения в Киргизии при нормальном развитии событий должен был сократиться примерно до уровня 1926 г.; практически это уже произошло. Кстати, тот факт, что если в 1992 г. «русскоязычные», приехавшие до 1950-х годов, составляли лишь чуть больше половины от общего числа, а в 2008 – почти 90% (см. выше), подтверждает то, что остаются в основном более старые переселенцы.

С другой стороны, если в целом среди «русскоязычных» Киргизстана 43,3% считают, что они могут защитить свои интересы, и 43,9% придерживается противоположного мнения, то среди русских (а 20% киргизов тоже являются «русскоязычными», так как считают русский язык родным) это соотношение менее оптимистичное – 33,3% против 54,1%¹⁰⁵.

Все эти факторы давали бы серьезные основания надеяться, что в Киргизии и Казахстане вопрос проживания славянского населения может быть решен положительно и, более того, в случае нормализации экономической ситуации для «русскоязычного» населения самые тяжелые испытания останутся в прошлом, если бы не внешние факторы, осложняющие ситуацию. Речь идет о пресловутом «*перетоке с юга на север*», который, помимо всего прочего, усилил и процессы исламизации в Киргизстане.

Осложнение ситуации отчасти уже дает о себе знать. За 2006–2008 гг. в разы выросло число тех «русскоязычных», кто постоянно сталкивается с нарушением своих прав в быту (с 6,1% до 11,3%), при поступлении на работу (с 3,1% до 14,3%), при получении образования (с 2,3% до 15%), в общественно-политической деятельности (с 2,6% до 8,1%). Примерно так же – в 2–5 раз – возросло число тех, кто знает отдельные случаи таких нарушений. Число тех, кто практически не сталкивается с этим, также уменьшилось в разы: при поступлении на работу – с 65% до 33,3%, в быту – с 58,9% до 17,8%, при получении образования – меньше, с 68,7% до 48,1%, и только в общественно-политической деятельности показатель почти не изменился (44,4% в 2006 и 42,8% в 2008 гг.)

Соответственно, с 10,1% до 17,2% выросло число тех, кто считает, что политика руководства Киргизстана направлена на то, чтобы русские по возможности покинули страну, зато с 38,3% до 23,8% снизилось число тех, кто думает, что руководство Киргизстана стремится к тому, чтобы русские жили так, как сами считают нужным. Что политика руководства Киргизстана направлена на скорейшее приспособление русских к местным услови-

ям, полагают 46,9% против 35,6% в 2006 г.¹⁰⁶ Тенденция тревожная, и есть основания связывать ее как раз с проблемой «перетока»¹⁰⁷.

России поэтому надо учитывать, что в случае обострения межэтнических отношений из Северной Киргизии вполне возможен полный выезд европейского населения, и к такому повороту событий надо быть готовыми.

Вообще, в Киргизии, как и в Казахстане, за 2006–2008 гг. с 59,2% до 72,1% выросло число тех, кто считает, что Россия делает для своих соотечественников за рубежом если не все, что может, то хоть что-то, и почти вдвое – с 32,4% до 17,2% – уменьшилось число тех, кто считает, что ничего не делается¹⁰⁸. Таким образом, как и в случае с Казахстаном, налицо рост доверия к России, и его надо бы оправдать!

Впрочем, все сказанное о перспективах сохранения или несохранения европейской диаспоры относится к Северной Киргизии. Из Южной же Киргизии, скорее всего, европейское население выедет полностью или почти полностью. По большей части это уже произошло. Уже на лето 2002 г. из 200-тысячного «русскоязычного» населения Южной Киргизии в наличии осталось не более 35 000 человек¹⁰⁹. К концу 2004 г. в Джалал-Абадской области осталось, как уже говорилось, 12 тыс. европейцев¹¹⁰ против 30 тыс. в 1995 и 18 тыс. в 2000 г.¹¹¹ На 2006 г. в Южной Киргизии в целом русских имелось чуть больше 1% населения¹¹².

Многое в развитии ситуации в евразийских государствах зависит от отношений между различными частями титульного этноса.

Отношения между казахскими жузами

Если говорить о Казахстане, то тут ситуация зависит от отношений между казахскими жузами, в первую очередь между Старшим и Средним. Здесь, как и в предшествующем случае, едва ли можно говорить о конфликте, разве что о первой его стадии, когда «напряжение отчетливо проявилось, но имеет достаточно низкий уровень», да и то с натяжкой и местами. Что касается **межкиргизских противоречий**, то о них речь пойдет в главе, посвященной состоявшимся конфликтам, так как конфликт действительно состоялся дважды – в марте 2005 и в апреле 2010 г., не считая менее масштабных противостояний.

Три племенных объединения казахов – жузы – постепенно сформировались в XV–XVIII вв. При этом Старший жуз занимал и занимает юго-восток Казахстана (Семиречье и Чимкентскую область), Средний – центр, восток и северо-восток, а Младший – северо-запад. Когда в 1920 г. нача-

лось национально-государственное размежевание в Регионе, то территория, населенная племенами Старшего жуза, вошла в состав Туркестанской АССР, а остальной Казахстан – в состав Киргизской АССР (название произошло от того, что казахов до 1917 г. называли киргизами). Поэтому, когда в 1924 г. образовалась Казахская АССР в составе РСФСР (с 1936 г. – Казахская ССР), то у власти оказались представители Среднего и отчасти Младшего жузов, успевшие за эти четыре года там закрепиться. Так, председателями Президиума Верховного Совета республики (до 1937 г. – Центрального Исполнительного комитета) были, например, уроженец Мангышлака Ж. Мынбаев (1925–1927), после Великой Отечественной войны – среднежузовцы Д. Керимбаев из Карагандинской области (1947–1954), Ж.А. Ташенев из-под Акмолинска (ныне столица Казахстана Астана) (1954–1960), а потом И. Шарипов, представитель Букеевской орды из междуречья Волги и Урала (1961–1965).

Главами правительства (председателями Совнаркома, с 1946 г. – Совмина) были М.-К. Мырзагалиев из-под Уральска (1921–1922), М. Саматов из-под Павлодара (1924–1925), О.Ж. Исаев из-под Уральска (1929–1936), С. Дауленов из Актюбинской обл. (1961–1963). Первым секретарем ЦК в 1946–1954 гг. был Ж. Шаяхметов из Среднего жуза (в целом в «дозастойные» времена должность главы республиканской парторганизации занимали преимущественно «русскоязычные» партийные работники).

Лишь с выдвижением Д.А. Кунаева (глава правительства в 1955–1960 гг., первый секретарь в 1960–1962 и 1964–1986 гг.) Старший жуз постепенно начинает вытеснять представителей других жузов. В 1963 г. председателем Совета Министров становится М. Бейсебаев из Каскеленского района Алма-Атинской области. Однако в 1970 г. его сменяет Б. Ашимов из Кокчетавской области (Средний жуз); на посту премьера Ашимов остается до 1984 г., уступив его земляку М. Бейсебаеву Н.А. Назарбаеву. С этого момента Старший жуз утвердился у власти окончательно. Впрочем, декоративные посты руководителей Верховного Совета по-прежнему занимали в основном среднежузовцы: С.Б. Ниязбеков из-под Целинограда (1965–1978), тот же Б. Ашимов (1984–1985), а также представитель Младшего жуза С. Мукашев из Гурьева (1985–1987).

Новому лидеру Казахстана Н.А. Назарбаеву, чтобы упрочить свою власть и влияние, необходимо было прежде всего легитимизировать свою власть в глазах населения Казахстана, для чего применялись самые разные методы. Поскольку Казахстан на тот момент был населен примерно в

равной степени титульным и «русскоязычным» населением, причем без последнего республике по крайней мере в обозримом будущем никак не обойтись, то при легитимации власти приходилось учитывать наличие как казахско-русских, так и внутриказахских противоречий.

В течение длительного времени (1960–1986 гг.) высшая партийная, т.е. реально высшая власть была сосредоточена в руках Д.А. Кунаева, представителя рода «Ысты» Старшего жуза. Однако в годы «перестройки» в рамках «борьбы с кланово-родовой мафией» в Средней Азии, в ходе которой «застойное» руководство среднеазиатских республик обвинялось во всех смертных грехах, реальных и мнимых, Д.А. Кунаев был отстранен от власти, и первым секретарем республиканского ЦК был назначен («избран») русский Г.В. Колбин.

Это вызвало возмущение казахского населения, причем главной причиной недовольства послужило даже не то, что Колбин был русский (как уже говорилось, русские бывали первыми секретарями казахстанского ЦК не раз), сколько то, что он не был жителем Казахстана. Недовольство вылилось в беспорядки в Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г., за которыми последовали новые разоблачения «застойной» власти в республике, в частности, обвинения по адресу монополизировавшего власть Старшего жуза.

Однако по мере ослабления СССР слабела и власть над республиками, рычагов для вмешательства в их внутривнутриполитическую жизнь становилось все меньше. Пользуясь этим, сторонники Д.А. Кунаева и вообще Старшего жуза начали поднимать голову, стремясь вернуть власть, что им и удалось в июне 1989 г., когда республиканскую парторганизацию возглавил Н.А. Назарбаев.

Новый первый секретарь должен был быть легитимен в глазах казахского (и вообще казахстанского) населения с самых разных точек зрения. Назарбаев, уроженец Каскеленского района близ Алма-Аты, также принадлежал к элитному роду Старшего жуза, т.е. был легитимен с традиционной тюркской точки зрения. Правда, некоторые биографы Назарбаева утверждают, что он принадлежит хотя и к Старшему жузу, но не к его элитным родам, а к второстепенному роду чапрашты¹¹³. Однако не совсем понятно, как в таком случае он мог сделать такую быструю карьеру при Д.А. Кунаеве: пойдя на партийную работу в 1969 г., 29 лет от роду, он уже в 1979 г. стал секретарем ЦК, а в марте 1984 г. – Председателем Совета Министров Казахской ССР. На самом деле Назарбаев принадлежит к одному из достаточно высокопоставленных родов Старшего жуза, по крайней

мере, «чапрашты» в иерархии стоит выше «ысты», поскольку их родона-
чальники происходили от одного отца, но мать родоначальника «чапраш-
ты» была первой женой, а мать родоначальника «ысты» – второй (сооб-
щено автору О.Б. Наумовой).

Он также принадлежит к «титульной» нации, т.е. отвечает и этому, вы-
работанному за годы советской власти, критерию легитимности. То, что
Назарбаев выступил первоначально как партийный, а не государственный
лидер, удовлетворяло требованиям той части населения, которая сохра-
няла советский менталитет. Усиливавшимся же сторонникам разрыва с
советским прошлым импонировали те обстоятельства, что, во-первых,
Назарбаев пришел к власти не в 1985–1986 гг., когда Центр еще мог по
своему усмотрению назначать новых партийных лидеров, а на исходе со-
ветской эпохи, в 1989 г., и, во-вторых, то, что его приход к власти – факти-
чески вопреки желанию Центра и вместо назначенного последним Колби-
на, воспринимался как восстановление справедливости, а для более ради-
кальной части населения – как симптом разрыва с Центром.

В обстановке, когда всевластие КПСС постепенно сходило на нет, а
потом и краха коммунистической системы, партийное лидерство как крите-
рий легитимности переставало работать; более того, в условиях деклари-
руемого разрыва с советским прошлым оно стало помехой для легитима-
ции своей политической власти. Демонтаж советской государственной сис-
темы должен был сопровождаться созданием принципиально новых (хотя
бы по видимости) структур государственной власти на основе пусть даже
формального разделения властей: за годы советской власти, когда власть,
хотя бы формально, выбиралась всеми гражданами, выборность как кри-
терий легитимности успела укорениться в сознании большинства населе-
ния, а принцип разделения властей, в советские годы третировавшийся
как «буржуазный», был реабилитирован в годы «перестройки» и также
оставил свой след в сознании части населения. В пункте 7 Декларации о
государственном суверенитете Казахской ССР (10 декабря 1991 г. пере-
именованной в Республику Казахстан) было сказано о разделении вла-
стей.

Таким образом, легитимация исполнительной политической власти на
данном, фактически уже начавшемся «постсоветском» этапе подразуме-
вала создание института выборного главы государства – Президента.
Пример в создании института президентства подал сам Центр – 11 марта
1990 г. М.С. Горбачев стал Президентом СССР. В ноябре 1990 г. его при-

меру последовал и Н.А. Назарбаев – Верховный Совет избрал его Президентом Казахской ССР. Такая система выборов вполне соответствовала бы понятию легитимности для традиционного тюркского кочевого общества, где ханы, как правило, избирались курултаями; однако новые времена породили некоторые новые представления о легитимности власти, в частности, о необходимости всенародных выборов носителя этой власти. Поэтому западный демократический опыт здесь, у евразийских скотоводов, в какой-то мере лег на подготовленную почву («в какой-то мере» – так как «степная демократия» все же отличается от западной), так что осенью 1991 г. Верховный Совет принял Закон о выборах Президента Казахской ССР, статья 1 которого гласила, что «Президент... избирается на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права тайным голосованием сроком на 5 лет»¹¹⁴. Безусловно, подтолкнул принятие этого закона и августовский путч 1991 г., показавший, насколько прочнее положение всенародно избранного Президента России по сравнению с избранным Съездом народных депутатов Президентом СССР.

Всенародные выборы Президента состоялись 1 декабря 1991 г. Фактически, судя по всему, эти выборы были фиктивными: достаточно сказать, что Назарбаев был единственным кандидатом, и ему отдали голоса 98,76% избирателей, тогда как против него голосовало лишь немногим более 100 тыс. человек¹¹⁵. Но даже если выборы и не были фиктивными (на вполне демократических первых выборах Президента Киргизии Акаев тоже был единственным кандидатом и получил 93% голосов), отсутствие альтернативных кандидатур не могло не добавить голосов Назарбаеву. В его пользу сработало и то, что он воспринимался частью населения республики (что в условиях сохранения у части населения «советского» менталитета было очень важно) как первый секретарь (каковым он и перестал быть только 22 августа 1991 г.)¹¹⁶; думается, сама безальтернативность выборов многих не удивила. Вот так причудливое сочетание в сознании народа традиционных, советских и антисоветских настроений сработало в пользу Назарбаева.

Как бы то ни было, формальная процедура была соблюдена, и Назарбаев получил высшую формальную степень легитимности – стал всенародно избранным Президентом Республики Казахстан.

30 августа 1995 г. состоялся референдум о продлении президентских полномочий до 2000 г.; Назарбаеву удалось обеспечить себе это продление, получив поддержку большинства избирателей, хотя честность резуль-

татов референдума вызывает, конечно, серьезные сомнения. Тем не менее формально легитимность президентских полномочий на новый срок была подтверждена всенародно.

Ухудшившееся во второй половине 1990-х годов экономическое положение в республике вызвало к жизни идею досрочных президентских выборов, которые, впрочем, окончились снова победой Назарбаева (17 января 1999 г.).

Итак, постепенно, различными путями, в том числе и используя в своих целях сталинский террор, уничтоживший выдвиженцев первых лет советской власти (преимущественно из Младшего, а также из Среднего жузов), представители Старшего жуза сумели обеспечить себе значительное преимущество во властных структурах, легитимировать свою власть и удержать ее до сих пор.

Перенос столицы Казахстана в Акмолу (с 1998 г. – Астана) является в этом смысле символической компенсацией Среднему жузу¹¹⁷; впрочем, с практической точки зрения его надо объяснить по-другому: стремлением укрепить власть над севером и западом Казахстана, населенными казахами Младшего и Среднего жузов и «русскоязычным» населением; связать воедино различные регионы страны, разделенные малонаселенными территориями в центре Казахстана; наконец, стремлением держаться подальше от границ со Средней Азией, и, как следствие, от «радикально-исламской угрозы»¹¹⁸.

Но каковы бы ни были мотивы этого переноса столицы, власть Старшего жуза еще более укрепилась. Местные казахи оказались в подчиненном положении у семиреченских, приехавших из старой столицы в новую; в других областях все чаще назначаются главами администраций представители Старшего жуза¹¹⁹.

Перенос столицы из Алма-Аты в Астану (1998 г.), кроме того, вызвал приток сюда руководителей «от науки и образования» из Старшего жуза, в том числе и в район новой столицы. Переселяются в основном чиновники, не успевшие еще как следует устроиться в Алма-Ате. Вот некоторые из них¹²⁰.

Наиболее интересны чиновники из числа «молодых, да ранних» М.Е. Джакишев, Б.Ш. Жунусбеков, Н.А. Макулбеков, С.Х. Мамештеги (см. Приложение).

Интересны и некоторые отставленные руководители из Среднего жуза. Начнем с самого знаменитого из них – А.М. Кажегельдина. А вот еще

несколько – С.А. Абдильдин, Г. Абиляситов, Б.З. Байжасаров, А.М. Байменов, Б.К. Дамитов, Е.А. Идрисов (см. Приложение).

В «почетные ссылки» послами отправлены О. Сулейменов (в Италию), бывший вице-президент Е. Асанбаев (в Германию), бывший вице-премьер Б. Турсунбаев (в Турцию) и т.д.

Вместе с тем Н.А. Назарбаев не допускает чрезмерного преобладания Старшего жуза. Вот пример такого «задвинутого» представителя Старшего жуза – Б.М. Имашев (см. Приложение). Это объясняется его прагматизмом – необходимостью ориентироваться в том числе и на Россию, отсутствием полного доверия к Старшему жузу.

К концу 1990-х годов 85% государственного аппарата Казахстана составляли выходцы из Старшего жуза¹²¹. Думается, что Старший жуз мог бы прийти к власти гораздо раньше, если бы в «дозастойные», отчасти и в «застойные» и «перестроечные» времена Центр не вмешивался в подбор и расстановку местных кадров, не давая сконцентрировать власть в руках одной правящей группировки.

В то же время Младший жуз, выходцы из которого в глазах общественного мнения Казахстана не могут иметь легитимных претензий на власть и который Назарбаев поэтому считает для себя неопасным, представлен в руководстве достаточно широко: премьер Н. Балгимбаев, госсекретарь А. Кекильбаев, председатель нижней палаты парламента М. Оспанов и т.д.¹²²

Наконец, в 2006–2007 гг. Назарбаеву, по мнению авторов коллективной монографии «Годы, которые изменили Центральную Азию», удалось ликвидировать основу клановой системы как таковой. На сегодня все ключевые группы влияния, сформировавшиеся за годы независимости, либо полностью несостоятельны, либо утратили значительную часть своих ресурсов, за исключением той, которая формируется лично Назарбаевым и не выходит за заданные им рамки. Формирующиеся же новые группы еще не набрали нужного веса¹²³.

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993. С. 327.

² Полевые материалы автора 1995–1997 гг.

³ Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. М.; Усть-Каменогорск, 1992. С. 35–36.

⁴ Брусина О.И. Русские в Казахстане // Россия и Казахстан: Стеногр. науч.-практ. конф. М., 1995. С. 127–128.

-
- ⁵ Назарбаев Н.А. Страны и народы вернутся на путь интеграции // Независимая газета. 1995. 12 апр.
- ⁶ Алексеенко А. Особенности воспроизводства населения // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1997. № 3 (14). С. 49–51.
- ⁷ Алексеенко А. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 96–112; Содружество НГ. 1998. № 2 (3).
- ⁸ Межнациональные отношения в Казахстане (теория и практика регулирования). М., 1993. С. 66; Савин И. Казахстан. Демографическая ситуация (1995–1996) // Бюллетень. 1997. Август. С. 47–48.
- ⁹ Разуваев В.В. Российская Федерация и «ближнее зарубежье». Геополитические проблемы // Россия и ее соседи. Этнонациональные отношения в новом геополитическом пространстве. М., 1994. С. 90.
- ¹⁰ Кузнецова С.И. (сост.). Русские в Центральной Азии. М., 1998. С. 21.
- ¹¹ Муртазина Л. Конфуз с языком // Правда-5. 1996. 24–31 мая.
- ¹² Шпак В. Остров стабильности // Сегодня. 1997. 23 июля.
- ¹³ Затулин К.Ф. Если царство разделится... // Литературная газета. 2001. 12 сент.
- ¹⁴ Круглов Е. «Русский вопрос» в Казахстане // Независимая газета. 2001. 24 мая.
- ¹⁵ Румер Е., Тренин Д., Чжао Хуашен. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М., 2008. С. 133.
- ¹⁶ Кузнецова С.И. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁷ Демаков Г. Миграция населения и ее социальные последствия в Казахстане // Центральная Азия. 1997. № 4. С. 29.
- ¹⁸ Левада Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Вып. 1. М., 1992. С. 25–26.
- ¹⁹ Глубоцкий А. и др. Русские в ближнем зарубежье. М., 1994. С. 66.
- ²⁰ Кузнецова С.И. Указ. соч. С. 25.
- ²¹ Муртазина Л. Указ. соч.
- ²² Тощенко Ж. О статусе русского языка и о государственном суверенитете // Независимая газета. 1994. 1 дек.
- ²³ Масанов Н.Э., Савин И.С. Казахстан. Модель этнологического мониторинга. М., 1997. С. 26.
- ²⁴ Правда-5. 1996. 5–12 июля.
- ²⁵ См., напр.: Шпак В. Указ. соч.
- ²⁶ Назарбаев Н.А. Указ. соч.
- ²⁷ НГ – Регионы. 1998. № 1.
- ²⁸ Зайончковская Ж. Россия: миграции в разном масштабе времени. М., 1999. С. 35.
- ²⁹ Круглов Е. Указ. соч.
- ³⁰ Тульский М. Истинное лицо демографической катастрофы // Независимая газета. 2001. 19 июля.
- ³¹ Материалы Круглого стола «Политические процессы в постсоветских среднеазиатских республиках и российская диаспора» 17 марта 2009 г.
- ³² Филиппов В.Р. Отвергнутые государством мигранты становятся новой политической силой // Известия. 1998. 2 сент.

-
- ³³ Полевые материалы автора 1999 г.
- ³⁴ Савин И., Алексеев А. Проблемы эмиграции в Южном Казахстане // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация ... С. 113–118.
- ³⁵ Полевые материалы автора 1999 и 2003 гг.
- ³⁶ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ³⁷ Савин И. Казаки в Казахстане // Бюллетень. № 3 (14). С. 34.
- ³⁸ Тощенко Ж. Указ. соч.
- ³⁹ Шпак В. Указ. соч. и др.
- ⁴⁰ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ⁴¹ Витковская Г.С. Мигранты стремятся в Россию // Независимая газета. 1996. 11 июля.
- ⁴² Зайончковская Ж. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения Средней Азии: прошлое, настоящее, будущее. М., 1996. С. 61.
- ⁴³ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Витковская Г.С. Указ. соч.
- ⁴⁷ Подробнее см.: Ситнянский Г.Ю. Евразийские скотоводы перед выбором. Проблемы модернизации традиционного скотоводства киргизов // Этнос и среда обитания. Т. 1. М., 2009. С. 259–280.
- ⁴⁸ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ В борьбе всех против всех Средняя Азия вне империи // Политика. 1993. № 9.
- ⁵¹ Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925–1937 гг.). Фрунзе, 1973. С. 10.
- ⁵² Ситнянский Г.Ю. Славянское население Таласской долины: настроения и политические симпатии // Человек в многонациональном обществе: этничность и право. М., 1994. С. 92–106.
- ⁵³ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ⁵⁴ Глубоцкий А. и др. Указ. соч. С. 45.
- ⁵⁵ Современная миграция населения России. М., 1993. С. 22.
- ⁵⁶ Зайончковская Ж. Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁷ Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995. С. 76.
- ⁵⁸ Омаров Н., Махновский В. Миграционные процессы в Кыргызстане: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия. 1998. № 1. С. 47–54.
- ⁵⁹ Миграны А.А. Миграция как фактор экологической безопасности стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 309.
- ⁶⁰ Назаров А.Д., Николаев С.И. Русские в Киргизии: есть ли альтернатива исходу? // Русские в новом зарубежье. Киргизия. С. 17–18.
- ⁶¹ Полевые материалы автора 1990–1992 гг.
- ⁶² Назаров А.Д., Николаев С.И. Указ. соч. С. 20.
- ⁶³ Полевые материалы автора 1991–1992 гг.
- ⁶⁴ Полевые материалы автора 1992 г.

-
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Кубанычбек А. Современная ситуация в Киргизстане. Стенограмма выступления на семинаре в Фонде Карнеги 6 июня 2002 г.
- ⁶⁷ Назаров А.Д., Николаев С.И. Указ. соч. С. 21–25.
- ⁶⁸ Полевые материалы автора 1991–1992 гг.
- ⁶⁹ Кузнецова С.И. Указ. соч. С. 46.
- ⁷⁰ Назаров А.Д., Николаев С.И. Указ. соч. С. 21–22.
- ⁷¹ Кыргызская Республика. Отчет о человеческом измерении. Б.м., 1995. С.11; Назаров А.Д., Николаев С.И. Указ. соч. С.26; Субботина И.А. Указ. соч. С. 64–65.
- ⁷² Полевая запись 18 сентября 1992 г.
- ⁷³ Акаев А. Я с полной ответственностью заявляю – в нашей республике для межнациональных конфликтов нет причин // Слово Кыргызстана. 1991. 10 окт.
- ⁷⁴ Ситнянский Г.Ю. Славянское население Таласской долины...
- ⁷⁵ В борьбе всех против всех Средняя Азия вне империи.
- ⁷⁶ Арзыматова А.А. Революция 2005 г. в Кыргызстане и проблемы экономического развития // Россия – Кыргызстан. На пути к интеграции. Т. 1. М., 2006. С. 20.
- ⁷⁷ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 70.
- ⁷⁸ Назаров А.Д., Николаев С.И. Указ. соч. С. 26–28.
- ⁷⁹ Сост. по: Дело №... 1999. 10 нояб.; Известия. 1994. 6 мая; Назаров А.Д., Николаев С.И. Указ. соч. С. 21; Полевые материалы автора 1995 г.
- ⁸⁰ Румер Е., Тренин Д., Чжао Хуашен. Указ. соч. С. 134.
- ⁸¹ Правда. 1994. 31 марта.
- ⁸² Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз // Профи. 1999. № 11. С. 31–34.
- ⁸³ Остапенко Л.В. Вопросы трудовой занятости // Русские в новом зарубежье. Киргизия. С. 128–129.
- ⁸⁴ Полевая запись 2 ноября 2000 г.
- ⁸⁵ Дело №... 2000. 1 нояб.
- ⁸⁶ Ситнянский Г.Ю. Докуда доведет киргизов язык? // <http://www.fondsk.ru/article.php?id=746> (ФСК, 23 мая 2007)
- ⁸⁷ Материалы Круглого стола ...17 марта 2009 г.
- ⁸⁸ Полевые материалы автора 1992 г.
- ⁸⁹ Папаиордания А. Русские уезжают не потому, что они русские // Сегодня. 1994. 6 мая.
- ⁹⁰ Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Указ. соч.
- ⁹¹ Материалы Круглого стола ...17 марта 2009 г.
- ⁹² Тимирбаев В. Отчего пали стены Иерихона? // Моя столица – новости. 2004. 17 нояб.
- ⁹³ Полевые материалы автора 2004 г.
- ⁹⁴ Дело №... 2004. 1 дек.
- ⁹⁵ Полевые материалы автора 2004 г.
- ⁹⁶ Бугазов А.Х. Социокультурные особенности кыргызского общества: долговременные перспективы развития // Кыргызстан–2025. Стратегии и сценарии развития. Бишкек, 2005. С. 105.

-
- ⁹⁷ Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. С. 133–134.
- ⁹⁸ Пядухов Г.А. Системные преобразования в Киргизии: отражение в сознании и поведении нетитульного населения // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 168.
- ⁹⁹ Тульский М. Указ. соч.
- ¹⁰⁰ Степанов Г. Возможна ли в Киргизии «оранжевая революция» // Известия. 2005. 22 февр.
- ¹⁰¹ Полевая запись 27 ноября 2004 г.
- ¹⁰² Полевые материалы автора 2004 г.
- ¹⁰³ Витковская Г.С. Мигранты стремятся в Россию.
- ¹⁰⁴ Пядухов Г.А. Указ. соч. С. 171.
- ¹⁰⁵ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ См.: Ситнянский Г.Ю. Причины киргизского кризиса – переселение народов // <http://www.compromat.kg> (7 января 2007).
- ¹⁰⁸ Материалы Круглого стола ... 17 марта 2009 г.
- ¹⁰⁹ Кубанычбек А. Указ. соч.
- ¹¹⁰ Полевая запись 27 ноября 2004 г.
- ¹¹¹ Улеев В.С. Это мы уже проходили // Право для всех. 2000. № 7 (2). С. 1–2.
- ¹¹² Омукеева Дж.А. Анализ этнической сферы юга Кыргызстана: риски и проблемы взаимодействия этнических сообществ // Этническая сфера юга Кыргызстана: проблемы и поиск путей их решения. Ош, 2007. С. 25.
- ¹¹³ Куртов А.А. О некоторых аспектах межклановых отношений в политической элите Казахстана // Новая Евразия. М., 1995. № 3. С. 88–106.
- ¹¹⁴ Вечерняя Алма-Ата. 1991. 21 окт.
- ¹¹⁵ Известия. 1991. 3 дек.; Советы Казахстана. 1991. 3 дек.
- ¹¹⁶ Бибилова О.П., Щенников В.Ф. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев (политический портрет) // Россия и мусульманский мир. 1995. № 11 (41).
- ¹¹⁷ Масанов Н.Э. Клановый фактор в современной политической жизни // Бюллетень. 1997. Декабрь. № 5 (16). С. 58–60.
- ¹¹⁸ Затулин К.Ф., Грозин А.В., Хлюпин В.Н. Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. М., 1998. С. 14–17.
- ¹¹⁹ Полевые материалы автора 1999 г.
- ¹²⁰ Кто есть кто в Казахстане. Справочник. М., 2002.
- ¹²¹ Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. С. 80.
- ¹²² Затулин К.Ф., Грозин А.В., Хлюпин В.Н. Указ. соч. С. 32.
- ¹²³ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 70–72.

ГЛАВА III

ЛАТЕНТНЫЕ ЕВРАЗИЙСКО-ВОСТОЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Эта группа межэтнических противостояний носит характер суперэтнических или цивилизационных, в которых столкнулись два мира – оседлых земледельцев-мусульман (Средняя Азия) и евразийцев – потомков скотоводов Великой Степи, а равно исторически живших с этими скотоводами в симбиозе восточных славян.

Есть основания говорить о цивилизационном различии участников межэтнических взаимоотношений. Поэтому конфликты этой группы, в отличие от предыдущей, протекают гораздо более драматично, чему не мешает даже языковая близость некоторых из конфликтующих народов (в тех случаях, когда те и другие принадлежат к тюркской группе языков).

Узбекско-казахские противоречия

В их возникновение внесло свой вклад советское государство, отдав казахам ряд городов: Чимкент, Аулие-Ата (в советское время – Джамбул, с 1997 г. – Тараз), Туркестан, с той целью, «чтобы у южных казахов были свои индустриальные центры». Но в этом случае, по нашему мнению, была и другая цель. Вполне возможно, что большевики хотели ослабить Узбекистан и узбеков как единственный народ, имевший до 1917 г. свою государственность. Они старались добиться этого, оторвав от Узбекистана как можно больше земель. Кроме того, в первые советские годы возобладала точка зрения о «зверской эксплуатации кочевого населения русским и узбекским капиталом», за что, по мнению авторов коммунистической национальной политики, кочевникам полагалась компенсация как за счет русских, так и за счет узбекских земель¹.

Однако историческая граница между Востоком и Евразией всегда проходила «через Отрар», то есть большая часть Чимкентской и Кызыл-Ординской областей Казахстана входила в состав мусульманских государств Средней Азии; говорили мы и о том, что казахи других регионов часто считают местных казахов этнокультурно близкими узбекам.

Здесь действуют многие факторы, отличающие эти этносы друг от друга: религиозный (слабость ислама у казахов), политический (Казахстан более настроен на интеграцию с Россией), которые обостряются и накладываются друг на друга, если в Узбекистане победят исламские фундаментали-

сты; негативные стереотипы – пренебрежительное отношение земледельцев-узбеков к «диким» и «ленивым» скотоводам-казахам; последние, в свою очередь, недолюбливают первых как «торгашей-спекулянтов», слишком дорого продающих свои продукты. Кроме того, тут работает демографический фактор – о перенаселенности Узбекистана уже говорилось, тогда как в Казахстане население значительно более редкое.

Противоречия между узбеками и казахами проявлялись еще на заре советской эпохи, когда в Туркестанском уезде представители двух этносов не поделили воду (май 1924 г.); несколько позже, в середине 1920-х годов, узбеки и казахи вступили в спор из-за того, кому должен принадлежать Ташкентский уезд. По переписи 1926 г. 26% населения уезда составляли казахи, 45% – узбеки, а 9% – племя курама, которое как те, так и другие считали своим. Кроме того, у казахов (и у киргизов) имелись претензии на Ташкент, обоснованные «историческими» правами: так, почти вся третья книга киргизского эпоса «Манас» посвящена похоронам *ташкентского* хана Кокетея.

В дальнейшем неоднократно возникали споры между двумя республиками из-за ряда пограничных территорий. В 1946 г. Казахстан передал в аренду Узбекистану ряд территорий, а в 1962 г. уступил ему три хлопкосеющих района на территории Чимкентской области. Аренда продлевалась несколько раз, последний раз – в 1981 г. на 10 лет. С 1991 г. идут вялотекущие переговоры о продлении аренды; ходят слухи о том, что Узбекистан настаивает на передаче в аренду всей Чимкентской области².

Кроме того, являясь монопольным поставщиком газа, Узбекистан может оказывать и оказывает энергетическое давление на Казахстан – так, в 1994–1995 гг. Ташкент заставлял Алма-Ату покупать газ по цене 84 \$ за 1000 кубометров при мировых ценах 50 \$³.

Наконец, в случае появления реальных претензий Казахстана на роль «нового старшего брата», в том числе и в Среднеазиатском регионе, теплоты казахско-узбекским отношениям это тоже не добавит в связи с претензиями самого Узбекистана на гегемонию. Едва ли, пишет А.В. Малащенко, Узбекистан смирится с казахстанскими претензиями на гегемонию в Регионе; с другой стороны, Киргизстану и Таджикистану будет «неуютно» под верховенством Ташкента⁴.

Впрочем, у противостояния есть и иной уровень – бытовой. В Чимкентской области узбеки составляют до 20% населения, тогда как в Казахстане в целом их порядка 3% (все дальнейшие сведения о противостоянии узбе-

ков и казахов получены на одном семинаре в феврале 2010 г., и автору разрешено ссылаться на них, только не называя места и времени семинара и имени докладчика). Однако, например, в Сайрамском районе узбеки составляют 70% населения, а есть села, где их 99%. При этом подавляющее большинство мест в администрации, милиции, налоговых органах (включая районы с громадным преобладанием узбеков) занимают казахи, узбеки редко поднимаются выше сельских акимов: в областном совете заседают 4 узбека, один узбек является заместителем акима района, а еще один – депутат парламента, прошедший по национальной квоте.

Однако при этом значительная часть земли еще во времена СССР была отдана в пользование (а потом стала собственностью) узбеков. Кроме того, во многих селах Чимкентской области узбеки являются хозяевами кафе, чайхан и т.д.

С началом кризиса 2008 г., когда возросла ценность земли, выяснилось, что многие казахи Чимкентской области не могут получить землю, так как она в руках узбеков. Результатом стали драки (иногда сопровождавшиеся, например, обвинением узбеков в изнасиловании подростков-казахов или наоборот), поджоги кафе и т.д., а также менее радикальная форма – отказ казахов платить в чайханах или кафе, часто сопровождаемый словами вроде: «Это вы нам должны платить за то, что вообще живете на нашей земле».

Казахстанские власти, чтобы предотвратить наплыв узбеков в Чимкентскую и Кызыл-Ординскую области из соседнего Узбекистана, как то имеет место в Южной Киргизии, в массовом порядке заселяют эти области «оралманами» – казахами-переселенцами как раз из Узбекистана. Это пока предотвращает приток узбеков, который, однако, идет по другому каналу – в виде гастарбайтеров в рамках «перетока с юга на север».

Туркменско-казахские отношения

Не исключено возникновение туркменско-казахского противоречия, которое тоже относится к восточно-евразийским. До 1932 г. земли севернее залива Кара-Богаз-Гол входили в состав Казахстана (бывшего, как уже говорилось, до 1936 г. российской автономией), а потом из экономических соображений были переданы Туркмении. Н.С. Хрущев, большой любитель перекройки границ, хотел из экономических же соображений передать Туркмении и Мангышлак, но передумал. На сегодня, впрочем, конфликт «заморожен» тем обстоятельством, что правящие круги Казахстана высту-

пают против любого пересмотра границ страны, поскольку в случае такого пересмотра им пришлось бы отдавать России и Узбекистану гораздо больше земель, чем получать от Туркмении⁵.

Однако не стоит забывать и об амбициях Казахстана как потенциального гегемона в Регионе. Как пишет А.В. Малашенко, едва ли туркменская элита, только что начавшая «расправлять плечи» после смерти державшего ее в страхе Туркменбаши, с этим смирится⁶. Так что претензии Казахстана такого рода могут обострить отношения.

Противостояние узбеков и каракалпаков

Противостояние узбеков и каракалпаков находится в стадии, когда «межэтническое напряжение уже отчетливо проявилось, но имеет еще достаточно низкий уровень», хотя при определенных обстоятельствах может перейти в фазу открытого межэтнического противостояния. Так, уже летом 1989 г. на улицах Нукуса были развешены транспаранты антиузбекского содержания, но до открытых столкновений дело не дошло.

Хотя каракалпаки и живут на территории оседлой Средней Азии, но по своему происхождению они являются кочевниками-евразийцами. До начала XIX в. они кочевали по территории современного Казахстана (Мугоджарские горы, Северное Приаралье, низовья Сырдарьи); только потом они поселились в местах своего нынешнего обитания.

С 1924 по 1936 годы, после упразднения Хивинской народной республики, Каракалпакия наряду с Казахстаном и Киргизией входила на правах автономии в состав РСФСР (в том числе с 1930 г. – непосредственно в состав РСФСР, тогда как до этого – через Казахстан). Затем она была, в качестве автономии же, включена в состав Узбекистана. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на характер конфликта: будучи автономией, Каракалпакия уже тогда винила в своих бедах не столько Москву, сколько Ташкент.

Главный фактор, впрочем, не политический, а экономический и экологический. Воды, а следовательно, и земли не хватает, чему причиной, помимо всего прочего, являются огромные затраты воды на выращивание хлопка, который в советские времена стал в Узбекистане монокультурой. Между тем концентрация населения в Хорезмском оазисе не меньше, чем в Фергане. Конфликты из-за воды имели место еще при хивинских ханах, а с тех пор не только хлопковая проблема поставила вопрос о воде в прин-

ципиально иную плоскость, но и численность населения значительно выросла.

К экономическим бедам прибавляется этнический фактор. Так, среди руководящего аппарата собственной республики каракалпаки составляли в 1989 г. всего 36%⁷. Прибавим сюда пренебрежение узбеков к каракалпакам, аналогичное такому же отношению к казахам и киргизам и вызванное теми же причинами.

Все это осложняется экологической катастрофой. Из-за разбора амударьинской воды на хлопок высыхает Аральское море, в конце 1980-х годов предсказывали, что к 2010 г. оно окончательно исчезнет с лица Земли (эти прогнозы оказались слишком пессимистическими, однако угроза высыхания Арала по-прежнему существует). Это стало бы катастрофой для всего Региона и для многих стран за его пределами, но для каракалпаков это будет означать, скорее всего, угрозу самому этносу: слишком завязаны каракалпаки на море и низовья Амударьи (поливное земледелие, рыболовство...).

Здесь необходимо сказать еще об одном аспекте проблемы. Очень важным (может быть, важнейшим) фактором политики государства по отношению к конфликту выступает признание его государством и обществом. Такое признание осуществляется со стороны органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, местных сообществ, национально-культурных объединений, этнических лидеров, этноконфессиональных деятелей, СМИ. Масштаб и политический резонанс конфликтов обуславливает признание конфликтов на международном уровне международными организациями и движениями, как государственными, так и неправительственными. Признание конфликтов позволяет включить их в систему трансформации на правовом, политическом, экономическом, социальном, нравственно-духовном уровнях. Признание конфликтов обуславливает целевую работу по их урегулированию со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, а также институтов гражданского общества, прежде всего этнокультурных общественных объединений и движений.⁸

Между тем здесь мы в первый, но не в последний в данной работе раз имеем дело с непризнанием конфликта как такового: официальный Ташкент полагает, что каракалпакской проблемы и угрозы самому существованию народа из-за высыхания Арала, в частности, нет.

В принципе, к разряду евразийско-восточных конфликтов относятся и конфликты между славянским и титульным населением оседлой Средней Азии. Однако, во-первых, там, в отличие от Казахстана и Киргизии, «русскоязычные» жители нигде не составляют и не составляли районов с компактным проживанием, а во-вторых, и это главное, у славянского населения Средней Азии, по-видимому, нет будущего: судя по всему, выезд практически всего «русскоязычного» населения оттуда неизбежен, а в Таджикистане он уже фактически состоялся, хотя не исключено, что довольно многочисленные группы европейцев останутся также в Ташкенте и в нефтяных районах Туркмении. Однако, во-первых, и это весьма проблематично, а во-вторых, речь в данном случае идет о весьма ценных кадрах промышленных рабочих, которые, если останутся, будут чисто экономическими представителями России в этих странах, и местное население в дальнейшем из чисто экономических соображений будет стремиться их удерживать (так, нефтяники и газовики, в подавляющем большинстве «русскоязычные», обеспечивают, по некоторым данным, 97% валютных поступлений Туркмении). Тем не менее представляется целесообразным вкратце обрисовать проблему.

Русско-узбекские отношения

К 1989 г. неузбекское население составляло 28,6% населения Узбекистана, в том числе русские – 8,3%. Особенно многочисленное нетитульное население было в Ташкенте: так, русских там насчитывалось на 1979 г. 701 000 из 1 653 000 проживавших в республике в целом; доля узбеков в столице только в 1992 г. превысила половину населения (53%).⁹

В Узбекистане, как и во всей оседлой части Средней Азии, невозможно проживание больших масс европейцев в сельской местности (в оседлой Средней Азии, как уже сказано, проживало в сельской местности от 3 до 6% «русскоязычного» населения): узбеки – народ оседло-земледельческий, и симбиоз двух укладов, как в казахско-киргизском Семиречье, в Узбекистане невозможен. Остро ощущается нехватка земельных участков (о перенаселенности Узбекистана уже говорилось). Отнюдь не случайно, если абсолютная численность русских в Казахстане возрастала вплоть до 1989 г., то в Узбекистане она стала сокращаться уже с 1980-х годов, хотя и незначительно – с 1666 тыс. в 1979 г. до 1653 тыс. в 1989 г.¹⁰ За 1986–1990 гг. республику покинули 478 500 «русскоязычных»¹¹.

Процесс эмиграции неузбеков резко усилился после погромов турок-месхетинцев в Фергане летом 1989 г. Если в 1979–1980 гг. только 15% русских Ташкента выражали намерение уехать, то уже зимой 1991–1992 гг. – 40%;¹² не подлежит сомнению, что на периферии желавших уехать было еще больше.

В 1993 г. отток европейцев даже несколько сократился по сравнению с 1992 г. – соответственно 91 164 и 112 442 человека¹³, причем русских выехало 42 327 человек в 1991 г., 76 302 в 1992 и 60 983 в 1993 г.¹⁴ Но если в Казахстане и Киргизии уже в 1994 г. отъезд «русскоязычных» значительно сократился, то в Узбекистане именно в этом году вырос как никогда. За 9 месяцев 1994 г. страну покинуло 92 000 человек. На начало 1998 г. имелось «несколько десятков тысяч» желающих уехать в Россию¹⁵. По другим данным, за 1991–1994 гг. республику покинули 363 000 европейцев¹⁶. И это при том, что доля европейского населения в Узбекистане намного меньше, чем в Казахстане и Киргизии и при том, что правительство Узбекистана еще в первой половине 1990-х годов взяло курс на удержание «русскоязычных» специалистов¹⁷.

Всего к 1998 г. Узбекистан из-за эмиграции лишился 16% населения, т.е. более половины всех неузбеков. Подавляющее большинство – 93,7% эмигрантов пришлось на Россию (73,4%), Казахстан (10,7%) и Украину (9,6%). Доля узбеков в населении за 1989–1995 гг. выросла с 71,4% до 75,7%, тогда как доля остальных народов (кроме таджиков) сократилась с 16,2% до 11,8%¹⁸.

Как уже говорилось, проживание «русскоязычных» в сельской местности Узбекистана всегда было затруднительным. Однако и в городах русским все труднее. Большинство их работает на промышленных предприятиях, продукция которых мало кому сейчас нужна. Но, пожалуй, это не главное: подобная ситуация характерна и для других республик, например, Киргизии. По нашему мнению, более важным здесь является общая политическая ситуация в республике.

В Узбекистане «русскоязычные» были лишены даже тех возможностей самовыражения, которыми они пользовались в относительно свободной Киргизии. Так, в середине 1990-х годов все местные эксперты, помогавшие Институту прогнозирования РАН в его работе, настаивали на строгой конфиденциальности их ответов; для сравнения: в Казахстане таких была половина, а в Киргизии – ни одного¹⁹.

В первые годы независимости обычным делом стали, например, вынесения в судах более жестких приговоров за те же самые преступления европейцам по сравнению с узбеками. В провинциальных городах (Алмалык, например) имел место захват представителями «коренной» национальности квартир «русскоязычных», которые на время куда-то уехали. Правоохранительные органы в этих случаях не вмешивались²⁰, как, впрочем, и в тех случаях, когда против европейцев совершались противоправные акты. Нередко бывало, что работников увольняли с предприятий, откровенно объясняя это их «некоренной» национальностью: «Ты русский, а нам нужна работа для узбеков»²¹. Шло вытеснение европейцев с руководящих и престижных должностей. Возрастала конфликтность на бытовом уровне²².

Однако уже тогда было ясно: в случае, если победят оппозиционные режиму Каримова силы (т.е., проще говоря, исламские радикалы), «русскоязычному» населению придется уже не уезжать, а буквально бежать. Во всяком случае, события 1992 г. в Таджикистане показывают, что в этом случае ждет европейцев.

В целом «русскоязычное» население Узбекистана настроено на выезд в гораздо большей степени, чем в Казахстане и Киргизии. Так, по данным на середину 1996 г., собирались переселиться в Россию в 5 раз больше «русскоязычных» жителей, чем из Казахстана, и в 7 раз больше, чем из Киргизии. 9% опрошенных «русскоязычных» заявляли, что уедут при любых условиях, тогда как в Казахстане таких было 4%, а в Киргизии – всего лишь 1%. В 1998–1999 г., например, в Саратовской области переселенцы из Узбекистана составляли почти четверть (298 из 1325) переселенцев из Средней Азии. Специалисты связывали этот факт со сложной экономической ситуацией в стране²³.

В то же время в 2008 г. материальное положение русских в Узбекистане не было существенно хуже, чем в Киргизстане. Так, 31,2% денег в основном хватало (в Киргизстане – 37,2%), 32,9% – хватало на еду и самые необходимые вещи (в Киргизстане – 37,1%) (правда, существенно больше было тех, кому денег не хватало даже на еду и приходилось постоянно брать в долг – 12,9% против 7% в Киргизстане и 3,3% в Казахстане)²⁴. Однако с учетом того, что, как уже говорилось, еще в середине 1990-х годов местные эксперты при проведении подобных опросов настаивали на строгой конфиденциальности их ответов куда категоричнее, чем в Казахстане и Киргизии, есть серьезные основания думать, что в Узбекистане ответы

опрошенных менее правдивы и на самом деле ситуация хуже. Во всяком случае, остальные опросы из этой же серии, данные которых мы приводили по Казахстану и Киргизстану, в Узбекистане не проводились вообще.

Русско-туркменские отношения в свете общей ситуации в Туркменистане

В 1970-е годы под влиянием общего для Средней Азии экономического и демографического фактора начался выезд «русскоязычных» из Туркмении. Русское заселение Туркмении началось в 1889 г.; достигнув пика в 1970 г. (14% населения республики), «русскоязычное» население затем стало сокращаться и к 1989 г. составило 334 тыс. чел., или 10% населения, сократившись на 15 тысяч в сравнении с 1979 г.²⁵

Помимо общих для всего региона причин, на этот выезд в последние годы оказывала влияние и политическая ситуация. В Туркмении в 1991–2006 гг. установился деспотический режим С.А. Ниязова (в подражание Атаатюрку принявшего фамилию Туркменбаши); в таких условиях трудно собрать более или менее объективную информацию о положении «русскоязычного» населения. Есть все основания думать, что в Туркмении положение европейского населения гораздо тяжелее, чем в других государствах Региона.

Тяжесть его усугубляется общим тяжелым экономическим положением в республике. В качестве примера можно привести экономическую ситуацию в г. Туркменбаши (бывший Красноводск). По сообщению местной печати, там в 1995 г. выдавалось по 1 кг мяса и по 1 пачке стирального порошка на человека в месяц²⁶.

Неудивительно, что 59,1% опрошенных жителей республики ответило, что жить здесь хуже, чем в России, и только 9,1% придерживались противоположного мнения²⁷, хотя не вполне ясно, охватывал ли опрос все население или только «русскоязычное». Кроме того, есть основания думать, что и эта картина опрошенными приукрашена, поскольку «тут все об этом (о политике. – Г.С.) молчат. Или говорят только с самыми близкими людьми, да и то неполголоса...». Люди «скрипят зубами, злятся, а сказать ничего не могут»²⁸.

И даже широко декларируемые меры по поддержанию межэтнического благополучия (включая действовавший в 1993–2003 гг. закон о двойном гражданстве) не могли изменить фундаментального факта несоответствия экономического значения русских и их политической роли. О действитель-

ной ситуации в этой области говорили периодически распространявшиеся в Ашхабаде слухи: дескать, загсам запретили регистрировать межнациональные браки – таким образом государство «боролось за чистоту нации»²⁹.

Уже в 1991–1992 гг. русские были сняты с постов председателя Верховного Суда, прокуратуры, народного контроля, КГБ, МВД, и на эти посты были назначены туркмены. Русские руководители уже в 1995 г. оставались лишь в промышленности, а также в других наукоемких отраслях.

Был принят и закон о государственном языке, предполагавший постепенный переход на туркменский к 1995 г. Правда, процесс несколько замедлился, так, например, преподавание в вузах на русском языке было окончательно отменено в 2000 г.³⁰ Тогда же было введено и собеседование на туркменском языке. Кстати, и число абитуриентов сократили в четыре раза – с 12 до 3 тыс. (данные Комитета по международным делам Государственной Думы РФ). Тем не менее к началу 2000-х годов из 1900 школ оставалось только 92 с полным и 56 – с частичным преподаванием на русском языке. Между тем в настоящее время только 2,5% русских свободно владеют туркменским языком. При этом возможности изучения языка невелики – нет ни достаточного количества преподавателей, ни разработанных методик³¹.

Единственное российское СМИ, доступное «русскоязычным» – это передачи ОРТ. По состоянию на лето 2009 г. его вещание составляло два часа в день³². «Если и его отключат, – говорили “русскоязычные” ашхабадцы еще в 1990-е годы, – можно будет сойти с ума (от туркменских СМИ. – Г.С.). Но в том, что это отключение рано или поздно произойдет, мало кто сомневается. Российские газеты тоже были, а потом их раз – и не стало» (окончательно ввоз российских периодических изданий был запрещен 16 июля 2002 г.)³³. И действительно, еще в 1997 г. закрыли все русскоязычные газеты в областных (велоятских) центрах, в 2000 – единственный русскоязычный литературный художественный журнал «Ашхабад»³⁴.

Вся пресса – под полным государственным контролем, учредитель всех газет – Туркменбаши (после его кончины в 2006 г. – Туркменское государство). Все корреспонденты российских газет тоже под контролем. Даже корреспондентом ИТАР-ТАСС был директор Туркменпрессы, и было всего лишь три относительно независимых корреспондента – «Комсомольской правды», «Известий», частично «Независимой газеты». Ввоз российских газет, как уже сказано, был запрещен в 2002 г., но имелась очень ог-

раниченная подписка на 3–4 российские газеты («Комсомольская правда» и т.д.), но за них надо было платить российскими рублями, которых у людей не было. По телевидению передавались некоторые российские программы, но с купюрами и опозданием на 2–3 дня. Корреспондентов российских газет постепенно выжили из Туркмении. При этом действовали и негласные ограничения на подписку на российскую периодику³⁵.

Еще в 1996 г. Туркменистан перешел на латиницу. Даже «русскоязычные» вывески и объявления писались латинскими буквами. Неудивительно после всего сказанного, что эмиграция из Туркмении приняла достаточно массовый характер.

За 1989–1991 гг. Туркмению покинули 15 200 чел., в том числе 12 000 русских³⁶. За 1992–1993 гг. из Туркмении уехали около 32 000 русских, а в среднем выезжало по 12 000 ежегодно. По другим данным (официальным российским), население России выросло за счет переселенцев из Туркмении в 1989 г. на 4,6 тыс., в 1990 – на 5,1, в 1991 – на 10 с лишним тысяч, в 1992 – на 12 тыс., в 1993 – на 6,8 тыс., в 1994 – на 17,4 тыс. Таким образом, мы имеем выезд в среднем по 9 тыс. в год при 334-тысячном населении в 1989 г., при этом в 1994 г., как и в Узбекистане, но в противоположность Казахстану и Киргизии, выезд резко вырос.

При этом надо учесть, что власти всячески препятствовали их выезду: конфискацией рублевых вкладов после введения маната, запрещением вывозить нажитое имущество, приватизировать жилье на ближайшие десять лет (а уже приватизированное – продавать), прекращением железнодорожного сообщения между Москвой и Ашхабадом и т.д. Поскольку продажа жилья запрещалась до 1 января 1997 г., то это естественным образом отражалось как на местной статистике, так и на данных Федеральной миграционной службы России. Тем не менее отток продолжался. В 1996 г. страну покинуло 23 тыс. **семей** (т.е. не менее 70 тыс. чел.), в 1997 – 16,5 тыс. (т.е. не менее 50 тыс. чел). Во всяком случае, если по переписи 1995 г. в Туркменистане оставалось еще 280 тыс. «русскоязычных», то в 1997 – не более 200 тыс.³⁷ Сейчас (2009 г.) осталось не более 100 тыс.³⁸

Единственным из всех руководителей государств Средней Азии Ниязов издал беспрецедентный указ о заселении «пустующих квартир», что на практике означало скрытое изъятие жилья у всех «русскоязычных», которые хоть на короткое время уезжали из мест проживания. «Правда» поместила рассказ бывшего жителя Ташауза, который уехал ненадолго в Россию, но по не зависящим от него причинам несколько задержался. Не

прошло и двух месяцев, как его квартиру заселили. Когда же он, вернувшись, обратился с жалобой в хякимлик (мэрию), то ему сказали, что квартиру отобрали по закону, поскольку он не жил в ней уже два года. И лишь после долгого хождения по инстанциям он понял, что история с его квартирой – не ошибка, а результат политики властей. За это время пострадавший встретил десятки людей, оказавшихся в подобной ситуации, причем у одной семьи квартиру отняли уже через две недели после того, как она уехала в отпуск. Кончилось тем, что в милиции ему стали угрожать расправой, если он «не перестанет ходить и выяснять законы», а потом пытались сбить автомашиной, и он чудом остался невредим. Тогда рассказчик бросил все и срочно уехал. В публикации герой очерка просил не называть фамилии, так как боялся, что пострадают его родственники и друзья, живущие в Туркмении³⁹.

А вот что писала русская старожилка из Ашхабада: «Квартиры и все нажитое... продать не разрешают ... Незаконно продашь – статья от 3 до 8 лет... Уехать – билет 500 манатов, а где они у меня?»⁴⁰ Укажем, что в момент интервью (летом 1995 г.) рыночный курс маната был около 20 неденоминированных рублей за манат (или 50 манатов за деноминированный рубль 1998 г.), т.е. 500 манатов были бы посильной даже для пенсионерки суммой при нормальной рыночной системе обмена валют. Однако в Туркмении был введен принудительный курс маната, равный 500 рублям за манат (2 маната за рубль 1998 г.). Добавим, что на осень 1999 г. курс составлял 20 манатов за 1 рубль официально и 1000 – реально. Кроме того, удерживало «русскоязычных» и то обстоятельство, что поезд Ашхабад-Москва больше не ходил, а цены на самолет были «запредельны».

Все сказанное, впрочем, не означает, что среди причин, побуждающих «русскоязычное» население к выезду, отсутствуют причины чисто экономические. Более того, здесь они действуют еще сильнее, чем в Казахстане и Киргизии, по той простой причине, что общий уровень жизни намного ниже. Собственно, это ясно уже потому, что многие не могут уехать из-за «запредельных» цен на авиабилеты.

Вот, например, рассказ русской пенсионерки, у которой сын работал в турецкой фирме, получая примерно 50 \$ в месяц (в 2,5–3 раза выше средней по стране зарплаты): жалуясь на трудности приготовления пищи на два дома, она называла это «слишком большой роскошью». Поэтому все готовилось у сына. Покупные продукты – «изредка картошка и кусок мяса, чаще рис, мука, хлеб да 800 граммов дешевого иранского фарша, которых

хватает двоим на неделю. Яйца и сыр (около 7 \$ за килограмм) не покупают давно, года два или три. О новой одежде даже и не мечтают». Карточки давали только тем, у кого меньше 80 тыс. манатов в месяц (около 100 российских рублей в тот период). «Недавно последнюю банку огурцов съела, которую три года назад закрутила»⁴¹. Можно представить, как жили те, у кого средняя или близкая к ней зарплата!

Сапармурат Ниязов публично заявил, что славянское население будет и далее уменьшаться и в конечном итоге составит не более 4% всего населения страны; в то же время Туркменбаши мечтал «переселить на историческую родину 2 000 000 туркмен, в основном из сопредельных государств». Однако последние не испытывали большого желания возвращаться; более того, из республики уезжали и сами туркмены – те, кому было куда ехать⁴².

Туркменистан – единственная страна СНГ, где при Туркменбаши было запрещено создавать национальные культурные центры. Исключение было сделано лишь для казахов, для которых был создан НКЦ в Туркменбаши.

Русская община была создана в мае 1992 г.; попытка ее регистрации была заблокирована властями как «противоречащая конституции». За участие в ее деятельности увольняли с работы и подвергали другим преследованиям. Так, в 1994 г. вынужден был переселиться в Россию ее лидер А.П. Фомин⁴³. Туркменбаши заявил, что «если русскую общину зарегистрировать, то потребуют регистрации армяне, узбеки и т.д. Так и гражданская война может начаться». Позднее власти Туркменистана хотели создать «Госкомитет по русскому населению», однако сведений о дальнейшей судьбе этого проекта нет.

В 1996 г. Русская община взяла под свой контроль движение очередников на миграцию в Российском посольстве. Посольство, негативно относившееся к деятельности общины, в начале 1997 г. пыталось создать «альтернативную» общину под председательством... Туркменбаши. Однако с этим не согласился даже МИД Туркменистана, который предложил, чтобы «альтернативную» общину возглавил Додонов (вице-премьер, единственный русский, оставшийся в руководстве). Русской общине фактически запретили работать со списками переселенцев. В июне 1997 г. ее представители были в Москве, встречаясь с Е.М. Примаковым (глава МИД РФ в 1996–1998 гг.), представителями Госдумы, ФМС. Российский посол в Туркменистане в связи с этим получил поручение МИДа выяснить причины невыполнения соглашения об эмиграции.

Новый виток напряженности имел место весной 2003 г., когда Туркменбаши в одностороннем порядке отказался продлевать договор 1993 г., предоставлявший «русскоязычным» жителям Туркмении двойное гражданство (кстати, единственный в СНГ). На сентябрь 2002 г. двойное гражданство имело до 90 тыс. чел.⁴⁴ Всем им было предложено до 22 июня 2003 г. принять туркменское гражданство или уехать, причем последнее реально было невозможно в силу того, что для выезда приходилось ехать за визой в Москву(!); в результате тысячи «не определившихся» (или «не так определившихся», т.е. не принявших туркменское гражданство) имели серьезные проблемы (по некоторым сведениям, были выселены из квартир буквально на улицу)⁴⁵. В итоге к 2003 г. в Туркменистане оставалось от 100 тыс. (официальные данные) до 135 тыс. (по подсчетам Ш.Х. Кадырова) «русскоязычных»⁴⁶.

Наконец, в Туркменистане действует и еще один комплекс причин, способствующий миграционным настроениям среди местного «русскоязычного» населения – фактор, по крайней мере на постсоветском пространстве аналогов не имеющий. Имеется в виду политика изоляции, стремление держаться не только от России, но и от Запада и от всего цивилизованного и не очень цивилизованного мира подальше.

Необходимо отметить тенденцию к архаизации всей жизни в Туркменистане. Отчасти этот процесс имеет место и в других странах Региона, но все же не до такой степени, а главное – в других странах он идет стихийно, а не централизовано. Так, в Туркмении с 2001 г. официально используется термин «бай», а вот классическую литературу изучать не рекомендуется, так как она «против баев»⁴⁷.

Ну, это ладно, богатство совсем не плохо, если оно честно заработано (обсуждение вопроса о том, насколько честно заработали его нынешние туркменские баи, выходит за рамки этой книги). Но вот для обозначения народных масс вместо «трудящиеся» официально введено слово «гарамаяк» (чернь, простолюдины)⁴⁸ – как если бы, скажем, в России «простых граждан» стали официально именовать «холопами» или «смердами».

А теперь – о том, какой же государственный строй установился в Туркменистане при Туркменбаши. Тоталитаризм? Авторитаризм? Но тоталитаризм, как и авторитаризм, бывает разный – например, религиозный или светский. Разновидность религиозного тоталитаризма – исламский фундаментализм, но тоталитарного исламского фундаментализма в Турк-

менистане не только нет, но и вероятность его возникновения ничтожно мала.

Туркменистан нельзя назвать и светским государством вроде, например, тоталитарного Ирака времен Саддама Хусейна. За подобными диктаторами числится много преступлений, но все же они не обожествляли себя (не фигурально – это-то как раз делалось, а в самом прямом смысле этого слова), не переименовывали календари в свою честь и т.д.

Я не одинок в своем мнении о том, что Туркменистан нельзя считать ни светским, ни исламским государством. Так же считают, например, А. Мамедов и М. Юрьев. Но при этом они предлагают считать Туркменистан... тоталитарной сектой, выдвигая в качестве критериев последней, например, абсолютное обожествление вождя, особые методы оболванивания, абсолютно негативные оценки прошлой жизни, черно-белую (друзья – враги) парадигму и т.д.⁴⁹

Однако все перечисленное характерно и для тоталитарных режимов XX в. А вот то, что сделал Туркменбаши с календарем, с некоторыми другими аспектами общественной жизни, а позднее отчасти сделал, отчасти планировал сделать с высшим и средним образованием в стране – это нечто принципиально новое. Или хорошо забытое старое.

Скорее, тут речь может идти о «доисламском фундаментализме». Есть некоторые основания утверждать: то, что делалось в Туркменистане при Туркменбаши, было возвратом к домусульманским, проще говоря, к языческим временам.

Начнем с фактического обожествления верховного правителя страны. По крайней мере начиная с 2000 г. Туркменбаши неоднократно публично уподоблял (или позволял другим уподоблять) себя пророку Мухаммеду. С точки зрения мусульманина, каждый пророк, а Мухаммед в особенности – не совсем обычный человек, поскольку пророки имели привилегию непосредственно общаться с Богом и сообщать его волю людям. Поэтому уподобление кого-либо Пророку Мухаммеду для мусульманина де-факто равно обожествлению и тем самым кощунству.

Летом 2004 г. Туркменбаши выразил намерение расписать стены мечети в его родном селе Кипчак изречениями из «Рухнамы»⁵⁰. Как известно, стены религиозного храма не должны содержать на себе никаких надписей, кроме прямо относящихся к вопросам веры (высказывания отцов церкви, пророков и т.д.), чтобы не отвлекать верующих от общения с Бо-

гом. Означает ли это, что Туркменбаши начал поворот от ислама к новой-старой религии обожествления правящего монарха?

Более того, Туркменбаши повелел, чтобы его «философское» произведение «Рухнама» верующие целовали при входе в мечеть. Главный муфтий Туркменистана Насрулла Ибадулла пытался протестовать, за что 80-летнего старика приговорили к 23 годам тюрьмы⁵¹. Затем мечетей «Великому Сердару» (одно из многочисленных официальных поименований Туркменбаши) показалось мало, и аналогичные распоряжения были отданы относительно православных храмов, баптистских (единственная, кроме православия, разрешенная в Туркменистане христианская конфессия) молельных домов и т.д.⁵² Кстати, для регистрации религиозной общины до марта 2004 г. требовалось не менее 500 подписей. Под давлением мирового сообщества это положение было формально отменено, но фактически продолжает действовать⁵³.

Изменили и названия месяцев. В Европе последний раз месяцы назывались по именам правителей в Риме на рубеже нашей эры (июль – в честь Юлия Цезаря, август – в честь Октавиана Августа). Примерно тогда же стало невозможно подобное на Ближнем и Среднем Востоке – с началом христианства, а у иранских народов – еще раньше, с началом проповедей Заратуштры. Ни маздеизм, ни христианство, ни ислам не допускают мысли о том, что именем правителя, тем более еще здравствующего, могут быть названы календарные месяцы.

В 2004 г. вышло стихотворение Туркменбаши «Новый дух туркмен». Вот отрывок из этого автопанегирика в переводе А. Мамедова: «Я – туркменский дух, я возродился, Чтобы принести вам золотой век и счастье... Я освещаю мир, как весна, Потому что я – жизнь, свет и добро... Я – посланник небес на земле... Я – радость и праздник вселенной»...⁵⁴ Это уже даже не «культ личности». Самовосхваление – видовая черта не тоталитарных диктаторов XX в., а добиблейских (т.е. правивших до написания Библии) восточных деспотов.

Серьезным возражением против объявления туркменбашистских порядков «языческими» служило то, что «язычники», как правило, отличались веротерпимостью, чего о режиме Туркменбаши никак не скажешь – он преследует и «классический» ислам, и суфизм, и немусульманские религии (сказано автору Ш. Кадыровым в личной беседе). Однако «язычники» не всегда были веротерпимы. Тюркские или монгольские ханы – да, а вот

о тех же древневосточных деспотах – например, вавилонских или ассирийских царях – такого не скажешь.

Следующая заслуживающая обсуждения проблема – взгляд на семейно-брачные отношения. Как известно, Туркменбаши запретил свободные браки туркменок с иностранцами, однако в каждом отдельном случае на такой брак дается разрешение при условии уплаты женихом-иностранцем пятидесяти тысяч долларов США(!) в государственную казну Туркменистана.

Конечно, многие тоталитарные режимы запрещали браки своих подданных с иностранцами. После Великой Отечественной войны подобный закон был принят и в СССР. Но все же Сталину едва ли пришло бы в голову так вот торговать советскими женщинами. Тем более такое не пришло бы в голову Гитлеру, хотя бы потому, что отдавать «ариек» замуж за «унтерменшей», да еще за денежный выкуп, противоречило самим основам национал-социализма.

С другой стороны, на Востоке распространена выплата калыма за жену главе семьи. Но плата должна вноситься главе семьи, что вполне логично, если помнить, что женщина по мусульманскому праву всегда должна находиться под покровительством мужчины – отца или, скажем, старшего брата, дяди, опекуна, потом – под покровительством мужа, в старости она может находиться под покровительством сына. Поэтому вполне логично, что покровитель вправе требовать за нее выкупа. При этом наши, европейские, представления об исламском калыме сильно преувеличены.

Но главное – никогда бы не пришло в голову ни одному мусульманскому правителю, включая такие фундаменталистские страны, как, например, Саудовская Аравия, что жених-иностранец должен заплатить «калым» (и немалый, а по меркам Туркменистана – просто астрономический) еще и государству. Нечто подобное имело место в позднюю первобытно-общинную эпоху, когда в некоторых племенах власть вождя над своими подданными была настолько безграничной, что он мог позволить себе, отдавая девушку из своего племени замуж за иноплеменника, требовать за нее выкуп в свой карман. Считал ли Туркменбаши себя большим вождем «племени» туркмен или главой «большой туркменской семьи», это – рецидив такой древности, какого не знала история не только мусульманского, но, по-моему, и домусульманского Востока после возникновения там государств.

В связи с проблемами «русскоязычного» населения необходимо особенно отметить «образовательную реформу». Собственно, выезд из стран региона в связи с отсутствием перспектив учебы для детей – обычное дело во всей Центральной Азии (хотя в евразийских Казахстане и Киргизии эта тенденция проявляется куда меньше), но то, что делается с образованием в Туркмении, не имело аналогов по крайней мере в СНГ. Начнем с того, что уже сейчас сильно уменьшились количественные показатели. Выше мы приводили цифру о сокращении числа абитуриентов в четыре раза. Это привело к тому, что если в советское время (конец 1980-х годов) в Туркмении было 35–40 тыс. студентов плюс примерно 5 тыс. учившихся за пределами республики, то теперь в вузах учится всего 17 тыс. (по другим данным, 3,5 тыс. в 2003 г. вместо 17 тыс. в 1989 г.)⁵⁵. По некоторым сведениям, в 2004 г. все вузы Туркменистана приняли столько студентов, сколько 15 лет назад принимал один только Ашхабадский медицинский институт.

Но главное все же – не количество, а качество. Тут изменения тоже есть, и тоже отнюдь не к лучшему. Например, образование в туркменских вузах занимало при Туркменбаши только два года. Точнее, два года студенты учились, причем, по словам преподавателей, из 16 месяцев лекционного времени на собственно преподавание уходило только 5–6 месяцев, остальное отдавалось изучению «гениальных трудов» Туркменбаши, «трудовым десантам» и прочему. Затем в течение еще двух лет выпускники работали, после чего следовала защита диплома. Но за это время студенты успевали благополучно забыть все, чему их учили, и для облегчения процедуры преподаватели позволяли им переписывать старые, «дореформенные» дипломы, переводя их только с русского языка на туркменский.

А в перспективе ожидалась и школьная «реформа»: теперь учиться в школах предстояло только 4–5 лет вместо девяти, как стало в результате предыдущей «реформы» Туркменбаши. Каким было бы качество такого образования, легко можно себе представить, если учесть, что и до того выпускник «девятилетки» тянул в лучшем случае на уровень ученика 6–7 класса российской школы⁵⁶, а кроме того, отток (как добровольный, так и принудительный) педагогических кадров из школ продолжался. Так, в 2004 г. Туркменбаши уволил более 11 000 учителей, порекомендовав им вместо работы в школе выращивать кур (!)⁵⁷.

За границей образование тоже нельзя было получить. Во-первых, в силу указанных выше причин выпускнику туркменской школы сделать это было в принципе нелегко. Во-вторых, родственники тех, кто отправлялся учиться за границу, по некоторым сведениям, автоматически репрессировались⁵⁸. А в-третьих, и это главное, с лета 2004 г. вступил в силу Закон о признании недействительными как российских (и вообще стран СНГ), так и западных дипломов, полученных начиная с 1993 г. По некоторым сведениям, например, в системе школьного образования эта мера привела к тому, что в среднем каждая школа потеряла по 10 учителей, причем, как правило, самых лучших⁵⁹.

Не говоря уже о том, что «отец всех туркмен» совершил беззаконие с юридической точки зрения, придав закону обратную силу (на 11 лет назад!), нелепой выглядела сама попытка Туркменбаши отгородить образовательную систему своей страны от цивилизованного мира, а главное, сделать ее принципиально отличной от того, что в этом самом цивилизованном мире принято.

Разумеется, образование в различных странах имеет свою специфику. Разумеется, не все дипломы и не везде признаются действительными. Но все же образование, скажем, в России, США и Египте не так уж сильно отличается (если не брать в расчет некоторые специфические предметы, например, теологического характера), а если, допустим, в советское время наши дипломы не признавались на Западе, то по другим причинам – из-за того, что СССР не подписал Конвенцию о взаимном признании дипломов.

Если бы все, что было задумано Туркменбаши в рамках его «образовательной реформы», было сделано, получилась бы принципиально новая, невиданная в новейшей истории ситуация. Непризнание некоторых дипломов некоторыми государствами имеет место и сейчас: например, через неделю после Туркмении российские дипломы признала недействительными Эстония. Но там речь шла только о тех дипломах, которые будут выданы **после принятия соответствующего закона** – об обратной силе не было и речи. Но главное не в этом. Эти взаимные непризнания объясняются, например, политической конъюнктурой (в случае с Эстонией – явно именно желанием уязвить Россию) или защитой отечественного квалифицированного работника от дешевой иностранной конкуренции (этим объясняется, в частности, фактическое непризнание российских дипломов в некоторых штатах США). Эти противоречия не являются несни-

маемыми, их можно преодолеть при наличии доброй воли (захотят ли те, от кого это зависит, такую добрую волю проявлять – другой вопрос).

При доведении же до конца «образовательной реформы по Туркменбаши» туркменские дипломы стали бы недействительными в остальном мире просто из-за принципиальной несовместимости туркменской образовательной системы с мировой, и никакая «добрая воля» тут помочь бы не могла. Во всяком случае никому еще в современном мире не приходило в голову сделать высшее образование, как в Туркменистане, двухлетним. Естественно, что, получив подобное «образование», граждане Туркменистана (титульной или нетитульной нации) не смогли бы эмигрировать хотя бы потому, что едва ли их дипломы были бы признаны где-либо. Естественно, европейцев эти меры подтолкнули бы к скорейшему выезду, «пока не поздно».

Примечательно, что дети элиты и «теневых олигархов» учились в странах Запада (например, в США, куда 15 человек в год отправлялись на жительство в американские семьи, чтобы изучать английский язык «методом погружения»), в России или Турции⁶⁰, что само по себе говорит о том, что режим не питал особых иллюзий относительно эффективности введенной им системы образования.

Можно отметить и «реформу медицины». В феврале-марте 2004 г. Туркменбаши повелел уволить 15 000 медсестер, заменив их... солдатами срочной службы, выполняющими функции младшего медперсонала⁶¹. На вопрос о том, как же солдаты, не имея соответствующей квалификации, могут заменить медицинский персонал, ответ был дан очень простой: «Туркменам болеть нельзя, мы – здоровая нация!»⁶² Подобные высказывания означают курс на реставрацию первобытной дикости (в наше время сохранившейся разве что у совсем отсталых племен Новой Гвинеи или Амазонии), когда считалось, что больные, старые и слабые обременяют племя, поэтому от них лучше как-то избавиться (убить, «помочь умереть» или просто бросить).

Далее, Туркменбаши отменил пенсии. Точнее, резко снизил – например, для колхозников, которые, дескать, ранее записывали весь труд семьи на ее главу, так что пенсия главе назначалась исходя из завышенной его выработки; а для некоторых категорий и впрямь отменил полностью, мотивировав тем, что о стариках должны заботиться дети и внуки. А кроме того, Туркменбаши опять-таки придал закону обратную силу. Возможно,

проживи он подольше, заставил бы тех, кто ранее получал пенсию «слишком высокую», вернуть «лишние» деньги обратно!

Теперь для получения пенсии стало необходимо 20 лет **непрерывно-го** стажа: теперь в стаж не засчитываются выходные, праздники, дни, проведенные на больничном. Таким образом, для 20 лет непрерывного стажа в условиях пятидневной недели надо проработать не менее 28 лет (с учетом праздников и прочего – больше).

Люди были удивлены, втихую – возмущены (громко в Туркменистане не повозмущаешься). А удивляться нечему. В «Рухнаме» все написано четко и ясно. История туркменского народа началась пять тысяч лет назад, во времена Огуз-хана. Держава хуннов, созданная в III в. до н.э. – тоже туркменская. Туркменам приписано создание и многих позднейших государств, однако не это главное.

Главное в том, что эпоха Огуза, Мете-хана (так Ниязов именует первого правителя хуннов Модэ) и некоторых последовавших за ними правителей – «первый золотой век» туркмен. Так вот, китайская летопись так описывает нравы тюркских кочевников того времени: «Сильные едят жирное и лучшее, устаревшие питаются после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают».

Кто знает сегодняшние тюркские народы, тем подобное отношение к старикам может показаться невероятным. Однако не стоит забывать, что уважение к старшим стало прививаться у степных скотоводов только со времен Чингис-хана, который специальным указом предписал заботиться о стариках. Так вот, по мнению Туркменбаши, «первый золотой век туркмен» кончился именно с Чингис-ханом. Вернее, это было начало конца – конец наступил, понятно, под властью России-СССР. С концом последнего должен начаться новый «золотой век».

Но если можно не засчитывать в трудовой стаж выходные дни, то почему необходимо засчитывать в него целых 16 нерабочих часов в дни рабочие? Три дня отработал – сутки стажа пишутся! Сколько тогда понадобится работать, чтобы заработать на пенсию при «непрерывном двадцатилетнем стаже»? Тогда на пенсию реально никто не заработает, однако почему вообще общество должно заботиться о людях, которые больше не приносят пользы? До убийства, как у папуасов, не дошло, но уже в последние годы Туркменбаши пожилых людей все чаще настойчиво «просили» освобождать жилье и перебираться в дома престарелых.

Итак, есть основания утверждать: в силу исторической специфики своего развития, выраженной в слабости влияния на туркменский народ как исламской, так и европейской цивилизации, усугубившейся к тому же после обретения Туркменистаном независимости политикой изоляционизма и культа личности «вождя туркмен», Туркменистан, обретя независимость, пошел по совершенно уникальному для современной страны пути. Как долго этот путь продлится, к чему приведет и какое влияние окажет на отношения внутри различных групп туркменского этноса – покажет время.

Со смертью Туркменбаши 21 декабря 2006 г. многое изменилось. Тогда, в двадцатых числах декабря 2006 г., давались самые разные прогнозы дальнейшего развития страны – от сохранения в неизменности всего, что было при покойном, до народной революции, гражданской войны, межплеменных столкновений и т.д. Были и оптимистические прогнозы – что население «сможет надышаться воздухом свободы и приобщиться к ценностям рыночной экономики и демократии». Автор этих строк на вопросы будущего страны тогда, не отвергая в принципе ни одного из перечисленных вариантов, склонялся все же к постепенной и умеренной «оттепели» на манер хрущевского СССР как к наиболее вероятному сценарию развития событий.

Именно этот сценарий и начал реализовываться. Народной революции не произошло, народ остался пассивным. Не взяла власть и военная хунта, как кое-кто предсказывал. Удалось, к счастью, избежать и связанного с межплеменными столкновениями хаоса в стране. В то же время нельзя сказать, что ничего не изменилось к лучшему. Изменения есть (в частности, были восстановлены пенсии), но они, как и в хрущевское десятилетие, носят эволюционный и очень умеренный характер. Кстати, вскоре после кончины «Великого Сердара» состоялся XX съезд Демократической партии Туркменистана⁶³.

Как и в СССР при Сталине, в Туркменистане никто, кроме Ниязова, не был гарантирован от превратностей судьбы. Любой чиновник мог в одночасье потерять все, даже свободу. Поэтому, как и в сталинском СССР, говорить о возможных преемниках было трудно. Более того, избрание в 1953 г. генсеком Хрущева было куда более просчитываемым шагом, чем избрание в 2006 г. президентом Гурбангулы Бердымухамедова.

Как и в Туркмении 2006 г., в СССР в 1953 г. многие опасались хаоса после кончины Сталина, и отнюдь не только поклонники умершего вождя. Имелись и силовики – претенденты на высшую власть, в разное время это

были Берия, Серов, Жуков. Однако к 1958 г. Хрущев сумел справиться с ними со всеми. Точно так же и Бердымухаммедов сумел приструнить своих силовиков. Например, к тюремному заключению были приговорены высокопоставленные офицеры госбезопасности – бывший начальник охраны президента А. Реджепов и его сын⁶⁴. А тот факт, что спикер Меджлиса Атаев, не помышлявший о высшей власти, был устранен с поста по явно надуманным обвинениям, напоминает смещение с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника в марте 1953 г.

Проходят и очень умеренные экономические реформы. Так, был принят новый Закон о дейханском (крестьянском) хозяйстве, который сопоставим с реформами сельского хозяйства при раннем Хрущеве.

Реабилитированы были некоторые осужденные прежним режимом – например, сразу такой участи удостоились бывшие вице-премьеры Ё. Гурбанмурадов и Д. Айдогдыев. Спустя несколько месяцев, в августе 2007 г., так же были реабилитированы еще 11 человек, включая бывшего верховного имама Насруллу Ибадуллу. Но все они при Туркменбаши не были замечены в реальной оппозиционной деятельности, а их осуждение (формально – за финансовые махинации) реально связано с политической опалой. А вот тех, кто проходил по делу о покушении на Туркменбаши (2002 г.), оставили в заключении⁶⁵. Аналогично и при Хрущеве реабилитировали только «верных сталинцев», «необоснованно репрессированных» в 1937–1938 гг., но не «правых» или «левых» оппозиционеров. А снос ставшей одиозной тюрьмы Овадан-Депе вполне можно сравнить с ликвидацией самых страшных сталинских лагерей – колымских.

Наконец, было амнистировано несколько тысяч уголовников, впрочем, куда более продуманно и с куда меньшими негативными последствиями, чем это было сделано в СССР 27 марта 1953 г. В целом число осужденных – уголовных и политических – сократилось, но не до тех величин, когда это соответствовало бы общекриминальной практике (всего было амнистировано порядка 10 тыс. чел.)⁶⁶ – как и население ГУЛАГа полвека назад (еще и к концу 1956 г. только на Дальнем Востоке продолжало сидеть до миллиона человек).

Проведены реформы в системе образования – она снова стала близка к советской и к другим странам СНГ, в частности, восстановлено десятилетнее (вместо девятилетнего) обучение в школах и четырехлетнее (вместо двухлетнего) в вузах, возвращено преподавание ряда предметов, изъятых при Туркменбаши «за ненужностью»⁶⁷. В том числе с 2008–2009

учебного года преподавание туркменского языка должно было вернуться на советский уровень (иное дело, что технически понадобятся годы, чтобы реализовать это начинание на практике)⁶⁸. Стали снова признаваться заграничные дипломы, полученные после 1993 г. Была восстановлена Академия наук; впрочем, по крайней мере по состоянию на 2008 г. (по дошедшим до меня устным сведениям – и сегодня, в апреле 2010 г.) она так реально и не заработала, ей не вернули даже прежнего здания⁶⁹. И так далее. Но все же наука и образование далеки от того, чтобы полностью освободиться от тоталитарного груза. Это тоже напоминает СССР: в 1956 г. из-за разоблачения «культа личности» были отменены экзамены по истории в школах, однако более принципиального пересмотра школьных программ не произошло. Восстановлены также опера и цирк, празднование 8 марта и 9 мая, отменено празднование дня рождения Туркменбаши (19 февраля)⁷⁰.

Летом 2007 г. были отменены запреты, ограничивающие свободу передвижения по стране. Ограниченному числу государственных структур была разрешена подписка на иностранные издания. Наконец, Туркменистан стал более открытым и для внешних контактов – опять-таки как СССР при Хрущеве. Сам новый лидер, как и Хрущев, многократно выезжал с визитами в самые разные страны мира. Разница в том, что и «простым» людям, а не только представителям номенклатуры, как это было полвека назад в СССР, стало легче выехать из страны. И «простые» туркмены говорят, что у них стало «больше свободы, чем было в Советском Союзе».

При этом сохраняются и многие позитивные стороны прежнего режима – электричество и газ по-прежнему бесплатны, а цены на билеты общественном транспорте и на бензин дешевы. Что будет в этом отношении дальше, покажет время. Напомню, что в СССР при Хрущеве разрыв между большими городами и селом был ликвидирован не только благодаря повышению уровня жизни в селе, но и благодаря снижению его в больших городах (впрочем, связанному не с уменьшением эксплуатации колхозов, а с ошибками в сельском хозяйстве).

Однако пока, по словам корреспондента Би-Би-Си, «от обычных людей ничего плохого о правительстве не слышно», и действительно, в стране сохраняется сильный страх, а СМИ не спешат работать «по-новому», хотя Бердымухамедов и требует от прессы неординарных подходов⁷¹. При этом, конечно, надо делать скидку как на то, что речь идет о подданных тоталитарного режима (страх плюс промывание мозгов), так и на то, что, как и в СССР при Хрущеве, имеет место энтузиазм от ликвидации наибо-

лее одиозных черт тоталитаризма (это потом народ разлюбит Хрущева, когда опустеют прилавки магазинов из-за неправильной сельскохозяйственной политики).

Как и в хрущевском СССР, имеют место и откаты назад. Так, примерно с середины 2007 г. снова началось прославление многочисленных талантов первого лица государства и его «многогранной героической подвижнической деятельности» (старшее поколение должно хорошо помнить аналогичные прославления Хрущева, а потом Брежнева). Возобновилась практика проектов «общенационального значения», в том числе и противоречащих друг другу (например, на Каспии планируется и добывать нефть, и строить чуть ли не международный курорт!), причем решения принимаются одним человеком (чем не хрущевский «волютаризм»!). А недавняя борьба нового лидера со спутниковыми антеннами («тарелками») напоминает борьбу Хрущева со стилягами.

Не торопится Бердымухамедов и предавать забвению образ и дела Ниязова. Так, иностранные делегации водят в усыпальницу покойного Великого Сердара, в его музей и т.д. Хотя намеки на развенчание культа личности, безусловно, есть – призывы «работать по-новому», критика чиновников, «действующих по старинке», а слова о том, что «именно теперь наступает эпоха нового возрождения», свидетельствуют о косвенном признании негативной роли Туркменбаши в экономике страны – как сентябрьский (1953) г. пленум ЦК КПСС косвенно свидетельствовал о пагубном положении в сельском хозяйстве, оставшемся от Сталина. А что касается развенчания «культа личности», то в СССР это произошло через три года после смерти Сталина, а окончательно – только на девятом году. В декабре 2009 г., по сообщениям информагентства Фергана.ру, в школах и вузах возобновлено изучение «Рухнамы», что можно сравнить с частичной ресталинизацией 1957–1959 гг.

Самое главное в политическом отношении – до сих пор не отменено и даже не приостановлено пресловутое постановление, объявляющее всех, кто сеет «сомнение в правильности политики президента», изменниками родины. Замените «президента» на «партию», и мы получим послесталинский СССР. Может ошибаться личность, но не может ошибаться партия – применительно к новой Туркмении может ошибаться человек, но не «кресло» президента – а ведь и в СССР после Сталина «культ личности» сменился «культом кресла»: если Сталин сделал пост Генерального Секретаря тем, чем привыкли считать его мы, то в дальнейшем кресло Генсека

возвеличивало тех, кто его занимал. Ну, тут Туркменбаши Сталину уступает – он выдвинулся благодаря занятию поста Первого секретаря, а затем, при снижении роли КПСС – Президента.

Таким образом, изменения, при всем их позитиве, носили и носят тактические изменения и не затрагивают сути политической системы Туркменистана. И в этом они опять-таки похожи на хрущевские. Приведет ли их дальнейшая эволюция, наконец, к знаковым, сущностным реформам, покажет время. Причем едва ли ближайшее – от смерти Сталина до радикального его развенчания, напомним, прошло 35 лет.

Что касается туркменской оппозиции, то она выступает за тесные контакты с русской общиной. Все русско-туркменские столкновения, по ее мнению, создаются властями искусственно. Рядовые туркмены хорошо знают русский язык; надежды на улучшение жизни многие связывают с Россией.

Русская община Таджикистана в контексте Гражданской войны

Особенно тяжелым является положение «русскоязычного» населения в Таджикистане. Помимо того, что Таджикистан, как и Узбекистан, относится к оседло-мусульманскому миру, где европейцы в сельской местности плохо приживались и составляли небольшой процент, главная причина тяжелого положения «русскоязычных» – гражданская война в республике (или ее последствия).

В то же время, как это ни парадоксально звучит, **русско-таджикские противоречия** также относятся к разряду латентных конфликтов. Дело в том, что кровавые события в республике, от которых русское население сильно пострадало и от которых вынуждено было буквально бежать, не были направлены именно против русских, а, будучи **таджикской** гражданской войной, коснулись европейского населения лишь попутно.

Русские в Таджикистане являлись наиболее многочисленной группой нетитульного населения. Доля их в промышленности до конца 1980-х годов составляла 63%, велика она была и во многих отраслях науки, здравоохранении, органах управления, искусстве и т.д., равно как и в общем числе занятых. Так, еще в 1996 г. 46% всех занятых составляли представители нетитульной национальности⁷². Правда, в это число входили, очевидно, и узбеки.

В то же время особое социальное положение европейцев, а также принципиальные отличия от местного населения, начиная от городского

образа жизни и кончая формальным отнесением к иной конфессии, подкрепляемые явно ощутимой зависимостью от далекой и малопонятной Москвы, сформировали в таджикском обществе особую мифологию, в соответствии с которой русские на протяжении многих десятилетий грабили Таджикистан, а «золотой век» таджикского народа закончился с приходом русских в Среднюю Азию. Впрочем, такое восприятие характерно и для других государств Региона, однако в меньшей степени, возможно, потому, что тюркские этносы Региона имели куда менее древнюю культуру. Эта мифология стала именно той малоосознаваемой основой для обострившегося в последние годы неприязненного отношения к русским, которая сформировала и сделала явными противоречия между двумя группами населения.

Отток «русскоязычного» населения из Таджикистана начался в 1970-е годы, когда миграционное сальдо из положительного (70 700 чел. в 1960-е годы) стало отрицательным (41 400 чел. в 1970-е годы)⁷³. По подсчетам автора (совместно с В.И. Бушковым), только за 1978–1988 гг. выехало 104 000 человек – такова общая разница между численностью населения Таджикистана, с учетом естественного прироста, и его реальной численностью⁷⁴. Если же брать 1980–1989 гг., то отрицательное миграционное сальдо составило 158 500 чел.⁷⁵ Отметим, что в этот период миграции носили прежде всего экономический характер.

Ситуация качественно изменилась в 1989 г. Ряд межэтнических конфликтов, и прежде всего конфликты в Ферганской долине, а также выросшие на бытовом уровне антирусские настроения оказали существенное психологическое воздействие на «русскоязычное» население, побуждая его покидать республику.

Исследователи отмечают, что первую волну мигрантов вызвала также крайне ухудшившаяся ситуация с земле- и водопользованием (о чем уже говорилось), совпавшая с процессами политизации общества и суверенизации политики национальных элит, а также с принятием 22 июля 1989 г. Закона о языке. Правда, закон был принят в сравнительно мягкой форме, но все же предусматривал правовые границы русского языка как языка межнационального общения народов СССР (тогда еще существовавшего), и поэтому, как и в других республиках, коренным образом изменил положение русских, которые на бытовом уровне довольно быстро ощутили его воздействие в разных формах и сферах.

В целом первую (1989 г.) волну массовой эмиграции сформировали высококлассные специалисты, в массе своей хорошо принятые в России. В результате их отъезда республика впервые ощутила кадровый голод.

По официальным данным, в этом году из республики уехало около 40 000 (39 600) человек. В то же время при численности населения Таджикистана 5 092 603 чел. постоянного населения на начало 1989 г. и естественном приросте населения за этот год в 3,22% на начало 1990 г. в республике должно было быть 5 256 587 человек. По статистическим же данным, на начало 1990 г. в республике насчитывалось 5 248 000 человек. Таким образом, отрицательное миграционное сальдо составляло в этом году всего 8,6 тыс. человек. По официальным данным, в этом же году до 30 000 человек приехало в республику. Учитывая, что отрицательное миграционное сальдо в 1987–1988 гг. было существенно выше (около 44 500 человек), можно предположить, что значительная часть иммигрантов 1989 г. – это возвращенцы двух предыдущих лет. Косвенным свидетельством возможности такого вывода могут служить имевшие широкое хождение в Таджикистане в начале 1990-х годов слухи о том, что многие русские, покинувшие республику, возвращаются обратно⁷⁶.

Вторая волна (1990 г.) была вызвана беспорядками февраля 1990 г. в Душанбе, существенно ухудшившими общую ситуацию и ставшими для «русскоязычного» населения ясным сигналом к упаковке чемоданов, и состояла преимущественно из квалифицированной рабочей молодежи – костяка непосредственных производителей Таджикистана: сварщиков, строителей, водителей и т.д. По размерам эта волна примерно втрое превосходила первую: если в 1989 г. выехало менее 40 тыс., то в 1990–1991 гг. выезжало более чем по 100 тыс. ежегодно (таблица 6).

По данным статистики, в этом году республику покинуло 113 700 жителей, в том числе 29 700 из Ленинабадской области. Отрицательное миграционное сальдо за этот год составило 61 100 человек. Таким образом, снова около 50 000 человек прибыло в республику из других регионов. Не исключено, что в этот период на волне развернувшейся в среднеазиатских республиках национально-патриотической пропаганды в Таджикистан начало переезжать таджикское население из соседних республик.

Таблица 6

Выезд «русскоязычного» населения из Таджикистана

в 1989–1998 гг. (тыс. чел.)⁷⁷

1989	39,6
1990	113,7
1991	120,0
1992	255,4
1993	90,0
1994	60–80
1995	81,0*
1996	29,9
1997	20,6
1998	18,4
Всего	760–780

*) Только в Узбекистан, Казахстан и Киргизию.

1991 г. Несмотря на то, что в этом году некоренное население продолжало активно покидать республику (только из Ленинабадской области уехало 24 300 человек), общее *положительное* миграционное сальдо составило 36 260 человек, т.е. число приехавших в республику не только компенсировало выезд, но и существенно превысило его. Думается, что здесь следует говорить преимущественно о таджикском населении соседних с Таджикистаном республик, устремившемся в пределы своего национального государства, объявившего о суверенитете.

В последующие годы, с развитием процесса суверенизации, социально-психологическая обстановка еще более ухудшилась, число отъезжающих резко возросло. Третья волна эмиграции (1992 г.) состояла из остатков «русскоязычного» населения, занятого в промышленности. Их отъезд из Таджикистана был вызван, по определению Л.Д. Троянкиной, общепсихологической дискомфортной обстановкой и отсутствием безопасности в самых разных ее аспектах⁷⁸, а если говорить без эвфемизмов, то элементарным страхом за свою судьбу в условиях гражданской войны осени 1991 и 1992 гг.

Как известно, эти годы ознаменовались выходом на авансцену политической оппозиции (среди которой подавляюще преобладали исламские радикалы при очень небольшом весе тех, кого можно назвать «демокра-

тами»), ее консолидацией и борьбой с «коммунистическим» режимом в митинговой форме, которая в мае-июне 1992 г. переросла в полномасштабную гражданскую войну.

В это время «русскоязычные» буквально бежали, бросая все. Только за май 1992 г. республику таким образом покинуло примерно 20 000 человек. Всего за 1992 г. выехало почти столько же, сколько за три предшествующих года вместе взятые (таблица 6). Формы и методы, которыми велась эта война, гибель множества мирных русских жителей (впрочем, «попутная», так как по большей части таджики убивали друг друга) и бегство еще большего их числа привели к тому, что к моменту захвата Душанбе силами так называемого Народного фронта (противостоявшего оппозиционерам) 10 декабря 1992 г. в Центральном и Южном Таджикистане, за исключением столицы, русских уже практически не оставалось.

От этих трех волн эмиграции осталась поговорка о том, что «первая волна русских уехала из Таджикистана с контейнерами, вторая – с чемоданами, а третья – с паспортами».

В целом 1992 г. стал годом наиболее массового выбытия из Таджикистана как некоренного, так и коренного населения, что было связано с начавшейся в республике гражданской войной. Статистические источники дают нам цифру в 255,4 тыс. В печати также называлась цифра в 104 тыс. русских.

Здесь, видимо, не учтены погибшие в результате боевых действий, а также ушедшие под давлением отрядов «Народного фронта» на территорию Афганистана (в последнем случае речь, впрочем, идет о таджиках). В этом же году с севера республики, из Ленинабадской области, уехало около 30 000 человек. Несмотря на снизившиеся в 1992 г. темпы естественного воспроизводства населения (прежде всего за счет снижения рождаемости), на начало 1993 г. в Таджикистане должно было быть 5 713 412 жителей. Реально же в сравнении с 1992 г. население практически не увеличилось, а отрицательное миграционное сальдо составило 141,7 тысяч.

В 1993–1995 гг. на смену боевым действиям под лозунгами борьбы с «демоисламистами» (как называли сторонники «Народного фронта» оппозиционеров) пришла все более усиливающаяся борьба, в том числе и военными средствами, внутри самого победившего блока. Все это – на фоне правового беспредела, массовой преступности, в том числе и в столице, и полного краха таджикской экономики.

Неудивительно, что отток русских и других групп некоренного населения продолжался и в 1993–1994 гг., однако темпы отъезда русских из Таджикистана в эти годы существенно снизились, поскольку уже к концу 1992 г. в республике остались лишь те русские, которые по различным причинам не имели возможности уехать⁷⁹. По сообщениям Российской ФМС, к концу апреля 1993 г. из 388 тыс. славян, живших в Таджикистане, уехало 300 000 человек, что существенно расходится с заявлениями А.В. Козырева (глава МИД России в 1990–1996 гг.), оправдывавшего год спустя политику России в Таджикистане тем обстоятельством, что в этой стране все еще проживает 200 000 «русскоязычных»⁸⁰.

Различные источники, в том числе и исходящие от российского посольства в Таджикистане, называли в первой половине 1994 г. цифру в 6–8 тысяч уезжающих ежемесячно. Тем не менее еще в апреле-мае 1994 г. печать продолжала утверждать, что в республике все еще остается около 80 000 человек⁸¹. По оценкам, это 20–30 тыс. в Душанбе, максимум по 10–20 тыс. в Ходжене и Канибадаме, русский поселок из нескольких десятков семей в районе Нурекской ГЭС, по 10–15 преимущественно смешанных семей в некоторых районах Северного Таджикистана. В парламенте к 1996 г. было всего два русских депутата вместо 20 в том, который был выбран в 1989 г.⁸² При этом из тех русских, что на конец 1996 г. еще оставались в Таджикистане, 46% «твердо решили уехать»⁸³.

В связи с некоторой неопределенностью миграционной статистики продолжают оставаться неясными сведения о количестве оставшихся в Таджикистане некоренных жителей, как русских, так и в целом «русскоязычных». Наблюдателями называются цифры от около 100 000 русских на 1997 г. (из которых более 80% живут на Севере) до 200 000 «русскоязычных»⁸⁴. По данным переписи 20 января 2000 г., русскими назвали себя 68,2 тыс. жителей Таджикистана; по сравнению с 1989 г. доля русских в населении сократилась с 7,6% до 1,1%⁸⁵.

При этом и экономические причины выезда «русскоязычных» в Таджикистане действуют сильнее, чем где-либо в Регионе. Оно и понятно: ВВП на душу населения, составлявший в 1991 г. 550 долларов США, к 1998 г. опустился до 177,2 долл., а к 2003 г. поднялся лишь до 236,6 долл. Пенсия с 1990 по 2003 гг. упала с 72 до 4 долларов США, средняя заработная плата – со 132 до 12 долл.⁸⁶ Непонятно, правда, как вычислялась пенсия и зарплата в 1990–1991 гг.: официальный курс доллара для «простых советских людей» вплоть до апреля 1991 г. составлял 60 коп., тогда как уже

первые валютные торги («не для всех») 3 ноября 1989 г. дали 8 руб. 92 коп. за доллар. Очевидно, снижение реально (как и во всем СССР) имело место еще до 1990–1991 гг. за счет того, что все меньше товаров можно было купить по государственным ценам. Так или иначе, факт резкого снижения уровня жизни был налицо.

Вот свидетельство И. Ротаря: например, в 1996 г. даже в Душанбе в лучшей гостинице города горячая вода подавалась только тогда, когда собирались на сессию депутаты местного парламента. Средняя зарплата была 20 000 неденоминированных российских рублей, пенсия – 8000 при цене килограмма мяса 5000. Но у таджиков – родственники в кишлаках, а как быть русским? Выживали кто как умел: продавали старые вещи, женщины занимались проституцией (русские женщины «не первой молодости» составляли основной контингент душанбинских проституток). Впрочем, экономические же причины и тормозили выезд оставшихся русских. В 1994 г. однокомнатная квартира стоила не более миллиона российских рублей, и те было не вывезти – действовал запрет на вывоз из страны более 200 000 рублей, причем исключения не делалось даже для уезжавших насовсем. К 1996 г. цены на жилье, правда, поднялись – 3000 долларов за двухкомнатную квартиру в Душанбе⁸⁷.

Ситуация мало изменилась и к концу 2000-х годов. По данным опроса 2008 г., 28,6% русских Таджикистана денег не хватает даже на еду и приходится постоянно брать в долг (в Узбекистане процент таких составляет 12,9%, в Киргизстане – 7%, в Казахстане 3,3%), а еще 39,3% хватает только на еду и самые необходимые вещи. Таким образом, более двух третей населения бедствуют против трети в Казахстане и примерно 45% в Узбекистане и Киргизстане⁸⁸.

Отметим еще, что по примеру Киргизстана в Душанбе в 1996 г. был открыт Славянский университет, однако здесь эта мера, мягко говоря, несколько запоздала.

Таким образом, мы видим, что евразийско-восточные конфликты – в значительной мере деструктивные, когда одна из сторон принципиально не предполагает участия другой стороны в будущем страны или территории. Пожалуй, к конструктивным относятся туркменско-казахские, узбекско-каракалпакские, а возможно, отчасти и русско-узбекские отношения: у русских в Ташкенте (возможно, и еще в некоторых городах Узбекистана), не исключено, все же есть какие-то перспективы.

-
- ¹ Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. 1999. № 11. С.10–15.
- ² Там же.
- ³ Мироглова Е. Безответственность, оплаченная миллионами // Деловая неделя. 1994. 9 дек.
- ⁴ Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 18.
- ⁵ Громов А. Указ. соч.
- ⁶ Малашенко А.В. Указ. соч. С. 18.
- ⁷ Аргументы и факты. 1989. № 29.
- ⁸ См.: Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1997; Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на юге России. Ростов н/Д, 2005.
- ⁹ Islamov B.A. Migration of Population in Independent States of Central Asia. Osaka, 1998. P. 1, 9.
- ¹⁰ Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М., 1995. С. 36, 41.
- ¹¹ Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. С. 130.
- ¹² Islamov B.A. Op. cit. P. 10.
- ¹³ Коммерсантъ-Daily. 1994. 12 окт.
- ¹⁴ Лебедева Н.М. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁵ Мещеряков В. Социально-экономический портрет в геополитическом интерьере // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 2–11.
- ¹⁶ Лунев С.И. Указ. соч. С. 130.
- ¹⁷ Тощенко Ж. О статусе русского языка и государственном суверенитете // Независимая газета. 1994. 1 дек.
- ¹⁸ Islamov B.A. Op. cit. P. 5.
- ¹⁹ Витковская Г.С. Мигранты стремятся в Россию // Независимая газета. 1996. 11 июля.
- ²⁰ Короткова Е., Хайтина Ю. Восток под паранджой // Московский комсомолец. 1994. 22 нояб.
- ²¹ Аноним [высокопоставленный сотрудник администрации Президента РФ]. Почему русские бегут из Узбекистана? // Комсомольская правда. 1994. 16 нояб.
- ²² Мещеряков В. Указ. соч.
- ²³ НГ-Политэкономика. 1998. № 10.
- ²⁴ Материалы Круглого стола «Политические процессы в постсоветских среднеазиатских республиках и российская диаспора» 17 марта 2009 г.
- ²⁵ Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. М., 2003. С. 151–154.
- ²⁶ Голос Туркменбаши. 1995. № 49.
- ²⁷ Туркмены [оппозиционный сборник, издающийся в Москве]. М., 1995. Март–июнь. С. 53.
- ²⁸ Муждабаев А. Миражи Туркменбаши // Московский комсомолец. 1998. 19 февр.
- ²⁹ Орекозов К. Под каракумским небом // Аргументы и факты. 1995. № 31.
- ³⁰ Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. С. 195.
- ³¹ Кадыров Ш.Х. Указ. соч. С. 151–158.

-
- ³² Виноградов А.В. О состоянии русскоязычного образования в Туркменистане. Сайт <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books00/vinograd.ssi>.
- ³³ Там же; Муждабаев А. Указ. соч.
- ³⁴ Кадыров Ш.Х. Указ. соч. С. 155.
- ³⁵ Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 13 марта 2003 г.
- ³⁶ Туркмены. С. 52.
- ³⁷ Кадыров Ш.Х. Указ. соч. С. 155; Монтон М. Рифы и мифы русификации // Туркмены. 1997. № 2. С. 3–21.
- ³⁸ Виноградов А.В. Указ. соч.
- ³⁹ Ан В. Исповедь старожилы о жизни в Туркмении после обретения независимости // Правда. 1995. 13 сент.
- ⁴⁰ Орекозев К. Указ. соч.; Правда. 1994. 17 июня.
- ⁴¹ Муждабаев А. Указ. соч.
- ⁴² Орекозев К. Указ. соч.
- ⁴³ Кадыров Ш.Х. Указ. соч. С. 157.
- ⁴⁴ Сайт erkin.net со ссылкой на российское посольство в Ашхабаде, сентябрь 2002 г.
- ⁴⁵ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.; Бишкек, 2005. С. 211.
- ⁴⁶ Кадыров Ш.Х. Указ. соч. С. 151–152.
- ⁴⁷ Там же. С. 185.
- ⁴⁸ Там же. С. 187.
- ⁴⁹ Мамедов А., Юрьев М. Туркменбашизм – тоталитарная секта // Gundogar. 2004. 1 мая.
- ⁵⁰ Мамедов А. Туркменбаши заждались в аду // Gundogar. 2004. 4 июня.
- ⁵¹ Евтеев А. Чем еще порадует своих детей Отец всех туркмен // Популярная газета. 2004. № 30 (75).
- ⁵² Колосов Л. Аргументы и факты против Ниязова // Gundogar. 2004. 21 апр.
- ⁵³ Пейруз С. Управление религиозным фактором в Центральной Азии: продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 14.
- ⁵⁴ Цит. по: Мамедов А. «Говнум» отдыхает // Gundogar. 2004. 27 июля.
- ⁵⁵ РИА «Новости». 2003. 30 апр.
- ⁵⁶ Байрамова Н. Образование под гнетом «священной» «Рухнамы» // Gundogar. 2004. 17 сент.
- ⁵⁷ Евтеев А. Указ. соч.
- ⁵⁸ Устюгов Б. Туркменская пасха // Gundogar. 2004. 20 февр.
- ⁵⁹ Райтер Р. Самая сильная мания величия в мире // Gundogar. 2004. 2 июня.
- ⁶⁰ Кадыров Ш.Х. Указ. соч. С. 197.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Евтеев А. Указ. соч.
- ⁶³ Проклов И. Современный политический процесс в Туркменистане // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 173.
- ⁶⁴ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 203.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Проклов И. Указ. соч. С. 176.
- ⁶⁷ Там же. С. 175.

-
- ⁶⁸ Виноградов А.В. Указ. соч.
- ⁶⁹ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 204.
- ⁷⁰ Там же. С. 172.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Зайончковская Ж. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения Средней Азии: прошлое, настоящее, будущее. М., 1996. С. 55, 59.
- ⁷³ Зайончковская Ж. Россия: миграции в разном масштабе времени. М., 1999. С. 23.
- ⁷⁴ Бушков В.И., Ситнянский Г.Ю. Средняя Азия // Миграции и новые диаспоры в пост-советских государствах. М., 1995. С. 186.
- ⁷⁵ Зайончковская Ж. Россия: миграции в разном масштабе времени. С. 23.
- ⁷⁶ Бушков В.И., Микульский Д.В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 26. М., 1992. С. 17.
- ⁷⁷ Сост. по: Зайончковская Ж. Россия: миграции в разном масштабе времени. С. 35; Пядухов Г.А. Киргизия: политический фактор вынужденной миграции // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996. С. 133; Buschko V.I., Sitnjanskij G.Ju. Russen und Russensprachige in Zentralasien // Sonderveröffentlichung. 1997. Februar. S. 12–16, 26.
- ⁷⁸ Троянкина Л.Д. Русские в Таджикистане: глаза очевидца – взгляд изнутри // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. М., 1993. С. 401–402.
- ⁷⁹ Панфилов О.В. МИД республики знает больше, чем кто-либо // Независимая газета. 1994. 28 апр.; Хасанова Г. В Таджикистане, который полностью зависит от помощи Москвы, скоро не останется ни одного русского // Известия. 1994. 6 мая.
- ⁸⁰ Панфилов О.В. Новый доклад «Хельсинки Вотч» и «Мемориала» // Независимая газета. 1994. 26 апр.
- ⁸¹ Хасанова Г. Указ. соч.
- ⁸² Панфилов О.В. Таджикиские беженцы в Сибири // Независимая газета. 1996. 8 авг.
- ⁸³ Олимова С. Этническая и гражданская идентичность и их влияние на миграционное поведение населения Таджикистана // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 198.
- ⁸⁴ Гусейнова И. Таджикистан принимает своих скитальцев // Правда-5. 1997. 4–11 апр.; Панфилов О.В. Таджикиские беженцы в Сибири; Ротарь И. В Таджикистане плохо всем. Но хуже всего – русским // Известия. 1996. 13 февр.
- ⁸⁵ Тульский М. Истинное лицо демографической катастрофы // Независимая газета. 2001. 19 июля.
- ⁸⁶ Олимова С. Молодежь и ислам в Таджикистане // Расы и народы. Вып. 32. С. 161.
- ⁸⁷ Ротарь И. Указ. соч.; Хасанова Г. Указ. соч.
- ⁸⁸ Материалы Круглого стола ...17 марта 2009 г.

ГЛАВА IV ЛАТЕНТНЫЕ КОНФЛИКТЫ ВНУТРИ ВОСТОЧНЫХ ЭТНОСОВ

Внутритуркменские противоречия

В основе внутритуркменских противоречий может лежать межплеменной фактор: монополия на власть, сосредоточенная в руках племени теке, не может не вызывать недовольство других племен, в первую очередь йомудов.

Борьба за власть в Туркмении велась в основном между этими двумя племенами. При этом если в 1880-х годах наиболее упорно сопротивлялись российскому завоеванию текинцы, в отличие от йомудов, в значительной мере подчинившихся добровольно, то на сотрудничество с советской властью пошли в первую очередь текинцы, тогда как йомуд Джунаид-хан воевал против нее. Это, конечно, огрубление реальной ситуации – у Джунаид-хана воевали и теке¹.

Так или иначе, при подавлении басмаческого движения больше всего пострадали йомуды и эрсари (район г. Чарджоу). Доминированию теке способствовала и большая их «обруселость», так как они непосредственно входили в состав Российской империи, тогда как эрсари находились под властью Бухары, а часть йомудов – под властью Хивы².

В дальнейшем ситуация несколько выправилась, поскольку допустить доминирования одного племени Центр не желал, и партийную организацию республики возглавляли представители различных племен: например, алиили С. Бабаев (1956–1960), йомуд Б. Овезов (1960–1969)³; они же несколько ранее (в 1945–1955 и 1955–1958 гг. соответственно) занимали посты председателей Совета министров. Ранее эту же должность занимал текинец К.С. Атабаев (1925–1937), позднее, уже в «застойное» время – опять же текинец Ч.С. Каррыев (1978–1985).

Совет министров возглавляли йомуды Д. Караев (1958–1960), Б. Язкулиев (1975–1978); что касается должности номинального главы республики – Председателя Президиума Верховного Совета – то тут йомуды доминировали: 1925–1937 – Н. Айтаков, 1963–1978 – А.-М. Клычев, 1978–1987 – Б. Язкулиев. Наконец, текинцы не допускались центром в органы КГБ⁴.

В 1963 г. Центр назначил на пост Председателя Совета министров (1963–1969), а потом первого секретаря ЦК (1969–1985) «безродного»

М. Гапурова; однако к концу «застоя» позиции Центра ослабели, и с началом «перестройки», в ноябре 1985 г., к власти пришли текинцы в лице С.А. Ниязова.

В 1992 г. Ниязов, следуя примеру Кемаль-Паши, переименовавшегося, как известно, в Ататюрка, присвоил себе фамилию Туркменбаши (буквально «глава туркмен», но трактуется в переносном смысле как «отец туркмен»). Таким образом, монополия на власть сейчас находится в руках текинцев, которые все более «аристократизируются» и все менее скрывают свое пренебрежение к другим племенам. Это сказывается буквально во всем, вплоть до уважения к исторической памяти племен. Если в Ахалтекинском оазисе сохранилась традиционная топонимика, то в районах проживания эрсари, йомудов и т.д. идут массовые переименования. Так, Красноводск стал Туркменбаши, Керки – Атамуратом в честь отца Ниязова, а Ташауз (Дашховуз) стал Дашогузом – от слов «дальние» или «внешние» огузы, т.е. как бы огузы второго сорта⁵. Красноводская область в очередной раз упразднена (из страха перед усилением йомудов текинское руководство республики и раньше упраздняло ее), оппозиция подавлена.

Однако прочность режима, судя по всему, кажущаяся. Так было при Туркменбаши, так осталось и потом. Экономическое положение населения не улучшилось от смены власти. В такой ситуации межплеменные противоречия не могут не представлять огромной опасности. А между тем режим часто, может быть, сам того не желая, их обострял. Так, при Туркменбаши началось прославление Нурберды-хана как национального символа, поскольку он был вдохновителем антирусского сопротивления текинцев в 1881 г., с одновременным «задвиганием» традиционного символа нации – поэта XVIII в. Махтумкули Фраги. А вот Кият-хан – союзник России в русско-персидской войне 1826–1828 гг. – в апреле 2001 г. официально объявлен изменником, и Туркменбаши грозился «наказать» йомудов за одно упоминание о нем⁶. Легко представить, как к этому относятся йомуды и как они поступят, если режим ослабнет и им представится возможность сказать свое слово. На территории бывшей Красноводской области распространена идея создания государства Йомудистан; они рассчитывают продержаться на своих нефти и газе. О чарджоуских сепаратистах мы еще поговорим.

Если основное межплеменное противоречие – между теке и йомудами, то второе по важности – противостояние ахальских (Ашхабадская область) и марыйских текинцев. В 1996 г. сменил марыйский областной хаким Кур-

бан Оразов (марыйский текинец), которого боялся Туркменбаши; он был назначен на смехотворный пост. Вообще, если в 1992–1995 гг. больших кадровых перестановок не было, то за 1996–1997 сменены почти все хакиды вилоятов (губернаторы областей). При приезде Туркменбаши в ту или иную область смещались практически все хакиды районов.

В свете всего сказанного ясно: если найдется внешняя сила, способная подтолкнуть к дестабилизации обстановки, то нигде это не будет так легко сделать, как в Туркмении. Тогда вполне возможно растаскивание Туркмении на сферы влияния, и не только Узбекистана, но и Ирана.

Иран в последние годы активизировался в отношении Средней Азии, в первую очередь – как раз в отношении Туркмении, которая лежит первой на пути иранской геополитической экспансии. Иран уже много столетий пытается прибрать к рукам южнотуркменские оазисы. В случае весьма вероятной дестабилизации внутривосточной обстановки в Туркмении у Ирана появятся реальные шансы это осуществить.

В ходе визита министра иностранных дел Ирана Велаяти в Ашхабад (и Ташкент) в феврале 1996 г. обсуждался, в частности, вопрос о том, чтобы предоставить Туркмении (и Узбекистану) выход к портам Индийского океана⁷ и интегрировать их таким образом в Мир Ислама, из которого они были вырваны 120–130 лет назад Россией. Однако все же более реален другой сценарий интеграции Туркменистана внешними силами Мира Ислама.

29 ноября 2008 г. в Туркменбаши встретились лидеры Туркменистана, Азербайджана и Турции. Помимо всего прочего, это первая за многие годы туркменско-азербайджанская встреча, поскольку после приснопамятного покушения на Туркменбаши 25 ноября 2002 г., в причастности к которому тогда обвиняли Азербайджан, отношения между Ашхабадом и Баку были фактически прерваны и возобновляются только сейчас: в январе 2008 г. возобновилась работа двусторонней комиссии по экономическому сотрудничеству, были проведены переговоры по определению срединной линии на Каспии. В марте 2008 г. Туркменистан назначил посла в Баку. Наконец, в конце 2008 г. стороны урегулировали вопрос о погашении азербайджанского долга за туркменский газ, а также «достигли определенного прогресса» по вопросам раздела Каспия и спорных месторождений.

Но куда интереснее присутствие на встрече главы еще одного государства – Турции, равно как и предмет обсуждений трехсторонней встречи. По информации МИД Туркменистана, главы трех государств, помимо

вопроса торговых отношений, обсудят и проблемы сотрудничества в энергетической сфере.

Но и Турция и Азербайджан составляют некое цивилизационное целое с Туркменистаном, подобное Евразийскому единству. Титульные народы всех трех государств принадлежат к одной и той же подгруппе тюркских языков – огузской, что и неудивительно, поскольку все они являются потомками огузов, или турок-сельджуков, в XI в. смешавшихся с оседлым иранским и малоазийским населением, воспринявших его культуру, но передавших ему свой язык. Примерно тогда же, кстати, кипчаки заселили Евразийские степи, а дойдя до границ Руси, после нескольких десятилетий конфронтации установили союзнические отношения с Русью, дав начало Евразийскому единству.

Так вот, если задуманное главами трех огузско-турецких государств удастся, то наряду с Евразийским проектом интеграции в Среднеазиатском регионе начнет реализовываться проект пантюркистский, как раз примерно в рамках Сельджукского государства. Только энергетической его основой станут не поставки электроэнергии, как в евразийском случае, а поставки нефти и газа: по дну Каспийского моря будет-таки проведен нефтепровод.

На первый взгляд, ничего хорошего нашей стране этот вариант не сулит: Турция – член НАТО, а именно транскаспийского нефтепровода Россия всегда боялась как продолжения направленного в обход ее территории нефтепровода Баку-Джейхан. Однако не все так просто.

Осенью 2008 г. в «Известиях» появилась статья о том, что Турция вполне может стать другом и союзником России – по целому ряду причин⁸. Само по себе членство в НАТО еще ни о чем не говорит – например, Франция и Германия, будучи членами Альянса, в свое время выступили против войны США в Ираке куда более решительно, чем Россия, а весной 2008 г. почти все «старые» европейские члены НАТО заблокировали прием в эту организацию Украины и Грузии.

Война в Ираке американо-турецкие отношения тоже не могла улучшить, хотя бы потому, что США создали в Северном Ираке фактически независимое курдское государство, что не может не быть вдохновляющим примером для курдов Турции, уже много лет ведущих вооруженную борьбу за независимость.

Кроме того, как уже говорилось, США опасаются (и не без оснований), что Турция, реализующая свои пантюркистские планы (в том числе и в Средней Азии), вырвется из-под их контроля.

Но возникает вопрос: если Турция вырвется из-под контроля США, то не может ли она попасть под контроль каких-то других сил? Исламских радикалов, например. Можно по-разному относиться к США, но не подлежит сомнению, что исламские радикалы еще хуже. И если уж исламисты в последние годы активизировались в собственно Турции, с ее многолетней – со времен Ататюрка – приверженностью светскости, то в менее вестернизированных и светских Азербайджане и особенно Туркмении у них, рассуждая логически, куда больше шансов на успех.

В общем, в интересах России, чтобы Турция реализовала свои пантюркистские проекты, оставаясь при этом членом НАТО и в то же время поддерживая дружеские отношения и с нашей страной (и в рамках Среднеазиатского региона – с нашими Евразийскими партнерами). Влияние в Турции России и США уравнивало бы друг друга и совместно предотвращало бы какие-либо угрозы исламского радикализма.

Кроме того, с учетом описанной выше ситуации в Афганистане весьма вероятно, что с приходом в Белый Дом новой администрации войска США и их союзников уйдут из Афганистана. Можно как угодно относиться к этому военному присутствию, но несомненно, что сейчас войска НАТО сдерживают напор исламских радикалов – талибов и прочих, который в противном случае пришелся бы в том числе и по бывшим союзным республикам в Средней Азии, в том числе и по Киргизстану.

В этом аспекте пантюркистское сотрудничество было бы полезно и с точки зрения сдерживания исламистов. Это реально с учетом того, что туркмены и азербайджанцы, не говоря уже о турках, значительно менее склонны к пропаганде идей исламских радикалов, чем узбеки, и в принципе при вышеприведенных условиях могут успешно от них обороняться. В то же время интересы российского евразийского и турецкого пантюркистского интеграционных проектов нигде не сталкиваются, даже если бы Турции вздумалось вслед за интеграцией энергетической заняться интеграцией политической (о чем пока и речи нет).

Но так или иначе, на сегодня с точки зрения интересов евразийской интеграции Туркменистан не представляет интереса ни как субъект интеграции, ни как источник «перетока с юга на север»: миграция из этой страны в Россию или Казахстан крайне мала.

Этого не скажешь о внутренней ситуации в Узбекистане. На страницах этой книги уже много говорилось о великодержавных амбициях Узбекистана – новой региональной сверхдержавы. Но сравнительная экономическая

сила страны и внешняя стабильность обстановки не могут скрыть того факта, что имеет место угроза и еще одного внутриэтнического конфликта – внутриузбекского.

Угроза внутриузбекского конфликта

Узбекистан, как уже говорилось, исторически был разделен на три образования: Мавераннахр (с XVI в. – Бухарское ханство, с 1820 г. – эмират), Хорезм (с того же времени – Хивинское ханство) и Фергану (с XVIII в. – Кокандское ханство), которые при советской власти трансформировались – с изменениями, конечно – в борющиеся за власть кланы: Ферганский (ФАН – по первым буквам областных центров Ферганы, Андижана и Намангана), Ташкентский и Самаркандский. При этом первые два клана тесно связаны между собой и до недавнего времени достаточно регулярно сменяли друг друга у власти; самаркандцев же они сообщая от нее оттесняли.

Так, партийную организацию республики в разное время возглавляли ташкентец А. Икрамов (1925–1937), ферганцы У. Юсупов (1937–1950) и А.И. Ниязов (1950–1955), их снова сменили ташкентцы Н.А. Мухитдинов (1955–1958) и С. Камалов (1958–1959). Затем наступила долгая пора господства ферганцев: партийную организацию республики возглавил Ш. Рашидов (1959–1983), который, хотя и родился в Джизаке, но, по непроверенным данным, принадлежал к племени, выселившемуся туда из Ферганы еще в XVIII в., возможно, к племени юз, которое занимало в узбекской племенной иерархии третье место после мангытов (из которого вышла правящая династия Бухары) и мингов (создавших династию кокандских ханов); есть основания думать, что в более ранние времена юзы были первыми в иерархии кочевников-узбеков. Во всяком случае, восточная часть Золотой Орды, занимавшая территорию нынешних Восточного Казахстана и Западной Сибири, или Ак-Орда, иначе именовалась Юз-Орда⁹. С 1380-х же годов Юз-Орда стала именоваться «Узбекским улусом»¹⁰. Рашидова сменил ферганец И.Б. Усманходжаев (1983–1988).

Эти же люди в разное время возглавляли правительство (1953–1955 – У. Юсупов, 1955–1957 – С. Камалов), Верховный Совет (1947–1950 – А.И. Ниязов, 1950–1959 – Ш. Рашидов, 1978–1983 – И.Б. Усманходжаев). Кроме них, на этих постах было много других ташкентцев и ферганцев: 1925–1943 – председатель Президиума Верховного Совета (до 1937 г. – ВЦИК) Ю. Ахунбабаев (Фергана), 1983–1986 – А.У. Салимов (Ташкент),

1987–1989 – П.К. Хабибуллаев, 1989–1990 – М. Ибрагимов (оба – Фергана), 1989–1990 – премьер – Ш.Р. Мирсаидов (Фергана).

Подорвать господство ферганцев удалось только благодаря тому, что в 1983 г. Центр начал борьбу с «узбекской мафией»; однако результат получился неожиданный. Сначала республиканскую парторганизацию возглавил ташкентец Р. Нишанов (1988–1989), который не только разгромил «хлопковую мафию», где доминировали ферганцы, но и упразднил ряд областей. То и другое нарушило существовавшее соотношение власти между представителями различных кланов. В результате к руководству республикой впервые за многие годы пришел самаркандец И.А. Каримов. Возможно, сыграло свою роль то, что Нишанов (или Центр?) излишне доверял Каримову именно потому, что не видел большой опасности в восхождении представителя слабого Самаркандского клана.

Представляя слабый Самаркандский клан, Каримов, подобно киргизским руководителям, в первые годы был вынужден держаться у власти путем балансирования между различными кланами: так, пост премьера занимал ташкентец А. Муталов, вице-премьера – ташкентец же У.Т. Султанов, председателя Верховного Совета – ферганец Ш. Юлдашев, госсекретаря – бухарец Р. Раджабов (данные на конец 1992 г.) и др.

Однако после того, как Каримов укрепился у власти, ситуация изменилась: клан ФАН был существенно ослаблен, ферганец Мирсаидов, занимавший с 1990 г. посты сначала премьера, а потом вице-президента, уже в начале 1992 г. уволен в отставку. Дочь Рашидова, которая, поддавшись на уговоры Каримова, приехала в начале 1993 г. из Москвы в Ташкент, не получила обещанного поста министра внешнеэкономических связей; ей лишь позволили «легально заниматься бизнесом»¹¹. Умер в тюрьме (в 1999 г.) и небезызвестный «советский хан» А. Адылов (впрочем, по другой версии, он был жив еще в 2005 г.), который после распада СССР был освобожден из-под стражи в Москве и вернулся в Узбекистан; он был посажен Каримовым в тюрьму уже в 1993 г.

Более того, в последние годы усиление самаркандского клана привело к тому, что одно время серьезно обсуждался вопрос о переносе в Самарканд столицы Узбекистана. Мотивируется это близостью Ташкента к границе с Казахстаном (а возможно, и к Ферганской долине, которой Каримов по-прежнему побаивается); уже говорилось о том, что в 1920-е годы Ташкент с окрестностями был предметом спора между Казахстаном и Узбекистаном.

В том, что ферганцев пришлось потеснить, сыграл свою роль религиозно-политический фактор: как уже говорилось, именно ферганские узбеки тогда были наиболее исламизированными из всех; поэтому отнюдь не случайно значительная часть клана ФАН блокируется с исламскими радикалами (кстати, первые саудовские эмиссары появились в Ферганской долине еще в 1987 г.)¹², тогда как самаркандцы (и ташкентцы) придерживаются ориентации на светское государство турецкого образца.

В последние годы, однако, наиболее исламизированным регионом Узбекистана становится наряду с Ферганской долиной и юг Мавераннахры – Кашкадарьинская и отчасти Сурхандарьинская области («Суркаш»).

При неблагоприятном развитии событий внутриузбекский конфликт в сочетании с **конфликтом между сторонниками светского государства и исламскими радикалами** вполне может привести к расколу Узбекистана. Здесь внутриузбекский конфликт может сомкнуться с внутрикиргизским: если расколются и Узбекистан, и Киргизия, то вполне вероятно то, о чем уже говорилось – образование из Южной Киргизии и Узбекской Ферганы единого государства – наследника Кокандского ханства, с борьбой за власть между киргизской и узбекской верхушкой (при нынешних реалиях, однако, с подавляющим перевесом последней).

Узбекско-туркменские трения

Корни узбекско-туркменских трений, как и противоречий между узбеками и каракалпаками, уходят в период существования Хивинского ханства, в котором узбеки и туркмены постоянно соперничали как из-за политической власти, так и из-за земли и воды. В частности, объектом конфликтов из-за земли и воды были земли низовьев Амударьи с их развитой системой арыков; в советские годы к ним прибавилась Чарджоуская область, где (в 180 км выше областного центра по Амударье) начинается Каракумский канал, а в постсоветские – наличие месторождений нефти на спорных территориях. Кроме того, Чарджоу (ныне Туркменабад) сам по себе – крупный промышленный центр, второй в Туркмении после Ашхабада. Этот город до 1924 г. входил в состав Бухарского государства, а Дашогуз (Ташауз) – в состав Хивы, оба города были отданы Туркмении на том же основании, что и Ош и Джалал-Абад Киргизии – «иначе в этом районе у туркмен вообще не будет городов»¹³.

Кроме того, туркмены в массе своей принадлежат не к оседло-мусульманскому суперэтносу, а (наряду с арабами, берберами, туарегами,

белуджами, кочевниками Ирана) к кочевникам пустыни. Поэтому они, в отличие от казахов и киргизов, вошли в состав России не добровольно; более того, из всех народов региона именно туркмены наиболее активно сопротивлялись русскому завоеванию. Кроме того, в пустынной местности Закаспия европейцы еще менее способны были жить в сельской местности, чем в Узбекистане и Таджикистане.

Однако в отношениях туркмен с узбеками действуют многие из факторов, определяющих евразийско-мусульманские противоречия: разные уклады жизни, относительная слабость у туркмен ислама (в этом отношении они занимают промежуточное положение между оседлыми мусульманами и евразийцами).

Интересен такой факт: в 1994 г. сотрудники КНБ ликвидировали «гнездо» сепаратистов в г. Чарджоу, арестовав 30 самых богатых людей города. Примечательно, что местные органы власти ничего не могли или не хотели против них сделать, понадобилось вмешательство Ашхабада. Учитывая, что до 1924 г. Чарджоу входил в состав Бухарского государства (превратившегося в 1920 г. из эмирата в Бухарскую Народную Республику), отнюдь не исключено, что проблема чарджоуского сепаратизма также связана с узбекско-туркменскими трениями. А в период с 1998 по 2003 гг. на узбекско-туркменской границе имело место около двух десятков инцидентов со смертельным исходом¹⁴.

После покушения на Туркменбаши 25 ноября 2002 г. из Ашхабада был выслан узбекский посол (акция, обычно предшествующая конфликту) по обвинению в причастности к покушению, и вслед за тем прозвучали сообщения (в новостях НТВ 20 или 21 декабря 2002 г.), что Туркменистан стягивает к узбекской границе войска.

Конфликт с Туркменией отрезал Хорезм от остального Узбекистана, поскольку железные дороги между ними еще с советских времен проходили по туркменской территории, и ускорил строительство железной дороги Навои – Учкудук – Нукус и газопровода Газли – Нукус¹⁵. Лишь после 2006 г. снова наметилось некоторое сближение Узбекистана и Туркменистана¹⁶.

Таджикско-узбекские противоречия

Таджикско-узбекские противоречия также имеют глубокие исторические корни. Тюркские группы проникали в Мавераннахр постепенно, смешивались с предками таджиков, часто передавая им свой язык, но перенимая их культуру. В XV–XVI вв., как уже говорилось, на территорию Ма-

вераннахра пришли из Дешт-и-Кипчака кочевники-узбеки; они быстро осели, смешались с местным населением, передали ему свой этноним, но переняли его культуру. Именно последнее обстоятельство сыграло решающую роль: таджики считают себя исконными обитателями Южного Узбекистана, носителями древней культуры, которая затем была присвоена «тюркскими захватчиками», ассимилировавшими или вытеснившими древнее население. Отношение таджиков к узбекам в этом смысле напоминает отношение последних к другим народам Средней Азии – «диким кочевникам» киргизам, казахам, туркменам и т.д.

Надо, однако, оговориться, что по отношению к внешнему миру два народа, как правило, ощущают себя единым целым, а до XX в. противостояние двух народов вообще не очень чувствовалось: Мавераннахр входил в состав Бухарского Эмирата, между различными группами оседлого населения которого не ощущалось большого различия. Но и здесь советская власть тоже заложила мину замедленного действия, разделив исторически сложившуюся область – Мавераннахр – на две «национальных республики». Отторжение от цивилизационно значимых территорий (Самарканд, Бухара) с их историческими памятниками и населением, являвшимся носителем персоязычной культуры, воспринималось таджиками как несправедливость и даже затрудняло процесс формирования национальной идентичности. И до сих пор некоторые таджики на вопрос, откуда они, отвечают: «Мы самаркандские»¹⁷. Между тем территория от Бухары до Куляба отличается исключительной пестротой населения: нельзя сказать, где кончается узбекская этническая территория и начинается таджикская.

Тем не менее представляется целесообразным перечислить некоторые переделы границ между двумя республиками. В сентябре 1929 г., когда Таджикистан из автономии в составе Узбекской ССР превратился в союзную республику, ему был передан г. Ходжент с округом. В дальнейшем в 1939 г. в связи со строительством Ферганского канала часть Ленинабадской (в 1930 г. Ходжент был переименован в Ленинабад) области была возвращена Узбекистану. В июне 1953 г. между двумя республиками произошел обмен территорий – части Дальверзинских степей на пастбища Аштского района Таджикской ССР¹⁸. Как и всегда в СССР, этническому фактору внимания практически не уделяли.

В первые годы после национально-государственного размежевания 1924 г. национальность не имела большого значения. Однако с 1960-х годов пошли процессы все большей суверенизации национальных респуб-

лик и «коренизации» руководящего аппарата. Точнее, «коренизация» началась еще в 1920-е годы, однако при Сталине была «заморожена». Неудивительно, что многие таджики Узбекистана предпочитали в этих условиях записываться узбеками, и наоборот. Но в конце 1980-х годов те и другие начали «вспоминать», кто они «на самом деле».

Играет свою роль и демографический фактор – население растет чрезвычайно быстро; как следствие этого, обостряются конфликты из-за земли и воды, особенно в Ферганской долине. В последнее время (зима 2008–2009 гг.) в Интернете появились сообщения об угрозе чуть ли не войны между Узбекистаном и Таджикистаном из-за водных ресурсов.

Многие узбеки едут из Таджикистана, но выехавшие активно замещаются «дикими» переселенцами из соседних перенаселенных областей Узбекистана, преимущественно Сурхандарьинской и Кашкадарьинской. Идет «ползучая» узбекизация Таджикистана¹⁹, точнее, шла вплоть до самого последнего времени. Все сказанное можно отнести и к таджикам в Узбекистане.

Интересно, что, когда в ноябре 2003 г. главой правительства Узбекистана стал самаркандский таджик Ш. Мирзияев, то многие узбеки оценили это как «первый шаг к отделению Самарканда и Бухары от Узбекистана».²⁰ На самом деле, возможно, тут сыграл свою роль принцип землячества (Каримов – самаркандец).

В дальнейшем отношения Узбекистана с Таджикистаном обострились ввиду как неумения или нежелания последнего дать отпор исламским радикалам, так и желания развивать свою гидроэнергетику, производить алюминий без экономического контроля Узбекистана²¹. В последние годы, впрочем, наметилась перспектива достаточно радикального решения этого конфликта – подчинение Таджикистана влиянию Узбекистана. Экономические предпосылки к этому есть. Так, например, Согдийская область с ее урановыми заводами уже в середине 1990-х годов находилась под контролем Узбекистана²². Душанбе был должен Ташкенту 100 млн \$; за долги Алмалыкский горно-металлургический комбинат получил право на добычу руды на Алтын-Топканском месторождении и золота в долине Зеравшана. Ташкент стремился также контролировать второе в мире месторождение серебра Большой Канимансур²³.

Мы должны констатировать, что среди «внутривосточных» конфликтов гораздо больше достигших второй стадии («открытое насильственное противоборство сепаратистов с государственными органами правопорядка,

перетекание отдельных вспышек насилия в массовые беспорядки»). Эта группа конфликтов по большей части относится к деструктивным, даже когда речь идет не о межэтнических, а о внутриэтнических конфликтах, и они вполне способны «разорвать» свои государства.

-
- ¹ Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. М., 2003. С. 83–85.
- ² Edgar A.L. The Creation of Soviet Turkmenistan, 1924–1938. Berkeley, 1999. P. 2–20; Edgar A.L. Genealogy, Class and «Tribal Policy» in Soviet Turkmenistan, 1924–1934 // Slavic Review. 2001. Vol. 60. № 2. P. 266–288.
- ³ Кадыров Ш.Х. Туркменистан: четыре года без СССР. М., 1996. С. 62.
- ⁴ Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. С. 147–148.
- ⁵ Там же. С. 171–172.
- ⁶ Там же. С. 165, 331.
- ⁷ Шерматова С. «Шелковый путь» к Персидскому заливу // Московские новости. 1996. 3–10 марта.
- ⁸ Известия. 2008. 28 окт.
- ⁹ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 192.
- ¹⁰ Там же. С. 32, 38.
- ¹¹ Трофимов Д.А. Центральная Азия. М., 1994. С. 33.
- ¹² Кириленко А. Киргизстан хотят поставить под знамя джихада... Пока не получилось // Профи-информ. 1999. № 1. Октябрь.
- ¹³ Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. С. 99 (ссылка на: Hangen 2002. P. 208–210; полностью название книги у Кадырова не указано).
- ¹⁴ Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 94–95.
- ¹⁵ Борисов Н. Современный политический процесс в Узбекистане: тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 170.
- ¹⁶ Лаумулин М. Геополитические ориентиры стран Центральной Азии на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 28–29.
- ¹⁷ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009. С. 31.
- ¹⁸ Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. 1999. № 11.
- ¹⁹ Бушков В.И. Этнические процессы в бассейне Верхнего Зеравшана в последней трети XIX–XX в. // Источниковедение массовых источников. М., 1988. С. 24–40; Бушков В.И. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995.
- ²⁰ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.; Бишкек, 2005. С. 201.
- ²¹ Лаумулин М. Указ. соч. С. 28–29.
- ²² Ляпоров В. Нужен ли Средней Азии союз с Россией? // Независимая газета. 1996. 13 сент.
- ²³ Мехман Гафарлы. Гражданская война ведет к распаду страны // Независимая газета. 1996. 25 сент.

ГЛАВА V СОСТОЯВШИЕСЯ КОНФЛИКТЫ

Внутрикиргизский конфликт

Суть конфликта заключается в борьбе различных киргизских племен за власть над всей республикой. Конфликт уже прошел стадию, когда «напряжение находится на грани возможного перерастания в открытое противостояние», и в настоящее время «уже пролилась или продолжает литься кровь и применяется вооруженное насилие» (март 2005 г., апрель 2010 г. и не только).

Собственно, в Киргизии нет монополии какого-то одного племени или клана на власть, но в основном борьба идет между Севером, где до марта 2005 г. доминировало племя сарыбагыш (в последнее время его вытесняет племя солто), и Югом, где господствует клан адыгине¹.

Истоки этой борьбы за власть лежат еще в первой половине XIX в., когда южнокиргизские манапы (родовая знать) оспаривали власть в Кокандском ханстве у сартовской (узбекской) и кипчакской группировок знати². Поскольку же Кокандское ханство в это время формально подчинило себе всю Киргизию, то это обстоятельство породило у южнокиргизской знати претензии на господство над всем своим народом. В свою очередь, среди северных киргизов в это же время выдвинулось племя сарыбагыш, верховный манап которого Ормон в 1850 г. провозгласил себя ханом всех киргизов. После победы сарыбагышей над племенем бугу в 1856 г., когда лишь вмешательство России спасло бугу от полного разгрома, лидерство сарыбагышей в Северной Киргизии уже никем не оспаривалось.

После 1917 г. часть власти в Киргизии, как и в Казахстане, первоначально захватили представители второстепенных племен (так, в 1934–1935 гг. пост второго секретаря ЦК занимал таласец Т. Айтматов).

В значительной мере в результате уничтожения «выскачек» в годы террора, задевшего, впрочем, и представителей «элитных» племен (например, бугу, которое после 1917 г. сумело на время восстановить бывшие позиции)³, к 1940-м годам к власти вернулись лидеры из традиционных властных структур. С 1950 по 1961 г. пост первого секретаря ЦК республиканской компартии занимал южанин И. Раззаков (первый киргиз на этом посту, до этого первыми секретарями были европейцы), в 1961–1985 гг. – сарыбагыш Т. Усубалиев, в 1985–1990 гг. – снова южанин А. Масалиев.

Поскольку в Киргизии не сложилось устойчивой монополии какого-то племени на власть, постольку все лидеры вынуждены были делить ее с представителями других регионов: так, Т. Усубалиев сумел сделать председателем Совета Министров и председателем Президиума Верховного Совета сарыбагышей (А. Дуйшеева и Т.Х. Кошоева) только в 1978 г.; должность председателя Президиума Верховного Совета до 1978 г. занимал южанин Кулатов, продвинутый на этот пост еще И. Раззаковым в 1945 г., главами правительства были кетмень-тюбинец А. Суеркулов (1950–1959), бугинец из-под Тюпа К. Дыйканбаев (1959–1961), представитель племени солто из Чуйской долины А.С. Суюмбаев (1968–1978) и др. В 1990 г. южанина Масалиева сменил сарыбагыш А. Акаев.

Новоизбранному Президенту предстояла большая деятельность по своей легитимации в глазах населения республики. В значительной мере она облегчалась тем, что к этому времени Масалиев успел дискредитировать себя. Радикально-националистически настроенная киргизская молодежь обвиняла его в прорусских симпатиях; ошские события 1990 г. также не добавили ему популярности; наконец, и это главное, к осени 1990 г. существенно ослаб контроль союзного Центра над республиками, каковому контролю Масалиев был в значительной степени обязан приходом к власти: Центр начал борьбу с коррупцией в среднеазиатских республиках именно с Киргизии. Кроме того, Акаев не принадлежал к партийной верхушке, что в обстановке 1990–1991 гг. имело громадное значение. Напомним, что исход голосования в Верховном Совете (где господствовала номенклатура) фактически решили студенты, которые устроили у здания парламента митинг-голодовку⁴.

Через два месяца после августовских событий 1991 г., 12 октября 1991 г., Акаев был избран президентом Киргизии всенародно. К этому времени Акаев успел отменить чрезвычайное положение, введенное в столице и южных городах Киргизстана с началом ошских событий, похоронить принятый парламентом Закон о земле (объявлявший ее «собственностью киргизского народа», что было направлено против граждан республики нетитульных национальностей), и оказал – единственный среди глав союзных республик, кроме России и к тому времени фактически уже вышедших из СССР республик Прибалтики – решительное противодействие местным сторонникам ГКЧП. Популярность Акаева была столь велика, что никто не решился составить ему конкуренцию, и он остался единственным кандидатом. За него проголосовало 93% пришедших к урнам избирателей⁵. Пожа-

луй, ни один глава государства ни на одних подлинно демократических выборах не получал такого вотума доверия от своего народа.

Акаев, как и его предшественники, вынужден был делиться властью с представителями других племен. Так, через полтора месяца после его избрания президентом, 11 декабря 1990 г., Верховный Совет возглавил Медеткан Шеримкулов из племени солто. Из Чуйской же долины происходил и премьер 1993–1996 г. А. Джумагулов. В феврале 1992 г. вице-президентом стал Ф.Ш. Кулов. Таласцы в середине 1990-х годов занимали посты председателя Госкоминвеста и министра финансов⁶; возможно, они были протеже жены Акаева, тоже таласской уроженки.

Но гораздо больше Акаев был вынужден считаться с южанами. Так, в 1991 г. правительство возглавил уроженец Наукатского района Ошской области Н. Исанов; после его гибели в авиакатастрофе (29 ноября того же года) Акаев с февраля 1992 по май 1993 гг. исполнял одновременно обязанности главы правительства. Вполне возможно, что государственный флаг независимой Киргизии красного цвета, принятый в марте 1992 г. – это символическая уступка южным киргизам; красный – это их цвет (у северных – синий).

Южная Киргизия была настроена более консервативно по отношению к Акаеву и его реформам и осталась таковой по отношению к европеизации вообще. Южные киргизы, испытавшие этнокультурное влияние узбеков, более исламизированы и менее европеизированы. Поэтому в 1992–1993 гг. были немалые основания считать, что могут появиться две Киргизии – традиционная Южная и современная Северная. Южане, в частности, выступили против двухпалатного парламента (1994), поскольку резонно опасались, что тогда у них останется еще меньше власти за счет уменьшения числа мест в верхней палате (Северная Киргизия включает в себя четыре области, Южная же тогда составляла всего две; в 2000 г. к этим областям – Ошской и Джалал-Абадской – добавилась третья – Баткенская).

Едва ли стремление Южного Киргизстана к отделению было искренним (даже с учетом того, что в то время Узбекистан еще не готов был поглотить южнокиргизские области, чего многие в Киргизии опасаются теперь) – скорее всего, подобные разговоры были средством давления на Север. Так или иначе, для реализации сепаратистских планов южных киргизов не хватало только лидера; он и появился уже в 1990 г. в лице Бекмамата Осмонова.

Осмонов родился в 1946 г. Сделал партийную карьеру, в 1990 г. избран депутатом Верховного Совета Киргизии, впервые заявил о себе осенью того же года, когда парламент выбирал президента, предложив свою кандидатуру. Естественно, он не прошел, поскольку его поддерживала только небольшая группа депутатов-земляков, но начало своему участию в большой политике положил. Осмонов сошелся с радикальными «национал-демократами», не жалующими Акаева за его недостаточно национальную, по их мнению, политику, и последние после гибели 29 ноября 1991 г. премьер-министра Н. Исанова предложили на его место Осмонова. Стать премьером не удалось, зато Осмонов возглавил администрацию только что созданной Джалал-Абадской области⁷.

Выделяя эту область из Ошской, Акаев хотел расколоть Юг; фактически, однако, область стала прибежищем оппозиционеров. За год пребывания на посту акима (губернатора) области Осмонов устроил десятки своих родственников на руководящие посты в ней, а главное – составил себе огромное состояние, в том числе, по некоторым сведениям, и на наркобизнесе.

Кстати, о наркобизнесе. После распада СССР Южная Киргизия стала перевалочным пунктом для переброски наркотиков из Афганистана в Россию (через Бадахшан и далее через Ош). В 1991 г. в Киргизии было зафиксировано 29 фактов незаконного посева мака, в 1993 – 210. В Киргизии засеивалось 60 000 га конопли, но это – малая доля того, что шло и идет из Афганистана⁸.

Осенью 1992 г. Осмонов подал в отставку после разговора с Акаевым, которому не могли не внушать опасений ярко выраженные сепаратистские тенденции нового акима (пусть даже и неискренние, а используемые как средство шантажа), призывы к неповиновению «северянам» и к отделению Южной Киргизии.

Летом 1994 г. Осмонов стал первым замом акима Ошской области, а зимой 1994–1995 гг. предъявлял претензии на пост президента или, «в крайнем случае», на должность главы самостоятельного южнокиргизского государства⁹. В 1995–1996 гг. южнокиргизский сепаратизм удалось приглушить (в частности, восстановив автомобильную связь между Севером и Югом, фактически ликвидированную землетрясением 19 августа 1992 г., когда было разрушено шоссе Бишкек – Ош). Комплексом этих и других мер Акаеву удалось нейтрализовать влияние Осмонова, а кончина последнего 28 октября 1997 г. по видимости временно положила конец южнокиргиз-

скому сепаратизму, однако опасность раскола Киргизии, учитывая ослабление связей между Севером и Югом, сохранилась. Есть сведения, что в конце 1990-х годов в руководящих кругах Киргизии муссировалась идея о переносе столицы в Ош для укрепления контроля над Югом Киргизии¹⁰. В 2000–2001 гг. эта идея была отчасти реализована – Ош объявлен «второй столицей», и туда перенесены некоторые общегосударственные учреждения, например, та часть Госкомитета по религиям, которая занимается радикальным исламом. Однако на президентских выборах 2000 г. ярко выраженного противостояния Север – Юг не было, поэтому столицей Ош так и не стал.

А пока приходилось решать и вопросы, связанные с борьбой за дальнейший путь развития Киргизстана. Акаев придерживался либерализма не только в экономике, но и в политике. В Киргизии соблюдались основные демократические права и свободы, выходили газеты самой разной направленности.

Параллельный с Россией экономический и политический курс привел и к схожему сценарию развития событий, хотя борьба президента с парламентом и не приняла таких острых форм. 30 января 1994 г. прошел всенародный референдум о превращении Киргизии из парламентской республики в президентскую. При подготовке к референдуму национал-радикалы из движений «Эркин Кыргызстан» и «Асаба» фактически поддержали номенклатурно-коммунистическую оппозицию (как это было и годом раньше в России), убеждая население голосовать против Акаева, который «киргизов непременно продаст»; впрочем, это им не помогло: 96,2% принявших участие в референдуме поддержало президента¹¹.

К осени 1994 г. наступил коллапс старого парламента – половина депутатов (165 из 320) отказалась от участия в его работе (5 сентября). Когда 13 сентября сессия парламента все же открылась, депутаты блокировали ряд предложений президента о поддержке «русскоязычного» населения (поправки к закону о языке и т.д.). В этом их вновь поддержали национал-радикалы, назвавшие подобные предложения «имперской инициативой России»¹².

22 октября 1994 г. был проведен всенародный референдум, на который были вынесены вопросы: о замене Конституционного Суда Конституционной Палатой Верховного Суда (ввиду нехватки юристов); о создании двухпалатного профессионального парламента; о возвращении президенту отобранных ранее парламентом полномочий. В референдуме приняли

участие 86% избирателей, 84% пришедших проголосовали «за»¹³. Парламент был распущен, на 5 февраля 1995 г. были назначены новые выборы.

Трудно сказать, почему Акаев сумел совладать со своим парламентом без обращений к народу, митингового противостояния, не говоря уже о танках – объяснялось ли это тем, что на всенародных выборах он получил гораздо больший процент голосов, чем Ельцин, или тем, что депутаты боялись нарушить племенную субординацию, или более искусной тактикой киргизского президента, но выборы 5 февраля 1995 г. дали вполне лояльный двухпалатный профессиональный парламент («Джогорку Кенеш» – по-киргизски «Верховный Совет»).

Между тем, первый президентский срок Акаева подходил к концу. Не поддавшись на искушение, подобно другим лидерам региона, продлить свои полномочия до 2000 г. путем всенародного референдума, Акаев обрек себя на необходимость бороться за это продление путем всенародных выборов. Таковые были назначены на 24 декабря 1995 г.

Скоро определились основные соперники Акаева – лидер киргизских коммунистов А. Масалиев и председатель распущенного в 1994 г. Верховного Совета М. Шеримкулов, баллотировавшийся от «Движения за права человека». Было еще несколько кандидатов, но они не имели реальных шансов на победу, а дней за 10 до выборов сняли свои кандидатуры (коммунист Дж. Аманбаев, демократ-оппозиционер О. Текебаев, Мамат Айбаев и др.).

Начав предвыборную кампанию, Акаев, помимо повторения тех лозунгов, под которыми шло его первое президентство (социально ориентированные реформы, национальное и межнациональное согласие, дружба со странами СНГ и т.д.), пообещал и вести серьезную борьбу с клановостью. Последнее, вероятно, можно объяснить тем, что он видел в конкурентах не столько представителей тех или иных партий, сколько клановых соперников.

И действительно, патриарх киргизских коммунистов Т. Усубалиев поддержал на выборах не однопартийца Масалиева, а соплеменника Акаева. Впрочем, это в значительной мере объяснялось личными счетами: придя в 1985 г. к власти при поддержке Москвы, Масалиев сделал все, чтобы его предшественника Усубалиева исключили из КПСС (ЦК КПСС не утвердил решение ЦК республиканской компартии).

Что касается земляков Масалиева – южан, то Акаев в значительной мере нейтрализовал их, вернув доброе имя главе республиканской парт-

организации в 1950–1961 гг. Исхаку Раззакову. Это имя было предано забвению при Усубалиеве и так и не восстанавливалось до 1995 г., когда появился ряд панегирических брошюр о нем, изданных на государственные средства¹⁴. Кроме того, Акаев в преддверии выборов сильно умерил свою антикоммунистическую риторику.

Как бы то ни было, он выиграл выборы и остался у власти, а 10 февраля 1996 г. выиграл организованный им референдум, окончательно превративший Киргизию из парламентской республики в президентскую. В то же время спикером нового парламента Киргизии стал опять-таки южанин – А. Матубраимов.

Итак, Акаеву удалось максимально легитимировать свою власть, в том числе и в глазах южных киргизов, и тем самым значительно ослабить остроту внутрикиргизских противоречий. В 1998 г. был проведен еще один референдум, еще больше увеличивший президентские полномочия. 29 октября 2000 г. Акаев был переизбран на третий срок, получив 70% голосов (по неофициальным данным оппозиции, чуть более 50%). Однако есть точка зрения, что Акаев допустил ошибку, не создав новую политическую элиту без учета родового старшинства, так называемую «опричнину Акаева»¹⁵, что при его все еще огромном на тот момент авторитете среди киргизского народа, по нашему мнению, в принципе было бы возможно, а дальнейшие события, о которых сейчас пойдет речь, показали, что это бы ему не помешало. Впрочем, куда большей ошибкой, по мнению многих в Киргизстане и вне его, было то, что он вообще пошел на третий срок, вместо того, чтобы в 2000 г. красиво уйти.

Весной 2002 г. конфликт Север – Юг возобновился. Поводом для столкновений в Джалал-Абадской области 17–18 марта 2002 г. послужил арест 5 января того же года депутата Джогорку Кенеша Азимбека Бекназарова, уроженца Аксыйского района Джалал-Абадской области, который выражал свое возмущение передачей спорной между Киргизстаном и Китаем территории (9000 км² – много для маленькой Киргизии, почти 5% ее территории) Китаю и потребовал объяснить причину этой передачи.

В защиту Бекназарова выступило 60 000 человек из Джалал-Абадской области, в первую очередь из родного ему Аксыйского района. В этом последнем, как и в Бишкеке, начались голодовки протеста (6 февраля скончался один из голодающих – Ш. Нарзикулов), а в с. Кара-Суу, на родине Бекназарова, родители отказались посылать детей в школу. Митинги про-

теста резко усилились после того, как 12 марта в Токтогуле начался суд над Бекназаровым. К 17 марта ситуация стала выходить из-под контроля.

Когда одна из демонстраций попыталась блокировать шоссе Бишкек – Ош, Акаев отдал приказ милиции стрелять в демонстрантов на поражение. Погибло пять человек. После событий 17–18 марта 10 000 демонстрантов из Джалал-Абада и 8000 из Оша собирались идти на Бишкек. В Кербене в митингах протеста принимало участие 6000 человек, и т.д.

Новые протесты вспыхнули в начале мая; теперь к их причинам добавились требования о денонсации соглашений с Китаем (об отдаче спорной территории) и вынесенный, наконец, приговор Ф.Ш. Кулову – 10 лет лишения свободы. 16 мая собралась демонстрация из 150 человек в Бишкеке, разогнанная милицией.

Здесь надо сделать отступление и сказать о судебных преследованиях Кулова. Еще в феврале 2000 г. он заявил о намерении баллотироваться в президенты Киргизстана, однако отказался сдавать экзамены на знание киргизского языка и был снят с президентской гонки. Тем не менее 22 марта он был арестован по обвинению в злоупотреблении служебным положением в бытность мэром Бишкека (в 1998–1999 гг.). 7 августа Военный суд Бишкекского гарнизона признал Кулова невиновным, однако уже 22 января 2001 г. он был осужден на 7 лет за злоупотребление служебным положением на посту министра национальной безопасности (1997–1998 гг.). И вот теперь, в мае 2002 г., Кулов получил новые 10 лет за растрату государственных средств в бытность в 1993–1997 гг. губернатором Чуйской области¹⁶.

В конце мая Акаев под влиянием маршей протеста на Юге отправил в отставку премьер-министра К. Бакиева (тоже южанина) и министра внутренних дел Т. Акматалиева, а также главу администрации А. Карыпкулова. Кстати, есть сведения, что это было сделано по настоянию секретаря Совета безопасности М. Аширкулова; не связано ли покушение на него 7 сентября 2002 г. именно с этим?

Но эти уступки не удовлетворили демонстрантов, более того, они готовились начать марш на Бишкек и на Джалал-Абад, где апелляционный суд должен был рассматривать жалобу Бекназарова. Раздались требования отставки Акаева. Только после того, как 28 июня апелляционный суд снял обвинения с Бекназарова (24 мая приговоренного к году лишения свободы), протесты прекратились. Зато возникло недовольство среди милиционеров, на которых власть свалила всю вину за трагедию 17–18 марта. Один из участников расстрела сказал: «Они пикетировали 75 дней, и гу-

бернатор не приехал к ним ни разу. А теперь мы виноваты». Оппозиция также объявила (на курултае 18 июля), что считает виновными не тех, кто стрелял, а тех, кто приказывал.

Вообще органы МВД на местах часто находятся вне контроля государственных структур; среди населения милиционеры имеют репутацию крайне некоррумпированных и жестоких. Коррупция, впрочем, во многом вынужденная – средняя зарплата милиционера 300–500 сомов (7–10 \$) (данные на весну 2002 г., через три года выросла до 1000–2500 сомов, т.е. 25–60 \$)¹⁷. После аксыйских событий (во время которых жители села, кстати, заявили, что милиция им не нужна, поскольку мелкие преступления вроде угона скота они вполне могут разбирать сами) милиционеры не осмелились появиться в некоторых селах района; по словам Бекназарова, результатом стало резкое сокращение уровня преступности.

Проблема тесно связана с ограниченным влиянием представителей Юга. В ближайшее окружение Акаева входили: Б. Джанузакوف, Т. Акматалиев (сарыбагыши), М. Аширкулов (руководитель аппарата президента и секретарь совета безопасности), его племянник И. Бекболотов (племя солто), государственный прокурор Ч. Абышкаев (в источнике указано, что он «тынай», однако это тоже подразделение племени сарыбагыш)¹⁸, а также Аманбек Карыпкулов (глава президентской администрации). Неудивительно, что в ноябре 2002 г. прозвучало даже предложение объявить об автономии трех южных областей, если Бишкек не пойдет навстречу их нуждам¹⁹.

Оппозиция была недовольна как концентрацией власти в руках самого Президента (получавшего все больше власти после каждого референдума – в январе и октябре 1994, в 1996 и 1998 гг.), уменьшением роли парламента и правительства, так и концентрацией власти в руках «семьи» Акаева, приведшей к кризису легитимности руководства страны, причем вторая причина чем дальше, тем больше выходила на первый план. Так, например, по данным оппозиционного лидера А. Кубанычбека, доходы фирмы «Инвестпроект» (занималась торговлей водкой, цементом и т.д., а по некоторым сведениям – и бизнесом, связанным с обеспечением военной базы США), где работал зять Акаева (казах Адиль Тойгонбаев) – 85 000 \$ за два дня. Сын Акаева был заместителем министра финансов, жена – председателем благотворительного фонда «Мээрим».

Затем снова началось наступление на независимые СМИ (опять-таки после известных событий в России, связанных с НТВ, а затем с ТВ-6), 14

января 2002 г. было принято правительственное Постановление № 20, согласно которому ни один издательский дом не имел права работать, не имея хотя бы 10% доли государства. Кроме того, любая издательская деятельность подлежала регистрации. В это же время было закрыто несколько оппозиционных газет, точнее, контролируемый государством издательский дом «Учкун», монополист в издании газет, отказался печатать оппозиционные газеты «Res Publica» и «Моя столица». Последняя газета в конце концов была закрыта, но в 2004 г. стала выходить снова как «Моя столица – новости», при этом она стала еще более оппозиционной. Всего с 1994 г. закрыто 10 газет (включая закрытые в начале 2002 г.). Радио и телевидение стали недоступны для оппозиции, последняя могла работать в Киргизстане только через радиостанцию «Свобода»²⁰.

Новый виток конфликта Север – Юг произошел в марте 2005 г. Некоторые политологи поспешили противопоставить киргизскую революцию украинской или грузинской: мол, там (в Грузии и Украине) не было захватов зданий районных и областных администраций, погромов в доме правительства и т.д. Так, заместитель Генерального директора Центра политических технологий С. Михеев пишет: «Момент легитимности (по крайней мере внешней) был весьма важен для всех “бархатных” революционеров. Это было связано ... с особенностями внутренней политической культуры (абсолютно незаконных с формальной точки зрения действий, пожалуй, не приняли бы даже грузины), так или иначе связанной с европейской политической традицией... Но события в Киргизии развивались совсем по-иному... Формально поводом для смещения законно избранного президента страны, изгнания легитимного правительства,... насильственного захвата органов власти, а также организации масштабных волнений, повлекших за собой гибель нескольких десятков людей, грабежи, поджоги и мародерство, стало недовольство группы оппозиционных кандидатов результатом выборов по трем-четырем одномандатным округам из 75 округов по выборам в Жогорку Кенеш – киргизский парламент»²¹.

Здесь надо сразу внести ясность. Начнем с того, что С. Михеев перепутал «бархатные» антикоммунистические революции 1989–1991 гг. с «цветными» 2000–2004 гг. Как раз первые были *не легитимными* с точки зрения действовавших на момент их начала государственных законов коммунистических государств, даже если при их совершении и не было крови, как в Румынии – и в этом они как раз *похожи* на все прочие революции. Уникальными в плане легитимности были вторые революции –

«цветные», хотя, кто помнит, в Грузии-то как раз имели место факты «насильственного захвата органов власти, а также организации масштабных волнений, повлекших за собой гибель ... людей, грабежи, поджоги и мародерство». Но не это главное.

Главное – в том, что все же и в Грузии, и на Украине, и в Киргизстане оппозиция играет на том же правовом поле, что и власть. Никто не ставит под сомнение саму необходимость легитимной, путем выборов системы формирования и смены действующей власти. Просто оппозиция выражает сомнение в том, что власть способна эти самые выборы честно провести. Основной лозунг оппозиционеров после выборов, когда Центральный избирательный комитет объявляет о победе сторонников действующей власти, звучит так: «Итоги выборов сфальсифицированы, на самом деле победили мы, но власть никогда этого по доброй воле не признает, поэтому нам ничего другого не остается, как идти “на майдан”» (насколько эти обвинения в каждом конкретном случае обоснованы – другой вопрос, мы здесь его обсуждать не будем).

Поэтому все «цветные» революции так или иначе приурочиваются к моменту проведения выборов. Таким образом, как власть, так и оппозиция хотя бы формально исходят из признания легитимности выборов и «диктатуры закона», соблюдая тот самый «момент легитимности, по крайней мере внешней». Так было в Грузии и на Украине, так было и в Киргизстане. Чтобы это доказать, обратимся к хронологии событий.

Обращаю внимание, что факты взяты из сборника, составленного под руководством Г.О. Павловского и отнюдь не проникнутого симпатией к киргизским «цветным революционерам». Так вот, 17 декабря 2004 г. депутаты Законодательного Собрания Жогорку Кенеша приняли постановление о массовых нарушениях в ходе выборов в местные кенешы, проходивших 10 октября того же года. Это не помешало «Ассоциации городов Кыргызской Республики» (декоративный орган вроде «Халк Маслахаты» в Туркменистане) через неделю направить в парламент обращение о нецелесообразности проведения прямых выборов в районные и областные кенешы и о формировании последних из числа депутатов местных кенешей, избранных 10 октября. Но если бы нарушений и не было, согласимся – это несколько странный способ формирования вышестоящих органов законодательной власти за счет депутатов органов нижестоящих.

В тот же день, 17 декабря, Акаев высказал опасения по поводу «активизации экстремистских группировок на территории Киргизии»²². Но ведь

активизация имела место задолго до выборов. О деятельности ХаТ в Киргизстане уже говорилось. А вот зимой 2004–2005 гг. об их деятельности было не слышно. Оно и понятно: ХаТ – организация, ставящая своей целью создание «Всемирного исламского халифата», отвергает участие в любых выборах или иных мероприятиях, организованных «шайтанской» властью. Мне пришлось быть в Оше в конце 2000 г., вскоре после президентских выборов в Киргизстане. На стенах домов то и дело попадались призывы ХаТ не участвовать в выборах. Так что странной была бы активизация ХаТ накануне выборов теперь.

29 декабря 2004 г. оппозиционные партии «Народное движение Киргизстана» (лидер К. Бакиев), «Ата-Журт» (Р. Отунбаева), «Жаны Багыт» (М. Иманалиев), «Народный Конгресс Кыргызстана» (А. Атамбаев) и Гражданский Союз «За честные выборы» создали движение гражданской солидарности «За свободные и справедливые выборы». Через неделю, 6 января 2005 г., Центральный избирательный комитет отказал в регистрации в качестве кандидата в депутаты по Университетскому округу № 1 г. Бишкека Р. Отунбаевой на том основании, что она в течение нескольких лет перед выборами не проживала на территории Киргизстана, как то требуется по законам страны. Реально, однако, Р. Отунбаева в упомянутые годы была послом последовательно в нескольких западных странах, и все эти годы она была, как положено послу, прописана в Бишкеке. Но если бы она и не была прописана, то согласно нормам международного права посольство является территорией страны, так что она проживала не за границей. Ясно, что отказ в регистрации был незаконным. Тем не менее неоднократные обращения Р. Отунбаевой – вплоть до Конституционного суда – с просьбой пересмотреть решение успеха не имели.

18 января 2005 г. ЦИК Киргизстана решил не организовывать выборы для киргизстанских граждан, проживающих за рубежом, чем лишил возможности проголосовать как минимум 400 тыс. человек (на тот момент). Формальным поводом послужило то обстоятельство, что выборы проходят по одномандатным округам – как будто для 400–800 тысяч избирателей нельзя было сформировать особые округа в регионах наибольшей концентрации граждан Киргизстана!

Примерно тогда же «Коалиция за демократию и гражданское общество» обратила внимание общественности на то, что в нарушение закона в окружные избирательные комитеты включаются депутаты местных кенешей. И лишь после всего этого 19 января 2005 г. в Бишкеке прошел пер-

вый несанкционированный митинг протеста. За его организацию неделю спустя, 26 января, одна из лидеров Народного движения Кыргызстана Ишенкуль Болджурова была привлечена к административной ответственности, а 29 января Р. Отунбаева была приговорена к штрафу «за нарушение общественного порядка».

И лишь еще через неделю, 6 февраля 2005 г., в Оше наконец был арестован один из помянутых Акаевым экстремистов – активист ХаТ, подозреваемый в подготовке террористического акта. Зато 19 февраля в Кочкорском районе Нарынской области был объявлен мораторий на проведение митингов (это за неделю до выборов, в самый пик предвыборной агитации!). Несколько дней спустя был снят с регистрации кандидат от оппозиции по обвинению в «подкупе избирателей». Очевидно, его сторонников хотели лишить возможности протестовать. Были такие случаи и в других районах.

Лишь после этого сторонники снятых кандидатов 23–26 февраля начали акции протеста в форме перекрытия дорог и блокады районных администраций. Подчеркиваю, только после того, как сторонников оппозиционных кандидатов лишили возможности протестовать законным способом, и начались насильственные (точнее, пока полунасильственные) действия со стороны оппозиции. Кстати, 7 марта, после первого тура выборов, омбудсмен Турсунбай Бакир уулу обратился к Президенту, Председателям Верховного Суда и ЦИК с просьбой восстановить регистрацию снятых с выборов кандидатов в депутаты.

27 февраля прошел первый тур выборов, но и после него движение протеста носило в основном мирный характер – имели место массовые митинги с требованием пересчета голосов и лишь отдельные попытки захватить (Джалал-Абад, здание областной администрации, 4 марта) или блокировать (там же, 9 марта) органы власти. По-настоящему волнения, сопровождаемые насильственными действиями, начались лишь после объявления утром 14 марта результатов второго тура выборов²³. Оппозиция объявила их результаты подтасованными, и начались выступления сначала на Юге, а потом на Севере. В общем, очевидно, что принципиальной разницы между киргизскими событиями и событиями на Украине и в Грузии нет.

Правление Акаева было свергнуто очень быстро, никто, включая самих лидеров оппозиции, такого оборота не ожидал. Например, Р.И. Отунбаева еще в феврале (выступая в Фонде Карнеги в Москве) говорила, что

оппозиция все надежды возлагает не на парламентские выборы, а на президентские (должны были состояться в октябре). Имело значение и то, что после принятия в 2003 г. нового Закона о языке как русская, так и узбекская общины значительно «охладели» к режиму Акаева²⁴. Вообще оппозиция в это время состояла из трех группировок.

Первая – радикалы, группирующиеся вокруг главного редактора «Res Publica» Замиры Сыдыковой. Они не имели широкой поддержки населения, особенно на Севере, но могли организовывать демонстрации, голодовки, пикеты и т.д., а также мобилизовать часть населения.

Вторая группировка – партия «Ар-Намыс» Ф.Ш. Кулова. На Севере он был намного популярнее южанина К. Бакиева, исполнявшего после смены власти обязанности президента и премьера.

Наконец, «центристы». Возглавляли их Толекан Исмаилов и Чинара Джакыпова.

Вероятно, после мартовской революции противостояние Север – Юг могло проходить по линии Кулов – Бакиев, однако Кулов отказался от претензий на президентство в пользу Бакиева в обмен на пост премьера. После этого победа Бакиева была предreshена, и он был избран президентом 10 июля 2005 г.

Как основная цель оппозиции была провозглашена смена верховной власти в республике с последующим преодолением «наследия Акаева». Первая из этих двух целей была достигнута, теперь необходимо было если не двигаться, то хотя бы обозначить движение ко второй. Росло понимание того, что народный протест будет нарастать, невзирая на соглашения политической элиты, пока власть не направит свое внимание на проблемы рядового населения, более 80% которого сейчас живет за чертой бедности (минимальная зарплата – 150 сом (2,3 \$), средняя – 1300 сом. По некоторым данным, к 2005 г. 500–600 тысяч киргизов выехали за пределы своей страны; Бакиев официально назвал цифру 400 тыс., а по состоянию на осень 2007 г. официальная цифра поднялась до 700–800 тыс.²⁵

Новая власть выступала за более тесную интеграцию с Россией, но и военное и политическое присутствие США было сохранено, по мнению многих представителей новой власти (высказанному в 2005 г.), оно необходимо как гарант борьбы за демократию (хотя, впрочем, есть сведения, что США банально перекупили нового президента К. Бакиева).

«Тюльпановая революция» 2005 г. изменила соотношение сил во власти в пользу Юга, сыгравшего в ней решающую роль. Северяне обвиняли

южан также в мародерстве в дни революции, в захватах земли в пригородах Бишкека и т.д. Примечательно, что в акциях протеста против политики новой власти (конец апреля 2006 г.) приняли участие в основном северяне²⁶. Определенные предпосылки для «перехода в контрнаступление» северян были хотя бы в силу того, что, если у северян наблюдалось сплочение против «южной угрозы», у южан такого не было. Более того, один из самых популярных политиков Юга – Омурбек Текебаев – стал одним из самых жестких критиков К. Бакиева и нейтрально относился к свергнутому А. Акаеву²⁷. Вероятно, он понимал, что безудержный «натиск Юга на Север» до добра не доведет, равно как и то, что «северяне» не смиряются с усилением «южан» и будут стараться вернуть позиции. Автор писал об этом еще в 2007 г.²⁸ События апреля 2010 г. подтвердили эти опасения.

В то же время отставка с поста премьера Ф. Кулова и замена его последовательно двумя уроженцами Чуйской долины (которых затем зимой 2007–2008 гг. сменил русский (тоже, кстати, столичный уроженец) И. Чудинов, которого в свою очередь, в октябре 2009 г., сменил опять-таки уроженец Бишкека (Фрунзе) Данияр Усенов) высветила еще одну тенденцию: не только южане потеснили северян, но и у северян гегемония начала переходить от сарыбагышей к солто (имевшим, впрочем, своих людей и в окружении Акаева, как мы видели), к каковому племени принадлежат и Ф. Кулов, и два его преемника, и Р. Отунбаева.²⁹

Очень недовольна была оппозиция и тем, что мало должностей в государственной власти являлись выборными, например, акимы (губернаторы) областей назначаются Президентом, хотя в декабре 2001 г. некоторые из них в виде эксперимента были избраны. Однако дальше эксперимента пока так и не пошло. До 2004 г. примером для подражания в этом отношении была Россия, но, как известно, в сентябре 2004 г. администрация Путина отказалась от прямых выборов губернаторов.

Оппозиция снова активизировалась весной 2009 г., помимо всего прочего, в связи с убийством экс-руководителя администрации президента М. Садыркулова. О. Текебаев заявил, что это было политическое убийство...³⁰ Наконец, новый взрыв в апреле 2010 г. буквально за сутки-двое смел режим Бакиева, причем теперь это был ярко выраженный северный реванш, революция вспыхнула в Таласе, быстро распространилась по киргизскому Северу и лишь после победы в Бишкеке перекинулась на Юг.

Во внутрикиргизском конфликте играет свою роль и религиозный фактор: в Южной Киргизии, как уже говорилось, позиции ислама намного силь-

нее, чем в Северной. В середине 2000-х годов сами киргизстанские эксперты признавали опасность создания Исламского халифата, в том числе и в Ферганской долине, включая ее киргизскую часть³¹. Во всяком случае, среди южных киргизов имеются сторонники создания общеферганского исламского государства³².

Но исламский фактор в региональных конфликтах – отдельная тема. Здесь скажем только, что за пять послеакаевских лет Киргизстан сильно деградировал в плане политической культуры. Если тогда, в марте 2005 г., произошла легитимная «цветная» революция, то апрель 2010 г. – это даже не «бархатная» революция образца 1989 г. (те революции были нелегитимными с точки зрения правивших на тот момент режимов, но по крайней мере мирными), а уже «румынский вариант» (имеется в виду свержение Чаушеску в декабре 1989 г.). На мой взгляд, виноват в этом «переток с юга на север» в самых разных его аспектах, изрядно опустивший уровень политической и общей культуры населения. Помимо всего прочего, в результате выезда около 500 тыс. «русскоязычных» страна, по словам Н.М. Омарова, вернулась в «середину XIX века, а киргизский народ – в состояние слабоконсолидированной этнической общности»³³.

Н.М. Омаров полагает, что завершением внутрикиргизского конфликта вполне может стать распад Киргизстана на Север и Юг с последующей интеграцией первого с Казахстаном, а второго с Узбекистаном³⁴. Надо подчеркнуть, что, по прогнозам некоторых западных экспертов, киргизстанское государство почти неизбежно рухнет, если не получит поддержки извне³⁵.

Подводя итоги, можно сказать обо всех внутривосточных противостояниях, что если до 2005 г. ни одно из них не перешло из разряда потенциальных в разряд действительных конфликтов, то в марте 2005 г. ситуация изменилась. Такая же картина, кстати, и на всем Евразийском пространстве: на Украине осенью 2004 г. прозвучал «первый звонок» о том, что Евразия переходит к революционной смене правящих элит. Киргизские события – «второй звонок» об этом же. Однако по большей части история последних 20 лет все же подтверждает тезис о том, что евразийские народы, при всех разногласиях между ними, могут тем не менее решать свои проблемы мирным путем, как то бывает между представителями близких суперэтносов. Таким образом, по вышеприведенной (гл. 1) классификации, данные (восточные) противостояния можно отнести к конструктивным. То, что обе киргизские революции произошли почти бескровно

или сравнительно малой кровью, как будто тоже говорит об этом. Однако опасность иного развития событий в связи с «перетоком с юга на север» сохраняется и, более того, растет.

Узбекско-киргизский конфликт

Узбекско-киргизские противоречия, имевшие исторические корни в борьбе узбекской и южнокиргизской знати за власть над Кокандским ханством, получили продолжение в конце XX в. – они переросли в узбекско-киргизский конфликт, который начался ошскими событиями в июне 1990 г. после решения местных властей о выделении киргизам, переселившимся из сел в города с преимущественно узбекским населением (Ош, Узген, Джалал-Абад), участков земли для строительства жилья. Ответом на это решение стала взаимная узбекско-киргизская резня, по официальным данным, за месяц унесшая жизни примерно 270 человек (неофициально называются цифры в разы, а то и на порядки больше – до 15 тыс. человек)³⁶.

Ферганская долина, где разыгрался конфликт, еще с позднего средневековья заселялась многочисленными выходцами из различных районов Средней Азии³⁷, что к XX в. сделало ее перенаселенной даже по среднеазиатским масштабам. Если в целом в Узбекистане плотность населения составляет 140 человек на 1 км², что тоже много (в целом проблема перенаселенности стоит в Узбекистане острее, чем где-либо на постсоветском пространстве), то в Ферганской долине – 500–600 чел.³⁸ Но неверно было бы объяснять конфликт только экономическими, демографическими и политическими факторами.

После 1924 г. единый организм Ферганской долины был разрезан на части границами искусственно созданных национальных республик. При этом, провозгласив принцип «национальных государств», большевики сами же его и нарушали. Так, проведение границ между Узбекистаном и Киргизией мотивировалось следующим образом: «Если мы отдадим Ош и Узген, где преобладают узбеки, Узбекистану, то у южных киргизов не будет ни одного города»³⁹.

У киргизов, как уже говорилось, не прижились классические нормы ислама. Это не могло не вызвать отрицательного отношения узбеков к киргизам. Правда, распространение в последние годы среди киргизов христианства далеко не всегда встречается узбеками отрицательно, а зачастую снисходительно – «что, мол, с них взять, они и мусульманами-то настоя-

щими никогда не были»⁴⁰. Возможно, они видят в этом лишнюю возможность противопоставить себя киргизам.

Усугубил ситуацию и распад СССР. Разошлись пути развития политических и экономических систем двух стран. Некоторые «русскоязычные» авторы, например, из Ташкента, хвалят Узбекистан (и Туркменистан) за сохранение в значительной степени государственного контроля над экономикой и за большую заботу о социально незащищенных слоях населения в противовес либеральным Казахстану и Киргизстану⁴¹. Ну, где лучше жить, большой вопрос, во всяком случае, узбеки ездят на заработки в Киргизстан, а не наоборот, однако факт расхождения двух государственных систем очевиден. Еще более обострится конфликт в случае весьма возможной победы в Узбекистане исламского радикализма.

Здесь узбекско-киргизский конфликт смыкается с внутрикиргизским. Южная киргизская оппозиция часто поднимала вопрос об альянсе с узбеками против северных киргизов. Впрочем, узбеки относятся к этой идее весьма прохладно. «Киргизы никогда не допускали нас к политике, так пусть и теперь решают свои проблемы без нашего участия... Мы не имеем ничего общего с киргизской оппозицией, у нас есть собственные требования», – заявил 27 июля 2002 г. Азимджан Акбаров, политический активист и бизнесмен. Узбеки, например, требуют признать узбекский язык третьим государственным и расширить представительство узбеков во властных структурах. Однако теперь узбеки стали активизироваться. Если в марте 2005 г. они никак себя не проявили, то в апреле 2010 г. узбекская община вела себя куда активнее. Так, 8 апреля вице-президент узбекского национально-культурного центра К. Батыров выступил против Бакиева и поддержал Временное правительство⁴². А его заявление о том, что «узбекская община готова полноценно участвовать в политической жизни страны», вызвала, как сообщалось, «нервную реакцию» представителей титульной нации⁴³. Сами по себе подобные декларации, конечно, ничего не значат, в конце концов, южнокиргизстанские узбеки – такие же граждане Киргизстана, как и все прочие, однако в общем демографическом и геополитическом контексте активизация узбекской общины способна вызывать некоторое беспокойство. Она и вызвала, но об этом чуть ниже.

Возможно, что узбеки не шли на альянс с южными киргизами, поскольку надеялись и так вытеснить их с Юга. Не мог не усугубить конфликт новый Закон о языке, принятый 12 февраля 2003 г. Руководство Киргизстана не только не удовлетворило требований узбекской общины (озвученных 30

июня 2002 г. на Пятой ежегодной конференции этнических узбеков Южного Киргизстана) о придании узбекскому языку статуса государственного и увеличении доли узбеков в законодательных, судебных и правоохранительных органах южных регионов, но и ужесточил требования к знанию киргизского языка. Лидеры узбекской общины прямо заявили, что новый Закон направлен на вытеснение некиргизов из руководящего аппарата. Принятие нового Закона, помимо всего прочего, вызвало рост симпатий южнокиргизских узбеков к исламским радикалам⁴⁴. Правда, на некоторое время после «революции тюльпанов» губернатором Ошской области впервые стал узбек (Анвар Артыков), но уже в начале декабря 2005 г. он был уволен, после чего ушел в оппозиционную партию «За реформы» (лидер – Омурбек Текебаев)⁴⁵.

Продолжались и территориальные споры. Так, в сентябре 2004 г. парламент Киргизстана предъявил претензии на узбекский анклав Шахмардан внутри территории Баткенской области. 11 декабря 2005 г. узбекский пограничник тяжело ранил гражданина Киргизии. На следующий день 20 узбеков забросали камнями киргизский пограничный пост, мотивируя это тем, что он «стоит на узбекской земле». В то же время в январе 2006 г. на VII Курултае узбеков Джалал-Абадской области было принято обращение к главе Киргизстана К. Бакиеву с просьбой о «защите от киргизского национализма»⁴⁶.

Согласно данным опроса, проведенного в 2006 г. в Узгене среди молодежи, более 70% опрошенных обозначили как главную проблему драк между киргизами и узбеками. Не многим лучше показатели и в Оше⁴⁷. Впрочем, в целом межэтнические отношения оценили как напряженные лишь 15,3% опрошенных (применительно к ситуации в республике в целом) и 13,7% в своем регионе; стабильными их посчитали 32,1% и 35,7%, а стабильными с незначительным напряжением – 41,8% и 34,1% соответственно⁴⁸.

Но главное здесь – то, что конфликт также включает в себя и приток больших масс узбекского населения в Южный Киргизстан, в частности, на сельскохозяйственные заработки. Но в Киргизстане опасаются того, что узбеки рано или поздно составят на Юге большинство и тогда отторгнут его, как албанцы поступили с Косово⁴⁹.

Со своей стороны руководство Узбекистана всегда было недовольно мягкостью киргизского руководства в отношении оппозиционеров, поскольку боится «дурного примера» для своей страны. По данным правозащит-

ной организации «Helsinki Watch», еще в декабре 1992 г., когда в Бишкеке были арестованы и при полном попустительстве киргизских властей вывезены в Ташкент лидеры узбекской оппозиции, И.А. Каримов угрожал возобновлением ошского конфликта как в случае, если этой операции узбекских спецслужб будет оказано противодействие, так и если Акаев будет продолжать поддерживать узбекскую оппозицию⁵⁰. Весной 1993 г. в печать России просочились слухи о том, что правительство Узбекистана приняло негласное решение вмешаться в конфликт в случае его возобновления. А при желании долго ли его разжечь?

Это понятно, если учесть, что планы «ваххабитов» включают создание «Кокандского ханства» на территории Ферганской долины (включая Южную Киргизию) (об этом говорил, например, А. Акаев, выступая по ОРТ 8 сентября 1999 г. в передаче «Здесь и сейчас»). Контролируемое «ваххабитами» Кокандское ханство намного опаснее для Узбекистана (даже если не говорить о других нестабильных регионах на его территории – например, о тех же Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях), чем для слабо исламизированной Северной Киргизии. По крайней мере, руководство Узбекистана, по многим сведениям, сильно напугали киргизские события марта 2005 г. Например, в 2006 г. узбекско-киргизские отношения обострились из-за того, что Ташкент обвинил Бишкек в поддержке Андижанских событий 2005 г.⁵¹

Впрочем, после поражения движения «Талибан» в 2001–2002 гг. ситуация изменилась, «ваххабитская» угроза существенно уменьшилась. Может быть, поэтому киргизская оппозиция активизировалась начиная с весны 2002 г.? Когда нет непосредственной угрозы стране в целом, можно вспомнить и о внутренних разногласиях. Однако в случае вывода войск НАТО из Афганистана все может вернуться на круги своя.

Страх киргизов перед притоком узбекского населения и перед угрозой победы среди последнего радикального ислама привел к новому витку межэтнических столкновений в Южной Киргизии, начавшихся с погромов узбеков летом 2010 г., практически в двадцатую годовщину первого конфликта 1990 г., а в дальнейшем – к репрессиям нового (постбакиевского) руководства Киргизстана против узбекских активистов в этих южных областях.

Вот некоторые сообщения информагентства «Фергана.ру» (декабрь 2010 г.): вынесены пожизненные приговоры нескольким узбекам из Джалал-Абадской и Ошской областей (в том числе правозащитнику А. Аскар-

ву, которого, кстати, автор книги знает с 2000 г.); в Оше совершаются насилие и надругательства над узбекскими девушками и т.д.

Кстати, интересно, что эта акция по времени совпала с антикавказскими акциями на Манежной площади в Москве, в очередной раз обнаружив сходство путей развития Киргизстана и России. В самом деле, приток в Киргизстан представителей более южных регионов вызывает в этом маленьком государстве не меньше опасений, чем приток представителей некоторых национальностей в российские города. Однако при этом у маленького Киргизстана, население которого вдвое меньше одной Москвы, нет, в отличие от России, никаких шансов «переварить» эти потоки.

По сообщению того же информагентства «Фергана.ру» от 14 декабря 2010 г., некоторые киргизы говорят о том, что ошские события июня 2010 г. – это «четко спланированная акция по отделению южных городов и созданию узбекской автономии». А мэр Оша 13 декабря 2010 г. (то же информагентство) выразился еще резче: местные узбеки и таджики сбежали в Узбекистан и Таджикистан (речь идет о жертвах погромов летом. – Г.С.), чтобы вернуться вместе боевиками для джихада». Если это и не так, то взгляд сквозь пальцы на приток многочисленных неконтролируемых мигрантов на протяжении многих лет в сочетании с тотально антиузбекскими настроениями в Южном Киргизстане 2010 г. (в значительной мере этим притоком и порожденными) вполне могут привести к тому, чтобы эти слова ошского мэра стали явью...

Опять-таки по данным «Ферганы.ру», в ночь на 7 декабря 2010 г. в Караколе стены домов, магазинов, рынков были исписаны антиузбекскими лозунгами. И это при том, что в Караколе не так много узбеков – это не Южная Киргизия, а Прииссыккулье. Однако при этом исламские радикалы, как уже было сказано, действуют там минимум с 2004 г. Рассчитана эта активность в основном – ввиду относительной слабости ислама у киргизов – на местное уйгурское и дунганское население. Держатся также упорные слухи о подготовке «исламистами» боевиков: например, по некоторым сведениям (проверить которые у меня не было возможности), в Григорьевке (северовосточное побережье Иссык-Куля) «исламисты» обучают местную молодежь восточным единоборствам. Причем, если в 2000 г. «Хизбат-Тахрир» в своих листовках открыто критиковал только правительство Каримова в Узбекистане, то по крайней мере с 2004 г. впервые появились открытые выпады и против руководства Киргизстана⁵². Так что опасения части местного населения понятны.

Если апрельские события 2010 г. стали ответом на переток южных киргизов на север, то июньские (и последовавшие за ними) антиузбекские акции – ответом на переток людей из более южных государств региона. Таким образом, на какое-то время в отдельно взятом Киргизстане процесс «перетока с юга на север» развернулся в обратную сторону: северные киргизы отстранили от власти южных, а последние, в свою очередь, стали вытеснять из южных областей узбеков, вынужденных десятками тысяч бежать в Узбекистан.

Как и в России, акции далеко не всегда направлены «по адресу». Болельщики «Спартак» в Москве направили свой гнев на всех «кавказцев» без разбора (и даже на среднеазиатов, которые тут уж вовсе ни при чем), киргизы - на всех узбеков, включая тех, кто ниоткуда не «понаехал тут», а всегда жил в Киргизстане (тот же Азимджан Аскарров родился и вырос в районном центре Базар-Курган под Джалал-Абадом).

Наконец, 11 января 2011 г. информагентство Фергана.ру распространило оценку комиссии по расследованию ошских событий при омбудсмене Киргизстана Т. Акуне. Вот буквально ее вывод: «Произошел локальный конфликт, который инициировали люди узбекской национальности, такие, как ... (далее следует перечисление нескольких узбекских активистов из Южного Киргизстана). Они начали этот конфликт, они финансировали его, провоцировали простого дехканина-узбека против киргизов, а киргизы закончили его». По мнению комиссии, организаторы беспорядков не только хотели сделать узбекский язык государственным, но и превратить Ошскую и Джалал-Абадскую области в автономии Узбекистана.

Вообще, лично я опасения киргизского истэблишмента (и многих простых людей) отчасти разделяю. Как уже сказано, киргизы давно опасались того, что узбеки рано или поздно составят на Юге большинство и тогда отторгнут его, как албанцы Косово. Проблема, однако, в том, что никто из узбекских активистов Южного Киргизстана не думает о том, чтобы хоть как-то объединяться с нынешним узбекистанским режимом. Собственно, те, кто выражал опасения по поводу «косовизации» Южного Киргизстана, с этим тоже были согласны. Сам же я общался с южнокиргизстанскими узбеками еще в 2000 г. и, мягко говоря, большой любви к официальному Узбекистану у них не заметил. Хотя бы потому, что на тот момент людей их взглядов там преследовали куда активнее, чем в тогда еще акаевском, демократическом Киргизстане.

Ситуация с узбекским сепаратизмом, однако, может измениться в двух случаях.

Первый из них, к сожалению, сейчас близок к осуществлению. Как уже сказано, летом 2010 г. в южнокиргизских городах прошли погромы узбеков, а все более высокопоставленные представители киргизского истеблишмента официально обвиняли узбеков в сепаратистских намерениях.

Известно, что бывает, «если человека без конца называть свиньей». В переводе на наш язык – если без конца говорить о сепаратизме узбеков. Но не это главное. По сообщениям из Южного Киргизстана, даже с наступлением зимы 2010–2011 гг. не все узбеки решились вернуться домой, при минусовой температуре некоторые из них предпочитали жить «в палатках». В такой ситуации, вполне возможно, люди могут забыть о своей нелюбви к режиму Каримова и поддержат присоединение к Узбекистану...

Возможен и другой вариант: носители радикально-исламских идей, конечно, не испытывающие желания объединяться с каримовским Узбекистаном, не прочь были бы поменять там государственный и религиозный строй и уже тогда объединиться. Вот и в выводах комиссии при омбудсмене от 11 января 2011 г. говорится, что организаторы ошских событий сотрудничали с внутриузбекистанскими противниками Каримова, они хотели свалить его и управлять всем Узбекистаном, в который должны были войти Ошская и Джалал-Абадская области.

Сейчас узбекско-киргизский конфликт утих, но в свете всего сказанного тишина эта обманчива...

Киргизско-таджикский конфликт

Все сказанное можно отнести и к другому конфликту (который намного локальнее) – киргизско-таджикскому (начался в 1988–1989 гг. со столкновений в Баткенском районе Ошской области – тоже из-за земли)⁵³, с той разницей, что у киргизов и таджиков нет даже отдаленной языковой общности, так как таджики – ираноязычный народ. Граница между Киргизией и Таджикистаном, помимо Ферганской долины, проходит по горам Памира и Алая. При проведении республиканских границ в состав Таджикистана были включены районы с компактно проживавшим киргизским населением (Джиргатальский район и Восточный Памир). По некоторым данным (рассказы участников национально-государственного размежевания 1920-х годов), при проведении границ спорные территории часто отдавали тому, кто давал большую взятку⁵⁴.

После 1989 г. конфликт открыто не проявлялся, однако не способствовало улучшению отношений между двумя народами и то, что летом и осенью 1992 г. киргизы были очень напуганы кратковременной победой исламистов в Таджикистане.

Обострению отношений киргизов как с узбеками, так и с таджиками не могли не способствовать события в Баткенском районе в августе-сентябре 1999 г. Боевики Джумы Намангони (большинство из которых, до 70%, составляют узбеки)⁵⁵ еще с 1997 г. фактически поставили под свой контроль Джиргатальский район Таджикистана, населенный преимущественно киргизами; в дальнейшем (до событий 11 сентября 2001 г. и последующих) они, похоже, всерьез вознамерились создать в Баткенской области базу для борьбы с «неверными» и «отступниками»⁵⁶.

В последние годы оба конфликта – узбекско-киргизский и таджикско-киргизский – снова обострились, теперь из-за нехватки воды. Так, уже на осень 2006 г. в Ошской области насчитывалось 15, а в Джалал-Абадской – более 80 спорных водоземельных участков⁵⁷. В 2008 г. дефицит воды в бассейне Амударьи и Сырдарьи составил 25%. Тогда же были зафиксированы конфликты между кишлаком Хуньяр Сохского района Узбекистана и селами Баткенской области Киргизстана. Тогда же граждане Таджикистана при поддержке представителей силовых структур вторгались на территорию соседнего государства (правда, неясно, какого), чтобы разрушить дамбу, через которую уже несколько дней не подавали воды⁵⁸. И сейчас имеют место со стороны граждан Узбекистана и Таджикистана незаконные действия по освоению и аренде киргизских земель, выпасу на них скота, сбору лекарственных трав, вырубке лесов и использованию воды; при этом руководство Таджикистана не нацелено на конструктивное решение спорных проблем⁵⁹.

Добавлю к этому, что именно Киргизстан (как, впрочем, отчасти и Таджикистан) в этом плане находится в несколько лучшем положении в силу большого количества рек, в которых, впрочем, сосредоточено только 2% водного запаса страны, тогда как 71% – в озерах и 26% – в ледниках⁶⁰. Однако и в этих странах в последние годы отмечается дефицит воды, что приводит как к недополучению электроэнергии, так и к сокращению полива и соответственно урожайности⁶¹.

Внутритаджикский конфликт

Деление на роды и племена у таджиков не было значимым, и фрагментация проходила по территориальному признаку и/или степени этнической чистоты. Наиболее крупными группами являются северные таджики (ходжентцы), южные (делящиеся, в свою очередь, на каратегинцев, кулябцев, курган-тюбинцев и гиссарцев) и памирские народы. Образовалось несколько властных кланов: ходжентский, каратегинский, кулябский, дарвазский, бальджуанский и памирский⁶².

С 1920-х годов за власть в республике боролись три группировки – ходжентская, кулябская и памирская. Ходжентцы с самого начала имели преимущество в борьбе за власть как представители наиболее развитой части Таджикистана (территория современной Согдийской (Ходжентской) области в 1876–1924 гг. входила непосредственно в состав России, тогда как остальной Таджикистан (кроме Восточного Памира, населенного киргизами) был частью Бухарского эмирата). Поэтому уже в 1933–1937 гг. председателем Совнаркома республики был ходжентец А. Рахимбаев; к 1940-м годам, используя в своих целях сталинский террор (так, в 1937 г. был казнен председатель ЦИК республики памирец Ш. Шотемор), ходжентцы одержали прочную и безоговорочную победу, хотя репрессии не миновали, разумеется, и их.

Победе ходжентцев в борьбе за власть способствовало и то обстоятельство, что представителей Каратегина (или гармцев – по названию важнейшего города этого региона) даже и после Великой Отечественной войны Центр старался не пускать на руководящие должности – в наказание за поддержку басмаческого движения⁶³, которое, по некоторым данным, в Каратегине было окончательно подавлено чуть ли не в 1940-х годах.

Ходжентцы практически безраздельно правили республикой с 1946 по 1993 гг. Они были и первыми секретарями ЦК (в 1946–1956 гг. – Б. Гафуров, в 1956–1961 гг. – Т. Ульджабаев, в 1961–1982 гг. – Дж. Расулов, в 1982–1985 гг. – Р. Набиев, в 1985–1991 гг. – К. Махкамов), и главами правительства, а Р. Набиев в 1991–1993 гг. – президентом. Монополия ходжентцев на власть оказалась настолько прочной, что они смогли удержать ее даже после того, что произошло с Т. Ульджабаевым (см. приложение). Только декоративную должность председателя Президиума Верховного Совета с 1963 по 1984 гг. занимал уроженец Гарма М. Холов; потом и его

сменил выходец из Оша (т.е. ферганский таджик, тоже более близкий к ходжентам) Г. Паллаев.

Впрочем, торговля в республике находилась под контролем гармцев, личный состав органов МВД набирался из кулябцев, а памирцы пополняли фольклорные коллективы (конечно, это очень грубо и приблизительно – в действительности было гораздо сложнее). Среди таджиков ходила поговорка: «Памир танцует, Куляб охраняет, Курган-Тюбе пашет, Душанбе производит, Гарм торгует, а Ленинабад (название Ходжента в 1930–1991 гг.) правит».

В процессе начавшейся ликвидации монополии КПСС на власть и перехода к многопартийности большую часть коммунистов Таджикистана (пока еще правящей партии) составили по традиции ходжентцы и кулябцы, каратегинцы образовали костяк Исламской партии возрождения (по некоторым сведениям, последняя в подпольном виде существовала еще с 1978 г.), а Демократическая партия пополнялась в основном памирцами (тоже очень грубая и приблизительная оценка).

Процессы разложения советского режима в годы «застоя», а затем «перестройки» расшатали прежнее единство ходжентского клана, временно позволив южанам и памирцам требовать изменения сложившегося межкланового соотношения. Так, уже в 1985 г. правительство возглавил кулябец И. Хаёев. Однако после событий февраля 1990 г. (погромы «русскоязычного» населения в Душанбе) началось движение в обратном направлении. Возможно, что часть ходжентцев, недовольная Махкамовым, сблокировалась с душанбинскими южанами и попыталась сместить его (интересный факт: ходжентцы, очевидно, были настолько уверены в своей силе, что считали возможными внутренние конфликты и блокировку в этих конфликтах с представителями других группировок). Махкамов попытался отстранить часть южан от власти, но его пошатнувшиеся позиции позволили ему сделать это только с представителями второго эшелона. И. Хаёев остался на посту главы правительства.

Нерасчетливая поддержка Махкамовым ГКЧП, а затем, сразу же после поражения последнего, столь же непродуманная попытка отречься от весьма влиятельной местной компартии (в подражание, очевидно, лидерам еще существовавшего СССР и Казахстана) привела к его отстранению; президентом стал бывший «застойный» лидер республики Рахмон Набиев.

Уже первые его шаги были направлены на создание ходжентско-кулябского блока. При этом Набиев умело манипулировал кулябцами, запугивая их «исламско-демократической угрозой», исходящей якобы от памирцев и каратегинцев, что, впрочем, было нетрудно, учитывая традиционную дисциплинированность и благонадежность кулябцев, из которых, как уже говорилось, в советское время рекрутировались сотрудники органов МВД.

В оппозиции, оформившейся к осени 1991 г., памирцы заняли явно преобладающее место, однако массовой базой фундаменталистско-националистической оппозиции стали наряду с памирцами Д. Худоназаровым, Х. Халикназаровым выходцы из ряда других районов республики: Шодмон Юсуф (Юсупов) из Курган-Тюбинской области, М. Химматов (Химматзода) из Кафирнигана, С.К. Гози из-под Гиссара. После назначения в конце 1991 г. министром МВД памирца Наджувонова памирцы стали вытеснять кулябцев из органов МВД⁶⁴.

Однако самыми убежденными сторонниками «исламского образа жизни» в Таджикистане оказались, опять же, каратегинцы – С.К. Гози, Х.А. Кахоров (Турадджонзода), М. Химматов (Химматзода).

Впрочем, первые волнения исламистов («ваххабитов») начались в 1976 г. в Курган-Тюбе, их возглавил некто мулла Абдулло. Резонно полагать, что в те времена такое было возможно только при поддержке каких-то кланов, и логично предположить, что как раз тех, которые были оттеснены ходжентцами от власти (в первую очередь гармцев). Росту радикального ислама способствовали гонения на ислам традиционный. Кроме того, поскольку у гармцев в руках была торговля, то у исламистов появились и средства.

Отдельные представители ходжентского клана, которых «оттирали» от власти, примкнули теперь к оппозиции – например, лидер «Растохеза» Тохир Абдужаббор или председатель КГБ республики А. Салибаев.

Положение осложнилось еще и тем, что малые народы Памира, представляющие собой хорошо сохранившихся потомков древнего иранского населения (саков, согдийцев и др.), отказались теперь считать себя частью таджикского этноса, куда их в 1930-е годы насильно записала советская статистика. Сыграл свою роль и религиозный фактор: таджики – сунниты, памирские же народы – исмаилиты. Уже в начале декабря 1991 г. памирцы едва не отделились от Таджикистана.

Памирцы объединились со всеми антиходжентскими силами под националистическими («Таджикистан – для таджиков») и исламскими лозунгами и в мае 1992 г. свергли власть ходжентцев, оказавшись на короткое время у власти. Х. Халикназаров стал министром иностранных дел, Д. Усмон (см. приложение) – вице-премьером, А. Салибаев, как уже говорилось, был вновь назначен председателем КГБ.

Однако приход к власти в Таджикистане исламистов (ибо роль «демократов» была очень невелика) вызвал недовольство и страх самых разных сил. Президент Узбекистана И.А. Каримов испугался возможности повторения таджикского сценария в Узбекистане (и, как мы видели, у него были основания опасаться этого по крайней мере в Ферганской долине); Россия встревожилась возможностью выхода Таджикистана из сферы ее влияния; даже США были обеспокоены тем, что пришедшие к власти исламисты использовали, помимо антирусских, и антиамериканские лозунги. Посол США в Душанбе уехал в Ташкент и сообщил тогдашнему президенту США Дж. Бушу-старшему, что «надо оказать содействие антиисламским силам».

В свою очередь, внутри Таджикистана ходжентская «партия власти» сблокировалась с криминальными группировками из Куляба, образовав так называемый «Народный фронт». Из кулябцев в число политических лидеров вошли как человек с криминальным прошлым С. Сафаров, а также рэкетир Ибод Бойматов из Регара (наполовину узбек), так и бывший старший лейтенант милиции Л. Лянгариев.

В Ходженте в ноябре 1992 г. было сформировано новое правительство, возглавленное ходжентцем А. Абдуллоджановым. Оно признало главой государства Р. Набиева. Председателем Верховного Совета стал кулябец С. Кенджаев. Осенью и зимой 1992 г., получив помощь Узбекистана (по некоторым данным, значительную часть боевиков «Народного фронта» составляли узбекские военнослужащие) и при поддержке российской 201-й дивизии они разбили исламистов и изгнали их на территорию Афганистана.

С. Сафаров, не занимая никаких официальных постов, стал «национальным героем» и фактическим вершителем судеб Таджикистана, правда, ненадолго – в марте 1993 г. его убили. Месяцем раньше та же участь постигла Лянгариева. Но вскоре умер (явно не своей смертью) и Р. Набиев, и после этого кулябцы постепенно оттеснили ходжентцев от власти. По состоянию на середину и вторую половину 2000-х годов кулябцы занимали подавляющее большинство министерских постов, в том числе все сило-

вые. Ходжентцы же стремились лишь «сохранить какое-то влияние в своем регионе»; аналогично и кургантюбинцы контролировали только свой регион⁶⁵. При этом кулябцы всячески препятствуют иностранным (Россия, Казахстан, Узбекистан, Иран и т.д.) инвестициям в Согдийскую (Ходжентскую) область, опасаясь роста ее политического влияния в случае экономического подъема⁶⁶. В 1994 г. Президентом Таджикистана стал кулябец Э. Рахмонов (с 2007 г. – Рахмон).

Однако вернемся в 1990-е годы. Победой «Народного фронта» дело не кончилось. Борьба на территории самого Таджикистана и на афганской границе продолжалась вплоть до лета 1997 г., когда (27 июня), как уже говорилось, было подписано соглашение о мире. Подписать это соглашение вынудило как правящий режим, так и оппозицию понимание того, что страна идет к распаду, который неизбежен, если немедленно же не прекратить войну. Внутренняя оппозиция сложила оружие летом 1999 г. Соглашение предусматривало участие во власти представителей Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), которая должна была получить 30% мест в руководстве. В 1999 г. был снят запрет на деятельность партий, входивших в ОТО.

«Народный фронт» же по сравнению с 1992 г. потерял значительную часть своих сторонников. Это связано с тем, что «народофронтовцы» проводили форменный геноцид своих противников, который по крайней мере не уступал тому, что творили исламисты в краткий период своего пребывания у власти. В частности, это касалось памирцев, которых зимой 1992–1993 гг. истребляли просто за то, что они памирцы.

После захвата «Народным фронтом» Душанбе из-за блокады памирцы оказались на грани голодной смерти, от которой их спасла только помощь духовного главы исмаилитов Ага-хана⁶⁷. А в августе 1993 г. душанбинский режим открыл боевые действия против Горного Бадахшана; однако кулябские формирования были остановлены памирцами, которым помогали беженцы-гармцы; последних на Памире насчитывалось 60 тысяч при 180 тыс. самих памирцев⁶⁸.

Более 100 000 таджиков бежали в Афганистан; к весне 1997 г. в Афганской провинции Балх, по разным данным, находилось от 40 до 70 тыс. беженцев из Таджикистана, в провинциях Кундуз и Тахор – от 13 до 15 тыс.⁶⁹ На территориях, населенных узбеками и контролируемых Дустумом, по собственным словам последнего, было около 50 тыс. беженцев, но к началу 1997 г. осталось только 5–10 тыс.⁷⁰

К концу 1990-х годов усилилось беспокойство, проявляемое по поводу внутритаджикского конфликта Узбекистаном. «На нас идет с юга фундаментализм», – заявил И.А. Каримов, говоря об общности интересов и необходимости сотрудничества с Россией; в этом вопросе совпадают интересы России, Казахстана, Киргизии и правящих режимов как Ташкента, так и Душанбе: не допустить наступления исламского фундаментализма. Так что едва ли прав А.В. Малашенко, что «вряд ли любой стране Средней Азии придут на помощь соседи даже в случае исламской революции»⁷¹.

К настоящему времени постепенно ликвидирован контроль оппозиции над теми районами Таджикистана, где он сохранялся еще в 2000 г. – имеется в виду ряд пограничных с Южной Киргизией районов (Джиргатальский район, Каратегин). Однако в последние годы, в связи с новой активизацией талибов в Афганистане кое-какие страхи возвращаются. Так, летом 2008 г. произошло (официально не подтвержденное) нападение на кишлак в Широабадском районе Хатлонской области боевиков из Афганистана, удерживавших его в течение нескольких часов⁷². Напомню, что примерно то же самое было примерно двадцать лет назад, на исходе войны СССР в Афганистане: с 1987–1988 гг. начались нападения афганской вооруженной оппозиции на Таджикистан (первым стал обстрел г. Пяндж 8 марта 1987 г.).

¹ Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. С. 102.

² См.: Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973; Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

³ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 102.

⁴ Слово Кыргызстана. 1990. 31 окт.

⁵ Слово Кыргызстана. 1991. 15 окт.

⁶ Полевые материалы автора 1995 г.

⁷ Независимая газета. 1992. 28 окт.

⁸ Московские новости. 1995. 24–31 дек.

⁹ Ситнянский Г.Ю. Аскар Акаев – первый президент Киргизии // Азия и Африка сегодня. 1996. № 1. С. 4–10.

¹⁰ Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. С.81.

¹¹ Слово Кыргызстана. 1994. 1 февр.

¹² Известия. 1994. 14 сент.

¹³ Слово Кыргызстана. 1994. 25 окт.

¹⁴ См., напр.: Табышалиев С., Табышалиева А.С. Исхак Раззаков. Бишкек, 1995.

-
- ¹⁵ Собынин А.Д. Актуальные вопросы национальной безопасности Киргизии // Профи. 1999. № 11. С. 15–20.
- ¹⁶ Феликс Кулов // Википедия.
- ¹⁷ Степанов Г. Возможна ли в Киргизии «оранжевая революция» // Известия. 2005. 21–24 февр.
- ¹⁸ Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1960. С. 132; Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Акаева // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3 (39). С. 22.
- ¹⁹ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 131–132.
- ²⁰ Кубанычбек А. Современная ситуация в Киргизстане. Стенограмма выступления на семинаре в Фонде Карнеги 6 июня 2002 г.
- ²¹ Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. М., 2005. С. 35–36.
- ²² Киргизский переворот. С. 12.
- ²³ Хронология событий после 29 декабря 2004 г. // Киргизский переворот. С. 13–22.
- ²⁴ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 134–135.
- ²⁵ Сушкова Ю. Маркус Мюллер: границы исчезают // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.
- ²⁶ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 140–141.
- ²⁷ Подробнее см.: Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 198. М., 2007. С. 15.
- ²⁸ Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии. С. 14–15.
- ²⁹ Ситнянский Г.Ю. Сарыбагыши: конец полуторавековой гегемонии? // <http://www.ia-centr.ru/public.details.php?id=649> (Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 15 июня 2007 г.)
- ³⁰ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009. С. 65.
- ³¹ Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего // Киргизстан-2025. Стратегии и сценарии развития. Бишкек, 2005. С. 53.
- ³² Абдулаев Э. Эта странная война в Баткене // Профи. 1999. № 11. С. 24–31.
- ³³ Омаров Н.М. Указ. соч. С. 41.
- ³⁴ Там же. С. 52.
- ³⁵ Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 81.
- ³⁶ Степанов Г. Возможна ли в Киргизии «оранжевая революция» // Известия. 2005. 22 февр.
- ³⁷ См.: Наливкин В.П. История Кокандского ханства. Казань, 1886.
- ³⁸ Затулин К.Ф., Грозин А.В., Хлюпин В.Н. Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. М., 1998. С. 34.
- ³⁹ См., напр.: Krader L. Peoples of Central Asia. Bloomington; Hague, 1963. P. 142.
- ⁴⁰ Полевые материалы автора 1995 и 2000 гг.

-
- ⁴¹ Парамонов В.В. Анатомия политики стран Центральной Азии в отношении России (или в поисках причин «многовекторности» и ее альтернатив) // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 101.
- ⁴² Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 08.59 9 апреля 2010 г.
- ⁴³ Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 18.53 10 апреля 2010 г.
- ⁴⁴ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 133–134.
- ⁴⁵ Там же. С. 139–142.
- ⁴⁶ Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 89, 94–95.
- ⁴⁷ Захарова А.Е., Мамажусупова Д.Ш. Южный регион Кыргызстана: к вопросу о ресурсах оптимизации межэтнических отношений // Этническая сфера юга Кыргызстана: проблемы и поиск путей их решения. Ош, 2007. С. 55.
- ⁴⁸ Нурдинова Ж.Т. К проблеме управления этническим многообразием в Кыргызстане // Там же. С. 121.
- ⁴⁹ См.: Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrgyznews (17 марта 2008 г.). Сайт: <http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058>.
- ⁵⁰ Helsinki Watch Report. Central Asia. 1997. P. 8.
- ⁵¹ Лаумулин М. Геополитические ориентиры стран Центральной Азии на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 28–29.
- ⁵² Полевые материалы автора. 2004 г.
- ⁵³ Коммунист Таджикистана. 1989. 15, 21 июля; Советская Киргизия. 1989. 16 июля.
- ⁵⁴ Полевая запись 26 мая 1990 г.
- ⁵⁵ Нуриев М. Круговорот боевиков между Кавказом и Средней Азией // Профи. 1999. № 11. С. 36–41.
- ⁵⁶ Абдулаев Э. Указ. соч.
- ⁵⁷ Токомбаева А.Т. Основные проблемы национальной безопасности Кыргызской Республики на современном этапе // Россия – Кыргызстан: на пути к интеграции. Т. 1. М., 2006. С. 96.
- ⁵⁸ Кочубей М.А. Среднесрочный прогноз террористической активности в Центральной Азии и проблемы защиты энергетических коридоров // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009. С. 141.
- ⁵⁹ Волков И.В. Основные направления и перспективы интеграции Центральной Азии в глобальные мировые процессы: этноконфессиональный аспект. Бишкек, 2008. С. 65.
- ⁶⁰ Оромбаев Э.Э., Валитина К.Л. Современное использование водного фонда и перспективы развития водопользования в Кыргызской Республике до 2025 года // ШОС как фактор интеграции С. 257.
- ⁶¹ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 38.
- ⁶² Чвырь Л.А. Локальные группы среднеазиатских таджиков (научная и народная точка зрения) // Этнокогнитология. Вып. 2. М., 1996.
- ⁶³ Дмитриев В. Каратегин // Профи. 1999. № 11. С. 48–50.
- ⁶⁴ Трофимов Д.А. Центральная Азия. М., 1994. С. 22.
- ⁶⁵ Годы, которые изменили Центральную Азию. С. 159–160; Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.; Бишкек, 2005. С. 218.

⁶⁶ Материалы Круглого стола в Институте стран СНГ 27 ноября 2009 г.

⁶⁷ Каландаров Т. Исмаилизм на Памире: поиски новых путей и решений // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 185.

⁶⁸ Трофимов Д.А. Указ. соч. С. 28.

⁶⁹ Додхудоева Л. Решение проблемы беженцев в Республике Таджикистан // Бюллетень. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1996. № 11.

⁷⁰ Дустум А.Р. Я служу щитом против исламского фундаментализма // Центральная Азия. 1997. № 1. С. 54–57.

⁷¹ Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 18.

⁷² Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии... С. 173.

ГЛАВА VI «КОНФЛИКТЫ-САТЕЛЛИТЫ»

Узбекско-таджикско-пуштунский конфликт

1992 г. принес на землю Средней Азии *еще один конфликт*, который происходит за пределами Региона, но оказывает самое непосредственное влияние на его судьбы – *узбекско-таджикско-пуштунский*. Такие конфликты можно назвать «конфликтами-сателлитами».

Если государства в Средней Азии были искусственно созданы советской властью, то Афганистан в нынешних границах – это этнически уродливое детище русской и британской экспансии в Среднюю Азию. До последней трети XIX в. государственные границы Афганистана и границы этнической территории пуштунов примерно совпадали. Захват Британией в 1870-х годах ряда земель, населенных пуштунскими племенами, и проведение в 1893 г. новой афганско-индийской границы («линия Дюранда») привели к тому, что пуштунский народ оказался разделенным: на 2006 г. 12 млн пуштунов жило в Афганистане, 20 млн – в Пакистане¹.

Россия же, поставив под свой контроль Бухарский эмират, отказалась в 1885–1895 гг. от принадлежавших последнему земель, населенных узбеками и таджиками, на южном берегу Амударьи в обмен на отказ Афганистана от претензий на Мерв и Кушку. В итоге эти народы, а также туркмены составляют до 40% населения страны (в том числе узбеки – 5–10%).

Уход из Афганистана советских войск не привел к прекращению войны, длившейся с 1979 по 1989 гг. Возможно, считают некоторые эксперты, на афганской земле и установился бы мир, если бы режим Наджибуллы пал сразу после этого. Однако, вопреки прогнозам, он сопротивлялся еще три года. Лишь весной 1992 г., когда на сторону моджахедов перешел глава узбекской милиции Абдул Рашид Дустум, заключивший союз с одним из лидеров оппозиции – «панджшерским львом» таджиком Ахмад Шахом Масудом, объединенные силы узбеков и таджиков перешли в наступление и 27 апреля 1992 г. взяли Кабул. В июле таджик Б. Раббани стал президентом Афганистана, а в декабре его избрало на эту должность собрание народных представителей. Афганистан был объявлен исламским государством.

Пуштунские моджахеды во главе с Г. Хекматиаром игнорировали эти выборы, и в марте 1993 г. Афганистан фактически раскололся на узбекско-таджикский Север и пуштунский Юг.

Но Дустум фактически создал свое государство на северо-западе Афганистана со столицей в Мазари-Шарифе. Это государство поддерживало хорошие отношения с официальным Ташкентом, имело и свое неофициальное представительство в Москве.

Окончательно рассорил Дустума с таджикским правительством в Кабуле **внутритаджикский конфликт**. Как уже говорилось, разбитые таджикские оппозиционеры в конце 1992 г. бежали на территорию Афганистана, контролируемую Масудом; последний оказывал им поддержку, что не могло нравиться официальному Ташкенту. Кроме того, Масуд, по некоторым непроверенным сведениям, мечтал о создании «Великого Таджикистана», в который должны были войти не только нынешний Таджикистан и северо-восток Афганистана, но и узбекский Мавераннахр с Бухарой и Самаркандом.

Определенное историческое обоснование подобные претензии имеют – это было бы фактически восстановлением того же Бухарского эмирата в границах до русского завоевания; вот только править новообразованным эмиратом стали бы не представители узбекской племенной знати, как это было тогда, а таджики. Узбекам такая перспектива, естественно, не нравилась. Как бы то ни было, в феврале 1994 г. Дустум порвал с Масудом и, руководствуясь принципом «враг моего врага – мой друг», заключил союз с Хекматиаром.

Между тем вскоре на арену вышла новая сила – так называемые талибы (движение «Талибан» – букв. «студенты»).

В ноябре 1994 г. талибы перешли от богословской теории к практике. К весне 1995 г. они уже поставили под контроль все пуштунские территории Афганистана, а в марте и в октябре 1995 г. дважды предпринимали попытки штурма Кабула². Наконец, в сентябре 1996 г. талибы овладели Кабулом.

Это событие вызвало серьезное беспокойство как в государствах Средней Азии, так и в России. Некоторые российские политологи даже поспешили заявить о том, что в ближайшее время талибы и их союзники поставят под свой контроль всю Среднюю Азию и Казахстан вплоть до р. Урал³. Эта точка зрения – отражение страхов, испытываемых идейными наследниками тех геополитиков, которые еще в XIX в. полагали, что южнее рек Урал и Иртыш нет естественных границ, на которых Россия могла бы остановиться; в наши дни те же самые люди считают, что если Российская

армия уйдет из Таджикистана, то потом ей «придется воевать под Астраханью»⁴.

Однако затем произошло то, что и должно было произойти. Перед лицом общего врага узбеки и таджики Афганистана заключили союз и остановили продвижение талибов. В дальнейшем, впрочем, талибы сильно потеснили войска противостоявшего им альянса и в июле–сентябре 1998 г. захватили ряд контролируемых их противниками территорий, в том числе и столицу Дустума Мазари-Шариф (август); к концу 1998 г. талибы контролировали 90% территории Афганистана⁵.

Под влиянием талибской угрозы в Афганистане начался еще один процесс: многие жители этой страны – вероятно, в основном этнические таджики, сторонники свергнутого президента Раббани – бежали в Таджикистан. По некоторым данным, к лету 1997 г. на таджикско-афганской границе скопилось до 100 000 афганских беженцев, а в случае полной победы талибов их число, согласно тем же источникам, должно было «намного превысить» 200 000⁶. Однако неудачи талибов летом 1997 г. и их явная неспособность установить контроль над северными – узбекскими и таджикскими провинциями Афганистана не позволили этому прогнозу сбыться.

Антиталибская коалиция получала поддержку не только от Узбекистана, но и от других среднеазиатских государств, а также от России и Ирана; Россией в распоряжение Масуда был предоставлен военный аэродром в Кулябе, ставший главной авиабазой. Со своей стороны, талибы получали помощь от Пакистана, нефтяных монархий Персидского залива, а до 1998 г. – и от США, хотя заинтересованность последних в окончательной победе талибов и тогда вызывала очень большие сомнения.

Бомбардировка американцами территории Афганистана 21 августа 1998 г. (в ответ на отказ выдать Усаму бен Ладена, обвинявшегося во взрыве посольств США в Кении и Танзании 7 августа 1998 г.) предоставила России шанс найти общий язык с США на основе противостояния исламскому экстремизму, не порывая в то же время с дружественными нашей стране мусульманскими странами, например, с Ираном. Для этого необходимо было поддержать данную военную акцию. Тогда наша страна этим не воспользовалась. Однако в октябре 1999 г., после начала второй чеченской войны, когда США добились введения международных санкций против режима талибов, Россия проголосовала за эту резолюцию.

Уже говорилось о новых попытках вторжения исламских радикалов в Среднюю Азию в 1999–2000 гг. и о том, что в 2001 г. новое вторжение не

состоялось ни в августе, как раньше, ни в мае, как ожидалось. Появившаяся после событий 11 сентября 2001 г. в США статья А.А. Игнатенко в «Независимой газете», дающая весьма интересную и правдоподобную трактовку этих терактов⁷, наводит на объяснение того, чего исламисты ждали летом 2001 г.

Краткое содержание версии: вся операция была задумана так, чтобы ответственность за теракты пала на Иран. 7 сентября террористы-камикадзе должны были захватить самолет иранской авиакомпании и направить его на Лондон, объявив по радио, что все это делается Ираном. К счастью, находившийся в самолете иранский офицер безопасности что-то заподозрил и не пустил террористов в кабину пилотов. 9 сентября делались попытки предупредить президента США о готовящемся на 11 сентября *иранском* теракте. Наконец, есть сведения, что террористы, захватившие 11 сентября самолеты, повязали головы красными повязками, как это делают шииты (господствующее в Иране направление ислама); суннитские радикалы предпочитают зеленые или черные.

Удайся провокация, ударам возмездия со стороны США и НАТО подвергся бы Иран (известно, что именно Иран назывался в США как наиболее вероятный виновник терактов в первые часы после них). А враждебные Ирану талибы вполне могли бы присоединиться к антииранской акции, а заодно и разгромить Северный альянс – именно поэтому 9 сентября, за два дня до теракта, был смертельно ранен Ахмад-шах Масуд: в преддверии решающего удара врага надо было обезглавить. Ну, а там и за государствами Региона дело бы не стало...

Сбой получился потому, что, очевидно, каждое звено этой операции готовилось отдельной группой людей, друг с другом они никак не были связаны, все нити сходились непосредственно к бен Ладену. Поэтому, когда первый, самый важный элемент – падение иранского самолета на Лондон – не сработал, остановить остальные не удалось.

В пользу этой версии говорит и еще ряд фактов. Начнем с того, что талибам крайне необходимо было изменить свой международный имидж и добиться признания со стороны мирового сообщества, в том числе – и в первую очередь – отмены санкций ООН, введенных осенью 1999 г. По ряду данных, к началу 2001 г. санкции начали давать результаты; да и на фронте дела талибов начали идти хуже, чем в предыдущие годы⁸. Тут, помимо всего прочего, сказалось экономическое превосходство Севера, на долю которого приходится, например, 60% земель, засеваемых в Афгани-

стане под зерновые и овощи, 46% земель, занятых фруктовыми деревьями, 80% технических культур, 70% мелкого рогатого скота, в том числе практически все каракулевые овцы⁹.

Дело явно шло и к тому, что США и их союзники, в случае невыдачи им бен Ладена, рано или поздно должны были начать военную акцию против движения «Талибан» (автор этих строк, например, предсказывал начало такой акции еще весной 2000 г. – и именно на осень 2001 г.). Осенью 2000 г., после взрыва в Адене американского эсминца «Коул», обсуждался вопрос даже о нанесении американского удара по Афганистану с территории Узбекистана, при этом США зондировали почву насчет того, как к этому отнесется Россия¹⁰. Правда, эта информация в дальнейшем была опровергнута как США и НАТО¹¹, так и – в гораздо более категорической форме – самим Узбекистаном¹². Со своей стороны, Россия еще полугодом ранее, весной 2000 г., устами С. Ястржембского также впервые заговорила о возможности ракетно-авиационных ударов по талибам, но встретила непонимание Запада. Инерция «холодной войны», стремление России и НАТО видеть друг в друге врагов, а не партнеров заставляло их мешать друг другу, вместо того чтобы сообща бороться с терроризмом.

Однако так не могло продолжаться вечно. Еще до терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, с приходом к власти администрации Дж. Буша-младшего вообще наметились новые тенденции в отношениях России и Запада. Буш, например, заявил (1 мая 2001 г.) о том, что США более не рассматривают Россию как противника.

Провокация сорвалась, удары возмездия настигли как раз талибов, и осенью 2001 г. их режим был разгромлен. Но внутриафганский конфликт отнюдь нельзя считать исчерпанным. Более того, в последние годы ситуация складывается скорее в пользу «Талибана». В руководстве Афганистана и антитеррористической коалиции сейчас идут разговоры о соглашении с умеренным крылом «Талибана». Но при этом США продолжают противиться подключению Афганистана к Центральноазиатскому сообществу государств, опасаясь, что он превратится в сферу влияния России или Китая¹³.

Добавим, что талибы угрожают распространить «возмездие» на население государств, поддерживающих действия антитеррористической коалиции¹⁴. Уже говорилось о нападении в июле 2008 г. на кишлак в Хатлонской области Таджикистана. Да и вообще, к 2007 г. дестабилизация стала все больше затрагивать и афганский север. Так, в июне 2007 г. в Шиберга-

не демонстранты пытались штурмовать дом местного губернатора; полиция открыла огонь, семь человек погибло, более 40 получили ранения. В 2008 г. талибы перенесли боевые действия из южных и восточных районов страны практически на всю ее территорию¹⁵.

Поэтому сейчас речь идет о создании в Северном Афганистане буфера стабильности для Региона¹⁶. Это стало бы гарантией против распространения на Север Афганистана пуштунского господства (о чем мечтает руководство «Талибана»). Но для этого необходимы усилия всех стран Региона и России¹⁷. Кстати, Афганистан готов принять на своей территории российских инженеров и техников для реконструкции построенных в 1980-х годах объектов (преимущественно расположенных как раз на Севере)¹⁸. Но все это де-факто будет означать возвращение Северного Афганистана в Среднюю Азию, от которой он был отрезан в 1885 г. И что тогда возникнет на остальной территории Афганистана? Пуштунистан?

Следует помнить и о паниранистских амбициях Ирана, который все же был бы лучше «Талибана» не только для России и стран Региона, но даже для США. А шансы на интеграцию Афганистана у него есть. Хазарейцы (и часть таджиков) являются его сторонниками, имеющими свои неплохие боевые группы. 46% международной помощи Афганистану в 2002–2005 гг. приходилось на долю Ирана, причем она шла в основном на сельское хозяйство и энергетику. Иран – важнейший внешнеторговый партнер Афганистана. Из 196 иностранных компаний, работающих в стране, 72 являются иранскими, а еще 45 иранских компаний работают в стране в сотрудничестве с британскими, итальянскими и другими западными. В 2006 г. Иран заключил соглашение с Афганистаном и Таджикистаном о строительстве 500-киловольтной ЛЭП. Тогда же было начато строительство железной дороги из Ирана. Наконец, с 2005 г. Иран оказывает помощь Афганистану в подготовке пограничников и полицейских, причем это происходит при поддержке Великобритании¹⁹.

Что касается узбекской части Северного Афганистана, то она, возможно, так или иначе попадет в сферу влияния Узбекистана. В самом Ташкенте много говорят о создании зоны стабильности в Северном Афганистане в узбекистанских интересах²⁰. Собственно, процесс уже пошел в этом направлении. Если внутренние конфликты в Афганистане не прекратятся, то рано или поздно США и их союзники переложат поддержание внутренней стабильности в Афганистане на плечи кого-то другого, ограничившись финансовой поддержкой и действиями авиации с баз в Средней Азии (если,

впрочем, таковые сохраняются с учетом последних американо-узбекистанских тренировок). И действительно, если еще в середине 2000-х годов, как уже говорилось, США были против региональной интеграции с участием Афганистана из опасения превращения последнего в сферу влияния России или Китая, то сейчас они стали менять свое отношение к этому вопросу²¹.

Так или иначе, учитывая отношения США с Ираном, этим «кем-то другим», скорее всего, станет именно Узбекистан. Вероятно, ради достижения этой цели США смирятся даже с потерей своих баз, тем более что отношение к последним как к находящимся слишком далеко от морских и океанских побережий (США, напомним, морская держава) в американском истеблишменте действительно неоднозначное²². Впрочем, нормализация американо-иранских отношений и изменение отношения США к паниранистскому проекту в принципе тоже не исключены.

Уйгурская проблема

Есть и еще один состоявшийся и организационно оформленный «конфликт-сателлит» – это уйгурская проблема. Этот конфликт напрямую затрагивает Регион с учетом того, что в Казахстане проживает 150 (по другим данным – 217) тыс. уйгуров, в Киргизстане – 50 тыс. (однако по неофициальным данным, уйгуров там 300 тыс., но большинство из них во избежание проблем записались узбеками)²³. Началом современного этапа уйгуро-китайского противостояния принято считать произошедшее 5 апреля 1990 г. «вооруженное контрреволюционное восстание» (по официальной китайской терминологии) в г. Бажен близ Аксу²⁴. Последние по времени выступления имели место в июне-июле 2009 г. в Урумчи – столице Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР)²⁵.

Одновременно в декабре 1998 г. на заседание Восточно-Туркестанского национального центра в Стамбуле собрались представители уйгурской диаспоры – 40 ее лидеров из 18 стран. Впрочем, то, что ВТНЦ пропагандировал ненасильственные методы борьбы, привело к тому, что не все уйгурские националистические организации вошли в него²⁶. 16 октября 1999 г. ВТНЦ был преобразован в Восточно-Туркестанский национальный конгресс (ВТНК), который 16 апреля 2004 г. объединился со Всемирным конгрессом уйгурской молодежи во Всемирный уйгурский конгресс (ВУК). ВУК тоже выступает за мирное самоопределение. В октябре же 2004 г. в Вашингтоне было создано правительство Восточно-Туркестанской Республики в изгнании, которое позиционировало себя как альтернативу ВУК,

обвиняя последний, помимо всего прочего, в соглашательстве с Пекином. Однако через два года этот альтернативный орган прекратил свое существование²⁷. Скажем мы и о некоторых других уйгурских руководящих органах в изгнании. Так или иначе, уйгуры имеют свою власть, которая многими из них признается, поэтому есть основания считать этот конфликт «государственно оформленным».

Едва ли случайно сначала ослабление СССР, а потом обретение независимости бывшими союзными республиками Центральной Азии совпало по времени с активизацией движения уйгурских сепаратистов с прицелом на выход из состава КНР и создание независимого государства «Восточный Туркестан». «Уже сам факт обретения суверенитета и создания национальных государств этнически и религиозно близких народов Центральной Азии, – отмечает В.В. Парамонов, – оказал важное влияние на настроение местного населения СУАР, прежде всего уйгуров»²⁸.

Кроме того, сама территория стран Региона использовалась и используется уйгурскими сепаратистами для борьбы с Китаем, особенно интенсивным был этот процесс в первые годы после распада СССР. На заседании Политбюро ЦК КПК осенью 1991 г. говорилось даже о том, что «Синьцзян может стать базой сил, преследующих цель свержения социалистического строя на территории всей страны»; войска, дислоцированные в СУАР, были приведены в боевую готовность, а местным органам власти в качестве главной задачи на 1992 г. было поставлено «подавление сепаратизма»²⁹.

И действительно, например, в Казахстане еще в 1984 г. представителями местной уйгурской диаспоры был образован «Национальный фронт Восточного Туркестана», который после распада СССР трансформировался в «Международный комитет освобождения Туркестана», включающий в себя ряд организаций. Члены этого комитета декларировали ненасильственные методы борьбы за суверенитет, однако уже в 1993 г. от этого комитета откололось революционное крыло, назвавшееся «Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана». Руководство Фронта заявило о том, что только вооруженная борьба поможет обретению независимости³⁰. Уже с 1992 г. через указанные организации в Синьцзян стала поступать идеологическая литература и финансовые средства из Саудовской Аравии и Турции.

Были и другие формы организации сепаратистов на территории Региона. Например, в апреле 1991 г. в Казахстане зарегистрирована органи-

зация «Свободный Уйгурстан», которая признала несправедливым захват Китаем СУАР и проводимую там «колониальную политику»³¹. Тогда же зафиксировано создание Объединенного Революционного Народного Фронта, базирующегося опять-таки в Казахстане и возглавляемого Юсупбеком Мухлиси³².

Кроме того, слабость новообразованных государств Региона способствовала обострению проблемы. Так, финансирование уйгурских сепаратистов радикально-исламскими источниками продолжалось все 1990-е годы, в том числе и через исламистскую оппозицию Средней Азии. В декабре 1997 г., например, подданный Саудовской Аравии уйгур Мухаммадин Туркистони вручил Исламскому движению Узбекистана (ИДУ) 260 тыс. долл. на приобретение оружия, поставив условие: половина этой суммы должна быть передана уйгурам из Исламского движения возрождения Туркестана³³. Помимо транзита оружия для сепаратистов через территории стран Региона имели место и хищения его на армейских складах в Казахстане – опять-таки для переброски в СУАР³⁴.

С целью пресечения деятельности уйгурских сепаратистов в начале 1990-х годов Китай усилил режим охраны границы, в частности, установил жесткий контроль над «челноками», перемещавшимися между СУАР и Регионом. Весной 1993 г. МИД КНР официально обвинил Казахстан в поддержке уйгурских сепаратистов.

В сентябре 1995 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев посетил с официальным визитом Пекин, в ходе которого он согласился подписать совместное с Председателем КНР Цзян Цзэминем заявление, где говорилось, что «обе страны выступают против национального сепаратизма в любой форме и не позволяют каким-либо организациям и силам участвовать в подобной сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны»³⁵. Уже в октябре, официально проверив и установив незаконность деятельности «Объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана», «Организации освобождения Уйгурстана» и их официальных газет «Голос Восточного Туркестана» и «Уйгурстан», вынесла предписание о незамедлительном прекращении их деятельности³⁶.

В сентябре 1995 г. была подписана совместная декларация КНР и Казахстана «О дальнейшем развитии и углублении дружественных отношений», предусматривавшая, в частности, недопущение на своей территории сепаратистских движений, направленных против другой стороны. совме-

стная декларация Казахстана и КНР в мае 1996 г. подтвердила эти положения³⁷. Именно в 1996 г., после того, как страны Шанхайской пятерки выработали общую позицию по уйгурским сепаратистам, спецслужбы КНР активизировали борьбу против них.

Казахстанские власти, помимо всего прочего, начали высылать из страны тех китайских уйгуров, которые проживали в Казахстане без разрешения. Так, в августе 1998 г. в Казахстан прибыли трое активистов уйгурских группировок, просившие политического убежища. Однако власти Казахстана отказали им в этом и через полгода депортировали обратно.

В Киргизстане в 1996 г. уйгурские сепаратисты попытались зарегистрировать «Партию за освобождение Восточного Туркестана», однако Министерство юстиции отказало им в этом, поскольку законодательство Киргизской Республики запрещает легализацию партий, ставящих целью обособление территорий сопредельного государства. Также был введен запрет для представителей уйгурской общины на массовые акции, направленные на поддержку сепаратистов СУАР. В итоге наиболее активные сепаратисты вынуждены были уйти в подполье.

Что касается Узбекистана, то там ситуация находится под контролем, и местная уйгурская община (примерно 40 тыс. чел.) старается держаться в стороне от любых антикитайских кампаний³⁸.

Объясняется это не только (а в 1990-е годы – и не столько) страхом перед Китаем. Сейчас уйгурский сепаратизм имеет место только в Синьцзяне (где только за 1990–2001 гг. совершено свыше 200 терактов), но вполне может перекинуться и на Регион. В Исламском движении Туркестана (как с 2005 г. стало называться Исламское движение Узбекистана) имеются группировки и из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР³⁹. Кстати, из 40 тыс. уйгуров Узбекистана 14 тыс. проживает в Андижанской области, где, как мы помним, было самое сильное за последние годы выступление исламских радикалов в 2005 г. Не все 250–400 тыс. уйгуров Региона поддерживают исламистов, но все они выступают за независимый Уйгурстан. Хотя, как уже говорилось, ситуация находится под контролем, и местная уйгурская община (примерно 40 тыс. чел.) старается держаться в стороне от любых антикитайских кампаний, но ситуация может и измениться. Из Ферганы сепаратисты провоцируют и выступления в Синьцзяне⁴⁰.

Но более того, ИДВТ выступает за «независимый Уйгурстан» не только в границах Синьцзяна, но и в прилегающих районах Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Большинство уйгуров Средней Азии и Казахстана сего-

дня политически пассивны, однако при изменении ситуации они вполне могут выступить на защиту своих соплеменников в СУАР⁴¹.

Но и это не все. Уйгурские боевики, воевавшие в рядах талибов в Афганистане, использовали полученный опыт и на территории стран Региона. Так, 1 мая 1998 г. в Оше (Киргизстан) было взорвано маршрутное такси, что привело к гибели двух и ранению 12 человек. Через некоторое время по этому делу было арестовано пять человек, трое из которых оказались уйгурами из СУАР, прошедшими подготовку в Афганистане.

Уйгурских сепаратистов финансирует Саудовская Аравия, с 1994 г. в Джидде проводятся регулярные встречи местного уйгурского землячества с паломниками из СУАР КНР. США в 2003 г. включили Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ) в список террористических организаций – возможно, с целью смягчить позицию КНР по войне в Ираке⁴².

Со своей стороны многие страны Региона стремятся к получению поддержки Китая как своего торгового партнера. Так, в начале 2005 г. Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан начали реализацию программы, призванной «возродить Великий шелковый путь»⁴³, то есть воссоздать транспортную магистраль из Китая через Среднюю Азию в Европу и на Ближний Восток. Но начнем по порядку.

Уйгурские сепаратисты делают серьезную ставку на свою диаспору в странах Региона⁴⁴. А поскольку, как уже говорилось, создание независимого Уйгустана предполагает отделение не только СУАР от КНР, но и некоторых районов от Узбекистана, Казахстана и Киргизстана, то эти страны ищут союза с КНР ввиду общих интересов сохранения своей территориальной целостности. При этом как-то забывают о том, что и сама КНР может предъявить территориальные претензии к постсоветским государствам. Или, например, направив в какую-либо из стран Региона войска под предлогом борьбы с исламскими радикалами в рамках ШОС, потом их оттуда не вывести. Дело в том, что о Китае (точнее, о его внешней политике) многие судят по последним полутора-двум векам, когда слабость этой страны не давала ей возможности заниматься широкой экспансией, тогда как в эпохи могущества (а сейчас, несомненно, как раз такая и наступает) Китай ею очень даже занимался.

В 2000 г. правоохранительные органы Казахстана ликвидировали конспиративную квартиру сепаратистов в Алматы. При задержании последние оказали вооруженное сопротивление, в результате трое из них были уби-

ты⁴⁵. В мае 2006 г. КНБ (КГБ) Казахстана заявил об аресте еще 10 уйгурских подпольщиков⁴⁶.

В Бишкеке в марте 2000 г. за отказ пожертвовать деньги на нужды уйгурских подпольщиков был убит председатель культурно-просветительского общества уйгуров Киргизстана «Иттипак» («Единство»). А еще годом раньше представители «Иттипак» совершили нападение на китайскую делегацию в Бишкеке, в составе которой, кстати, было восемь уйгуров. Один член делегации был убит, еще один ранен. В июне 2000 г. покушавшиеся были арестованы, лидер группировки, некто О. Ахадов, в июне 2006 г. был казнен, остальные получили большие сроки. В 2002 г. от рук уйгурских боевиков в Бишкеке погибли консул КНР и бизнесмен из СУАР, а также (20 июня) – первый секретарь китайского посольства и его водитель-киргиз. В 2003 г. был расстрелян автобус с китайскими «челноками»; погибло 19 граждан КНР⁴⁷.

КНР воспользовалась возникшими проблемами для расширения своего влияния в Регионе. Так, в апреле 2000 г. во время визита министра обороны Казахстана в КНР было достигнуто соглашение о безвозмездной китайской военно-технической помощи Казахстану в размере 1 млн долл. Два года спустя (5 марта 2002 г.) аналогичное соглашение (о помощи в размере 1,2 млн долл.) было подписано министром обороны Киргизстана и заместителем начальника Генерального штаба НОАК. 10–11 октября 2002 г. прошли совместные китайско-киргизские учения по отражению атак террористических групп. Оказывалась помощь и Узбекистану. В 2000–2003 гг. этой стране, как и Казахстану и Киргизстану, поставлялось военное и полицейское снаряжение, а также оплачивались совместные их с Китаем учения и контртеррористические разведывательные операции⁴⁸.

А во время визита делегации Китая в Таджикистан китайская сторона даже выразила готовность направить в эту страну подразделения НОАК для оказания помощи в отражении исламистов⁴⁹. В последнем случае, по моему, комментарии вообще излишни. Отметим только, что и Узбекистану, по некоторым данным, КНР предлагала свою помощь во время Андижанских беспорядков в мае 2005 г.

Немало способствовало проникновению КНР в Регион то обстоятельство, что и КНР, и эти государства состоят в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Как известно, эта организация была создана 15 июня 2001 г. на базе «Шанхайской пятерки», причем в число ее задач, помимо всего прочего, входила борьба с терроризмом и экстремизмом. Хартия

ШОС, разработанная год спустя на саммите в Санкт-Петербурге, подтвердила это⁵⁰.

Так, 6–12 августа 2003 г. прошли многосторонние учения «Взаимодействие-2003». 29 августа 2005 г. в Урумчи начато строительство Центра подготовки полицейских кадров в рамках антитеррористического сотрудничества стран Центральной Азии. Наконец, с 2007 г. составляется единая для ШОС база данных по террористам, а также ведется работа по созданию единого для входящих в нее стран перечня террористических организаций⁵¹.

Используя доктрину об «исторической борьбе с сепаратизмом» со времен династии Хань (когда в сферу влияния Китая входили и многие регионы нынешней Средней Азии, например, Фергана (по-китайски Давань)), КНР заставила все страны Региона бороться с ИДВТ⁵². Впрочем, несмотря на договоры со странами Региона о выдаче членов ИДВТ, многие из них находят там убежище...⁵³

¹ Пластун В.Н. Изменения в политике США и НАТО в Афганистане (2001–2006 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 30–31.

² Московские новости. 1995. 24–31 дек.

³ Фельгенгауэр П. Россия и единый исламский Афганистан // Сегодня. 1996. 28 сент.

⁴ Красная звезда. 1994. 1 июня.

⁵ Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. С. 165–167.

⁶ Баранов А. Южный вектор угрозы // Правда-5. 1997. 19 июня.

⁷ Игнатенко А.А. Если бы не иранский офицер безопасности... // Независимая газета. 2001. 19 сент.

⁸ Дунаев В. Талибы теряют города // Известия. 2001. 16 февр.

⁹ Слинкин М.Ф. Национальный вопрос в Афганистане: прошлое и настоящее (историко-политический анализ) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. С. 279–280.

¹⁰ США ищут союза с Россией для нанесения ударов по бен Ладену // Вечерний Бишкек. 2000. 23 нояб.

¹¹ Каримов Д. НАТО: границы укрепляйте сами // Дело №... 2000. 29 нояб.; Чернявская Э. Охота за бен Ладеном? И мы участвуем? // Слово Кыргызстана. 2000. 28 нояб.

¹² Вечерний Бишкек. 2000. 30 нояб.

¹³ Коргун В.Г. Афганистан и проблемы интеграции Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 224–226.

¹⁴ Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Цен-

тральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 171.

¹⁵ Бондарец В.И. Афганистан: трансформация угроз безопасности для государств-участников и наблюдателей ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 113.

¹⁶ Князев А.А. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополитических реалий // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 240.

¹⁷ Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии ... С. 192–194.

¹⁸ Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центральноазиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009. С. 85.

¹⁹ Столповский О.А. Потенциал влияния Ирана на развитие ситуации в Афганистане // ШОС как фактор интеграции... С. 123–129; Фатими А. Роль Ирана в развитии и перестройке Афганистана // Афганистан и безопасность Центральной Азии. С. 263–266.

²⁰ Парамонов В. Возможности у Узбекистана сделать что-то позитивное в Афганистане есть... // Афганистан, ШОС, безопасность ... С. 309–310.

²¹ Лаумулин М. Геополитические ориентиры стран Центральной Азии на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 22–23.

²² Подробнее см.: Ситнянский Г.Ю. Россия, США и Китай в Средней Азии // Аналитические записки. 2005. Сентябрь. С. 35–52.

²³ Васильев Л.Е. Перспективы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в государствах Центральной Азии // Россия и Китай в Шанхайской Организации сотрудничества. М., 2006. С. 172; Emmett E. The Trial of Nations. Сайт <http://www.ughur-american.org>. 1999. February 3.

²⁴ Gladney D.C. Responses to Chinese Rule // Xinjiang: China's Muslim Borderland. N.Y.: Sharpe, 2004. P. 379.

²⁵ Тарасов С. Особый район Китая – Синьцзян-Уйгурский... газовый синдром // ФК-Новости. – 2009. – 8 июля. Сайт <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=4005&matID=218981>.

²⁶ Dao Changking. Fighting for free another Chinese province // Taipei Times. 1999. October 17.

²⁷ Бондаренко А.В. Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в. Дис... к. полит. н. М., 2007. С. 135–136.

²⁸ Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008. С. 115.

²⁹ См.: Хлюпин В.Н. Геополитический треугольник Казахстан – Китай – Россия. М.; Вашингтон, 1999.

³⁰ Китайская Чечня // Московские новости. 1997. 4–11 мая.

³¹ Афанасьева Е.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая (1991–2006 гг.). Дис... к.и.н. Томск, 2007. С. 248–249.

³² Бондаренко А.В. Указ. соч. С. 49–50.

-
- ³³ Ойбек Жума. Бандиты и их правозащитники. Сайт <http://www.antiterror.ru/forum/-80863962>.
- ³⁴ Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О. Указ. соч. С. 116.
- ³⁵ Лунев С.И. Роль внешних факторов в Центральной Азии // Личная интернет-страница. Сайт <http://www.ufalaw.narod.ru/4/mp/lunev/Lunev-glava5.htm>.
- ³⁶ Казахстанская правда. 1995. 13 окт.
- ³⁷ Савкович Е.В. Уйгурская проблема в рамках ШОС // Сайт <http://www.c-asia.org/-analit/index.php?cont=long&id=5962&year2006&today=13&month=01>.
- ³⁸ Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О. Указ. соч. С. 122.
- ³⁹ Салимзода М. Некоторые характеристики Исламского движения Узбекистана (2001–2007 гг.) // Афганистан, ШОС, безопасность ... С. 149.
- ⁴⁰ Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 87–88.
- ⁴¹ Бондаренко А.В. Указ. соч. С. 101–102.
- ⁴² Князев А.А. Новая мировая реальность и ШОС как геополитический и геоэкономический феномен: проблемы, функциональность и исторический шанс // ШОС как фактор интеграции ... С. 32.
- ⁴³ Афанасьева Е.А. Указ. соч. С. 253; Китай активизирует сотрудничество со странами Центральной Азии для возрождения Шелкового Пути // Жэньминь Жибао онлайн (на рус. яз.). <http://russian.people.com.cn/3152/3186555.html>.
- ⁴⁴ Васильев Л.Е. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁵ Ротарь И. Беспокойная провинция // Известия. 2003. 10 марта.
- ⁴⁶ Кашин В. Китайская политика в Центральной Азии // Большая игра. 2007. № 2. С. 20–21.
- ⁴⁷ Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О. Указ. соч. С. 124.
- ⁴⁸ Gill B., Oserman M. China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests: a Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. Wash., 2003. P. 20.
- ⁴⁹ Китай оказывает военную помощь Бишкеку // Военно-промышленный курьер. 2004. № 17. 12–18 мая; Комиссина И., Куртов А. Китай и Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. М., 2003. С. 31.
- ⁵⁰ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (г. Санкт-Петербург, июнь 2002 г.) // Основные документы и материалы Шанхайской организации сотрудничества. М., 2005. С. 29.
- ⁵¹ Бондаренко А.В. Указ. соч. С. 122–125.
- ⁵² Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. М., 2005. С. 32.
- ⁵³ Там же. С. 104.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели межэтнические и внутриэтнические конфликты в Регионе. Прежде чем делать выводы, проанализируем основные интеграционные и дезинтеграционные тенденции с экономической точки зрения. Дело в том, что мы убедились: чем меньше этнические противоречия и противостояния связаны с Евразийской общностью этносов, тем меньше среди них латентных и тем больше состоявшихся. Поэтому, рассматривая вопрос о возможностях интеграции, надо, по нашему мнению, принимать во внимание евразийский фактор.

Каковы же интеграционные перспективы? В последнее время стало почти что общим мнением, что все без исключения государства Среднеазиатско-Казахстанского региона отдаляются от России по всем направлениям и в то же время развивается какая-то региональная интеграция. Внимательный анализ ситуации в регионе заставляет прийти к иным выводам.

Начнем с региональной интеграции. Уже говорилось, что этот проект не получается хотя бы потому, что есть два региональных лидера – Казахстан и Узбекистан, не говоря уже о внешних «интеграторах» (Россия, Турция, Иран). Можно добавить еще, что Туркмения и Узбекистан боятся интеграции (последний – интеграции иначе как под своим верховенством), так как «разгерметизация» границ, по опасениям их лидеров, вызовет политическую дестабилизацию¹. Точнее, в Узбекистане интеграцию поддержал бы мелкий и средний бизнес, крупные же олигархи – против нее, так как она (опять-таки если не будет осуществляться под верховенством Узбекистана) подорвала бы их монопольное положение на внутреннем рынке².

Словом, по мнению А.В. Малашенко, в рамках Региона в целом наиболее реально трех-четырёхстороннее сотрудничество по водной и пограничной проблемам и энергетическая интеграция³. По моему мнению, и в последнем – энергетическом – аспекте более реальны иные варианты, например, евразийский, пантюркистский и паниранистский, о которых уже говорилось.

Почему дело обстоит так? Очевидно, ввиду цивилизационных различий. Странно читать, что «все страны Региона признают приоритет России во внешнеполитической ориентации и стремятся сохранить необходимую для интеграционных процессов структуру – русский язык»⁴: мы видели, что и в этом страны Региона, мягко говоря, сильно разнятся. Даже официально признано (по словам В.В. Путина), что СНГ «создано наспех» как инст-

румент цивилизованного распада СССР», но оно никогда не имело задач экономической интеграции (не говоря уже о том, что миссия России в СНГ до настоящего времени не ясна и не определена)⁵.

Если речь заходит об интеграции с Россией, то для интеграции необходимы: 1) Ядро из достаточно близких по типу экономических трансформаций и уровню жизни; 2) Рычаги экономического и культурного влияния; 3) Единое экономическое пространство; 4) Добровольность интеграции; 5) Признание сложившихся политических систем; 6) Признание границ⁶.

Применительно к России всем требованиям потенциальных субъектов интеграции в Регионе отвечают Казахстан и (после проведения некоторых экономических преобразований, о которых речь ниже) Киргизстан. Кроме того, только тесная интеграция с Казахстаном (с гарантиями со стороны последнего для «русскоязычных» регионов) заставила бы Россию по настоящему примириться с нынешними российско-казахстанскими границами.

Тем более что мы уже говорили о том, что чем дальше от евразийских границ, тем больше среди межэтнических конфликтов процент «деструктивных». Оно и понятно: обычные формы правления большинства не работают в обществах, разделенных по расовым, этническим, религиозным или региональным признакам, поскольку ни одна община не смирится с положением вечного меньшинства, не допускаемого к власти⁷. Цитированная выше работа В.А. Тишкова по этнополитическим конфликтам приводит еще несколько высказываний западных политологов, общий смысл которых сводится к тому, что обычная демократия не работает в обществах, разделенных на сильно отличающиеся друг от друга этнические группы⁸.

Но ведь именно евразийские народы цивилизационно ближе друг к другу, так что им легче было бы найти общий язык на основе «обычной» демократии. Потому о российско-казахстанско-киргизстанской интеграции и имеет смысл поговорить, и начнем с проблем экономики.

Уже говорилось, что кочевой скотоводческий образ жизни предрасполагал к симбиозу между славянским и степным населением. На этом основании автор одно время придерживался той точки зрения, что казахам и киргизам необходимо вернуться к своему традиционному способу производства – кочевому или отгонному скотоводству, чтобы создать экономические предпосылки для восстановления отношений этнокультурного симбиоза со славянами⁹. Однако надо учесть, что этот традиционный для ев-

разийских скотоводов способ производства к настоящему времени исчерпал себя. Это хорошо видно на примере Киргизии.

Присоединение Казахстана и Киргизии к России покончило с межплеменными войнами, что привело к значительному росту численности населения. К 1989 г. численность киргизов превысила 2,4 млн, что, принимая во внимание среднюю численность киргизской семьи (6 чел.), дает цифру в 400 000 семей. Между тем для нормального существования одной скотоводческой семье необходимо минимум 100, а то и 150–200 одних только овец¹⁰.

Таким образом, для 400 000 семей потребовалось бы от 40 до 60–80 млн овец, не считая других видов скота. Пастбища же республики могут хорошо прокормить только 8 млн голов. А ведь республике необходимо обеспечить еще и несколько сотен тысяч европейцев, на которых практически полностью держится местная промышленность, земледелие и инфраструктура. Отъезд «русскоязычного» населения привел бы экономику Киргизии к полному краху.

Выход, на наш взгляд, состоит в модернизации киргизского скотоводства и переводе его на интенсивные методы хозяйствования. Некоторые конкретные соображения на этот счет изложены мною в специальной работе¹¹. Здесь же отметим только, что Новая Зеландия, по площади превышающая Киргизию всего на 35%, благодаря интенсивным методам овцеводства содержит до 70 млн голов скота¹². В Киргизии есть местность с климатом, близким к новозеландскому – Чуйская долина. Именно там, в Кеминском и Кантском районах, интенсивный откорм овец уже в 1980-х годах давал положительные результаты¹³.

Есть, конечно, и другие источники модернизации некоторых из стран Региона, в том числе Казахстана, занимающего 12-е место в мире по общим запасам газа и (по прогнозам двухлетней давности) долженствующего войти в десятку крупнейших нефтедобывающих стран к 2010 г.¹⁴ Однако нефтегазовый фактор ненадежен, что доказал, например, опыт позднего СССР и России 1990-х годов, когда падение цен на нефть приводило к самым печальным последствиям. Это не говоря уже о том, что есть серьезные основания думать: углеводородам недолго (по историческим, разумеется, меркам) осталось быть главным источником энергии. Но даже не это самое важное.

Вот данные по добыче нефти на душу населения (в тоннах, по разным странам от 2001 до 2004 гг.): Катар – 60,2, Кувейт – 50, ОАЭ – 38,15, Нор-

вегия – 33, Саудовская Аравия – 23, Оман – 15, Ливия – 12,38, Венесуэла – 7,15. В двух последних странах особого процветания уже не наблюдается. Все же прочие государства добывают менее 5 тонн нефти на душу населения, в том числе Россия – 3,3, а Казахстан – 2,68¹⁵.

Можно увидеть, что углеводороды (по крайней мере при нефтедобыче ниже 15 т на душу населения) процветания не обеспечивают, а вот средневековые режимы на десятки лет закрепляют. Так что это не выход. Тем более что у Казахстана (как и у России, а также Украины и Белоруссии) есть возможность и интенсивного, высокотехнологического развития. Ну, а маленький Киргизстан как-нибудь вытянет.

С этой точки зрения также целесообразна реинтеграция Казахстана и Киргизии с восточнославянскими государствами СНГ. Выше мы видели прогноз о том, что в Регионе к 2025 г. может образоваться одно-два крупных государства, в частности, единые Казахстан-Киргизстан (по крайней мере Северный), причем если остальной регион отойдет в сферу влияния исламского Востока, то это государство станет частью Малого Севера. Центром же Малого Севера станет Россия («если сама переживет 2010-е годы в нынешнем виде»)¹⁶.

Но у России, Украины, Белоруссии – свои проблемы, и их помощи, скорее всего, не хватит. Требуется содействие развитых индустриальных держав. Возникает вопрос: а в интересах ли это России?

Для ответа на данный вопрос надо осознать, что будет, если экономика Казахстана и Киргизстана по-прежнему будет основана на экстенсивном кочевом скотоводстве. Тогда рост населения при невозможности обеспечить его достаточным поголовьем скота вполне может вызвать социальный взрыв, который, в свою очередь, может окончиться победой экстремистских сил, скорее всего, исламских радикалов. К чему это, в свою очередь, может привести, мы уже говорили. Нефтегазовая перспектива, как мы видели, немногим лучше.

Таблица 7

Численность восточнославянских и некоторых тюркских этносов

	1979 г.	1989 г.	Прирост, %
Русские, украинцы, белорусы	189 200 000	199 300 000	5,31
Татары	6 320 000	6 650 000	5,26
Башкиры	1 370 000	1 450 000	5,69
Киргизы	1 900 000	2 500 000	31,58

В случае же успешного осуществления модернизации Казахстан и Киргизия превратились бы во вполне благополучные и стабильные государства с перспективой интеграции с Россией в единое экономическое, а возможно, и политическое целое. Это одно доказывает несостоятельность утверждения о том, что «Средняя Азия – наименее важный регион для российских интересов на всем постсоветском геополитическом пространстве» (принадлежит А.Г. Арбатову)¹⁷. В свете всего сказанного выше очевидно, что дело обстоит как раз наоборот.

Противники интеграции выдвигают и такое возражение: если согласиться на интеграцию казахов и киргизов с Россией, то через два-три поколения они ассимилируют славян, так как у них очень высокая рождаемость. Поэтому необходимо рассмотреть и демографический аспект проблемы. Сравним данные по приросту населения у различных народов с 1979 по 1989 гг. по данным Всесоюзных переписей населения (таблица 7).

Итак, мы видим, что у татар и башкир прирост населения примерно равен таковому у славян. Татары и башкиры к моменту вхождения в состав России принадлежали к тому же евразийскому миру, что и казахи и киргизы, хотя принадлежность татар к евразийской общности следует признать с оговорками. В самом деле, татары к моменту присоединения их к России были уже довольно сильно исламизированы, что и неудивительно, если учесть, что наряду с евразийцами-кипчаками активное участие в этногенезе татар принимали потомки волжских булгар – оседлого городского народа, принявшего ислам еще в 922 г. Строго говоря, татар следует рассматривать как этнос, пограничный между евразийским и исламским суперэтнотами. В отличие от других евразийских народов, присоединение татар к России не носило добровольного характера. Тем не менее, живя в течение веков бок о бок с русскими, татары постепенно переняли многое из европейской цивилизации, не утратив в то же время национальной специфики, и в результате они вполне могут жить в мире и добрососедстве с русскими и довольно органично «вписываются» в Российское государство. Рождаемость у них не превышает европейскую.

Поэтому представляется, что значительно менее подверженные исламскому влиянию казахи и киргизы могут проделать ту же эволюцию. Шансы на это тем более возрастут в случае модернизации традиционной экономики казахов и киргизов. Известно, что уровень рождаемости, как правило, обратно пропорционален уровню жизни. Тогда и разговоры об угрозе «ассимиляции славян казахами» отпали бы сами собой.

Что касается естественно-географического фактора, то на него у нас при проведении национально-государственной политики внимания вообще не обращают. Тот же М.И. Венюков в цитируемой выше работе утверждал, что на юге казахской степи нет естественно-географических границ, способных положить предел российской экспансии, и такими границами могут стать либо реки Урал и Иртыш, либо хребты Гиндукуша¹⁸. Но в действительности на юге степи как раз есть такие естественно-географические границы – они должны проходить по линии: Мангышлак – Аральское море – р. Сырдарья до Кызыл-Орды – горы Каратау – Чаткальская долина (на границе Киргизии и Ташкентской области) – Кетмень-Тюбинская котловина – перевал Торугарт (между городами Нарын и Кашгар) – далее по границам СНГ. Именно эти географические объекты отделяют Евразийские степи от мусульманского Востока.

Данные об экономических отношениях между Россией и странами региона также заставляют прийти к весьма определенным заключениям. Начнем с общего объема торговли (таблица 8). Мы видим, что львиная доля (70–80% и более) приходится на долю Казахстана. Что касается Киргизстана, то он все же существенно (в полтора раза) опережает сопоставимый по состоянию Таджикистан. А вот как изменилось соотношение объема внешней торговли у различных государств региона с 1990 (в числителе) по 1996 (в знаменателе) годы по отношению ко всему объему внешней торговли (таблица 9).

Таблица 8
Торговый оборот стран Региона с Россией (млн долл.)¹⁹

	2000 (экспорт/импорт)	2006 (экспорт/импорт)
Казахстан	2247 / 2200	8976 / 3840
Киргизстан	103 / 89	561 / 194
Таджикистан	56 / 237	377 / 126
Узбекистан	274 / 663	1087 / 1290
ВСЕГО	2680 / 3189	11 001 / 5450

Какие же выводы можно сделать из этих цифр?

Прежде всего, несмотря на все декларативные заявления Акаева, Назарбаева и Каримова, трудно говорить о какой-то региональной интеграции. За исключением Таджикистана, который в 1990-е годы все больше подпадает под фактический контроль Узбекистана, торговля всех госу-

дарств региона друг с другом сократилась как по отношению к общему объему, так и по отношению к объему торговли со странами СНГ.

Таблица 9

**Внешнеторговый оборот государств Центральной Азии
(в % от общего; 1991 – числитель, 1996 – знаменатель)²⁰**

	Со странами СНГ	В т.ч. с Россией	Внутри региона
Казахстан	92,4 / 56,1	57,3 / 45,1	15,4 / 6,5
Киргизия	99,6 / 80	43,1 / 50,6	32,4 / 25,4
Узбекистан	90,8 / 23,1	53,9 / 14,4	23,1 / 5,2
Туркмения	95,5 / 68,8	47,5 / 6,6	30,6 / 13,9
Таджикистан	89,1 / 43,6	50,9 / 10,3	22,7 / 30,9

Что касается экономических отношений с Россией, то тут ситуация сложнее. Если государства Средней Азии уменьшили объем торговли с нашей страной в 4–7 раз, то торговля Казахстана с Россией сократилась лишь на одну пятую, а относительно торгового оборота со странами СНГ – наоборот, выросла с 62 до 80,4% (подсчеты мои); относительно же Киргизии – в ее внешней торговле доля России даже увеличилась на 7,5 %, а в объеме торговли со странами СНГ – с 43,3 до 63,3% (подсчеты мои).

А вот ситуация в 2000-х годах. За 2000–2007 гг. вес России во внешней торговле Киргизстана возрос с 18,4% до 30,8%, Казахстана – с 8,5% до 13,2%, а во внешней торговле Узбекистана упал до 5,8% (минимум – в 2006 г., 3,7%)²¹. Впрочем, есть и тревожная тенденция – рост присутствия Китая, доля которого во внешней торговле Киргизстана, например, превосходит российскую²². В сочетании с китайской миграцией это выглядит не совсем безопасно.

Впрочем, торговлей дело не ограничивается. Так, в 2005 г. в вузах Московской области РФ училось 795 военнослужащих из стран ОДКБ (в 2003 – 159), в том числе из Казахстана – 238 безвозмездно и 152 на льготных условиях, из Таджикистана – соответственно 84 и 24, из Киргизстана – 39 и 31²³.

С учетом всего вышесказанного можно распределить государства региона по степени важности с точки зрения национальных интересов России, руководствуясь следующими критериями: 1) наличие общей границы с Россией; 2) добровольность вхождения в ее состав в свое время; 3) воз-

возможность проживания больших масс славянского населения без ущерба для местного; 4) способность к усвоению европейской культуры; 5) относительная слабость позиций ислама; 6) вхождение в естественно-географические границы Евразийской общности; 7) схожий с российским уровень демократии и готовности к ней.

С этой точки зрения первое место в интересах России занимает Казахстан: все семь признаков тут налицо, причем европейское население настолько многочисленно, что при любом повороте событий его полный выезд за пределы страны невозможен.

Что касается п. 7, то вот интересные данные – опрос об отношении населения к роли Сталина (сообщение агентства «Фергана.ру» от 24 декабря 2009 г.). Так вот, если в Казахстане к роли Сталина положительно относится 35%, а отрицательно – 36 (показатели, близкие к российским), то в Киргизстане – соответственно 61% и 11%, в Таджикистане – 57% и 19%, в Узбекистане – 53% и 12%. Таким образом, очевидно, что популярность Сталина обратно пропорциональна уровню жизни народа, поэтому для борьбы со сталинизмом надо бороться с бедностью. При этом, впрочем, надо учитывать, что в Киргизстане люди наверняка высказывались более безбоязненно, чем в Узбекистане, где еще 15 лет назад, как мы видели, при проведении одного из опросов 100% опрошенных настаивали на конфиденциальности своих ответов против 50% в Казахстане и 25% в Киргизстане. С тех пор ситуация если и изменилась, то не в лучшую сторону. Иными словами, доля сталинистов в Узбекистане на самом деле существенно выше. Но вернемся к проблемам интеграции.

Очень важна для России Киргизия: она не имеет общей границы с Россией, но остальные признаки важности для России налицо, хотя удельный вес «русскоязычного» населения существенно ниже, чем в Казахстане, и при наиболее неблагоприятном сценарии развития событий возможен его выезд из Киргизии.

В Туркмении сравнительно слабо влияние ислама, и некоторые туркменские племена присоединились к России добровольно. Однако в силу принадлежности туркменского народа не к степным скотоводам, а к скотоводам пустыни и невозможности как проживания больших масс славянского населения в сельской местности, так и симбиоза между славянами и местным населением Туркмения все же выходит за пределы сферы жизненных интересов России, за исключением чисто экономических (нефть, газ).

Узбекистан не отвечает ни одному из шести требований, хотя может представлять для России значительную ценность как стратегический союзник по борьбе с исламским фундаментализмом, пока у власти находится нынешний режим. Имеются, правда, значительные «русскоязычные» группы в городах, но они быстро уменьшаются.

Наконец, Таджикистан. Это государство не отвечает ни одному из шести требований, а «русскоязычного» населения практически не осталось.

Итак, напрашиваются следующие выводы.

1) Необходимо делать все возможное для евразийской интеграции с прицелом, пусть в далекой перспективе, на создание на добровольно-договорной основе единого государства на территориях России, Украины, Белоруссии, Казахстана и Киргизии.

2) Граница этого государства в Среднеазиатском регионе должна проходить, как уже сказано, по линии: Мангышлак – Аральское море – р. Сырдарья до Кзыл-Орды – горы Каратау – Чаткальская долина (на границе Киргизии и Ташкентской области) – Кетмень-Тюбинская котловина – перевал Торугарт (между городами Нарын и Кашгар) – далее по границам СНГ.

В этом случае за пределами естественных границ России останется «дуга нестабильности», предсказанная в свое время З. Бжезинским и проходящая, в том числе, и через оседлую часть Средней Азии. Это даст цивилизованному миру основания, отгораживаясь от нестабильного Ближнего Востока, строить границу не по Бугу, а по Сырдарье²⁴.

Исходя из всех имеющихся в Среднеазиатско-Казахстанском регионе тенденций, можно сделать следующие общие выводы относительно позиции России в региональных конфликтах.

Россия должна всемерно содействовать улучшению отношений *между «русскоязычным» населением и местными евразийскими народами*. Это тем легче, что противоречия тут, в основном, носят конструктивный характер. Для этого необходима как можно более тесная интеграция с Казахстаном и Киргизией, поддержка любых действий, направленных на стабилизацию ситуации там – экономических (интенсификация традиционной экономики и т.д.), социальных, конфессиональных (поддержка в ущерб радикальному исламу местного ислама и «нетрадиционных» для этих регионов религий).

В то же время Россия заинтересована в *сильном и стабильном Узбекистане на южных границах* потенциальных субъектов евразийской

интеграции. Надо помнить, что в основе многих из внутриисламских и некоторых мусульмано-евразийских конфликтов (действительных и потенциальных) лежит большое **противостояние сторонников светского государства (к каковым относится и нынешняя узбекская власть) и исламских радикалов** (при этом во втором случае речь идет, как правило, о противостояниях различных этносов с различной степенью исламизированности, в первом же чаще – о противостоянии различных региональных групп одного и того же этноса). Это противостояние проявляется во внутритаджикском, внутриузбекском, узбекско- и таджикско-киргизском, отчасти – в узбекско-туркменском противостояниях, а также в том, что Узбекистан, Таджикистан и Россия все были (и отчасти остались) втянуты во внутриафганский конфликт. Россия должна учитывать этот фактор, исходя из того, что не в ее интересах способствовать распространению радикального ислама в Средней Азии.

Что касается Ирана, то сдерживать распространение его влияния надо очень осторожно, учитывая тот факт, что **Иран в целом является естественным союзником России на некоторых направлениях** (например, как альтернатива возвращению талибов в Афганистане).

Очень ценно сотрудничество с Турцией. Автор уже говорил об энергетической интеграции России с евразийскими Казахстаном и Киргизстаном. Но и Турция и Азербайджан, как было сказано, составляют цивилизационное целое с Туркменистаном. Так вот, если задуманное главами трех огузско-турецких государств удастся, то наряду с Евразийским проектом интеграции в Среднеазиатском регионе начнет реализовываться проект пантюркистский.

В интересах России, чтобы Турция реализовала свои пантюркистские проекты, оставаясь при этом членом НАТО и в то же время поддерживая дружеские отношения и с нашей страной (и в рамках Среднеазиатского региона – с нашими Евразийскими партнерами). Влияние в Турции России и США уравновешивало бы друг друга и совместно предотвращало бы какие-либо угрозы исламского радикализма.

В то же время **интересы российского евразийского и турецкого пантюркистского интеграционных проектов нигде не сталкиваются, равно как оба они не сталкиваются с паниранистским проектом**, даже если бы Турции вздумалось вслед за интеграцией энергетической заняться интеграцией политической (о чем пока и речи нет). В об-

щем, российско-турецкое и российско-иранское сотрудничество имеет хорошие перспективы.

Не следует сбрасывать со счетов и западный (в первую очередь, американский) фактор. В Европе уже раздаются голоса о том, что ЕС пора перестать идти в Центральной Азии в фарватере политики США и проводить в Регионе свою политику, не направленную против России²⁵.

Однако и последовательный антиамериканизм непродуктивен. Объективно США являются естественным союзником России. В пользу этого работают отсутствие как исторических традиций вражды между нашими странами (до 1945–1946 гг. российско-американские отношения всегда были хорошими), так и объективных (т.е. продиктованных реальными национальными интересами наших стран, а не амбициями определенного сорта политиков) оснований для продолжения конфронтации.

Более того, на среднеазиатском направлении наши страны должны действовать как союзники в противодействии как радикально-исламской, так и китайской угрозе. А вот от потери Россией контроля над теми или иными частями Евразийского геополитического пространства выиграют совсем другие силы, Америке отнюдь не дружественные, причем к Средней Азии это относится, пожалуй, больше, чем к какой-либо другой части бывшего СССР; сами же США, в силу преимущественно морского характера их экспансии, не могут занять геополитический вакуум, образовавшийся на месте СССР, и они сами это понимают²⁶. Потеря же Россией Казахстана и Киргизии как стран своего геополитического влияния приведет к тому, что и США очень быстро лишатся в Средней Азии всего, что они там успели заполучить. Тот же факт, что и США, и Россия будут содействовать усилению Узбекистана, также благоприятен для российско-американских отношений.

А вот евразийская интеграция при продолжении усиления влияния Китая в Регионе едва ли возможна. По крайней мере, Казахстан и Киргизстан, как и Монголия и Индия, не считают, что ШОС должна противостоять Западу, зато обвиняют Россию и Китай в том, что те хотят противостоять нормальной демократии в пользу «суверенной демократии»²⁷.

Необходимо вспомнить и об «узбекской карте» в отношениях с Западом. Если все три проекта интеграции (евразийский, пантюркистский и паниранистский) будут реализованы, то только Узбекистан не попадет ни в один из них. Тогда он останется одиноким в Регионе и вынужден будет пойти на более тесное партнерство с Китаем или США, и лучше с США. С

другой стороны, «на всякий случай» он станет противовесом и пантюкистам, и паниранистам.

Наконец, чтобы оставаться интеграционно привлекательной, Россия должна быть примером для стран Региона не только в экономическом, но и в политическом плане. Еще в 2000 г. А. Кажегельдин выступил с проектом, согласно которому Россия должна бороться на постсоветском пространстве не за права «русскоязычного» населения, а за права человека вообще. Объективно это на 80% все равно будет борьба за права «русскоязычных», но такой подход не оттолкнет от России титульное население других стран СНГ, скорее наоборот²⁸. Четыре года спустя то же повторил депутат ГД РФ К. Косачев²⁹. Были и другие голоса в поддержку такого подхода.

Однако для этого России надо оставаться самой демократической страной в СНГ. К сожалению, российские реалии, особенно в последние годы, не всегда способствуют такому имиджу нашей страны. Однако есть основания надеяться, что это – явление временное, связанное с так называемым понижательным циклом истории по Н.Д. Кондратьеву; В.И. Пантин именует «понижательный цикл» фазой «великих потрясений» с 2005 по 2017 гг. и предполагает, что ему на смену придет новый подъем демократии с 2017 по 2041 гг., общий для всех евразийских стран³⁰.

Все это позволяет смотреть в будущее евразийской интеграции с большой долей оптимизма.

¹ Суюнбаев М.Н. Проблемы идентичности, пределов целесообразности интеграции и неоднородности ее процесса // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 49.

² Пластун В.Н. Интеграция в Центральной Азии и влияние внешних факторов // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 64.

³ Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 20.

⁴ Сайфулин Р.Ш. Центрально-азиатская интеграция: сложный путь от деклараций к реалиям // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 23.

⁵ Князев А.А. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 9.

⁶ Губайдуллина М.Ш. Казахстан и государства Центральной Азии в межрегиональных отношениях: проблемы и перспективы // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 121.

- ⁷ Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 10. С. 15.
- ⁸ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов на Юге России (рукопись). М., 2009. С. 15–18.
- ⁹ Ситнянский Г.Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в Горной Киргизии // *Этнограф. обозрение*. 1993. № 1. С. 37–51.
- ¹⁰ Акмолдоева Б.Б. Конеководство в системе традиционного хозяйства киргизов. Дис.... к.и.н. М., 1983. С. 131; Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой (аульной) общине у киргизов конца XIX – начала XX века // *Социальная история народов Азии*. М., 1975. С. 65–73.
- ¹¹ Ситнянский Г.Ю. Евразийские скотоводы перед выбором Проблемы модернизации традиционного скотоводства киргизов // *Этнос и среда обитания*. М., 2009. Т. 1. С. 259–280.
- ¹² Соколов В.В., Куц Г.А. Мировое овцеводство. Ижевск, 1994. С. 106.
- ¹³ Назаркулов А.Н., Голубев Л.И. Выхаживание и откорм молодняка овец на механизированных комплексах // *Интенсификация горного животноводства*. Фрунзе, 1986. С. 121–128.
- ¹⁴ Мигранян А.А. Потенциал стран – участниц ШОС как фактор экономического роста // *Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии*. Бишкек, 2008. С. 58–59.
- ¹⁵ Калашников М. Цунами 2010-х годов. М., 2010. С. 133.
- ¹⁶ Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего // *Киргизстан-2025. Стратегии и сценарии развития*. Бишкек, 2005. С. 52.
- ¹⁷ Цит. по: Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. С. 105–106.
- ¹⁸ Венюков М.И. Россия и Восток. СПб., 1868. С. 140.
- ¹⁹ Сост. по: Морозов Ю. Россия, Запад и страны ШОС в энергетических проектах в Центральной Евразии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 5 (59). С. 85.
- ²⁰ Сост. по: Эльянов А. Перестройка народнохозяйственных отношений // *Азия и Африка сегодня*. 1997. № 11. С. 31–36.
- ²¹ Джоробекова Г.Э. Векторы региональной экономической интеграции стран Центральной Азии // *Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений*. Бишкек, 2009. С. 274.
- ²² Парамонов В.В., Строков А.В. Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии – ключевой вопрос для будущего ЕврАзЭС и ШОС // *Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии*. С. 154–155.
- ²³ Куртов А.А. Проблемы обеспечения региональной безопасности и внешнеполитических приоритетов стран Центральной Азии в свете существования ОДКБ // *Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии ...* С.89.
- ²⁴ Пересвет А. Передел мира состоялся // *Огонек*. 1995. № 27. С. 72–73.
- ²⁵ См., напр.: Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центрально-азиатских отношений // *Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии*. Бишкек, 2007.
- ²⁶ Россия и США в меняющемся мире. М., 1995. С. 7.
- ²⁷ Антоненко О. Европейскому Союзу не стоит игнорировать Шанхайскую организацию сотрудничества // *Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии*. С. 131–132.
- ²⁸ Кажегельдин А. Правозащитная империя // *Известия*. 2000. 12 апр.
- ²⁹ Косачев К. Россия должна стать экспортером демократии // *Известия*. 2004. 28 июня.
- ³⁰ Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996. С. 139–151.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулаев Э. Эта странная война в Баткене // Профи. 1999. № 11. С. 24–31.

Абдулатипов Р.Г. Выступление // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 5–8.

Абдулло Р. Таджикистан: выборы-2005 и перспективы развития государственности страны // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3. С. 151–161.

Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1960. С. 5–137.

Акаев А. Я с полной ответственностью заявляю – в нашей республике для межнациональных конфликтов нет причин // Слово Кыргызстана. 1991. 10 окт.

Акимов Т. Язык в аспекте безопасности // Московский комсомолец в Кыргызстане. 2000. 7–14 дек.

Акмалов Ш. Потенциал ШОС в противостоянии международному терроризму и религиозному экстремизму (в контексте проблемы Исламского движения Узбекистана) // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 141–147.

Акмолдоева Б.Б. Коневодство в системе традиционного хозяйства киргизов. Дис.... к.и.н. М., 1983.

Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 161–173.

Алексеев А. Особенности воспроизводства населения // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1997. № 3 (14). С. 49–51.

Алексеев А. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 96–112.

Алиева И.А. Инвестиционная компонента интеграционных процессов в Центральной Евразии // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009. С. 159–163.

Алишева А.Р. Поликонфессиональный Киргизстан // Ренессанс или регресс. Бишкек, 1996. С. 69–81.

Алишева А.Р., Ситнянский Г.Ю., Табышалиева А.С. Новые протестанты // Там же. С.101–106.

Ан В. Исповедь старожила о жизни в Туркмении после обретения независимости // Правда. 1995. 13 сент.

Ананьева Г. Ташкент – город хлебный. Был // Земляки. 2009. № 2. С. 62–65.

Аннамурадов Ч., Колодин Г. Граждане без ярлыка // Независимая газета. 1996. 16 апр.

Аноним (высокопоставленный сотрудник Администрации Президента РФ). Почему русские бегут из Узбекистана // Комсомольская правда. 1994. 16 нояб.

Антоненко О. Европейскому Союзу не стоит игнорировать Шанхайскую организацию сотрудничества // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 130–148.

Арзыматова А.А. Революция 2005 г. в Кыргызстане и проблемы экономического развития // Россия – Кыргызстан. На пути к интеграции. Т. 1. М., 2006. С. 17–22.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и кара-киргизов // Живая старина. 1894. III–IV. С. 391–486.

Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов на Юге России (рукопись). М., 2009.

Афанасьева Е.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая (1991–2006 гг.). Дис... к.и.н. Томск, 2007.

Афганистан и безопасность Центральной Азии. Душанбе, 2006.

Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Бабаджанов Б. Джихад как идеология «изгоев» (ghuraba'). По документам и публикациям // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 199–219.

Бабаджанов Б. Кто по ту сторону баррикад (о секте Акрамия и ей подобных) // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 42–106.

Бабаджанов Б. Секуляризм и проблема межконфессионального отчуждения // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 116–125.

Байджиев М. Земля, вода... А человек? // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 30 нояб.

- Байрамова Н. Образование под гнетом «священной» «Рухнамы» // Gundogar. 2004. 17 сент.
- Баранов А. Южный вектор угрозы // Правда-5. 1997. 19 июня.
- Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.
- Белковский С., Карев Р. СССР – будущее России // Стратегический журнал. 2005. № 1. С. 3–12.
- Бибилова О.П., Щенников В.Ф. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев (политический портрет) // Россия и мусульманский мир. 1995. № 11 (41). С. 88–106.
- Бигдон К., Корф Б. Роль помощи развитию в трансформации конфликта: расширение полномочий граждан и укрепление общин // Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007.
- Бойко В.С. Азиатская Россия в геополитике Центральной Евразии и фактор сибирского приграничья // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 61–67.
- Бондаренко А.В. Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в. Дис... к. полит. н. М., 2007.
- Бондарец В.И. Афганистан: трансформация угроз безопасности для государств-участников и наблюдателей ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 110–117.
- Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 85–99.
- Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 171–178.
- Борисов Н. Современный политический процесс в Узбекистане: тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 162–171.
- Брусина О.И. Русские в Казахстане // Россия и Казахстан: Стенограмма науч.-практ. конф. М., 1995. С. 127–128.
- Бугазов А.Х. Социокультурные особенности кыргызского общества: долговременные перспективы развития // Кыргызстан-2025. Стратегии и сценарии развития. Бишкек, 2005. С. 100–111.

Бушков В.И. Этнические процессы в бассейне Верхнего Зеравшана в последней трети XIX–XX в. // Источниковедение массовых источников. М., 1988. С. 24–40.

Бушков В.И. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995.

Бушков В.И., Микульский Д.В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 26. М., 1992.

Бушков В.И., Ситнянский Г.Ю. Средняя Азия // Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1995.

В борьбе всех против всех Средняя Азия вне империи // Политика. 1993. № 9.

Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Избранные произведения / Под ред. А.Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958. С. 187–195.

Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898.

Васильев Б. Если Борис не идет к Нурсултану... // Общая газета. 1998. № 26.

Васильев Л.Е. Перспективы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в государствах Центральной Азии // Россия и Китай в Шанхайской Организации сотрудничества. М., 2006.

Венюков М.И. Россия и Восток. СПб., 1868.

Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центрально-азиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 75–84.

Виноградов А.В. О состоянии русскоязычного образования в Туркменистане. Сайт <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books00/vinograd.ssi>.

Виноградов Б. Российские «плюсы» афганской войны // Известия. 1996. 16 окт.

Виноградов Б. Война начнется в мае // Известия. 2001. 20 февр.

Витковская Г.С. Мигранты стремятся в Россию // Независимая газета. 1996. 11 июля.

Внешиполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009.

Волков И.В. Основные направления и перспективы интеграции Центральной Азии в глобальные мировые процессы: этноконфессиональный аспект. Бишкек, 2008.

Вооруженные столкновения у границы Узбекистана // Lenta.ru, сайт <http://www.lenta.ru/story/uzbekborder/>.

Гаврилов В., Шепова Н. Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. Южный Кавказ. М., 2009.

Гаспринский Исмаил-бей. Русско-восточное соглашение // Арабески истории. СПб., 1994. С. 369–385.

Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991.

Георгиев Б. Исламские боевики готовят новое вторжение в Узбекистан // Независимая газета. 2001. 20 янв.

Глазовский Н.Ф. и др. Миграции населения в странах СНГ, связанные с опустыниванием и засухой. М., 2000.

Глезер О.Б., Стрелецкий В.Н. Типология территориально-этнических притязаний и конфликтов на территории бывшего СССР // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 3. Ч. 2. М., 1993. С. 28–36.

Глубоцкий А. и др. Русские в ближнем зарубежье. М., 1994.

Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009.

Гриднева Г., Жуков Д. Число беженцев растет // Дело №... 2000. № 42 (413).

Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. 1999. № 11. С. 10–15.

Груздов Ю. Не следует недооценивать религиозных экстремистов // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.

Груздов Ю. Черная грязь... // Моя столица – новости. 2007. 7 дек.

Губайдуллина М.Ш. Казахстан и государства Центральной Азии в межрегиональных отношениях: проблемы и перспективы // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 109–122.

Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. В 3 кн. М., 1994

Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994.

Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // СОЦИС. 1992. № 1. С. 50–57.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Гусейнова И. Таджикистан принимает своих скитальцев // Правда-5. 1997. 4–11 апр.

Густоцци А. Как Талибан возрождается в Афганистане // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 3. Бишкек; Душанбе, 2006.

Демаков Г. Миграция населения и ее социальные последствия в Казахстане // Центральная Азия. 1997. № 4.

Демографический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 2007.

Джоробекова Г.Э. Векторы региональной экономической интеграции стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 273–277.

Дмитриев В. Каратегин // Профи. 1999. № 11. С. 48–50.

Додхудоева Л. Документы по проблемам миграции // Бюллетень. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1996. № 13. С. 20–21.

Додхудоева Л. Решение проблемы беженцев в Республике Таджикистан // Бюллетень. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1996. № 11.

Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 71–84.

Дунаев В. Талибы теряют города // Известия. 2001. 16 февр.

Дустум А.Р. Я служу щитом против исламского фундаментализма // Центральная Азия. 1997. № 1. С. 54–57.

Евтеев А. Чем еще порадует своих детей Отец всех туркмен // Популярная газета. 2004. № 30 (75).

Елисеев А. Избавление от СНГ // Стратегический журнал. 2005. № 1. С. 49–56.

Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз // Профи. 1999. № 11. С. 31–34.

Зайончковская Ж. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения Средней Азии: прошлое, настоящее, будущее. М., 1996.

Зайончковская Ж. Россия: миграции в разном масштабе времени. М., 1999.

Затулин К.Ф. Если царство разделится... // Литературная газета. 2001. 12 сент.

Затулин К.Ф., Грозин А.В., Хлюпин В.Н. Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. М., 1998.

Захарова А.Е., Мамажусупова Д.Ш. Южный регион Кыргызстана: к вопросу о ресурсах оптимизации межэтнических отношений // Этническая сфера юга Кыргызстана: проблемы и поиск путей их решения. Ош, 2007. С. 50–65.

Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009.

Игнатенко А.А. Угрожает ли исламский фундаментализм постсоветской Центральной Азии? // Межнациональные отношения в России и СНГ. М., 1995. С. 63–75.

Игнатенко А.А. Если бы не иранский офицер безопасности... // Независимая газета. 2001. 19 сент.

Ильхамов А. Акрамия: экстремистское движение или предтеча исламской социальной демократии? // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 116–156.

Исаев И.А. Идеи культуры и государственности в трактовке «евразийства» // Проблемы правовой и политической идеологии. М., 1989. С. 3–36.

Искандаров К. Национальный фронт Афганистана и потенциал конструктивной оппозиции // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 187–197.

Искандаров К. «Талибан»: факторы возрождения и перспективы мира и региональной безопасности // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 45–54.

Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. В 5 т. Т. 2. М., 1997.

История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 8. М., 1939.

Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. М., 2003.

Кадыров Ш.Х. Туркменистан: четыре года без СССР. М., 1996.

Каландаров В. Как удержать человека с чемоданом // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 2 нояб.

Каландаров Т. Исламизм на Памире: поиски новых путей и решений // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 180–196.

Калашников М. Цунами 2010-х годов. М., 2010.

Каримов Д. НАТО: границы укрепляйте сами // Дело №... 2000. 29 нояб.

Кашин В. Китайская политика в ЦА // Большая игра. 2007. № 2.

Кизеветтер А.И. Славянофильство и евразийство // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 10–15.

- Киргизский переворот. М., 2005.
- Кириленко А. Киргизстан хотят поставить под знамя джихада...Пока не получилось // Профи-информ. 1999. № 1. Октябрь.
- Китай активизирует сотрудничество со странами Центральной Азии для возрождения Шелкового Пути // Жэньминь Жибао онлайн (на рус. яз.). <http://russian.people.com.cn/3152/3186555.html>.
- Китай оказывает военную помощь Бишкеку // Военно-промышленный курьер. 2004. № 17. 12–18 мая.
- Китайская Чечня // Московские новости. 1997. 4–11 мая.
- Князев А.А. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 9–15.
- Князев А. Иран надо принять в ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 277–285.
- Князев А.А. Новая мировая реальность и ШОС как геополитический и геоэкономический феномен: проблемы, функциональность и исторический шанс // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009. С. 16–38.
- Князев А.А. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополитических реалий // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 237–244.
- Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнограф. обозрение. 1995. № 4.
- Колосов Л. Аргументы и факты против Ниязова // Gundogar. 2004. 21 апр.
- Комиссина И., Куртов А. Китай и Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. М., 2003.
- Коргун В.Г. Афганистан и проблемы интеграции Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 220–227.
- Коргун В.Г. Ситуация в Афганистане: перспективы развития // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 10–26.
- Кордые Б. де. Евразийское мусульманство? // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 148–160.

Короткова Е., Хайтина Ю. Восток под паранджой // Московский комсомолец. 1994. 22 нояб.

Космарская Н. Социально-психологические аспекты межнациональных отношений в Северном Прииссыккулье // Этносоциальные процессы в Кыргызстане. М., 1994. С. 49–75.

Кочубей М.А. Среднесрочный прогноз террористической активности в Центральной Азии и проблемы защиты энергетических коридоров // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009. С. 139–145.

Круглов Е. «Русский вопрос» в Казахстане // Независимая газета. 2001. 24 мая.

Кубанычбек А. Современная ситуация в Киргизстане // Стенограмма выступления на семинаре в Фонде Карнеги 6 июня 2002 г.

Кузнецова С.И. (сост.). Русские в Центральной Азии. М., 1998.

Кулешов В. Беспрецедентный марш протеста в Ашхабаде // Известия. 1995. 13 июля.

Куртов А.А. О некоторых аспектах межклановых отношений в политической элите Казахстана // Новая Евразия. М., 1995. № 3. С. 88–106.

Куртов А.А. Проблемы обеспечения региональной безопасности и внешнеполитических приоритетов стран Центральной Азии в свете существования ОДКБ // Внешнеполитическая ориентация... Бишкек, 2009. С. 82–90.

Куртов А.А. Туркменистан: особенности развития политического процесса // Новая Евразия. М., 1995. № 4. С. 5–19.

Кыргызская Республика. Отчет о человеческом измерении. Б. м., 1995.

Латифов Д.Л. Афганская политика США и безопасность Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 227–244.

Лаумулин М. Геополитические ориентиры стран Центральной Азии на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 19–35.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М., 1995.

Левада Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Вып.1. М., 1992.

Липский В.А. По горным тропам Русского Туркестана // Изв. РГО. 1907. Т. XLII. С. 91–236.

Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999.

Лунев С.И. Роль внешних факторов в Центральной Азии // Личная интернет-страница. Сайт <http://www.ufalaw.narod.ru/4/mp/lunev/Lunev-glava5.htm>.

Ляпоров В. Нужен ли Средней Азии союз с Россией? // Независимая газета. 1996. 13 сент.

Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995.

Магда В. Ташкент готов к новой борьбе с исламистами // Независимая газета. 2001. 24 янв.

Малашенко А.В. Исламский фактор в российской политике // Religare – Религия и СМИ. 2002. 21 нояб. Сайт http://www.religare.ru/2_1128.html.

Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 16–20.

Малеванная Д. Территория «икс» // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.

Малеванная Д. Урна и за кордоном найдет // Моя столица – новости. 2007. 7 дек.

Маликов К. Религиозный фактор – опасность или подпорка в государственном строительстве // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 26 окт.

Мамедов А. Туркменбаши заждались в аду // Gundogar. 2004. 4 июня.

Мамедов А., Юрьев М. Туркменбашизм – тоталитарная секта // Gundogar. 2004. 1 мая.

Масанов Н.Э. Клановый фактор в современной политической жизни // Бюллетень. 1997. Декабрь. № 5 (16). С. 58–60.

Масанов Н.Э., Савин И.С. Казахстан. Модель этнологического мониторинга. М., 1997.

Материалы Круглого стола «Политические процессы в постсоветских среднеазиатских республиках и российская диаспора» 17 марта 2009 г.

Межнациональные отношения в Казахстане (теория и практика регулирования). М., 1993.

Мендикулова Г. Незаконная миграция в Казахстане – угроза национальной и региональной безопасности // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 251–253.

Мехман Гафарлы. Гражданская война ведет к распаду страны // Независимая газета. 1996. 25 сент.

Мешкова Е. На донора надейся, но... // АиФ. Кыргызстан. 2007. 7 нояб.

Мешкова Е. От вакансий к рабочим местам // Моя столица – новости. 2007. 13 нояб.

Мешкова Е. Раимкул Аттокуров: соединяем интересы страны и людей // Моя столица – новости. 2007. 9 нояб.

Мещеряков В. Социально-экономический портрет в геополитическом интерьере // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 2–11.

Мигранян А.А. Миграция как фактор экономической безопасности стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009. С. 305–312.

Мигранян А.А. Потенциал стран – участниц ШОС как фактор экономического роста // Афганистан, ШОС... С. 53–71.

Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, проблемы, перспективы. М., 1996.

Мироглова Е. Безответственность, оплаченная миллионами // Деловая неделя. 1994. 9 дек.

Михайлов Г. Миссионерам вход воспрещен // Независимая газета. 2009. 19 янв.

Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. М., 2005.

Моисеев В. В Казахстане теснят русских // Российская газета. 1993. 27 авг.

Монтон М. Рифы и мифы русификации // Туркмены. 1997. № 2.

Морозов Ю. Россия, Запад и страны ШОС в энергетических проектах в Центральной Евразии // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 78–93.

Муждабаев А. Миражи Туркменбаши // Московский комсомолец. 1998. 19 февр.

Мурзахалилов К., Маматалиев К., Маматюсупов О. Ислам в условиях демократического развития Кыргызстана: сравнительный анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3 (39). С. 53–65.

Муртазина Л. Конфуз с языком // Правда-5. 1996. 24–31 мая.

Мы и они. Узбекистан // Вестник ИСИТО. 2004. № 2. С. 12–13.

Мякшев А.П. Государственное самоопределение и тенденции изменения национальной структуры (на примере Казахстана второй половины 80-х – начала 90-х гг.) // Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР. М., 1994.

Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973.

Назарбаев Н.А. Страны и народы вернутся на путь интеграции // Независимая газета. 1995. 12 апр.

Назаркулов А.Н., Голубев Л.И. Выхаживание и откорм молодняка овец на механизированных комплексах // Интенсификация горного животноводства. Фрунзе, 1986. С. 121–128.

Назаров А.Д., Николаев С.И. Русские в Киргизии: есть ли альтернатива исходу? // Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995.

Наливкин В.П. История Кокандского ханства. Казань, 1886.

Новые русские диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996.

Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой (аульной) общине у киргизов конца XIX – начала XX века // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 65–73.

Нурдинова Ж.Т. К проблеме управления этническим многообразием в Кыргызстане // Этническая сфера юга Кыргызстана: проблемы и поиск путей их решения. Ош, 2007. С. 121–126.

Нуриев М. Круговорот боевиков между Кавказом и Средней Азией // Профи. 1999. № 11. С. 36–41.

Ойбек Жума. Бандиты и их правозащитники. Сайт [http:// www. antitergor.ru/forum/80863962](http://www.antitergor.ru/forum/80863962).

Олимов М.А. Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии: новый выбор // Внешнеполитическая ориентация... Бишкек, 2009. С. 29–33.

Олимова С. Место трудовой миграции в экономике стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация ... Бишкек, 2009. С. 300–304.

Олимова С. Молодежь и ислам в Таджикистане // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 157–179.

Олимова С. Этническая и гражданская идентичность и их влияние на миграционное поведение населения Таджикистана // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 192–204.

Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.; Бишкек, 2005.

Олкотт М.Б. Несколько слов о статье Б. Бабаджанова // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 107–115.

Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего // Киргизстан-2025. Стратегии и сценарии развития. Бишкек, 2005. С. 37–69.

Омаров Н., Махновский В. Миграционные процессы в Кыргызстане: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия. 1998. № 1. С. 47–54.

Омукеева Дж.А. Анализ этнической сферы юга Кыргызстана: риски и проблемы взаимодействия этнических сообществ // Этническая сфера юга Кыргызстана: проблемы и поиск путей их решения. Ош, 2007. С. 24–40.

Орекозев К. Под каракумским небом // Аргументы и факты. 1995. № 31.

Оромбаев Э.Э., Валитина К.Л. Современное использование водного фонда и перспективы развития водопользования в Кыргызской Республике до 2025 года // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009. С. 257–276.

Остапенко Л.В. Вопросы трудовой занятости // Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995.

Павлович Л. Бермет Молдобаева: эта многоликая миграция // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 30 нояб.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.

Панфилов О.В. МИД республики знает больше, чем кто-либо // Независимая газета. 1994. 28 апр.

Панфилов О.В. Новый доклад «Хельсинки Вотч» и «Мемориала» // Независимая газета. 1994. 26 апр.

Панфилов О.В. Таджикские беженцы в Сибири // Независимая газета. 1996. 8 авг.

Панфилова В. Ташкент готов к новой войне с исламистами // Независимая газета. 2001. 11 апр.

Папаиордания А. Русские уезжают не потому, что они русские // Сегодня. 1994. 6 мая.

Парамонов В.В. Анатомия политики стран Центральной Азии в отношении России (или в поисках причин «многовекторности» и ее альтернатив) // Внешнеполитическая ориентация... Бишкек, 2009. С. 99–108.

Парамонов В. Возможности у Узбекистана сделать что-то позитивное в Афганистане есть... // Афганистан, ШОС... Бишкек, 2008. С. 309–310.

Парамонов В.В., Строков А.В. Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии – ключевой вопрос для будущего ЕВРАЗЭС и ШОС // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 153–160.

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008.

Пейруз С. Управление религиозным фактором в Центральной Азии: продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 9–32.

Пересвет А. Передел мира состоялся // Огонек. 1995. № 27. С. 72–73.

Петров А. Бюрократы заставляют славян уезжать из Киргизстана // Дело №... 2000. № 42 (413). 15 нояб.

Петров А. Киргизстан предлагает России свои предприятия в счет погашения долга, который составляет примерно 150 млн \$ // Дело №... 2000. № 41 (412). 8 нояб.

Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М., 1998.

Пластун В.Н. Изменения в политике США и НАТО в Афганистане (2001–2006 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 27–44.

Пластун В.Н. Интеграция в Центральной Азии и влияние внешних факторов // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 58–69.

Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центральноазиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии... Бишкек, 2009. С. 80–85.

Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

Пожарский В. Юг, который мы теряем // Дело №... 2007. 5 дек.

Приютили – и на том спасибо // Вечерний Бишкек. 2007. 19 нояб.

Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007.

Проклов И. Современный политический процесс в Туркменистане // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 172–180.

Пядухов Г.А. Киргизия: политический фактор вынужденной миграции// Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996.

Пядухов Г.А. Системные преобразования в Киргизии: отражение в сознании и поведении нетитульного населения // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 153–172.

Разгуляев Ю. Аскар Акаев укрощает дракона // Правда. 1994. 17 июня.

Разуваев В.В. Российская Федерация и «ближнее зарубежье». Геополитические проблемы // Россия и ее соседи. Этнонациональные отношения в новом геополитическом пространстве. М., 1994.

Райтер Р. Самая сильная мания величия в мире // Gundogar. 2004. 2 июня.

Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925–1937 гг.). Фрунзе, 1973.

Ремнев А.В. Российская империя и ислам в Казахской степи (60–80-е годы XIX века) // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006. С. 238–277.

Ренан Э. Что такое нация? СПб., 1888.

Россия и США в меняющемся мире. М., 1995.

Ротарь И. Аскар Акаев любит «НГ» // Независимая газета. 1994. 22 марта.

Ротарь И. Беспокойная провинция // Известия. 2003. 10 марта.

Ротарь И. В Таджикистане плохо всем. Но хуже всего – русским // Известия. 1996. 13 февраля.

Румер Е., Тренин Д., Чжао Хуашен. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М., 2008.

Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995.

Савин И.С. Казаки в Казахстане // Бюллетень. № 3 (14).

Савин И.С. Казахстан. Демографическая ситуация (1995–1996) // Бюллетень. 1997. Август. С. 47–48.

Савин И., Алексеенко А. Проблемы эмиграции в Южном Казахстане // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 113–118.

Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 123–130.

Савкович Е.В. Уйгурская проблема в рамках ШОС // Сайт <http://www.c-asia.org/analit/index.php?cont=long&id=5962&year2006&today=13&month=01>.

Сайфулин Р.Ш. Центрально-азиатская интеграция: сложный путь от деклараций к реалиям // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 21–28.

Салимзода М. Некоторые характеристики Исламского движения Узбекистана (2001–2007 гг.) // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 148–152.

Сидоров О. Исламский фактор во внутривнутриполитической стабильности государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 1 (49). С. 15–24.

Ситнянский Г.Ю. Аскар Акаев – первый президент Киргизии // Азия и Африка сегодня. 1996. № 1. С. 4–10.

Ситнянский Г.Ю. Докуда доведет киргизов язык? // <http://www.fondsk.ru/article.php?id=746> (ФСК, 23 мая 2007 г.).

Ситнянский Г.Ю. Евразийские скотоводы перед выбором. Проблемы модернизации традиционного скотоводства киргизов // Этнос и среда обитания. М., 2009. Т. 1. С. 259–280.

Ситнянский Г.Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и противодействие им (на примере Киргизии) // Расы и народы. М., 2001. Вып. 27. С. 240–253.

Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrghyznews (17 марта 2008). Сайт: <http://www.kyrghyznews.kg/news/real/16058>.

Ситнянский Г.Ю. Крест или полумесяц: Киргизия перед выбором веры // Центральная Азия. 1998. № 2. С. 73–79.

Ситнянский Г.Ю. Новый старший брат? // АПН.kz. 2006. 27 апр. Сайт: <http://www.apn.kz/authors/author502.html>.

Ситнянский Г.Ю. Откуда исходит угроза единству России // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 36–39.

Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 198. М., 2007.

Ситнянский Г.Ю. Причины киргизского кризиса – переселение народов // <http://www.compromat.kg> (7 января 2007 г.).

Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. 1996. № 3. С. 161–170.

Ситнянский Г.Ю. Россия, США и Китай в Средней Азии // Аналитические записки. 2005. Сентябрь. С. 35–52.

Ситнянский Г.Ю. Сарыбагыши: конец полуторавековой гегемонии? // <http://www.ia-centr.ru/public.details.php?id=649> (Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 15 июня 2007 г.)

Ситнянский Г.Ю. Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность. М., 1998.

Ситнянский Г.Ю. Славянское население Таласской долины: настроения и политические симпатии // Человек в многонациональном обществе: этничность и право. М., 1994. С. 92–106.

Ситнянский Г.Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в Горной Киргизии // Этнограф. обозрение. 1993. № 1. С. 37–51.

Ситнянский Г.Ю. Тринадцатый миф о Центральной Азии / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 148. М., 2002.

Ситнянский Г.Ю. Хозяйственный год современного киргизского животноводства // Этнограф. обозрение. 1997. № 5. С. 76–88.

Слинкин М.Ф. Национальный вопрос в Афганистане: прошлое и настоящее (историко-политический анализ) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 267–282.

Собянин А.Д. Актуальные вопросы национальной безопасности Киргизии // Профи. 1999. № 11. С. 15–20.

Современная миграция населения России. М., 1993.

Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998.

Соколов В.В., Куц Г.А. Мировое овцеводство. Ижевск, 1994.

Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. 1990. 18 сент.

Социальные тенденции Кыргызской Республики. Вып. 2. Бишкек, 2007.

Средняя Азия: Справочник. М., 1992.

СССР: Статистический справочник. М., 1982.

Степанов Г. Возможна ли в Киргизии «оранжевая революция» // Известия. 2005. 21–24 февр.

Степанов Е.И. Введение в конфликтологию национальных отношений // Социальные конфликты. М., 1992. Вып. 2. С. 6–7.

Степанов Е.И. Ориентиры этноконфликтологического мониторинга // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 225.

Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация... Бишкек, 2009. С. 187–195.

Столповский О.А. Потенциал влияния Ирана на развитие ситуации в Афганистане // ШОС как фактор интеграции... Бишкек, 2009. С. 123–129.

Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995.

Судьин А.В. Киргизское село: аккультурация и приверженность национальной культурной традиции // Этносоциальные процессы в Кыргызстане. М., 1994. С. 17–31.

Сушкова Ю. Маркус Мюллер: границы исчезают // Моя столица – новости. 2007. 2 нояб.

Суюмбаев М.Н. Проблемы идентичности, пределов целесообразности интеграции и неоднородности ее процесса // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Бишкек, 2007. С. 43–49.

США ищут союза с Россией для нанесения ударов по бен Ладену // Вечерний Бишкек. 2000. 23 ноября.

Табышалиев С., Табышалиева А.С. Исхак Раззаков. Бишкек, 1995.

Таксанов А.А. Узбекские реформы: огурцы за дарма) // Сайт http://zhurnal.lib.ru/t/taksanov_a_a/277.shtml.

Тарасов С. Особый район Китая – Синьцзян-Уйгурский... газовый синдром // ФК-Новости. 2009. 8 июля. Сайт <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=4005&matID=218981>.

Тастанова А. Сказав «А», надо говорить «Б» // Дело №... 2000. 29 нояб.

Тихонов Т. За Уралом – в Сибири // Русский вестник. 1897. № 4, 7.

Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М., 1989.

Тишков В.А. Россия – это нация наций // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78 (март-апрель).

Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Акаева // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3 (39). С. 16–27.

Токомбаева А.Т. Основные проблемы национальной безопасности Кыргызской Республики на современном этапе // Россия – Кыргызстан: на пути к интеграции. Т. 1. М., 2006. С. 94–102.

Толстов С.П. Из предыстории Руси // Сов. этнография. 1947. Вып. 6–7.

Тощенко Ж. О статусе русского языка и о государственном суверенитете // Независимая газета. 1994. 1 дек.

Трофимов Д.А. Центральная Азия. М., 1994.

Троянкина Л.Д. Русские в Таджикистане: глаза очевидца – взгляд изнутри // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. М., 1993. С. 401–402.

Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 59–76.

Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Мир России – Евразия. М., 1995.

Тульский М. Истинное лицо демографической катастрофы // Независимая газета. 2001. 19 июля.

Туркмены (оппозиционный сборник, издающийся в Москве). М., 1995. Март-июнь.

Ульянов В. Точка невозврата уже близка // Земляки. Приложение к «Социальной защите». 2007. № 8. С. 34–36.

Устюгов Б. Туркменская пасха // Gundogar. 2004. 20 февраля.

Фатими А. Роль Ирана в развитии и перестройке Афганистана // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек; Душанбе, 2006. С. 263–266.

Фельгенгауэр П. Россия и единый исламский Афганистан // Сегодня. 1996. 28 сент.

Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. М.; Усть-Каменогорск, 1992.

Филиппов В.Р. Отвергнутые государством мигранты становятся новой политической силой // Известия. 1998. 2 сент.

Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира. М., 2008.

Халк Маслахаты. Ашгабат, 1993.

Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 10.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества (г. Санкт-Петербург, июнь 2002 г.) // Основные документы и материалы Шанхайской организации сотрудничества. М., 2005.

Хасанова Г. В Таджикистане, который полностью зависит от помощи Москвы, скоро не останется ни одного русского // Известия. 1994. 6 мая.

Хлюпин В.Н. Геополитический треугольник Казахстан – Китай – Россия. М.; Вашингтон, 1999.

Хопёрская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1997.

Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на юге России. Ростов н/Д, 2005.

Центральноазиатские страницы. Информационные связи по Узбекистану. Вып. 3–5. М., 1995.

- Цымбурский В. Россия: линии разлома // Стратегический журнал. 2005. № 1. С. 133–142.
- Чвырь Л.А. Локальные группы среднеазиатских таджиков (научная и народная точка зрения) // Этнокогнитология. Вып. 2. М., 1996.
- Чериков С. Беспроцентный ислам // Слово Кыргызстана в пятницу. 2007. 30 нояб.
- Чериков С. И от родичей не спрятаться, не скрыться... // Дело №... 2007. 14 нояб.
- Чернявская Э. Охота за бен Ладеном? И мы участвуем? // Слово Кыргызстана. 2000. 28 нояб.
- Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. М., 2005.
- Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии: В поисках парадигмы. М., 2001.
- Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
- Шерьязданова К.Б. Настоящее и перспективы ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. М., 2007. С. 92–101.
- Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнограф. обозрение. 2006. № 3. С. 8–21.
- ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Бишкек, 2009.
- Шпак В. Остров стабильности // Сегодня. 1997. 23 июля.
- Шпрингер Р. Национальная проблема. СПб., 1909.
- Эльянов А. Перестройка народнохозяйственных отношений // Азия и Африка сегодня. 1997. № 11. С. 31–36.
- Языковед, каких во всем СНГ нет // Вечерний Бишкек. 2007. 2 нояб.
- Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.
- Akiner Sh. Violence in Andijan, 13 May 2005 // Silk Road Paper. July 2005. Сайт <http://www.silkroadstudies.org/new/inside/publications/0507Akiner.pdf>.
- Buschkov V.I., Sitnjanskij G.Ju. Russen und Russensprachige in Zentralasien. Sonderveroffentlichung. 1997. Februar.
- Dao Changking. Fighting for free another Chinese province // Taipei Times. 1999. October 17.
- Dostam takes up new post in Afghan government // Daily Times (Kabul). 2005. April 20.

Eckstein H. The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions // Sage Professional Papers in Comparative Politics. № 01–017. Beverley Hills, 1971.

Edgar A.L. The Creation of Soviet Turkmenistan, 1924–1938. Berkeley, 1999. P. 2–20.

Edgar A.L. Genealogy, Class and «Tribal Policy» in Soviet Turkmenistan, 1924–1934 // Slavic Review. 2001. Vol. 60. № 2. P. 266–288.

Emmett E. The Trial of Nations // Сайт: <http://www.ughuramerican.org>. 1999. February 3.

Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975.

Gill B., Oserman M. China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests: a Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. Wash., 2003.

Gladney D.C. Responses to Chinese Rule // Xinjiang: China's Muslim Borderland. N.Y.: Sharpe, 2004.

Islamov B.A. Migration of Population in Independent States of Central Asia. Osaka, 1998.

Kaufman N. Nation-Building on the Cheap. A Conversation with Ali Jalali // The Washington Post. 2006. May 27.

Krader L. Peoples of Central Asia. Bloomington; Hague, 1963.

Rotschild J. Ethnopolitics. A Conceptional Framework. N.Y., 1981.

Smith A. National Identity. L., 1991.

**Список работ автора, использованных в монографии,
но не цитируемых**

Водные ресурсы Средней Азии и Россия // Фонд Стратегической культуры. 2008. 12 июля. Сайт: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1481>.

Для чего нужны российские пограничники в Киргизстане // <http://fondsk.ru/article.php?id=761> (30 мая 2007 г.).

Доисламский фундаментализм. Станет ли Туркменбаши Богом живым на Земле? // Пайхас. 2006. 10 апреля. Сайт: <http://www.turkmeny.blogspot.com>.

«Казахский Пьемонт» // www.fondsk.ru/articlelist.php?author_id=30 (Фонд Стратегической культуры, 21 октября 2007 г.).

О параллелизме политического развития Киргизии и РФ // Tazar. 1 ноября 2007 г. Сайт: <http://www.tazar.kg/news.php&l=6743>.

Проект Кулова: конфедерация Киргизстана и РФ // <http://fondsk.ru/article.php?id=677> (Фонд Стратегической культуры, 17 июня 2007 г.).

Россия – Казахстан – Киргизстан: интеграция электроэнергетики // Фонд стратегической культуры. 29 октября 2008 г. Сайт <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1713>.

Среднеазиатский радикальный ислам: устремленность на север // http://www.fondsk.ru/articlelist.php&author_id=30 (ФСК. 5 июля 2007 г.); см. также: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20077/1021.htm> (Единое отечество. 10 июля 2007 г.).

Таджикская «отдушина». Массовое переселение в Россию оседлых мусульман – узбеков и таджиков // Сайт <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1252815920>.

Туркменистан, «оттепель» по Бердымухаммедову // www.fondsk.ru/articlelist.php?author_id=30 (Фонд Стратегической культуры, 17 января 2008 г.).

Узбекские гастарбайтеры и исламские радикалы // <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1073> (Фонд стратегической культуры, 18 ноября 2007 г.).

ИСТОЧНИКИ

Большая Советская энциклопедия. 2-е изд.
Большая Советская энциклопедия. 3-е изд.
Казахская Советская энциклопедия (на каз. яз.).
Киргизская Советская энциклопедия (на кирг. яз.).
Советская историческая энциклопедия.
Таджикская Советская энциклопедия (на тадж. яз.).
Туркменская Советская энциклопедия (на туркм. яз.).
Узбекская Советская энциклопедия (на узб. яз.).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Аргументы и факты
Вестник Европы
Вечерняя Алма-Ата
Голос Туркменбаши (Туркмения)
Дело № ... (Киргизстан)
Деловая неделя (Казахстан)
Известия
Красная Звезда
Казахстанская правда
Караван (Казахстан)
Комсомольская правда
Коммерсантъ-Daily
Литературная газета
Московский комсомолец
Московские новости
Моя столица – Новости (Киргизстан)
Независимая газета
с приложениями:
 НГ-Политэкономика
 НГ-Регионы
 Содружество НГ
Общая газета
Правда
Правда-5
Русская мысль
Сегодня

Советы Казахстана
Слово Кыргызстана (до 1991 г. – Советская Киргизия)
Социально-политическая ситуация в постсоветском мире
Helsinki Watch Report

ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ

Википедия, сайт <http://ru.wikipedia.org>.
Информагентство «Фергана.ру» 2009–2011.
Сайт <http://www.fergananews.com/>

БИОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ЛИДЕРОВ

Казахстан

АБДЖАПАРОВ Абдумуталип родился в 1950 г. в Араванском р-не Ошской обл. (Киргизия). Очевидно, принадлежит к Старшему жузу. В 1991–2001 гг. занимал руководящие должности в Министерстве образования и науки РК и при канцелярии премьер-министра, с 2001 г. ректор Восточно-Казахстанского университета.

АБДИКАРИМОВ Исатай родился в 1923 г. под Жаныкурганом Кызыл-Ординской обл. В 1940 г. окончил Чимкентский сельхозтехникум. Принимал участие в Великой Отечественной войне. В 1948–1955 гг. на партийной, советской, комсомольской работе. В 1951 г. окончил Кызылординский пединститут. С 1955 г. первый секретарь Чиилинского, с 1965 г. Жалагашского райкомов. В 1978–1980 гг. член бюро ЦК.

АБДИЛЬДИН Серикболсын Абдильбаевич родился в 1937 г. в пос. Кызыл-Кесек Аксуатского р-на Семипалатинской обл. (Средний жуз). Коммунист (с апреля 1996 г. – первый секретарь ЦК КП Казахстана). В 1991–1999 гг. спикер парламента Казахстана, в декабре 1999 г. проиграл выборы на этот пост Ж.А.Туякбаю (см.). На президентских выборах 10 января 1999 г. занял второе место (11,7% голосов).

АБДЫКАЛЫКОВ Мухамеджан родился в 1907 г. в Акмолинском уезде. После окончания в 1932 г. педагогического института им. Абая занимался научной работой. С 1933 г. работал в ЦК комсомола, потом в обкоме партии. С 1938 г. – нарком просвещения. С 1941 г. председатель Алма-Атинского горисполкома. В 1947–1967 гг. директор Института истории партии.

АБИЛЬСИИТОВ Галым родился в 1940 г. на разъезде № 35 Акмолинской обл. (Средний жуз). Жена русская. Окончил МГУ. Физик, доктор технических наук. В 1992–1994 гг. министр науки и новых технологий, в 1994 г.

одновременно вице-премьер. С 1997 г. в оппозиции (председатель демократической партии Азамат), зимой 1998–1999 гг. находился под арестом за проведение несанкционированного пикетирования парламента.

АЛДАБЕРГЕНОВ Нурмолда (1906–1967) родился в с. Шубар под Талды-Курганом. Был сельским активистом. В 1927–1930 гг. принимал участие в строительстве Турксиба. В 1934 г. бригадир, в 1935 г. – председатель колхоза. В 1942–1945 гг. принимал участие в Великой Отечественной войне. В 1945–1967 гг. председатель трех колхозов поочередно. В 1958–1967 гг. член Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

АЛИМЖАНОВ Ануарбек Турлыбекович родился в 1930 г. в с. Шубар Талды-Курганской обл. В 1954 г. окончил факультет журналистики Казахского университета. В 1970–1974 гг. член Президиума Верховного Совета республики. Осенью 1991 г. избран председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

АРЫКОВА Нагима Идрисовна (1902–1956) родилась в Верном. В 1919–1922 гг. работала учительницей в Верном и Семипалатинске. После окончания в 1923 г. совпартшколы работала в Семиреченском губкоме. В 1924 г. окончила курсы в Оренбурге. С 1925 г. в бюро Казахского крайкома. С 1928 г. председатель Казахского отдела Верховного суда РСФСР. В 1930 г. поступила на курсы марксизма-ленинизма в Москве. С 1932 г. член бюро Западно-Казахстанского обкома. В 1937–1938 гг. нарком. Не сообщается (в Казахской Советской энциклопедии), где провела 1938–1956 гг.

АСКАРОВ Асанбай родился в 1922 г. в с. Мерке под Джамбулом. С 1939 г. – завуч школы. В 1941–1946 гг. в армии, потом – первый секретарь Меркенского райкома, затем – Джамбульского обкома комсомола. После окончания в 1954 г. ВПШ первый секретарь последовательно нескольких райкомов. С 1958 г. председатель Джамбульского облисполкома. С 1959 г. первый секретарь Джамбульского, с 1965 г. – Алма-Атинского, а с 1978 г. – Чимкентского обкомов.

АСФЕНДИАРОВ Санжар Жагыпарович родился в 1889 г. в Ташкенте. После окончания в 1907 г. реального училища направлен в военную Академию в Санкт-Петербурге. В 1917 г. член советов в Бухаре, Ташкенте. В

1919 г. нарком водно-земельных дел Туркестанской республики. В 1921–1922 гг. на руководящей работе в Москве. В 1923–1924 гг. член Среднеазиатского бюро ЦК, с 1925 г. – секретарь его. С 1927 г. в Москве. В 1928 г. ректор Казахского пединститута. С 1931 нарком социального обеспечения. В 1933–1938 гг. постпред Казахской АССР (с 1936 – Казахской ССР) в Москве. В 1938 г. репрессирован.

АСЫЛБЕКОВ Абдулла Эбдирахманович родился в 1896 г. на р. Нуре под Карагандой. В 1917 г. депутат Акмолинского совета. В 1918–1921 гг. в Красной Армии. В 1921 г. начальник политотдела Казахстанского ЦИКА, потом секретарь Киргизского обкома. В 1923 г. в Тимирязевской Академии. С 1926 г. председатель Кустанайского окружкома. С 1928 г. секретарь Казахстанского ЦИКа. В 1938 г. репрессирован.

АТАНИЯЗОВ Мырзакул родился в 1899 г. в Мугуджарской волости Актюбинского уезда. Окончил учительскую семинарию. С 1918 г. на советской работе в Актюбинском уезде. С 1922 г. член Киробкома. В 1923–1924 гг. на курсах в Москве, после чего с 1925 г. помощник прокурора республики, потом председатель Верховного Суда. С 1927 г. на работе в обкомах и исполкомах Семипалатинском, Акмолинском, Кзыл-Ординском, потом – в ЦК. С 1932 г. председатель комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции. В 1938 г. репрессирован.

АУЕЛЬБЕКОВ Еркин Нуржанович родился в 1930 г. в с. Фрунзе Рузавского р-на Кокчетавской обл. С 1953 директор МТС, потом директор совхоза. С 1961 г. первый заместитель, потом председатель Северо-Казахстанского облисполкома. С 1965 г. заместитель, потом министр сельского хозяйства и хлебопродуктов. С 1968 г. первый секретарь Кокчетавского, с 1978 г. – Тургайского, с 1985 г. – Кзыл-Ординского обкомов.

АУХАЗИЕВ Кенес Мустаханович родился в 1938 г. в с. Мукры Кировского р-на Талды-Курганской обл. С 1962 г. на комсомольской работе. С 1968 г. первый секретарь Алма-Атинского обкома комсомола, с 1969 г. секретарь ЦК комсомола. С 1971 г. первый секретарь Советского райкома в Алма-Ате. С 1975 г. председатель Алма-Атинского облисполкома, с 1978 г. первый секретарь обкома.

АУЭЗОВ Мухтар Омарханович (1897–1961) родился под Семипалатинском. Начал писать после окончания в 1917 г. Семипалатинской учительской семинарии. С 1921 г. член Семипалатинского губкома и губисполкома. В 1928 г. окончил Ленинградский университет, в 1930 г. аспирантуру в Ташкенте. В 1930–1933 гг. в заключении как «буржуазный националист». В 1937 г. из-за преследований НКВД вынужден уехать в Москву, вернулся в Алма-Ату с началом Великой Отечественной войны. Работал в Институте языка, литературы и истории, профессор, академик. В 1952 г. вновь подвергся преследованиям, в 1954–1955 гг. полностью реабилитирован.

АХМЕТСАФИН Уфа Мендыбаевич родился в 1912 г. под Петропавловском. С 1940 г. работал в отделении гидрогеологии АН республики. В 1947 г. защитил докторскую диссертацию. С 1948 г. заведующий кафедрой геологии Казахского политехнического института. С 1951 г. член-корреспондент, с 1954 г. академик. В 1955–1959 гг. член Президиума Верховного Совета.

АШИМБАЕВ Туймебай родился в 1916 г. в Чуйской долине, восточнее Джамбула. Экономист по образованию. Работал в Институте экономики АН республики. С 1970 г. член-корреспондент АН республики. В 1981–1984 гг. председатель республиканского совета профсоюзов.

АШИМОВ Байкен родился в 1917 г. под Кокчетавом. В 1938–1945 гг. в армии, затем на советской и партийной работе. В 1957 г. окончил Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии. С 1961 г. на советской и партийной работе в Карагандинской, а с 1968 г. – в Талды-Курганской областях. В 1970–1984 гг. председатель Совета Министров Казахской ССР.

БАИШЕВ Сактаган родился в 1909 г. под Актюбинском. В 1937 г. окончил Институт марксизма-ленинизма в Алма-Ате. Потом работал там же, а затем редактором «Советского Казахстана». В 1941–1945 гг. принимал участие в Великой Отечественной войне. С 1946 г. директор Института партийной истории. В 1956–1968 гг. вице-президент Академии наук.

БАЙГАШЕВ Ракым родился в 1912 г. в Тайпакском р-не под Уральском. В 1937 г. окончил металлургический институт в Москве, после чего работал

по специальности в Павлодарской, Акмолинской, Новосибирской областях. В 1942–1945 гг. принимал участие в Великой Отечественной войне. С 1946 г. на руководящей работе на производстве в Карагандинской обл. С 1949 г. первый секретарь Темиртауского горкома. С 1951 г. заведующий отделом, потом секретарь Карагандинского обкома, в 1955–1957 гг. заместитель председателя Госкомстата республики. С 1960 г. заместитель председателя Совета Министров и председатель совнархоза республики. В 1962–1965 гг. первый секретарь Алма-Атинского обкома, одновременно в 1962–1964 гг. – секретарь ЦК.

БАЙЖАСАРОВ Булат Зейнуллатович родился в 1955 г. в Караганде (Средний жуз). Окончил Карагандинскую высшую школу МВД, генерал-майор милиции (1998). В 1995–2001 гг. заместитель министра МВД, с января 2001 г. начальник УВД Мангистауской обл.

БАЙКЕНОВ Нурлы родился в 1915 г. в с. Ахмет Тобольской губ. С 1940 г. в армии. Принимал участие в Великой Отечественной войне. В 1946 г. направлен на политработу в Туркестанский округ. С 1958 г. начальник политотдела республиканского военкомата. С 1960 г. республиканский военком. В 1962 г. присвоено звание генерал-майора.

БАЙМЕНОВ Алихан Мухамедьевич родился в 1959 г. в пос. Карсакай Джезказганской обл. (Средний жуз). Инженер-механик по образованию, занимался научной работой, с 1994 по 2001 гг. на ряде руководящих должностей в Алма-Ате (на министерских постах, в Администрации Президента и т.д.). С 2001 г. член политсовета ОО «Демократический выбор Казахстана».

БЕЙСЕБАЕВ Масимхан родился в 1908 г. в Каскеленском р-не под Верным (название Алма-Аты до 1921 г.). Номенклатурную карьеру начал в 1931 г. в одном из наркоматов республики. В 1933 г. стал директором техникума. С 1936 г. работает в Алма-Атинском обкоме. В 1941–1942 гг. в армии, потом на советской и партийной работе в Алма-Ате, Акмолинске, Кокчетаве. С 1964 по 1970 гг. председатель Совета Министров республики.

БЕКТУРГАНОВ Хасан Шаяхметович родился в 1922 г. в районе Мамлютки, под Петропавловском. С 1939 г. работал в райфинотделе. Участво-

вал в Великой Отечественной войне. С 1945 г. начальник политотдела Кустанайского областного военкомата. С 1946 г. заведующий отделом райкома, потом Кустанайского обкома. В 1950–1952 гг. заведующий отделом, потом второй секретарь Кокчетавского обкома. С 1959 г. первый секретарь Актюбинского обкома, с 1964 г. председатель облисполкома. С 1966 г. первый секретарь Кызыл-Ординского, а с 1972 г. – Джамбульского обкома.

БУЛЬТРИКОВА Балжан родилась в 1912 г. в с. Касык близ Джамбула. В 1941 г. окончила пединститут им. Абая, затем Казахский пединститут. Работала в школе. С 1949 г. председатель республиканского комитета по школам. С 1955 г. министр просвещения. С 1967 г. заместитель председателя Совета Министров. С 1971 г. снова министр просвещения.

ДАМИТОВ Базар Кабдошевич родился в 1944 г. в с. Коктерек Восточно-Казахстанской обл. (Средний жуз). Инженер-физик, научный работник. В 1983–1986 гг. и с 1991 г. на руководящей работе в Министерстве просвещения, в аппарате Президента и др. до марта 2000 г., после этого – ректор Западно-Казахстанского университета.

ДАУЛЕНОВ Сакен родился в 1907 г. в Уильском уезде под Актюбинском. После окончания в 1933 г. Института экономики в Ташкенте направлен на советскую работу в Таджикистан председателем Джиргатальского райисполкома (район с преимущественно киргизским населением). С 1934 г. на советской и партийной работе в Алма-Ате. Очевидно, его как-то коснулись сталинские репрессии: в 1939–1944 гг. он был всего лишь директором совхоза почему-то в Башкирской АССР. Но уже в 1945 г. он председатель Северо-Казахстанского облисполкома. В 1954 г. назначен министром водного хозяйства, в 1961–1963 гг. возглавлял правительство республики. Затем был на руководящей работе в Джамбуле, а с 1966 г. снова в Алма-Ате.

ДЖАКИШЕВ Мухтар Еркинович родился в 1963 г. в г. Алма-Ата (Старший жуз). Инженер-физик. С 1992 г. на руководящих постах в крупных коммерческих предприятиях в Караганде и других городах Центрального Казахстана. В 2001–2002 гг. вице-министр энергетики и минеральных ресурсов, затем президент НАК «Казатомпром».

ДЖАНГИЛЬДИН Алибий Тогжанович (1884–1953) родился в местности Койдауль Тургайской обл. В 1905–1906 гг. окончил Казанскую учительскую семинарию и Московскую духовную академию. В 1908–1913 гг. в эмиграции. В 1917 г. чрезвычайный военный комиссар Тургайской обл., а в 1918 г. – Казахстанского края. В 1919 г. заместитель председателя ревкома по управлению краем. С 1920 г. заместитель председателя Казахского ЦИКа. С 1938 г. – член, а с 1951 г. заместитель председателя Президиума Верховного Совета.

ДЖАНДИЛДИН Нурымбек родился в 1918 г. под Карагандой. В 1941–1943 гг. был заведующим отделом райкома, затем на других должностях. С 1949 г. преподаватель республиканской партшколы. С 1955 г. работал в Академии наук республики. С 1956 г. директор Института истории партии. С 1957 г. секретарь ЦК. С 1965 г. ректор пединститута.

ДОСОВ Эбилькаир Искакович родился в 1899 г. под Омском. В 1916 г. окончил Омский русско-туземный пансионат. В 1917 г. член Омского ревтрибунала. С 1920 г. инспектор Западно-Сибирского политуправления, член Сиббюро ЦК, секретарь Казахской секции. С 1922 г. председатель Семипалатинского, Туркестанского, Уральского облисполкомов. С 1926 г. на руководящей работе в Алма-Ате. В 1930–1937 гг. первый и второй секретарь ряда обкомов: Восточно-Казахстанского, Северо-Казахстанского, Актюбинского). В 1938 г. репрессирован.

ЕГИЗБАЕВ Косай Аликулович родился в 1928 г. в с. Гродеково под Джамбулом. В 1949 г. окончил Ташкентский институт инженеров транспорта. Работал на Турксибе (под Джамбулом). В 1955–1960 гг. секретарь, с 1961 г. первый секретарь ЦК комсомола, затем первый секретарь Гурьевского обкома. С 1968 г. председатель республиканского совета профсоюзов.

ЕРМАГАМБЕТОВА Шекер родилась в 1903 г. в Жалагашском р-не под Кызыл-Ордой. В 1932 г. окончила Кызыл-Ординскую совпартшколу, работала в колхозе, потом заведующей отделом Нуринского райисполкома, директором Нуринского детдома. С 1935 г. заведующая отделом Южно-Казахстанского обкома, затем председатель Казалинского райисполкома, первый секретарь Жаныкурганского райкома. С 1938 г. заместитель пред-

седателя Президиума Верховного Совета. В 1955–1959 гг. председатель комиссии Президиума Верховного Совета.

ЕСЕНОВ Шахмардан родился в 1927 г. в с. Тартогай Чиилинского р-на Кзыл-Ординской обл. После окончания в 1949 г. института работал геологом в Джезказгане. С 1960 г. заместитель, потом министр геологии. С 1965 г. заместитель председателя Совета Министров. С 1967 г. Президент Академии наук. С 1974 г. министр геологии.

ЖАНЫБЕКОВ Шангерей родился в 1924 г. в Орджоникидзевском р-не Кустанайской обл. В 1942 г. окончил Казахстанский медицинский техникум, потом находился в армии. С 1947 г. в Кустанайском райкоме, с 1949 г. в обкоме. С 1958 г. второй секретарь Рудненского горкома. С 1976 г. заместитель председателя Совета Министров.

ЖИЕНБАЕВ Султан Сулейманович родился в 1921 г. в Алма-Ате. В 1941–1944 гг. принимал участие в Великой Отечественной войне, на фронт пошел из института; затем работал на Турксибе. С 1953 г. на работе в министерстве легкой промышленности. С 1954 г. заведующий отделом Алма-Атинского горкома. С 1960 г. заведующий отделом ЦК. С 1962 г. министр торговли. В 1970–1982 гг. заместитель председателя Совета Министров.

ЖУНУСБЕКОВ Бакытжан Шолпанбаевич родился в 1960 г. в с. Узунбулак Алма-Атинской обл. (Старший жуз). Окончил Высшую школу МВД. С 1996 г. работает в налоговой полиции (1997 – полковник), в том числе в 2000–2001 гг. и.о. ее начальника в Павлодарской обл.

ЖУРМУХАМЕДОВ Мукатай (1917–1973) родился в Тургайской обл. После окончания в 1941 г. Среднеазиатского университета принимал участие в Великой Отечественной войне. С 1946 г. на комсомольской и партийной работе. С 1950 г. первый секретарь райкома в Чимкентской области. В 1962–1971 гг. первый заместитель и председатель Джамбульского облисполкома, с 1971 г. первый секретарь обкома. С 1972 г. на пенсии.

ЗАКАРИН А.З. родился в 1908 г. в Жангельдинском уезде Тургайской обл. После окончания в 1937 г. механико-математического факультета МГУ преподавал в Казахском педагогическом институте. В 1941–1946 гг. в

армии, потом снова на научной работе. В 1953–1955 и 1961–1970 гг. ректор Казахского университета. В 1955 г. министр просвещения. В 1958–1961 гг. председатель Совета Министров. В 1963–1967 гг. председатель Верховного Совета.

ИДРИСОВ Ерлан Абильфаизович родился в 1959 г. в г. Каркаралинске Карагандинской обл. (Средний жуз). Окончил МГИМО (1981) и Дипломатическую Академию МИД СССР (1992). В 1997–1999 гг. зам. министра иностранных дел Казахстана, в 1999–2002 гг. – министр иностранных дел, с января 2002 г. снова первый заместитель.

ИКСАНОВ Мустахым Билалович родился в 1926 г. под Уральском. В 1945 г. окончил Алма-Атинский техникум, в 1952 г. – гидротехнический факультет Казахского сельскохозяйственного института. После этого работал по специальности и на комсомольской работе в Алма-Ате. С 1958 г. начальник Бетпак-Далинского ирригационного треста. С 1961 г. работал в Чимкентской обл. – по специальности и секретарем райкома. С 1963 г. первый секретарь Кызыл-Ординского обкома, с 1966 г. – заместитель председателя Совета Министров. С 1970 г. – секретарь Джамбульского обкома. В 1971–1973 гг. секретарь ЦК.

ИМАШЕВ Берик Мажитович родился в 1960 г. в Алма-Ате (Старший жуз). Юрист по образованию (МГУ, 1982). До 1992 г. на работе в прокуратуре, потом в налоговой полиции, прокуратуре, Госкомимуществе и в частных адвокатских конторах. В 1999–2001 гг. зам. председателя, затем член коллегии адвокатов г. Астаны.

ИСАЕВ Ораз Жанызакович родился в 1899 г. под Лбищенском (близ Уральска). В 1919–1924 гг. находился на руководящей работе в уезде, потом в губернии. С 1924 г. в рабоче-крестьянской инспекции Казахской АССР. С 1925 г. второй секретарь Казахского крайкома. С 1929 г. – председатель Совнаркома Казахской АССР. В 1938 г. репрессирован.

КАДЫРБЕКОВ Габит Анабаевич родился в 1906 г. в Акмоле. С 1920 г. на советской работе в Акмолинской и Омской областях. В 1929 г. окончил рабфак в Омске. В 1936 г. окончил Московский институт инженеров транспорта. Работал в Чимкентском и Алма-Атинском обкомах. С 1938 г. – пред-

седатель Центральноказахстанского облисполкома. В 1941–1952 гг. – секретарь ЦК по транспорту. С 1953 г. первый заместитель, потом председатель Актюбинского облисполкома. В 1960–1970 гг. в ЦК, курирует легкую промышленность.

КАЖЕГЕЛЬДИН Акежан Магжанович родился в 1952 г. в с. Георгиевка Семипалатинской обл. Жена русская. По образованию учитель истории. Работал в органах КГБ, а после 1978 г. – на партийно-хозяйственной работе. В 1992–1996 гг. председатель Совета предпринимателей при президенте. В 1994–1997 гг. премьер-министр. С 1998 г. в оппозиции (председатель Республиканской народной партии Казахстана, с 2001 г. – член Совета объединенной демократической партии). На выборах президента 17 января 1999 г. не зарегистрирован как участник. С 1999 г. в розыске по обвинению в коррупции. В 2001 г. заочно приговорен к 10 годам лишения свободы. В 2000 г. предлагал России акцентировать свое внимание в странах СНГ не на борьбу за права «русскоязычных», а на борьбу за права человека вообще и использовать эту борьбу как инструмент для интеграции стран СНГ.

КАЗЫБЕКОВ Мустафа Тулепович родился в 1904 г. в г. Туркестан. С 1918 г. начал трудовую деятельность рабочим на железной дороге. В 1926 г. окончил факультет журналистики Среднеазиатского университета. Работал в Туркестанском и Акмолинском уездах. С 1930 г. на Турксибе. В 1934 г. окончил Новосибирский институт инженеров транспорта, работал на железных дорогах. С 1947 г. в министерстве железных дорог. С 1950 г. начальник Турксиба. С 1954 г. начальник Казтрансстроя.

КАРЖАУБАЕВ Габдулла Шалкарович родился в 1904 г. под Атбасаром, близ Акмолинска. В 1924–1934 гг. на низовой партработе в Акмолинской, Карагандинской, Чимкентской областях. В 1936 г. окончил Свердловский гидрогеодезический техникум, работал в тресте «Карагандауголь». В 1940–1952 гг. в ЦК, где «дорос» до третьего секретаря. В 1951–1955 гг. – член Президиума Верховного Совета. С 1952 г. первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома. С 1955 г. председатель Алма-Атинского облисполкома. С 1957 г. секретарь Президиума Верховного Совета. С 1962 г. председатель комиссии Совета Министров. С 1964 г. на работе в министерстве горнодобывающей промышленности. С 1972 г. пенсионер.

КАРИБЖАНОВ Фазыл (1912–1960) родился под Щербакулем (Омская обл.). В 1938 г. окончил Сибирский сельскохозяйственный институт, после чего работал по специальности в Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях. В 1941–1945 гг. работал в Северо-Казахстанском обкоме, в ЦК. С 1946 г. второй секретарь Карагандинского обкома, затем председатель облисполкома. С 1951 г. заведующий отделом ЦК, потом министр сельского хозяйства. С 1954 г. секретарь, с 1958 г. второй секретарь ЦК.

КАРИМБАЕВ Даниял родился в 1909 г. в с. Каркаралы близ Караганды. С 1933 г. в армии. Начал свою карьеру в 1935–1938 гг. в должности председателя райисполкома сначала в Кустанайской, а потом в Тургайской областях. В 1938 г. стал председателем Кустанайского, а в 1945 г. – Павлодарского облисполкома. В 1947 г. стал председателем Президиума Верховного Совета республики, каковым и оставался до 1954 г. После смерти Сталина был понижен в должности, в 1954–1961 гг. был председателем Северо-Казахстанского, а потом Чимкентского облисполкомов.

КЕТЕБАЕВ Камалбай родился в 1929 г. в Жалагашском р-не Кызыл-Ординской обл. После окончания в 1953 г. Московского экономического института работал в министерстве финансов Казахстана. С 1963 г. – председатель Карагандинского совнархоза. В 1965–1967 гг. и с 1974 г. – министр финансов. В 1967–1974 гг. заместитель председателя Совета Министров.

КОЗЫБАЕВ Оразалы Абилович родился в 1924 г. в Кустанайской обл. Карьеру начал в 1947 г. в Кустанайском обкоме комсомола. В 1950 г. окончил Кустанайский пединститут. С 1951 г. заведующий отделом Кустанайского обкома комсомола. С 1955 г. председатель Затобольского райисполкома. С 1959 г. первый секретарь Амангельдинского райкома. С 1962 г. – председатель Амангельдинского, затем Аркалыкского совнархозов. С 1965 г. первый секретарь Аркалыкского райкома, с 1967 г. второй секретарь Кустанайского обкома. С 1975 г. председатель Актюбинского облисполкома.

КОСПАНОВ Шапет родился в 1914 г. под Петропавловском. В 1936 г. окончил зооветеринарный техникум в Алма-Ате, работал по специальности. С 1947 г. главный зоотехник Министерства сельского хозяйства, с

1957 г. заведующий отделом животноводства этого министерства. С 1959 г. второй секретарь Кустанайского, с 1961 г. первый секретарь Уральского обкомов. В 1975–1978 гг. – секретарь ЦК.

КУБАШЕВ Сагидолла родился в 1927 г. в с. Елтай Есболинского р-на Гурьевской обл. После окончания в 1949 г. Алма-Атинского педтехникума работал главным зоотехником Гурьевской обл. С 1953 г. председатель колхоза. В 1960–1963 и 1965–1966 гг. председатель Гурьевского облисполкома, а в 1963–1965 гг. первый секретарь обкома. С 1966 г. председатель Актюбинского облисполкома. С 1975 г. заместитель председателя Совета Министров.

КУНАЕВ Аскар Минлиахмедович родился в 1929 г. в Алма-Ате. В 1951 г. окончил Московский институт стали и сплавов. С 1953 г. работал в Институте металлургии и обогащения. С 1972 г. вице-президент, с 1974 г. президент Академии наук.

КУНАЕВ Динмухамед Ахмедович родился в 1912 г. в г. Верный. В 1936 г. окончил Московский институт цветных металлов. С 1939 г. работает на объединении «Алтайполиметалл». В 1942 г. стал заместителем председателя совнаркома республики. В 1952 г. избран Президентом АН Казахстана. В 1955–1960 и 1962–1964 гг. председатель Совета Министров, а в 1960–1962 и 1964–1986 гг. первый секретарь ЦК республиканской компартии.

КУРАМЫСОВ Измукан Мукашевич (1896–1941) родился в Акбулакском уезде Актюбинской обл. С 1919 г. работал в своем уездном совете. В 1924 г. – ответственный секретарь Казахского обкома. С 1925 г. на редакторской работе в Алма-Ате. В 1930–1933 гг. секретарь ЦК. В 1934–1937 гг. первый секретарь Западно-Казахстанского обкома, потом на руководящей работе в Алма-Ате. Из текста Казахской Советской энциклопедии не вполне понятно, где провел последние годы жизни.

КУСАИНОВ Сакен родился в 1917 г. под Атбасаром, близ Акмолинска. В 1939 г. окончил Щучинский металлургический техникум, работал в тресте «Каззолото», участвовал в Великой Отечественной войне. С 1949 г. на работе в Акмолинской обл., партийной и по специальности. С 1958 г. пер-

вый секретарь Шортандинского райкома, затем председатель райисполкома, секретарь Целиноградского обкома. В 1963–1971 гг. председатель ряда областных советов (Чимкентского и пр.), затем первый секретарь Тургайского обкома.

МАКУЛБЕКОВ Нурлан Азимханович родился в 1955 г. в Алма-Ате. Инженер-металлург. С 1988 г. на руководящей работе в «Казалмаззолоте» (с 1993 г. – «Алтыналмас»), с 1995 г. президент ОАО «Алтыналмас».

МАМБЕЕВ Сабыр Абдрасилович родился в 1928 г. в с. Абайбазар под Чимкентом. Художник. Окончил Ленинградское художественное училище им. Репина. В 1956–1962 гг. и с 1968 г. председатель Союза художников. В 1979–1984 гг. заместитель председателя Президиума Верховного Совета.

МАМЕШТЕГИ Садуакас Халыксоветулы родился в 1969 г. в г. Каратау Джамбульской обл. Окончил МВТУ им. Баумана, в 1994–1997 гг. работал в КБ «Астана холдинг-банк».

МУКАНОВ Сабит родился в 1900 г. под Петропавловском. В 1918–1919 гг. окончил учительские курсы в Омске, после чего находился на советской, партийной, военной и чекистской работе. В 1922–1926 гг. учился на рабфаке в Оренбурге. Потом работал в республиканской газете. С 1928 по 1933 гг. окончил филологический факультет Ленинградского университета, затем до 1935 г. учился в Институте красной профессуры. Потом работал редактором в Алма-Ате. С 1937 г. профессор Казахского пединститута. С 1943 г. председатель Союза писателей. С 1954 г. член-корреспондент Академии наук. В 1957–1961 гг. член Президиума Верховного Совета.

МУКАШЕВ Саламат родился в 1927 г. в Гурьеве. С 1947 г. был на комсомольской работе в Мунае и Доссоре. В 1949 г. поступил в Харьковскую школу ВЦСПС, после окончания которой (1951) подвизался на партийной работе на различных должностях в Гурьеве. В 1954 г. стал председателем Гурьевского облисполкома, в 1961–1970 гг. был секретарем различных райкомов в Гурьевской обл., после чего в 1970 г. возглавил Гурьевский же обком. В 1985–1987 гг. председатель Президиума Верховного Совета.

МУСТАФИН Габиден родился в 1902 г. под Карагандой. Писатель. Начал трудовую деятельность в 1925 г. рабочим в Кызыл-Орде. С 1930 г. работал в Караганде в редакции газеты. В 1953–1957, 1961–1964 гг. председатель Союза писателей республики. В 1954–1958 гг. член Президиума Верховного Совета. С 1958 г. – член-корреспондент Академии наук республики.

МЫНБАЕВ Жалау родился в 1892 г. в Адаевском уезде Мангышлакской губ. В 1918 г. был председателем Адаевского совета, а затем – Мангышлакского ревкома. В 1923 г. возглавил Уральский губисполком (аналог позднейшего областного Совета). В 1925 г. стал председателем КазЦИКа. Однако уже в 1927 г. был понижен в должности до председателя Гурьевского окрисполкома. В 1929 г. умер (как – неясно).

МЫРЗАГАЛИЕВ Мухаммед-Кафи родился в 1887 г. в Уральской губ. В 1905 г. окончил реальное училище в Саратове. В 1914–1917 гг. работал агрономом в Самарской губ. В 1919 г. стал членом Уральского ревкома, а в 1920 г. членом Киргизского бюро, затем перешел на работу в органы НКВД. С 1921 г. на работе в различных руководящих органах Киргизской АССР. В 1922–1923 гг. учился в Москве. В 1926–1929 гг. занимал должность наркома (министра) земледелия. С 1930 г. работал в Наркомате земледелия РСФСР (в состав которой Казахстан до 1936 г. входил на правах автономии). В 1941 г. умер (как – неясно).

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич родился в 1940 г. в с. Чемолган Каскеленского р-на Алма-Атинской обл. В 1960 г. окончил Днепродзержинское техническое училище, потом – завод-втуз при Карагандинском металлургическом комбинате. С 1969 г. на партийной работе, где за десять лет проделал карьеру до секретаря ЦК (1979). В марте 1984 г. стал председателем Совета Министров республики. В июне 1989 г. избран первым секретарем ЦК. В 1990 г. стал Президентом Казахстана, а 15 декабря 1991 г. избран на этот пост всенародно. 30 августа 1995 г. всенародный референдум продлил полномочия Назарбаева как Президента до 2000 г., но 17 января 1999 г. прошли «досрочные» выборы Президента, которые Назарбаев опять выиграл.

НИЯЗБЕКОВ Сабыр Билалович родился в 1912 г. в Ишимской волости Акмолинского уезда. Карьеру начал с 16 лет секретарем Акмолинского облисполкома. В 1930 г. поступил в Уральскую совпартшколу, после окончания которой работал в 1931–1932 гг. секретарем Нуринайского райкома комсомола Акмолинской обл. В 1933–1937 гг. работал в Семипалатинской и Акмолинской областях, а в 1938–1941 гг. и 1943 г. – в Карагандинской обл. В 1943 г. поступил в ВПШ в Москве, после окончания которой в 1945 г. стал секретарем Кустанайского обкома. Затем работал первым секретарем Западно-Казахстанского (1956), Целиноградского, Восточно-Казахстанского (1963) обкомов. В 1965–1978 гг. был председателем Президиума Верховного Совета.

НИЯЗОВА Мубина Ибрагимовна родилась в 1895 г. в с. Ганюшкино под Тенгизом (Гурьевская обл.). В 1912 г. окончила Астраханскую женскую гимназию. Принимала участие в гражданской войне, потом находилась на партработе в Астрахани. С 1925 г. Уральский губернский прокурор. С 1928 г. член Верховного Суда Казахстана. С 1932 г. в Чимкентском облисполкоме. С 1934 г. директор республиканской фельдшерско-акушерской школы. С 1944 г. в Алма-Атинском облисполкоме, потом на пенсии. В 1966–1969 гг. – член Президиума Верховного Совета.

НУРМАКОВ Нигмат родился в 1895 г. в Каркаралинском уезде. В 1918 г. стал секретарем уездного совета. В 1919–1920 гг. находился на партийной и советской работе в Семипалатинской губ., потом стал членом КазЦИКа. В 1921 г. возглавил революционный трибунал республики, а в 1924 г. – отдел агитации и пропаганды ЦК; в 1929–1937 гг. был председателем КазЦИКа. В 1937 г. репрессирован.

НУРМУХАММЕДОВ Касем родился в 1900 г. в Державинске Тургайской обл. В 1920–1921 гг. после окончания учительских курсов в Атбасаре работал заведующим казахской секцией Атбасарского комитета. В 1930 г. окончил Тимирязевскую академию в Москве, был директором института. В 1932–1936 гг. заместитель наркома. В 1938 г. репрессирован.

НУРПЕИСОВ Садык (1904–1945) родился в ауле № 2 под Кустанаем. Окончил 2 класса русско-туземной школы. В 1920–1922 гг. работал в райкомах Кустанайского уезда и Челябинской обл. С 1922 г. заведующий от-

делом райисполкома в Кустанайской обл., с 1924 г. на той же должности в Кустанайском губкоме, затем в республиканском ЦК. В 1929 г. направлен на курсы партийной учебы. С 1931 г. второй, потом первый секретарь Джамбульского и Карагандинского обкомов. С 1934 г. второй секретарь ЦК. С 1938 г. в аппарате Президиума Верховного Совета.

НУРПЕИСОВ С.С. (сын Садыка Нурпеисова) – писатель. Член Президиума Верховного Совета в 1966–1970 гг.

РЫСКУЛОВ Турар родился в 1894 г. в с. Чыгыш Талгарской волости (Семиречье). В 1910–1914 гг. учился в русско-туземной школе в Пишпеке. В 1917–1918 гг. председатель Аулие-Атинского совета, затем нарком здравоохранения Туркестанской республики. В 1920 г. председатель Туркестанского ЦИКа. В 1920–1921 гг. работал в Азербайджане, потом на различных должностях в Ташкенте. В 1924–1926 гг. представитель Коминтерна в Монголии, в дальнейшем на вторых ролях (редактор и т.д.). В 1938 г. репрессирован.

САДВАКАСОВ Жанайдар родился в 1898 г. под Карагандой. После окончания в 1919 г. Омской гимназии работал в Акмолинском областном народном суде. В 1920 г. председатель Акмолинского облисполкома, потом – Актюбинского облревкома. В 1922 г. ответственный секретарь Киргизского обкома. С 1924 г. председатель Адаевского уездного ревкома. С 1925 г. нарком финансов. С 1926 г. председатель Сырдарьинского облисполкома. С 1928 г. прокурор республики. В 1929–1934 гг. на ответственной работе в ЦК. С 1936 г. заместитель председателя Совнаркома. С 1937 г. первый секретарь Актюбинского обкома. В 1938 г. репрессирован.

САМАТОВ Мухтар родился в 1894 г. в с. Баянаул Павлодарского уезда. Окончил училище в Омске. В 1917 г. примкнул к алаш-ордынцам (сторонники казахской автономии), а в 1919 г. перешел к большевикам. С апреля по сентябрь 1920 г. возглавлял Каркаралинский уездный исполком. Затем стал наркомом продовольствия Киргизской АССР. В 1924–1925 гг. занимал должность председателя Совнаркома республики. В дальнейшем находился на другой руководящей работе. В 1938 г. репрессирован.

САФАРБЕКОВ Садык Жунусович родился в 1902 г. в Жаныкургане (на Сырдарье). В 1919 г. окончил курсы в Ташкенте. В 1920–1922 гг. секретарь Семиреченского обкома комсомола. С 1923 г. председатель Семиреченского областного союза «Кошчи». В 1924 г. направлен на учебу в Коммунистический университет в Москве. В 1925–1927 гг. первый секретарь Чимкентского, потом Петропавловского губкомов. В 1928–1929 гг. заведующий отделом ЦК. С 1930 г. председатель Акмолинского окружного исполкома. В 1932–1937 гг. первый и второй секретарь ряда обкомов (Восточно-Казахстанского, Кзыл-Ординского, Гурьевского, Уральского и др.). В 1938 г. репрессирован.

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович родился в 1936 г. в Алма-Ате. В 1959 г. окончил географический факультет Казахстанского Университета, а в 1961 г. Московский литературный институт. В 1962 г. главный редактор «Казахфильма». С 1971 г. секретарь правления Союза писателей. В 1979–1984 гг. член Президиума Верховного Совета республики. В 1989–1991 гг. народный депутат СССР (избран от общественной организации – Союза писателей Казахстана).

ТАЖИБАЕВ Абдулла родился в 1909 г. в Перовске (Кзыл-Орда). Акын. В 1932–1934 гг. после окончания Казахстанского пединститута работал в Карсакбайской газете. Затем секретарь, а с 1939 г. председатель Союза писателей. С 1945 г. начальник Джамбульского отделения Института языка, литературы и истории. В 1962–1966 гг. член Президиума Верховного Совета. В 1970 г. доктор филологических наук.

ТАЖИБАЕВ Телеген (1910–1964) родился в ауле № 10 под Арысью (Чимкентская обл.). В 1928 г. окончил Чимкентский педагогический техникум, в 1935 г. Московскую Коммунистическую Академию. С 1938 г. доцент Казахского пединститута. С 1940 г. нарком просвещения. С 1942 г. заместитель председателя Совнаркома (с 1946 – Совета Министров), а с 1944 г. также министр иностранных дел. С 1957 г. на дипломатической работе. С 1961 г. профессор Казахского пединститута.

ТАЖИБАЕВА Патжайын родилась в 1920 г. в с. Каракия под Лянгаром (Чимкентская обл.). В 1942 г. окончила Ташкентский университет. В 1960 г. доктор наук, заведующая отделом литологии геологического института. В

1962–1966 гг. заместитель председателя Президиума Верховного Совета. С 1967 г. член-корреспондент Академии наук.

ТАЖИЕВ Ибрагим (1904–1960) родился в Теренозекке под Кызыл-Ордой. До 1920 г. воспитывался в Ташкентском детдоме, после чего поступил в Казахстанский институт народного хозяйства. В 1923 г. поступил в Ленинградский политехнический институт. С 1931 г. инженер «Оргэнерго» в Москве. С 1933 г. начальник Алма-Атинской электросети. С 1937 г. заместитель наркома жилищно-коммунального хозяйства. С 1940 г. начальник строительства Карагандинской ГРЭС. В 1943–1953 гг. заместитель председателя Совета Министров. С 1954 г. секретарь ЦК. В 1959–1960 гг. постпред Казахстана в Москве.

ТАКЕЖАНОВ Садык Темирбаевич родился в 1934 г. в Акмолинске. После окончания в 1956 г. Томского политехнического института работал на заводе в Усть-Каменогорске. С 1971 г. заместитель, потом министр металлургической промышленности. С 1974 г. заместитель председателя Совета Министров.

ТАКИБАЕВ Жаболы Сулейманович родился в 1919 г. в Семипалатинске. В 1942 г. окончил физический факультет Ташкентского университета. В 1957–1975 гг. директор ряда институтов. В 1958 г. – доктор наук, академик. В 1962–1972 гг. вице-президент Академии наук. В 1962–1966 гг. член Президиума Верховного Совета.

ТАШЕНЕВ Жумабек Ахмедович родился в 1915 г. в с. Бабатан под Акмолинском. С 19 лет занимался советской и партийной работой в Центрально-Казахстанской обл., где в 1944 г. стал вторым секретарем обкома, в 1947 г. заместителем председателя, а в 1948 г. председателем облисполкома. В 1952 г. возглавил Актюбинский обком. В 1954–1961 гг. был председателем Президиума Верховного Совета, а потом до 1975 г. председателем Чимкентского облисполкома.

ТАШПУЛАТОВА Саодат Азатовна родилась в 1970 г. в Алма-Ате. Инженер-экономист (Московский ин-т прикладной биологии, 1991). В 1993–1998 гг. на руководящих должностях в ЗАО «Астана-холдинг», затем в «Темирбанке» и ЗАО «Integras Central Asia».

ТОКТАМЫСОВ Салимгирей родился в 1914 г. в с. Алкау под Кустанаем. С 1941 г. второй секретарь Урицкого, с 1943 г. первый секретарь Амангельдинского райкома, с 1945 г. второй секретарь Кустанайского обкома. С 1949 г. председатель Семипалатинского облисполкома. В 1950 г. окончил ВПШ. С 1954 г. первый секретарь Уральского обкома. С 1956 г. председатель Республиканского совета профсоюзов. С 1961 г. первый секретарь Кызыл-Ординского обкома. С 1967 г. председатель Джамбульского облисполкома. С 1975 г. на пенсии.

ТУРСУННУСОВ Калаубек Кудайбергенович родился в 1934 г. в с. Шарболат Ленинского р-на Чимкентской обл. В 1957 г. окончил Кызыл-Ординский пединститут, работал по специальности. С 1959 г. первый секретарь Чимкентского обкома комсомола, с 1966 г. секретарь ЦК комсомола. С 1969 г. председатель комитета по печати. Писатель.

ТУЯКБАЙ Жармахан Атабайулы родился в 1947 г. в колхозе им. Энгельса Чимкентской обл. (Старший жуз). В 1990–1995 гг. Генеральный Прокурор Казахстана, затем в 1995–1997 гг. председатель Государственного Следственного Комитета, в 1997–1999 гг. главный военный прокурор РК. С 1 декабря 1999 г. спикер парламента.

ФАЗЫЛОВ Малик Сабирович родился в 1927 г. в совхозе Лермонтова Урицкого р-на Кустанайской обл. В 1950 г. окончил Московский институт народного хозяйства, а затем Казахстанскую ВПШ. С 1951 г. секретарь МИД республики. С 1956 г. лектор ЦК. С 1961 г. секретарь, с 1966 г. первый секретарь Кокчетавского обкома. С 1968 г. заведующий отделом ЦК. С 1974 г. министр иностранных дел республики. С 1976 г. посол СССР в Ма-ли.

ШАРИПОВ Ади родился в 1912 г. в с. Мариновка Семипалатинской обл. Писатель. В 1938 г. окончил Казахский пединститут. Учителем в Алма-Атинской обл., участвовал в Великой Отечественной войне (партизаном). С 1944 г. заместитель, с 1958 г. – министр просвещения. С 1963 г. министр иностранных дел и заместитель председателя Совета Министров. С 1966 г. первый секретарь Союза писателей. С 1971 г. директор литературного института. С 1973 г. доктор филологических наук.

ШАРИПОВ Исагали родился в 1905 г. в с. Долгино под Астраханью. Принадлежал не к одному из трех жузов, а к Букеевской орде. Трудовую деятельность начал с 11 лет (рыбаком), а в 1921–1924 гг. занимал должность секретаря сельского совета. После окончания в 1925 г. совпартшколы работал в губкоме комсомола, а затем партии. В 1926–1929 гг. был секретарем казахского отдела Астраханского губкома. С 1932 г. работал в Североказахстанской областной газете. В 1937 г. стал председателем Семипалатинского облисполкома. С 1939 г. работал в Алма-Ате (в частности, до 1953 г. был заместителем председателя Совета Министров). В 1961–1965 гг. был председателем Президиума Верховного Совета. В 1976 г. умер в Москве.

ШАЯХМЕТОВ Жумабай родился в 1902 г. в Щербакуле нынешней Омской обл. В 1917–1919 гг. окончил русско-туземное училище, после чего до 1921 г. работал сельским учителем. В 1921 г. стал секретарем Текинского волисполкома, с 1923 г. работал в Челкарском уездном исполкоме, а с 1925 г. в Акмолинской губ. В 1926 г. возглавил союз «Кошчи» («Земледелец») Петропавловского округа. В 1928–1938 гг. работал в органах НКВД в Петропавловске и Алма-Ате, а в 1938 г. стал секретарем ЦК. В 1946–1954 гг. возглавлял республиканскую парторганизацию. Затем был понижен в должности и до 1955 г. был первым секретарем Северо-Казахстанского обкома. В 1966 г. умер.

Киргизия

АБДУРАХМАНОВ Юсуп родился в 1904 г. в Иссык-Кульском р-не нынешней Иссык-Кульской обл. В 1916 г. окончил русско-туземную школу. В 1920–1927 гг. находился на партийной работе в Караколе, Пишпеке, Алма-Ате, Ташкенте. С 1927 г. – председатель Совнаркома республики. В 1933 г. исключен из партии за «национализм», а в 1937 г. репрессирован.

АБДЫЛДАЕВ Мыктыбек Юсупович родился в 1953 г. в с. Кара-Жыгач Аламудунского р-на Чуйской обл. В 1976 г. окончил филологический факультет КГУ, затем на комсомольской работе (до первого секретаря Иссык-Кульского обкома комсомола). В 1983–1990 гг. начальник политотдела, затем заместитель начальника Иссык-Кульского областного УВД. Попутно в 1988 г. окончил Академию МВД СССР. В 1990–1991 гг. депутат Верховного Совета Киргизской ССР. В 1991–1994 гг. начальник УВД Иссык-Кульской области. В 1994–2000 гг. заместитель главы МВД КР. С 1999 г. кандидат юридических наук. С 2001 г. на различных должностях в руководящем аппарате КР. Весной 2005 г. – и.о. главы МВД.

АЙДАРБЕКОВ Иманаалы родился в 1894 г. в Пишпекском уезде. В 1909 г. окончил техникум. В 1912 г. секретарь сельской общины. С 1918 г. председатель Пишпекского уездного исполкома, с 1920 г. – Каракольского уездного ревкома, с 1921 г. – Пишпекского уездного совета, с 1923 г. – Семиреченского земледельческого отдела, с 1924 г. – Семиреченского облревкома. В 1926 г. член правления конторы «Средняя Азия» (Ташкент). С 1931 г. член правления Киргизбанка, председатель Верховного Суда республики. В 1938 г. репрессирован.

АЙТМАТОВ Торекул родился в 1903 г. в с. Шекер Кара-Бууринского р-на нынешней Таласской обл. В 1917 г. окончил русско-туземную школу. Партийную карьеру начал в 1920–1921 гг. как член волостного ревкома. В 1921–1924 гг. учился в Московском коммунистическом институте, после чего работал заместителем, потом заведующим отделом агитации и пропаганды Киробкома ВКП(б). В 1926 г. возглавил Каракольско-Нарынский окружком, а потом Джалал-Абадский кантонный комитет ВКП(б). В 1929 г. нарком просвещения, потом председатель Центрального совета сельского хозяйства. В 1931 г. первый секретарь Араванского райкома, 1934 г. –

второй секретарь Киробкома. В 1935 г. поступил в Институт красной профессуры в Москве. В 1937 г. репрессирован.

АКАЕВ Аскар родился в 1944 г. в с. Кызыл-Байрак Кеминского р-на Чуйской обл. Сарыбагыш, потомок манапа Джантая (один из вождей племени сарыбагыш середины XIX в.) С 1961 г. начал трудовую деятельность рабочим одного из предприятий Фрунзе. В 1968 г. окончил Ленинградский политехнический институт. За 1972–1986 гг. прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой Фрунзенского политехнического института. С 1986 г. заведующий отделом науки ЦК. С 1987 г. вице-президент, с 1989 г. Президент АН республики. В октябре 1990 г. на заседании Верховного Совета избран Президентом Киргизии. В октябре 1991, декабре 1995 и октябре 2000 гг. избирался на этот пост всенародно. С февраля 1992 по май 1993 гг. одновременно являлся главой правительства. С 24 марта 2005 г., после «тюльпановой революции», в эмиграции в России.

АКАЕВА Майрам Дуйшеновна (супруга экс-президента Киргизстана) родилась в 1947 г. в с. Шумкар Таласского р-на. В 1970 г. окончила Ленинградский институт холодильной промышленности, затем аспирантуру Ленинградского Института текстильной и легкой промышленности. В 1974–1977 гг. на преподавательской работе в Ленинграде, затем во Фрунзе, в 1989–1993 гг. завкафедрой КГУ.

АКМАТОВ Казат родился в 1941 г. в с. Бостери Иссык-Кульского р-на Иссык-Кульской обл. Трудовую деятельность начал в 1958 г. механизатором в совхозе. В 1964 г. окончил Киргизский университет, до 1970 г. работал в Иссык-Кульском райкоме комсомола, «дорос» там до первого секретаря. Окончил Высшую комсомольскую школу. После армии (1972) на работе в ЦК Компартии Киргизии, «дорос» к 1983 г. до заместителя заведующего отделом. В 1983 г. из-за конфликта с Усубалиевым пришлось уйти в Гостелерадио республики. С 1986 г. секретарь правления Союза писателей. С ноября 1991 г. член Президентского совета. С 30 ноября того же года председатель Движения демократического Киргизстана, но постепенно дистанцировался от него.

АЛИЕВ Осмонкул Эгембаевич родился в 1903 г. в с. Чолон-Арык (Чуйская долина). В 1916 г. окончил русско-туземную школу, в 1917 г. поступил

в Аулие-Атинское реальное училище. В 1919 г. в Ташкенте, стал главой Ташкентской областной комсомольской организации. С 1922 г. глава Сыр-дарьинской, затем Аулие-Атинской комсомольской областной организации. С 1924 г. секретарь Киргизского обкома комсомола, затем редактор газет «Эркин Тоо» и «Коммунист». В 1927–1930 гг. учился в Коммунистическом университете в Москве. С 1935 г. первый секретарь Ошского обкома. В 1937 г. переведен во Фрунзе. В 1938 г. репрессирован.

АЛТМЫШБАЕВ Асылбек родился в 1912 г. в с. Шааба под Покровкой на Иссык-Куле. В 1942 г. окончил Киргизский пединститут, работал в ЦК. С 1948 г. заведующий кафедрой в ВПШ. С 1949 г. директор Института языка, литературы и истории. С 1950 г. вице-президент Академии наук. С 1952 г. заведующий отделом науки и культуры ЦК. С 1954 г. директор Института философии и права. В 1954–1957 и 1962–1966 гг. член Президиума Верховного Совета.

АСАНКУЛОВ Джумабек родился в 1927 г. в с. Кепер-Арык Московского р-на Чуйской обл. С 1945 г. работал учителем. В 1946 г. перешел на работу в органы госбезопасности. В 1955 г. получил военно-юридическое образование в Москве, стал работать в КГБ республики. С 1961 г. начальник Ошского областного управления КГБ. В 1966 г. заведующий отделом административных органов ЦК. С 1967 г. председатель КГБ республики. В августе 1991 г. отстранен Акаевым за поддержку ГКЧП.

АСАНОВ Дайыр родился в 1922 г. в с. Баш-Кайынды Ат-Башинского р-на Нарынской обл. В 1941 г. отправлен на фронт. В 1943 г. полковник. В 1947 г. окончил Ташкентское танковое училище, а с 1953 по 1956 г. учился в академии в Москве. В 1958–1962 гг. заведующий отделом агитации и пропаганды республиканского военкомата. С 1963 г. райвоенком в различных районах Фрунзе.

АСКАРОВ Тендик родился в 1937 г. в с. Кызыл-Озгерюш Токтогульского р-на (Кетмень-Тюбинская котловина). В 1960 г. окончил Киргизский университет, в 1963 г. – аспирантуру. Научный работник. В 1979–1984 гг. член Президиума Верховного Совета.

БАЙБУЛАТОВ Бегалы родился в 1905 г. в с. Чиркей под Пржевальском (ныне Каракол). В 1925–1928 гг. учился в совпартшколе, потом работал пропагандистом обкома. В 1934 г. поступил в Институт красной профессуры. После его окончания в 1937 г. директор Киргизского Коммунистического вуза. В 1942–1947 гг. в армии. С 1947 г. лектор ЦК, потом ректор Джалал-Абадского пединститута. В 1952–1959 гг. директор Института истории партии.

БАКИЕВ Курманбек Салиевич родился в 1949 г. в с. Масадан Сузакского р-на Джалал-Абадской обл. В 1970-х годах, после окончания Куйбышевского политехнического института, несколько лет работал на заводе им. Масленникова. В 1979 г. вернулся в Киргизию, стал старшим инженером Джалал-Абадского завода штепсельных разъемов. В 1990 г. на альтернативных выборах избран первым секретарем Кок-Янгакского горкома партии. В 1992 г. глава Тогуз-Тороуского р-на, в 1994 г. зам. главы Фонда Госимущества, затем губернатор Джалал-Абадской, а с 1997 г. – Чуйской обл. В 2001–2002 гг. – премьер-министр. 10 июля 2005 г. избран Президентом КР, 7 апреля 2010 г. свергнут, с апреля 2010 г. в эмиграции в Белоруссии.

ДУЙШЕЕВ Арстанбек родился в 1932 г. в с. Кичи-Кемин Кеминского р-на Чуйской обл. После окончания в 1954 г. Киргизского сельскохозяйственного института работал в совхозе. С 1960 г. на партийной работе. В 1968 г. секретарь ЦК. С 1971 г. первый секретарь Иссык-Кульского обкома. С 1979 г. председатель Президиума Верховного Совета. С января 1981 по 1986 г. председатель Совета Министров.

ДЫЙКАНБАЕВ Казы родился в 1913 г. в с. Талды-Суу под Тюпом (Восточное Прииссыккулье). Принадлежал к племени бугу. В 1937 г. окончил Ташкентский институт народного хозяйства. В обстановке массового уничтожения кадров в 1937–1939 гг. быстро выдвинулся, в 1941–1948 гг. занимал различные министерские посты. В 1949 г. секретарь республиканского ЦК. В 1951 г. первый секретарь Чуйского обкома. С 1958 г. председатель Совета Министров, с 1961 г. председатель Госплана.

ДЖАМАНКУЛОВА Гюльбюбю родилась в 1927 г. в Кенкольской долине на Таласе. С 1948 г. второй секретарь Кировского райкома комсомола на Таласе. С 1951 г. первый секретарь Таласского горкома, с 1952 г. секре-

тарь обкома комсомола. С 1955 г. первый секретарь ЦК комсомола. С 1958 г. заместитель министра просвещения. С 1963 г. завкафедрой Киргизского пединститута.

ДЖАМГЕРЧИНОВ Бегималы родился в 1914 г. под Сокулуком в Чуйской долине. В 1936 г. окончил Киргизский пединститут. В 1942 г. поступил в аспирантуру, после ее окончания – на научной работе. В 1950–1955 гг. директор Института языка, литературы и истории. В 1970–1974 гг. член Президиума Верховного Совета.

ДЖЕКШЕЕВ Джапар родился в 1953 г. в пос. Балыксы Иссык-Кульской обл. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. В 1989–1990 гг. возглавлял движение «Ашар» (по захвату киргизами земельных участков в городах).

ДЖУМАГУЛОВ Апас (родился в 1934 г.) в 1958 г. окончил Московский нефтяной институт. Работал геологом, затем главным инженером «Киргизнефти» в Ошской обл. С 1973 г. заведующий отделом, потом секретарь ЦК. С 1985 г. первый секретарь Иссык-Кульского обкома. В 1986–1991 и 1993 гг. – премьер.

ЖЭЭНБЕКОВ Равшан Бабырбекович родился в 1970 г. в с. Арал Манасского р-на Таласской обл. В 1992 г. окончил КГУ, на работе в МИД, в 1994–1996 гг. слушатель Дипакадемии МИД России. В 1997 г. слушатель Европейского института им. Дж. Маршалла по проблемам безопасности. С 1996 г. на работе в высших эшелонах власти (референт президента, помощник премьер-министра, помощник президента и т.д.). В 2001–2004 гг. председатель Госкомимущества КР. 13 марта проиграл во втором туре парламентских выборов, после чего был одним из лидеров «тюльпановой революции» в г. Талас.

ИМАНОВ Капар родился в 1920 г. в с. Бейшеке Кеминского р-на Чуйской обл. В 1941 г. окончил Пржевальский пединститут. С 1946 г. секретарь Аламединского, потом Кеминского, с 1950 г. – Ивановского, с 1955 г. – Кантского райкомов. В 1962–1966 гг. член Президиума Верховного Совета.

ИСАКЕЕВ Баялы Дыйканбаевич родился в 1897 г. в с. Укёк под Кочкоркой (нынешняя северная Нарынская обл.). Судя по всему, принадлежал к «элитному» племени сарыбагыш. В 1916 г. окончил русско-туземную школу в Нарыне. С 1917 г. служил на почтовой станции в Орто-Токое (недалеко от Кочкорки), постепенно «дорос» до ее начальника. В 1920 г. возглавил Кочкорский волисполком. В 1921 г. секретарь Кочкорского народного суда. В 1922 г. секретарь Нарынского уездного комитета партии. В 1923 г. поступил на учебу в коммунистический университет в Ташкенте. В 1924–1925 гг. работал в Лепсинском, потом в Каракольском уездах. В 1926 г. первый секретарь Каракольского окружкома. В 1927 г. ответственный редактор журнала «Кызыл Кыргызстан». В 1928 г. заведующий отделом Киробкома. В 1929 г. нарком земледелия. В 1930 г. секретарь Киробкома ВКП(б). С 1933 г. председатель Совнаркома Киргизии. В 1937 г. репрессирован.

ИСАНОВ Насирдин (1943–1991) родился в Наукатском (Ноокатском) р-не Ошской обл. В 1961–1966 гг. учился в Московском инженерно-строительном институте. С 1970 г. на партийной и комсомольской работе. В 1976 г. окончил Алма-Атинскую ВПШ. 1983 – министр строительства Киргизской ССР. В 1988 г. – председатель Иссык-Кульского облисполкома. В январе 1991 г. назначен главой правительства Республики Кыргызстан. 29 ноября того же года погиб в авткатастрофе.

КАРАКЕЕВ Курмангали родился в 1913 г. в с. Курменты под Тюпом (Восточное Прииссыккулье). После окончания в 1933 г. техникума работал в газете «Ленинчил жаш». В 1934–1936 гг. заведующий отделом Киргизского обкома комсомола. В 1938 г. заместитель редактора журнала «Коммунист». В 1939–1944 гг. работал в ряде обкомов заведующим отдела и секретарем. С 1946 г. редактор «Кызыл Кыргызстана». С 1949 г. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК. С 1952 г. секретарь ЦК. В 1957–1961 гг. член Президиума Верховного Совета.

КОШОЕВ Темирбек Худайбергенович родился в 1931 г. в с. Кичи-Кемин Кеминского р-на Чуйской обл. После окончания в 1957 г. Киргизского сельскохозяйственного института направлен на партрabотy. С 1966 г. председатель Ошского облисполкома, с 1978 г. – секретарь обкома. С января 1981 по 1987 г. председатель Президиума Верховного Совета.

КУЛАТОВ Тюребай родился в 1908 г. в с. Кызыл-Булак под Ноокатом (Южная Киргизия). Трудовую деятельность начал с 1926 г. шахтером. В 1932–1933 гг. председатель шахткома, с 1934 г. председатель союза угольщиков. В 1936 г. поступил в партшколу в Оше, после ее окончания в 1937 г. парторг шахты «Джал». В 1938 г. стал заместителем председателя Кызыл-Кийского горисполкома, в том же году – заместителем председателя «Киргизугля». В 1945–1978 председатель Президиума Верховного Совета республики.

КУЛМАТОВ Сатар родился в 1904 г. в с. Чон-Кемин Кеминского р-на Чуйской обл. До 1918 г. воспитывался в детском доме. С 1919 г. секретарь Пишпекской комсомольской ячейки. В 1922 г. окончил Ташкентскую партшколу, работал в Нарынском и Пишпекском уездных комитетах комсомола. С 1924 г. первый секретарь Каракольского окружкома комсомола. С 1926 г. секретарь ЦК комсомола. С 1928 г. секретарь Каракольского, потом – Таласского, Нарынского окружкомов партии. В 1937 г. нарком легкой промышленности. В 1938 г. репрессирован.

КУЛОВ Феликс Шаршинбаевич родился в 1948 г. во Фрунзе, в семье работника МВД. По происхождению – таласец (по другим данным – из Чуйской обл.). Окончил высшую школу милиции в Омске. С 1980 г. заместитель, потом начальник Таласского областного УВД. С 1987 г. первый заместитель министра внутренних дел. В 1990 г. член Президентского Совета. С июля 1991 г. министр внутренних дел. С февраля 1992 до декабря 1993 г. – вице-президент. Отстранен Акаевым как чрезмерно популярный политик. В 2000–2005 гг. отбывал тюремное наказание, освобожден 24 марта 2005 г. во время «тюльпановой революции». В 2005–2007 гг. премьер-министр. Затем лидер партии «Ар-Намыс».

МАДУМАРОВ Адахам Кимсанбаевич родился в 1965 в с. Ленинское (Куршаб) Ошской обл. В 1985–1992 гг. на работе в Министерстве печати (референт, главный редактор республиканской газеты), затем на телевидении. В 1995–2005 гг. депутат Жогорку Кенеша. 15 марта 2005 г. добился пересмотра результатов выборов в свою пользу, что стало одной из первых побед оппозиции в ходе «тюльпановой революции».

МАМБЕТОВ Болот родился в 1905 г. в с. Джер-Уй на юго-западе Прииссыккуля. В 1928 г. окончил рабфак в Оренбурге, в 1930 г. – Московский гидротехнический институт. До 1940 г. работал на различных должностях в водном хозяйстве. В 1940–1953 гг. в ЦК, потом – секретарь Фрунзенского обкома. С 1953 г. директор Института хозяйства и энергетики. С 1954 г. министр водного хозяйства. В 1961–1968 гг. председатель Совета Министров.

МАСАЛИЕВ Абсамат (1933–2004) родился в г. Кызыл-Кия Ошской обл. Окончил Московский горный институт в 1956 г., после чего работал помощником начальника участка шахты в Кызыл-Кия. С 1961 г. на партийной работе: инструктор, заведующий отделом Ошского обкома, первый секретарь горкома, заведующий отделом ЦК, председатель Фрунзенского горисполкома. С 1974 г. первый секретарь Иссык-Кульского обкома. В июне 1985 г. назначен инспектором ЦК КПСС по расследованию положения в Киргизской республиканской парторганизации. В декабре 1985 г. «избран» первым секретарем ЦК вместо отстраненного им Усубалиева. С 1989 г. также председатель Верховного Совета; совмещал эти две должности до октября 1990 г. 24 декабря 1995 г. неудачно баллотировался в президенты.

МАТУБРАИМОВ Алмамбет родился в 1952 г. в с. Кашатер Узгенского р-на Ошской обл. В 1973 г. окончил Ташкентский институт легкой промышленности, работал по специальности. С 1990 г. председатель Свердловского райисполкома г. Фрунзе. С 1991 г. первый вице-премьер. В 1995–1997 гг. председатель парламента.

ОРОЗБЕКОВ Абдыкадыр родился в 1889 г. в с. Охна под Ферганой. Участник гражданской войны. После ее окончания в 1920–1923 гг. работал последовательно председателем сельского, волостного, районного ревкомов. В 1924–1925 гг. ответственный секретарь земельного отдела Ошского окружкома. В 1926–1936 гг. возглавлял Совнарком республики. В 1938 г. репрессирован.

ОСМОНОВ Бекмамат родился в 1946 г. Сделал партийную карьеру, в 1990 г. избран депутатом Верховного Совета Киргизии, впервые заявил о себе осенью того же года, когда парламент выбирал президента, предложив свою кандидатуру. Естественно, он не прошел, поскольку его поддерживала только небольшая группа депутатов-земляков, но начало своему

участию в большой политике положил. Осмонов сошелся с радикальными «национал-демократами», не жалующими Акаева за его прорусскую, по их мнению, политику, и последние после гибели 29 ноября 1991 г. премьер-министра Н. Исанова предложили на его место Осмонова. Стать премьером не удалось, но Осмонов возглавил администрацию только что созданной Джалал-Абадской обл.

ОТУНБАЕВА Роза Исхаковна родилась в 1950 г. во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1972 г. окончила философский факультет МГУ. До 1981 г. на преподавательской работе в КГУ (до завкафедры диалектического материализма). В 1981–1986 гг. на партийной работе в г. Фрунзе, затем до 1989 г. заместитель председателя Совета Министров и глава МИД Киргизской ССР. В 1989–1991 гг. председатель Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, член Коллегии МИД СССР. В 1992–1994 гг. посол КР в Канаде, в 1997–2002 гг. – в Великобритании. В 1994–1997 гг. глава МИД КР. С 2002 г. заместитель представителя Генерального Секретаря ООН в Грузии. 9 декабря 2004 г. возглавила оппозиционное движение «Ата-Журт» («Отечество»), в апреле 2010 г. – Временное правительство КР.

РАЗЗАКОВ Исхак (1910–1979) родился в с. Хорасан Ляйлякского уезда Ферганской обл. В 1929 г. окончил Ташкентский педагогический техникум, до 1931 г. работал учителем. После окончания в 1936 г. Московского планового института до 1938 г. работал в Госплане Узбекской ССР. В 1939 г. стал заместителем председателя, потом председателем Госплана Узбекской ССР. В 1940 г. заместитель председателя Совнаркома, а с 1941 г. также нарком просвещения Узбекистана. В 1944 г. секретарь ЦК компартии Узбекистана по агитации и пропаганде. В 1945 г. переведен на работу в Киргизию на должность председателя Совета Министров республики. В 1950–1961 гг. возглавлял республиканскую парторганизацию. После отстранения от этой должности попал в опалу в Киргизии; работал в Москве, где и умер.

САДЫКОВА Сыйнат родилась в 1917 г. в с. Чымгент (запад Таласской долины). С 1944 г. заведующая женотделом Таласского райкома, постепенно «доросла» до заместителя председателя облисполкома и заведующей отделом торговли обкома. В 1953–1957 гг. член Президиума Верховного Совета. С 1954 г. председатель Кировского райисполкома (Таласская обл.).

САЛИХОВ Мурат родился в 1905 г. в с. Рабат Ляйлякского уезда Ферганской обл. (ныне Ляйлякский р-н Ошской обл.). С 1919 г. воспитывался в детском доме, в 1921 г. поступил в педагогический техникум в Коканде, в 1923 г. – в институт в Ташкенте. В 1925–1927 гг. занимал должности заведующего ряда отделов в Ошском окружкоме. В 1929 г. секретарь Узгенского, в 1930 г. – Кызыл-Кийского райкомов. В 1931–1933 гг. окончил институт марксизма-ленинизма в Ташкенте. В 1937 г. назначен председателем Совнаркома республики, но уже в 1938 г. репрессирован.

САМСАЛИЕВ Султаналы родился в 1920 г. в с. Ала-Арча под Пишпекком. С 1939 г. в армии. В 1942 г. после окончания Саратовского училища отправлен на фронт. С 1944 г. Ленинпольский райвоенком. С 1953 г. замполит полка. С 1956 г. Джалал-Абадский облвоенком. С 1958 г. республиканский военком. В 1958–1966 гг. член Президиума Верховного Совета. С 1962 г. генерал-майор.

СУЕРКУЛОВ Абды родился в 1912 г. в с. Торкеш (Кетмень-Тюбинская котловина). С 1932 г. начал номенклатурную карьеру на руководящей работе там, потом в Ошской обл. С 1941 г. председатель Джалал-Абадского облисполкома. В 1942–1944, 1946–1949 гг. секретарь ЦК (постепенно «дорос» до второго секретаря). В 1946 г. окончил ВПШ. С 1947 г. председатель Верховного Совета. С 1950 по 1959 гг. председатель Совета Министров. В 1959–1969 гг. министр торговли.

СУЮНБАЕВ Акматбек Сюттубаевич родился в 1920 г. в с. Орто-Алыш под Пишпекком. После окончания в 1938 г. финансово-экономического техникума во Фрунзе работал главным бухгалтером Нарынского финотдела. В 1939–1947 гг. в армии, потом на советско-партийной работе. С 1955 г. министр финансов. С 1960 г. председатель Ошского облисполкома, а с 1962 г. первый секретарь обкома. В 1968–1978 гг. председатель Совета Министров, затем министр коммунального хозяйства.

СЫДЫКОВ Усен родился в 1943 г. в с. Хиля Ленинского р-на Ошской обл. С 1967 г. на хозяйственной, с 1973 г. на партийно-советской работе в Ляйлякском р-не Ошской обл. С 1978 г. первый секретарь Базар-Коргонского, затем Карасуйского райкомов КП Киргизии. 1986 г. председа-

тель Агропрома Киргизской ССР. С 1990 г. первый секретарь Ошского обкома партии. В 1992 г. торговый представитель Киргизстана в Казахстане, в дальнейшем в правлении крупных агрофирм. С 1995 г. избирался депутатом Жогорку Кенеша. К марту 2005 г. был также представителем Киргизстана в Исполкоме стран – членов СНГ. С весны 2005 г. руководитель администрации президента КР.

ТАБЫШАЛИЕВ Салморбек (1928–1995) родился в с. Кызыл-Туу под Сокулуком (Чуйская долина). В 1950–1951 гг. после окончания Киргизского университета учился в аспирантуре Московского пединститута. С 1952 г. заместитель директора Института истории партии. С 1953 г. секретарь ЦК комсомола. С 1954 г. директор Института истории. С 1956 г. заведующий отделом ЦК. С 1957 г. первый секретарь Первомайского райкома г. Фрунзе. С 1959 г. директор Института истории партии. В 1960–1976 гг. ректор Киргизского университета. В 1974–1979 гг. член Президиума Верховного Совета.

ТОКОМБАЕВ Аалы родился в 1904 г. в с. Чон-Кайынды (восток Чуйской долины). В 1922–1927 гг. учился в партшколе и коммунистическом университете в Ташкенте, потом редактор «Кызыл Кыргызстана». С 1929 г. на работе в Москве, в Киргизском отделе Союзпечати. С 1931 г. главный редактор Киргосиздата. С 1934 г. председатель Союза писателей. С 1939 г. редактор «Советского Киргизстана». С 1941 г. директор Института языка, литературы и истории. В 1962–1964 гг. член Президиума Верховного Совета.

ТУРГАНАЛИЕВ Топчубек родился в 1941 г. в с. Кегермен-Сай Джалал-Абадской обл. В 1957 г. окончил музыкальное училище, в 1960 г. Институт культуры в Москве. Затем – на преподавательской работе во Фрунзе. В 1969–1972 гг. в аппарате ЦК республиканской компартии. В 1975 г. окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. До 1980 г. директор Оперного театра во Фрунзе, потом до февраля 1991 г. завкафедрой философии и парторг Фрунзенского пединститута. С 1989 г. в демократическом движении «Эркин Кыргызстан».

ТЫНЫСТАНОВ Касым родился в 1901 г. в с. Чок-Тал (северо-западное Прииссыккулье). В 1913–1914 гг. учился в Сазановской узбекской школе. В 1916 г. окончил Пржевальское русско-туземное училище. В 1924 г. окончил Ташкентский университет, стал членом Кара-Киргизской научной комиссии.

С 1925 г. редактор газеты «Эркин Тоо». С 1927 г. нарком просвещения. В 1930–1937 гг. ученый секретарь, потом директор Института культурного строительства. В 1938 г. репрессирован.

УСЕНОВ Данияр Токтогулович родился 9 марта 1960 г. в г. Фрунзе (Бишкек). Окончил Фрунзенский политехнический институт, работал по специальности, а в первой половине 1990-х годов в руководстве Чуйской обл. В 1995–2000 гг. депутат парламента. В 1995–2005 гг. успешно осуществил ряд бизнес-проектов. Основатель и лидер Народной партии Киргизстана. В революции 2005 г. активного участия не принимал, однако летом того же года стал вице-премьером. В октябре 2007 г. стал мэром Бишкека. С июля 2008 г. руководитель Фонда развития КР, с января 2009 г. глава администрации президента. 21 октября 2009 г. назначен премьер-министром.

УСУБАЛИЕВ Турдакун родился в 1919 г. в с. Кочкорка Нарынской обл. Сарыбагыш. После окончания в 1941 г. педагогического института работал учителем, с 1942 г. на партийной работе. В 1945–1955 гг. работал в ЦК КПСС, потом редактором «Советского Киргизстана». С 1956 г. заведующий отделом республиканского ЦК. С 1958 г. первый секретарь Фрунзенского горкома. С мая 1961 г. первый секретарь ЦК. В ноябре 1985 г. отстранен от должности.

ЧАНГЫШЕВ Турсунбек родился в 1942 г. в с. Тош-Булак Тянь-Шаньского р-на Нарынской обл. В 1963 г. окончил автодорожный техникум. После армии на комсомольской работе, затем парторг «Нарынгидроэнергостроя», первый секретарь Кара-Кульского (Токтогульский р-н) горкома партии. В 1980–1989 гг. заместитель, потом заведующий отделом ЦК. С 1989 г. первый секретарь Токмакского горкома. В декабре 1991 г. после гибели премьера Н. Исанова Акаев сам возглавил правительство, а Ч. стал первым вице-премьером.

ЧОТОНОВ Дуйшенкул Тезекбаевич родился в 1967 г. в с. Кызыл-Джар Советского р-на Ошской обл. В 1993 г. окончил историко-юридический факультет Ошского университета. До 1995 г. на руководящей работе в Госкомиссии по делам молодежи. В 1995 г. председатель исполнительного комитета партии «Ата-Мекен», в 1996 г. лидер партии «Новый Кыргызстан».

В 1998 г. старший консультант Жогорку Кенеша, в 2000–2005 гг. депутат от партии «Ата-Мекен». В марте 2005 г. один из организаторов беспорядков в Джалал-Абаде.

ШЕРИМКУЛОВ Медеткан родился в 1939 г. в с. Жыламыш Сокулукского р-на Чуйской обл. После окончания в 1967 г. исторического факультета Киргизского университета учился в философской аспирантуре в Москве. Работал в аппарате ЦК, ректором института физкультуры, секретарем ЦК по идеологии. В 1990–1995 гг. председатель Верховного Совета. 24 декабря 1995 г. потерпел неудачу на президентских выборах.

ШОРУКОВ Коджокан родился в 1905 г. близ Пржевальска. С 1918 г. в органах ЧК. В 1920 г. направлен на учебу в Ташкентскую партшколу, после нее работал в Семиреченском обкоме комсомола, потом в Каракольском горкоме. В 1923 г. – рабфак. В 1926 г. работает в Караколе, Нарыне, Джалал-Абаде. С 1927 г. заместитель заведующего отделом Киргизского обкома. С 1928 г. секретарь Ошского кантонального комитета. В 1929–1933 гг. постпред Киргизии в Москве. С 1934 г. нарком здравоохранения. В 1937 г. репрессирован.

Узбекистан

АЛИЕВ Гулям. Председатель Службы Национальной Безопасности. Выдвиженец Каримова; в период работы последнего первым секретарем Кашкадарьинского обкома возглавлял местное управление КГБ. С июля 1995 г. глава Спецсовета по национальным и региональным делам.

АЛМАТОВ Зокиржон родился в 1949 г. в Ташкенте. В 1971 г. после службы в армии работал в органах МВД. Служил на разных должностях в Ташкенте в областном УВД и МВД республики. С 16 сентября 1991 г. министр внутренних дел.

АХМЕДОВ Рустам родился в 1943 г. в Багдадском р-не Ферганской обл. В 1965 г. окончил Ташкентское бронетанковое училище. Служил в Польше, Прибалтике. С 1972 г. замполит батальона в Самаркандском танковом училище. С 1978 г. служит в Ташкентском бронетанковом училище. С декабря 1986 г. начальник штаба гражданской обороны Ташкентской области. 10 сентября 1991 г. назначен министром обороны Узбекистана.

АХМЕДОВА Мухтабар – ученый-геолог, оппозиционер. 22 января 1995 г. арестована по обвинению в «клевете на мэра Ташкента». Приговорена к четырем годам, но амнистирована по случаю 50-летия Победы.

АХУНБАБАЕВ Юлдаш (1885–1943) родился в кишлаке Джой-Базар близ Маргелана. В 1919–1920 гг. председатель Маргеланского союза «Кошчи» («Земледелец»). С 1924 г. член Президиума Туркестанского ЦИК, потом – член ЦИК Узбекской ССР. В 1925–1937 гг. председатель ЦИК, с 1938 г. председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

АХУНОВ Пулатжон в 1989–1991 гг. был депутатом Верховного Совета СССР. Член комиссии по расследованию августовского путча 1991 г. Председатель оппозиционного движения «Бирлик». Приговорен к 4,5 годам лишения свободы за «хулиганство» и «сопротивление милиции». Отбывал наказание в лагере «Кизил-Тепа», самом тяжелом в Узбекистане. 1 ноября 1994 г. амнистирован.

АШУРОВ Эркин – оппозиционер. Родился в 1937 г. Бывший директор чайной фабрики в Самарканде. 17 июня 1994 г. арестован в Алма-Ате вместе с М. Джураевым (см.)

БЕКДЖОН Рашид – оппозиционер, брат Мухаммада Солиха (см.). В ноябре 1994 г. арестован, в августе 1995 г. приговорен к пяти годам лишения свободы за «контрабанду».

БЕКМУХАМЕДОВ – лидер Самаркандского таджикского общества. Летом 1991 г. арестован в Самарканде и осужден «за сопротивление милиции». 8 декабря 1992 г. арестован вместе с Пулатовыми (см.) и активистом «Бирлика» Бакаевым в Алма-Ате. Санкции на их арест у узбекской прокуратуры не было, их арестовали, «чтобы не рассказывали об аресте Пулатова». Под давлением общественного мнения выпущены.

БУРИЕВ Ибрагим – оппозиционер. Бывший номенклатурный работник, в 1986–1988 гг. председатель Самаркандского облисполкома. Член правления «Бирлика». В начале 1995 г. выступил по радио «Свобода» против референдума о расширении президентских полномочий. 31 марта того же года арестован по обвинению в «нелегальном хранении наркотиков и оружия». 29 апреля выпущен под давлением мирового общественного мнения.

ДЖУМАНАЗАРОВ Матеке (1908–1966) родился в Кегейлинском р-не Каракалпакии. В 1929 г. поступил в Турткульскую совпартшколу, в 1931 г. после ее окончания чего занимал различные номенклатурные должности. 1939 г. – заместитель наркома Каракалпакской АССР, 1940 г. – инструктор Каракалпакского обкома. С 1941 г. – председатель Президиума верховного Совета Каракалпакской АССР, потом до 1960 г. – заместитель председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

ДЖУРАЕВ Мурад родился в 1950 г. В феврале 1990 г. избран мэром г. Мубарек Кашкадарьинской обл. Депутат парламента, из которого изгнан в 1993 г. как «оппозиционер», фактически – за распространение газеты «Эрк». 17 июня 1994 г. арестован в Алма-Ате узбекскими спецслужбами, 31 марта 1995 г. после следствия, которое велось с применением пыток, приговорен к 12 годам заключения (позже срок сократили до 9 лет). Группа

диссидентов, которую возглавлял Д., получила от 5 до 12 лет тюрьмы, в том числе Э. Ашуров, учитель из Мубарека Хошим Суванов, член «Эрка» в Касонском р-не Кашкадарьинской обл. Шавкат Маматов, пресс-секретарь «Эрка» Дилором Исакова.

ЗАКИР Насир родился в Намангане. Член «Бирлика» и «Адолята». В 1990 г. изгнан из театра, где работал. С 27 ноября 1993 г. по 2 ноября 1994 г. находился в тюрьме, вышел по амнистии. При освобождении от 3. требовали подписать бумагу об отказе от политической деятельности.

ИБРАГИМОВ Мирзаолим родился в 1928 г. в Фергане. Начал трудовую деятельность в 1943 г. учителем в Наманганской обл. С 1949 г. на комсомольской работе. Окончил Ферганский педагогический институт, потом Ташкентский институт народного хозяйства. Был первым секретарем ЦК комсомола, вторым секретарем Ферганского обкома, председателем обл-исполкома, первым секретарем Наманганского обкома. В 1989–1990 гг. председатель Президиума Верховного Совета.

ИКРАМОВ Акмаль родился в 1898 г. в Ташкенте. Был заместителем председателя Наманганского ревкома, секретарем Ферганского и Сырдарьинского обкомов. В 1921 г. заведующий организационным отделом, потом секретарь ЦК. В 1922 г. учился в коммунистическом университете в Москве, потом работал секретарем Ташкентского обкома. С 1925 г. секретарь, в 1929–1937 гг. первый секретарь ЦК. В 1937 г. арестован по делу «право-троцкистского центра» и расстрелян 13 марта 1938 г.

ИНОЯТОВА Василя – одна из лидеров «Бирлика». 15 мая 1994 г. арестована в Чимкенте узбекскими спецслужбами (вместе с Саидой Юлдаш-боевой), когда направлялась в Алма-Ату на конференцию по правам человека.

ИСМАТУЛЛАЕВ Шукрулла – сопредседатель «Бирлика». Преподаватель университета, уволен за оппозиционную деятельность. В 1993 г. получил ряд угроз в свой адрес. В мае 1994 г. заявил о прекращении оппозиционной деятельности, после чего восстановлен в университете.

КАРИМОВ Ислам Абдугониевич родился в 1938 г. в Самарканде. После окончания в 1960 г. Среднеазиатского политехнического института работал помощником мастера на заводе «Ташсельмаш». С 1966 г. на работе в Госплане, одновременно окончил Ташкентский институт народного хозяйства. С 1983 г. министр финансов, с 1986 г. председатель Госплана Узбекской ССР и заместитель председателя Совета Министров. С декабря 1986 г. первый секретарь Кашкадарьинского обкома. С июня 1989 г. первый секретарь ЦК. 1990, 24 марта Президент Узбекистана. 29 декабря 1991 г. избран на этот пост всенародно.

КАМАЛОВ Калаибек родился в 1926 г. в 8-м аульном совете Тахтакупырского р-на Каракалпакской АССР. С 1941 г. работал учителем. С 1947 г. секретарь Каракалпакского обкома комсомола. С 1951 г. заместитель председателя Совета Министров Каракалпакской АССР. С 1952 г. председатель Нукусского горисполкома. С 1959 г. председатель Совета Министров Каракалпакской АССР. С 1963 г. первый секретарь Каракалпакского обкома.

КАМАЛОВ Сабир родился в 1910 г. в Ташкенте. До 1929 г. рабочий. С 1930 г. секретарь Новобухарского райкома комсомола, с 1931 г. заведующий отделом Среднеазиатского крайкома комсомола, с 1933 г. секретарь Каракалпакского обкома комсомола. В 1936 г. окончил Ташкентский институт марксизма-ленинизма, после чего работал секретарем Ташлакского райкома, потом Маргеланского горкома. С 1938 г. второй секретарь Ферганского обкома. С 1939 г. нарком земледелия, потом заместитель председателя Совнаркома. С 1941 г. первый секретарь Каракалпакского, а после окончания в 1946 г. ВПШ Ферганского обкома. С 1950 г. секретарь ЦК, с 1955 г. председатель Совета Министров. В 1958–1959 гг. первый секретарь ЦК.

МАМАРАСУЛОВ Салиджан родился в 1930 г. в с. Кара-Курган Махратского р-на Андижанской обл. В 1953 г. окончил Ташкентский институт ирригации и механизации. С 1962 г. директор «Средазгипроводхоза». С 1964 г. первый заместитель, потом министр водного хозяйства. С 1977 г. заместитель председателя Совета Министров. С 1978 г. первый секретарь Андижанского обкома.

МАТКАРИМОВ Мадамин родился в 1918 г. под Янгиарыком (Хорезм). С 1938 г. агроном, с 1945 г. главный агроном района по хлопководству. С 1952 г. директор МТС. С 1957 г. первый секретарь Богайского, с 1959 г. – Янгиарыкского, с 1974 г. – Хивинского райкомов.

МАТКАРИМОВ Рамазанбек родился в 1959 г. Работал кондуктором в Андижанском депо, на общественных началах был помощником шейха А. Мирзоева (см.). В 1983 г. впервые задержан КГБ, состоял там на учете. 29 августа 1995 г. исчез вместе с Мирзоевым в Ташкентском аэропорту.

МАТЧАНОВ Назар Маткаримович родился в 1923 г. в Хиве. В 1949 г. окончил ветеринарный институт, работал по специальности в Бухарской и Наманганской областях. С 1960 г. секретарь Бухарского обкома. С 1962 г. заместитель Председателя Совета Министров. С 1965 г. первый секретарь Бухарского обкома. В 1970–1978 гг. председатель Президиума Верховного Совета.

МАХМУДОВ Насир родился в 1913 г. в Коканде. После окончания в 1931 г. педагогических курсов работал учителем в Хорезмской обл. С 1933 г. инструктор райкома там же, а с 1934 г. – в Багдадском р-не Ферганской обл. С 1935 г. заведующий отделом Шахрисабзского райисполкома. В 1936–1938 в армии, потом председатель Сурхандарьинского и Самаркандского облизполкомов, с 1943 г. первый секретарь Самаркандского обкома. В 1948–1950 и 1950–1952 гг. учился в ВПШ, в промежутках между учебой занимал должности первого секретаря Ферганского и Ташкентского обкомов. С 1953 г. директор совхоза в Бекабадском р-не Ферганской обл. С 1954 г. первый заместитель председателя Бухарского облизполкома, с 1956 г. первый секретарь Каракалпакского, с 1963 г. Сырдарьинского обкома. С 1969 г. председатель Комитета Народного контроля Узбекской ССР.

МИРЗААХМЕДОВ Мансур Зиёевич (1909–1971) родился в г. Туркестан. Трудовую деятельность начал в 1926 г. на заводе в Ташкенте. С 1931 г. заведующий отделом, первый секретарь Сталинского райкома, потом на работе в Ташкентском горкоме. С 1941 г. секретарь ЦК, с 1949 г. первый секретарь Андижанского обкома. В 1956–1958 и 1966–1971 гг. первый заместитель, в 1958–1961 гг. председатель Совета Министров, в 1961–1966 гг. министр коммунального хозяйства.

МИРЗОЕВ шейх Абдували Кори родился в 1950 г. Имам мечети Джо’ми в Андижане. 29 августа 1995 г. исчез в Ташкентском аэропорту, когда летел в Москву на международную конференцию.

МИРСАИДОВ Джамаль – лидер таджикской социально-культурной организации «Самарканд». Правительство параллельно организовало марионеточную организацию, а настоящей отказало в регистрации, хотя она и подала документы раньше.

МИРСАИДОВ Шукрулла Рахматович родился в 1939 г. в Ходженте. После окончания в 1959 г. Ташкентского финансово-экономического института – экономист плановой комиссии Ташкентского облисполкома. В это время имел связи с деятелями «теневой экономики». С 1981 г. заместитель, а с 1983 г. председатель Госплана. С декабря 1988 г. заведующий социально-экономическим отделом ЦК. С 1989 г. председатель Госплана, заместитель председателя Совета Министров. С 1990 г. премьер, затем вице-президент. В сентябре 1991 предпринял неудачную попытку свергнуть Каримова. После ликвидации 4 января 1992 г. поста вице-президента ушел в частную фирму. Эту фирму правительство хотело закрыть «за неуплату налогов». 19 августа 1992 г. под давлением сверху сложил депутатские полномочия. Сейчас – лидер оппозиции, глава Координационного совета и председатель правления «Адолята» (основал эту партию в январе 1995 г.). Суд обвинил его в превышении власти и присудил к тяжелому штрафу. Международный суд оправдал его, но его продолжают принуждать платить. В 18 апреля 1995 г. подвергся нападению. Был сфотографирован с обнаженной женщиной, избит, ему угрожали убийством, если не заплатит 10 000 \$.

МУСАХАНОВ Мирзарахман (1884–1935) родился в Фергане. В 1909 г. занялся революционной деятельностью. В 1916 г. за участие в восстании сослан в Архангельск. В 1918 г. член Кокандского исполкома, потом работник Ферганского обкома и член Кокандского мусульманского бюро. Затем работал в Ташкентском, Чимкентском, Сырдарьинском обкомах, с 1921 г. в Бухарской республике. С 1923 г. нарком внутренних дел Туркестанской республики, с 1926 г. председатель Кашкадарьинского облисполкома.

МУСАХАНОВ Мирзамахмуд Мирзарахманович родился в 1912 г. в Фергане. Сын М. Мусаханова (см.). В 1937 г. окончил Московский текстильный институт. С 1948 г. заместитель, потом министр легкой промышленности. С 1955 г. секретарь Ташкентского обкома, с 1959 г. секретарь ВЦСПС. С 1961 г. секретарь ЦК. С 1965 г. первый заместитель председателя Совета Министров. С 1970 г. первый секретарь Ташкентского обкома.

МУТАЛОВ Абдулхашим родился в 1947 г. в с. Теляу Ташкентской обл. С 1965 г. начал трудовую деятельность рабочим на Ташкентском хлебокомбинате. В 1976 г. окончил Всесоюзный институт пищевой промышленности. В 1979–1986 гг. директор хлебокомбината в Ахангаранском р-не Ташкентской обл. С 1986 г. заместитель, а с 1987 г. министр хлебопродуктов. С 1991 г. первый заместитель премьера, с 1992 г. премьер. В декабре 1995 г. отстранен от должности.

МУХАММЕД-СОДЫК родился в Ферганской долине. Окончил медресе в Бухаре, Высший исламский институт в Ташкенте, в 1980 г. – Исламский университет в Ливии. Муфтий Узбекистана. В 1989 г. награжден Каддафи высшей ливийской наградой. Враждебен Исламской Партии Возрождения как «идущей вразрез с положениями Корана», за что его в 1989–1990 гг. пытались сместить. Позже был понижен до первого заместителя муфтия.

МУХАМЕДЖАНОВ Мирзаали Валиевич родился в 1914 г. в Багдадском уезде Ферганской обл. После окончания в 1936 г. Самаркандского института народного хозяйства работал главным агрономом на Шахристанской МТС под Бухарой. С 1940 г. первый заместитель наркома государственного контроля. С 1945 – нарком внутренних дел. С 1947 г. министр совхозов. С 1950 г. директор экспериментальной базы Института народного хозяйства. С 1953 г. министр сельского хозяйства, с 1957 г. заместитель председателя Совета Министров. С 1963 г. директор Института экспериментальной биологии, в 1966 г. понижен до заведующего отделом. В 1967 г. посол СССР в Афганистане. С 1970 г. директор Среднеазиатской опытной станции. С 1972 г. посол СССР в Индии.

МУХИТДИНОВ Нуретдин Акрамович родился в 1917 г. в пригороде Ташкента. В 1935 г. окончил кооперативный техникум, после чего работал в потребкооперации Узбекистана, потом окончил торгово-экономический

институт и высшие педагогические курсы. В 1939–1945 гг. в армии. С 1946 г. лектор ЦК. С 1947 секретарь, а с 1948 г. – первый секретарь Наманганского обкома. С 1950 г. секретарь ЦК по пропаганде, потом первый секретарь Ташкентского обкома. С 1951 г. председатель Совета Министров. В 1955–1958 гг. первый секретарь ЦК.

НИШАНОВ Рафик родился в 1926 г. в Ташкентской обл. С 1944 г. на комсомольской работе в Ташкентской обл. В 1945–1950 гг. в армии. Затем работал инструктором, заведующим отделом, секретарем Октябрьского райкома в Ташкенте. С 1956 г. заведующий отделом Ташкентского горкома. С 1959 г. первый секретарь Октябрьского райкома. С 1963 г. секретарь ЦК. С 1970 г. посол СССР на Цейлоне, а с 1978 г. в Иордании. С 1985 г. министр иностранных дел республики. С декабря 1986 г. председатель Президиума Верховного Совета республики. В 1988–1989 гг. первый секретарь ЦК. В 1989–1991 гг. председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР. После распада СССР живет в Москве. Есть информация о его связях с «Бирликом».

НИЯЗОВ Амин Ирматович родился в 1903 г. в с. Ак-Тепе (Фергана). С 1919 г. работал в Ферганском уездпроме, затем с 1920 по 1930 гг. – в органах ЧК, потом в Ферганском облфинотделе. В 1930–1934 гг. учился во Всесоюзной Промышленной Академии, затем на партийно-хозяйственной работе. С 1940 г. нарком финансов республики. С 1946 г. заместитель председателя Совета Министров. С 1947 г. председатель Президиума Верховного Совета. В 1950–1955 гг. первый секретарь ЦК.

ПУЛАТОВЫ, братья Абдуманоб и Абдукарим – ташкентцы. Учились в Москве и Ленинграде. Лидеры «Бирлика». 8 декабря 1992 г. Абдуманоб арестован узбекскими спецслужбами в Бишкеке и вывезен в Ташкент. Приговорен к трем годам лишения свободы. Вскоре выпущен под давлением мирового общественного мнения. В 1993–1996 гг. находился в США, затем ему было разрешено вернуться в Узбекистан. Абдукарим в 1993 г. подвергался нападению в Москве.

РАДЖАБОВ Рахим. Бухарец. В 1992 г. госсекретарь.

РАХИМОВ Бекташ родился в 1924 г. в с. Янгиарык Нарпайского р-на Самаркандской обл. С 1941 г. работал учителем. В 1942–1945 гг. в армии, потом работал в РОНО, был председателем райисполкома. С 1952 г. преподавал в Ташкентской партшколе, затем работал в нескольких райкомах. С 1962 г. первый секретарь Хорезмского, с 1968 – Андижанского, с 1974 – Самаркандского обкомов.

РАШИДОВ Шараф родился в 1917 г. в Джизаке. С 1935 г. начал трудовую деятельность учителем. Потом окончил Самаркандский университет. Работал журналистом. В 1941–1943 гг. на фронте. С 1943 г. редактор самаркандской областной газеты, с 1944 г. секретарь обкома. С 1947 г. редактор республиканской газеты «Кизил Узбекистон». С 1950 г. председатель Президиума Верховного Совета. В 1959–1983 гг. первый секретарь ЦК. 31 октября 1983 г. умер.

САЛИМОВ Акил Умурзакович родился в 1928 г. в Ташкенте. В 1950 г. окончил Ташкентский политехнический институт, за 1954–1965 гг. сделал карьеру в этом институте, пройдя путь от ассистента до проректора. С 1965 г. заведующий отделом науки ЦК. С 1970 г. секретарь ЦК. В 1983–1986 гг. председатель Президиума Верховного Совета.

СЕРГАЗИЕВ Абылай (1896–1938) родился в Самаркандской обл. В 1918–1924 гг. был председателем Каттакурганского уездного ревкома, Самаркандского и Сырдарьинского облисполкомов. С 1924 г. нарком внутренних дел Узбекской ССР. С 1925 г. первый заместитель председателя Совнаркома. В 1928–1935 гг. первый заместитель председателя Среднеазиатского экономического совета. В 1936–1937 гг. на работе в Москве. В 1938 г. репрессирован.

СОЛИХ Мухаммед (настоящее имя – Салай МАМАДИНОВ) родился в с. Янгибазар Хорезмской обл. Журналист. С 1988 г. секретарь Союза писателей Узбекской ССР. В декабре 1991 г. на президентских выборах набрал 12,45% голосов. Находился в эмиграции в Турции. В мае 1995 г. встречался в Грозном с Дж. Дудаевым. Сын М.С. находился в террористических лагерях в Афганистане.

СУЛТАНОВ Уткир Тухтамурадович родился в 1939 г. в Ташкенте. После окончания в 1963 г. Томского политехнического института в 1964–1985 гг. работал на Ташкентском авиазаводе им. Чкалова, «дорос» до заместителя генерального директора. В 1985–1991 гг. глава НПО «Восток». С 1991 заместитель, 1992 г. – министр внешнеэкономических связей и вице-премьер. С 21 декабря 1995 г. премьер.

ТУРАНИЯЗОВА Азия – коллега Н. Худятовой (см.). Занималась экологией Каракалпакии. 11 июля 1995 г. арестована в Нукусе. Была беременна, ей принудительно сделали аборт, после чего в октябре 1995 г. выпустили.

УСМАНХОДЖАЕВ Ималджон Бузрукович родился в 1930 г. в с. Багдад Ферганской обл. После окончания в 1955 г. Ташкентского политехнического института работал в тресте «Ферганаводстрой», затем – главный архитектор г. Маргелана. С 1960 г. в Фергане, постепенно «дорос» до председателя горисполкома. С 1965 г. секретарь Сырдарьинского обкома. С 1969 г. инструктор отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. С 1972 г. председатель Наманганского облисполкома. С 1974 г. первый секретарь Андижанского обкома. С декабря 1978 г. председатель Президиума Верховного Совета. С 3 ноября 1983 г. первый секретарь ЦК. В 1988 г. отстранен от должности.

УТАЕВ Абдулла родился в Сурхандарьинской обл. Лидер Исламской Партии Возрождения. В 1992 г. посетил Саудовскую Аравию, тогда как большинство членов ИПВ ориентированы проирански и настроены против Саудовской Аравии.

ХАБИБУЛЛАЕВ Пулат Киргизбаевич родился в 1936 г. в Андижане. После окончания в 1960 г. Московского пединститута и аспирантуры работал в Ташкентском пединституте. В 1966–1970 гг. докторант в МГУ. С 1972 г. ректор Андижанского хлопкового института. С 1975 г. заведующий отделом науки ЦК. С 1978 г. директор института ядерной физики. С 1979 г. вице-президент Академии наук республики. В 1984–1987 гг. председатель Верховного Совета.

ХАЛИЛОВ Эркин Хамдамович родился в 1955 г. в Бухаре. В 1917 г. окончил Ташкентский университет, работал в КБ НПО «Кибернетика». В 1979–1990 гг. аспирант, затем сотрудник Института философии и права АН Узбекской ССР. В 1990 г. избран депутатом Верховного Совета республики.

ХОДЖАЕВ Асадулла Ашрапович родился в 1920 г. в Ташкенте. После окончания в 1942 г. Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта работал по специальности. С 1951 г. инструктор ЦК по транспорту. С 1954 г. заместитель министра автомобильного транспорта. С 1963 г. первый секретарь Самаркандского обкома, а с 1964 г. – председатель облисполкома. С 1968 г. первый секретарь Наманганского обкома, с 1973 г. – Ташкентского горкома. С 1978 г. секретарь ЦК.

ХОДЖАЕВ Жумабай Ахмедович («Жума Намангони») родился в 1969 г. в кишлаке Ходжа Наманганского р-на Наманганской обл. В 1969–1989 гг. проходил срочную службу в Афганистане. После распада СССР занялся контрабандой оружия и золота, затем стал исламским боевиком. В 1992 г. воевал в Таджикистане на стороне оппозиции. Проходил подготовку у моджахедов Афганистана, в Иране, Пакистане. Затем в Таджикистане занимался подготовкой исламских боевиков в Каратегине. В 1996 г. окончил «Академию ваххабизма» в Саудовской Аравии. В настоящее время один из лидеров узбекской исламистской оппозиции, контролирующей Джиргатальский и Таджикибадский районы Таджикистана. Активный участник попытки государственного переворота в Узбекистане в феврале 1999 г. и вторжения боевиков в Южную Киргизию в августе 1999 г. и в августе 2000 г. По одним данным, конфликтует с лидерами Объединенной Таджикской оппозиции (ОТО), по другим, находится в хороших отношениях с ними.

ХОДЖАЕВ Файзулла Убайдуллаевич родился в 1896 г. в Бухаре. В 1913 г. примыкал к «младобухарцам». С 1920 г. председатель Бухарского ревкома, в 1920–1924 гг. член правительства Бухары. С 1922 г. член Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). В 1925–1937 гг. председатель Совнаркома Узбекской ССР. В 1938 г. репрессирован.

ХУДАЙБЕРДИЕВ Нармахонмади Джураевич родился в 1928 г. С 1943 г. на комсомольской работе. В 1949 г. окончил Узбекский сельхозинститут. С 1952 г. ассистент, потом – доцент этого вуза. С 1954 г. на парт-

работе. С 1960 г. заместитель председателя Совета Министров. С 1961 г. первый секретарь Сурхандарьинского обкома. С 1962 г. секретарь ЦК. С 1965 г. министр сельского хозяйства. С февраля 1971 г. председатель Совета Министров. В 1985 г. отстранен и арестован.

ХУДОЯТОВА Надира – племянница бывшего посла Узбекистана в США Бобур Малик-огли, попросившего там политического убежища в 1993 г. 11 июля 1995 г. арестована по обвинению в контрабанде. Ее держали в тюрьме до октября; она была беременна, ей принудительно сделали аборт.

ЭРГАШЕВ Толкун родился в 1947 г. в Ташкенте. Работал в Министерстве торговли республики, в 1980-е годы занимался подпольной исламской деятельностью (подпольные медресе и др.). В августе 1989 г. открыто выступил как фундаменталист (голодовка протеста с требованием сместить Мухаммед-Содыка – см.). В 1992 г. подвергался арестам и избиениям ОМОНа, боролся против Мухаммед-Содыка, поддержанного властями. Лидер местного «Хезболлаха».

ЮЛДАШЕВ Абдували Ахмадалиевич родился в 1963 г. в Учкурганском р-не Наманганской обл. Сын одного из лидеров исламской оппозиции, арестованного весной 1999 г. в Бишкеке и переданного Киргизией Узбекистану. Имеет личный отряд из 20 чел., из них 13 узбеков (все – родственники репрессированных оппозиционеров), 5 таджиков, 2 афганца и араб. Один из активных участников вторжения в Южную Киргизию в августе 1999 и 2000 гг. Считает, что может поднять на борьбу 20 000 человек.

ЮЛДАШЕВ Тахир Абдухалилович (Тахир Юлдаш) родился в 1968 г. в г. Намангане. В 1992 г. участвовал в войне в Таджикистане на стороне оппозиции. Затем занимался подготовкой исламских боевиков-ферганцев в Афганистане и Пакистане, до 1997 г. подготовил 300 человек. Активный участник попытки государственного переворота в Узбекистане в феврале 1999 г. и вторжения боевиков в Южную Киргизию в августе 1999 г. В начале 2000-х годов захвачен в плен американцами, но освобожден.

ЮЛДАШЕВ Шавкат – ферганец, председатель Верховного Совета (1992).

ЮСУПОВ Сабирджан Мухаммедович (1881–1931) родился в Бухаре. Профессиональный революционер. В 1917 г. в советах в Ташкенте. В 1919 г. в Туркестанской комиссии, затем работал в Самарканде. В 1920 г. председатель Семиреченского ревкома. В 1920–1923 гг. на ряде ответственных должностей в Бухаре.

ЮСУПОВ Усман (1900–1966) родился в кишлаке Каптархана Ферганской обл. С 1917 г. начал номенклатурную карьеру как местный активист. С 1926 г. на работе в Ташкенте. С 1928 г. секретарь Ташкентского окружкома, с 1929 г. секретарь ЦК. С 1931 г. работал в ВЦСПС. В 1934 окончил институт марксизма-ленинизма в Москве. С 1936 г. нарком. С 1937 по 1950 гг. первый секретарь республиканского ЦК, потом министр хлопковой промышленности СССР. С 1953 г. председатель Совета Министров республики. Затем, очевидно, попал в немилость: остаток жизни – с 1955 г. – провел в должности директора ряда агроорганизаций в Янгйюле.

ЮСУПОВ Эркин родился в 1929 г. в Ташкенте. В 1951 г. окончил Ташкентский университет. С 1958 г. завкафедрой философии пединститута. С 1972 г. директор Института истории партии. С 1979 г. вице-президент Академии наук. В 1983–1984 гг. председатель Верховного Совета.

Туркмения

АЙТАКОВ Надырбай родился в 1894 г. на юге Мангышлака в семье рыбака. Начал номенклатурную карьеру в 1920 г. председателем аульного совета, потом был членом волостного ревкома. В 1921–1922 гг. член уездного исполкома, потом его председатель. С 1923 г. заместитель председателя, с января 1924 г. председатель Туркестанского ЦИКа. С ноября 1924 г. председатель ревкома, в 1925–1938 гг. председатель ЦИКа Туркменской ССР. В 1938 г. репрессирован.

АТАБАЕВ Кайынсыз Сердарович родился в 1887 г. в ауле Меане под Каахкой. В 1899–1903 гг. учился в русско-туземной школе, а в 1905–1908 гг. в Ташкентской учительской семинарии. Работал в школе, потом в банке. В 1917 г. член продовольственной комиссии Мервского уезда. В конце 1917 г. руководитель туркменской секции Мервского совета. В 1918 г. левый эсер, с 1919 г. – большевик. В июле 1919 г. руководитель мусульманской секции политотдела Закаспийского фронта. В июле 1920 г. нарком земледелия Туркестанской АССР. В 1920–1922 гг. председатель Совнаркома этой республики. В 1922–1923 гг. работал в наркомнаце СССР, а в 1923–1924 гг. в Бухаре. С октября 1924 г. член президиума ЦКК. В 1925–1937 гг. возглавлял Совнарком Туркменской ССР. В 1938 г. репрессирован.

БАБАЕВ Сухан родился в 1910 г. в с. Юзбашы под Каахкой. Из племени алили. В 1931 окончил Среднеазиатский техникум водного хозяйства, затем до 1937 г. начальник Сталинского райводхоза Марыйской обл., потом работал в облводхозе. С 1940 г. заместитель наркома водного хозяйства, с 1941 г. нарком госконтроля, одновременно заместитель председателя Совнаркома. С 1943 г. первый секретарь Чарджоуского райкома. С 1945 г. председатель Совета Министров. В январе 1956 г. стал первым секретарем ЦК.

БЕРДЫМУХАМЕДОВ Гурбангулы Мяликулиевич родился 29 июля 1957 г. в с. Бабарал Геок-Тепинского р-на Ашхабадской обл. После окончания в 1979 г. Туркменского медицинского института – на врачебной работе в Ашхабадской обл., с 1990 г. – на преподавательской в указанном институте; к 1995 г. декан стоматологического факультета. В 1995–1997 гг. директор стоматологического центра Министерства здравоохранения. С 1997 г. ми-

нистр здравоохранения, с 2001 г. – также заместитель главы правительства. После смерти С. Ниязова-Туркменбаши (21 декабря 2006 г.) стал и.о. президента. С 14 февраля 2007 г. – президент Туркменистана.

ГАПУРОВ Мухаммедназар (1922–1999) родился в с. Октябрь Чарджоуского р-на. Из племени теке, но не ахальских, а чарджоуских. В 1941 г. работал учителем, затем ушел на фронт. С 1943 г. заведующий РОНО. С 1944 г. заведующий отделом агитации и пропаганды Чарджоуского райкома. С 1947 г. секретарь Сакарского райкома, с 1948 г. первый секретарь Чарджоуского обкома комсомола, с 1951 г. секретарь ЦК комсомола. В 1954 г. заочно окончил Чарджоуский пединститут. С 1955 г. заведующий отделом агитации и пропаганды, с 1957 г. секретарь и первый секретарь Чарджоуского обкома. С 1962 г. секретарь ЦК. С 1963 г. председатель Совета Министров. В 1969–1985 гг. первый секретарь ЦК, с 1985 г. на пенсии. В независимом Туркменистане попал в опалу, о смерти Г. 13 июля 1999 г. официальные СМИ ничего не сообщали.

ИБАДУЛЛАЕВ Насрулла родился в 1947 г. в Ташаузской обл. Узбек. В 1969 г. поступил в бухарское медресе Мир-Араб, в 1975 г. переведен в Ташкентский исламский институт, а в 1978 г. отправлен во Всемирный исламский университет Аль-Азхар (Каир). С 1982 г. имам-хатиб мечети Шаликар в Ташаузе. В 1983 г. совершил хаджж в Мекку. В 1986 г. по приглашению организации «Исламский призыв» выезжал в Ливию. С 1987 г. кази Туркменистана.

КАРАЕВ Джумадурды (1910–1960) родился в с. Кемине Туркменкалинского р-на. В 1933 г. окончил техникум в Байрамали. С 1941 г. первый секретарь Тактабазарского райкома, с 1943 г. – Керкинского обкома. С 1947 г. министр сельского хозяйства. С 1952 г. первый секретарь Ташаузского обкома. В 1958–1960 гг. председатель Совета Министров.

КАРРЫЕВ Чары Союнович родился в 1932 г. в Ашхабаде. В 1955 г. окончил Московский нефтяной институт. С 1965 г. заведующий отделом нефтепромышленности ЦК. С 1974 г. первый секретарь Ашхабадского обкома. С 1976 г. секретарь ЦК. С декабря 1978 г. по 1987 г. председатель Совета Министров республики.

КЛЫЧЕВ Аннамухаммед родился в 1912 г. в Челекене. С 1934 г. начальник Челекенского порта. В 1941–1945 гг. на фронте. С 1948 г. заместитель начальника управления геологии. С 1951 г. председатель Красноводского облисполкома. После окончания в 1955 г. ВПШ – первый секретарь Челекенского райкома. С 1957 г. заведующий отделом Небит-Дагского горкома. С 1960 г. председатель Ашхабадского горисполкома. В 1963–1978 гг. председатель Президиума Верховного Совета.

КОПЕКОВ Данатар Абдыевич родился в 1933 г. в Ашхабаде. В 1954 г. окончил географический факультет Чарджоуского пединститута. Работал в школе, районо, с 1959 г. в органах госбезопасности. Был советским резидентом в Мешхеде. С 1984 г. заместитель, с 1990 г. первый заместитель председателя КГБ республики. С 25 марта 1991 г. председатель КГБ республики. С 16 апреля 1991 г. член ЦК и бюро ЦК. С сентября 1991 г. глава КНБ Туркмении, потом министр обороны.

КУЛИЕВ Абды – министр иностранных дел Туркмении в 1991–1992 гг., затем президент Туркменского фонда. В мае–июне 1994 г. имела место неудачная попытка его ареста в Москве туркменскими спецслужбами. С мая по ноябрь 1994 в туркменской и российской (с подачи Ашхабада) прессе печатались обвинения его в ряде преступлений, в том числе в вымогательстве.

КУЛИЕВ Карры родился в 1887 г. в Кизыл-Арвате. Трудовую деятельность начал в 1905 г. в депо. В 1919 г. председатель сельсовета. С 1920 г. председатель волисполкома. С 1922 г. председатель Полторацкого (Полторацк – название Ашхабада в 1919–1927 гг.) уездного исполкома. С 1924 г. ответственный секретарь Туркменского обкома. С 1925 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции. В 1929–1931 гг. учился в Коммунистической Академии в Москве, потом был уполномоченным ЦКК по Средней Азии (в Ташкенте). В 1933–1934 гг. комиссар Контрольной комиссии по Торткульской обл. С 1935 г. нарком Туркмении. В 1938 г. репрессирован.

НИЯЗОВ (ТУРКМЕНБАШИ) Сапармурад Атаевич родился в 1940 г. под Ашхабадом. Окончил Ленинградский политехнический институт. С 1967 г. мастер, затем старший мастер цеха Безмеинской ГРЭС. С 1970 г. в аппарате ЦК, с 1980 г. первый секретарь обкома, а с 1984 г. снова в ЦК. В

1985 г. занимал должность председателя Совета Министров; с декабря 1985 г. первый секретарь ЦК. С 1990 г. Президент Туркмении (позднее продлил полномочия до 2002 г., затем – пожизненно). Умер 21 декабря 2006 г.

НУРМАМЕДОВ Нурберды родился в 1943 г. под Ашхабадом. После окончания в 1970 г. транспортного факультета Ашхабадского сельхозинститута работал по специальности. В 1984–1989 гг. директор Центрального конструкторского бюро в Ашхабаде. С 1989 г. начал заниматься политикой, один из создателей оппозиционного движения «Акзыбирлик». За это его институт слили с другим, чтобы лишить его поста директора; несколько месяцев он был директором завода, потом остался без работы. 19 января 1992 г. был разогнан милицией съезд «Акзыбирлика». В мае 1992 г. Н. пытался выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах.

САРЫЕВ Аннасахат родился в 1908 г. в с. Гоч близ Кизыл-Арвата. С 1929 г. секретарь сельсовета. С 1931 г. – слесарь Кизыларватского депо. С 1934 г. на работе в редакции районной газеты. С 1941 г. инструктор обкома по агитации и пропаганде, затем заведующий отделом агитации и пропаганды Кизыл-Арватского райкома. С 1943 г. второй секретарь Ашхабадского, потом – Бахарденского райкомов. В 1949–1951 гг. окончил ВПШ, в дальнейшем – секретарь ряда райкомов.

СОЮНОВ Сапармурат – йомуд. В 1990–1993 гг. – вице-мэр г. Кизыл-Арват Красноводской обл. 25 ноября 1994 г. арестован российской ФСК вместе с М. Эсеновым (см.). Дальнейшее – см. там же.

ХАНОВ Хазреткули родился в 1948 г. в Геок-Тепинском р-не (под Ашхабадом). Религиозное образование получил у соседа-муллы. В 1988 г. избран прихожанами на должность имама мечети Яшти-Гумбас. В 1989 г. неудачно баллотировался в депутаты Верховного Совета Туркмении. Отрицательно относится к Ирану, выступает за «чистоту веры», как «при пророке и первых халифах».

ХОДЖА-МУХАММЕДОВ Дурдымурат родился в 1938 г. в Ашхабадской обл. В 1965 г. окончил Московский автомеханический институт, затем – после работы на производстве – аспирантуру в Баку (1974). Работал в Аш-

хабдском политехническом институте. В 1990 г. вышел из КПСС, работал над созданием Демократической партии Туркмении. 22 декабря 1990 г. состоялась учредительная конференция партии, а 20 октября 1991 г. съезд (в Москве).

ЭСЕНОВ Мурад – директор Туркменского фонда (Москва) и главный редактор журнала «Туркмен Или». 6 октября 1994 г. избит в Москве неизвестными лицами, у него похищен портфель с телефонами и адресами многих диссидентов. 25 ноября 1994 г. арестован в Москве ФСК по просьбе туркменских властей. Обвинен в «подготовке теракта против Ниязова» и «к свержению правительства». Освобожден под давлением общественного мнения.

ЯЗКУЛИЕВ Баллы родился в 1930 г. в с. Тезе-Ёл Ильялинского р-на Ташаузской обл. После окончания в 1949 г. Чарджоуского педагогического института работал учителем. С 1952 г. на комсомольской и партийной работе. В 1957–1960 гг. первый секретарь Ташаузского обкома, в 1962 г. окончил ВПШ при ЦК КПСС, после чего в 1962–1970 гг. был председателем ряда райисполкомов. С 1971 г. председатель Ташаузского облисполкома. С 1973 г. председатель республиканского совета профсоюзов. С 1975 г. председатель Совета Министров и одновременно министр иностранных дел Туркменской ССР. С декабря 1978 по 1987 г. – председатель Президиума Верховного Совета.

Таджикистан

АБДУГАФУР родился в пригороде Душанбе. Мулла. В 1990 г. отказался дать властям подписку о непринадлежности к какой-либо партии. В начале 1991 г. открыто призвал «вырезать всех коммунистов как раковую опухоль». В сентябре 1992 г. захватил в заложники учеников русской школы в Душанбе, чтобы добиться вывода российских войск из Таджикистана. В октябре того же года задержал офицеров из штаба Объединенных Вооруженных Сил СНГ, прилетевших в Душанбе. В декабре бежал в неизвестном направлении, потеряв всех сторонников.

АБДУЖАББОР Тохир родился в 1946 г. в Аштском р-не Ленинабадской обл. Окончил планово-экономический факультет Таджикского университета. С 1978 г. советник в Афганистане. В марте 1990 г. избран депутатом Верховного Совета республики. Лидер движения «Растохез». Летом 1992 г. совершил поездку в Иран и хаджж в Мекку. С конца 1992 г. в эмиграции.

АБДУЛЛОДЖАНОВ Абдумалик родился в 1949 г. в Ленинабаде. Его дед, ученый богослов, в 1922 г. эмигрировал в Саудовскую Аравию, нажил большое состояние, был советником короля Абдулазиза. Сейчас родственники Абдуллоджанова занимаются бизнесом в арабских странах и в Великобритании. Часть наследства деда принадлежит ему. Абдуллоджанов окончил Одесский технологический институт и Академию Народного хозяйства. В 1986 г. стал министром хлебопродуктов республики. В марте 1992 г. сделался президентом акционерной холдинговой компании «Нон» («Хлеб»). Богатейший человек Таджикистана. В ноябре 1992 г. премьер-министр набиевского правительства, размещавшегося в то время в Ходженте.

ГАФУРОВ Бободжон родился в 1909 г. в с. Исписар Ходжентского уезда. Карьеру начал в 1927 г. в Ходжентском райкоме комсомола. В 1928 г. поступил в юридическую школу в Самарканде, после окончания которой работал с 1929 г. в редакции «Красного Таджикистана». В 1931–1935 гг. учился в Москве во Всесоюзном Коммунистическом университете журналистики, затем работал редактором «Красного Таджикистана». За 1936–1940 гг. прошел номенклатурный путь от инструктора до заведующего от-

делом ЦК. С 1941 г. секретарь ЦК по пропаганде, с 1944 г. – второй, а в 1946–1956 гг. – первый секретарь ЦК. Потом – на научной работе; в 1956–1977 гг. директор Института востоковедения АН СССР в Москве.

ГОЗИ Сайид Киямеддин родился в 1953 г. в Гиссарском р-не. Возводит свой род к пророку Мухаммеду. Сын религиозного деятеля. С 1970 г. занимался подпольной исламской деятельностью. Окончил подпольное медресе в Термезе. К 1992 г. преподавал в медресе им. имама Тибризи в Душанбе. Весной 1992 г. принял командование «Народной гвардией» (исламские оппозиционные части). Представитель крайнего крыла исламистов. В конце 1992 г. бежал в Афганистан, где, по некоторым данным, сформировал отряды исламистов.

ИСАЕВ Таджиддин родился в 1904 г. в Гарме. С 1928 г. председатель Гармского райисполкома. В 1930–1932 гг. начальник колхозов Гармского округа. С 1936 г. на работе в Душанбе. С 1937 г. нарком. В 1938–1945 гг. на работе в ЦК. В 1948–1949 гг. первый секретарь Горно-Бадахшанского обкома, затем снова на работе в Душанбе.

ИСМАИЛОВ Ахмад (1901–1966) родился в Ходжентском уезде. Участвовал в борьбе с басмачами. С 1923 г. на партработе. В 1931–1934 гг. работал в Хорезме, потом в Курган-Тюбинском обкоме. С 1935 г. инструктор ЦК. В 1936–1938 гг. первый секретарь Руханского райкома. С 1940 г. на руководящей работе в Душанбе. В 1947–1959 гг. первый секретарь райкома в Сталинабаде.

ИСМАИЛОВ Ибрахим родился в 1901 г. в с. Нюти (Горный Бадахшан). В 1914–1917 гг. учился в русско-туземной школе. С 1918 г. на работе в органах ГПУ. С 1923 г. первый секретарь Ишкашимского райкома, потом Бадахшанского обкома. В 1927–1930 гг. нарком рабоче-крестьянской инспекции, потом на различных руководящих должностях в Душанбе. В 1934–1937 гг. учился в Москве, в Институте марксизма-ленинизма. С 1937 г. нарком. В 1939 г. репрессирован.

КЕНДЖАЕВ Сафарали родился в 1942 г. в пос. Айни Ленинского р-на Кулябской обл. В 1965 г. окончил юридический факультет Таджикского университета. В 1983–1989 гг. транспортный прокурор республики, затем –

заместитель прокурора Среднеазиатской железной дороги. 2 декабря 1991 г. избран председателем Верховного Совета. В сентябре 1992 г. стал одним из создателей «Народного фронта» Таджикистана.

КОМИЛОВ Ахмадшо – бывший лидер Государственного телевидения Таджикистана. В январе 1993 г. арестован в г. Ош таджикскими спецслужбами вместе с тележурналистами Хадриддином Косимовым и Хуршидом Назаровым.

ЛАТИФИ Отахон – лидер таджикской демократической оппозиции. Подвергся нападению в Москве, избит до потери сознания, у него похищены бумаги оппозиции и документы ООН и ОБСЕ по Таджикистану. Он – глава оппозиционной делегации на переговорах, председатель координационного центра таджикских демократических сил в СНГ.

МАВЛЯНБЕКОВ Ахмадбек родился в 1897 г. в Ходженте. С 1917 г. начал трудовую деятельность работой на телеграфе. В 1921 г. участвовал в борьбе с басмачами. В 1923–1924 гг. член Бухарского комитета партии. В 1925–1930 гг. на различных должностях в руководстве Узбекской ССР. С 1931 по 1933 г. учился в Институте красной профессуры. С 1934 г. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК. В 1937 г. репрессирован.

МАВЛЯНБЕКОВ Бообек (1895–1959) родился в Ходженте. Работал там до 1925 г. В 1925–1927 гг. нарком Узбекской ССР. Подвергался ли репрессиям – из текста Таджикской Советской энциклопедии неясно.

МАХКАМОВ Кахар родился в 1932 г. в с. Шайхбурхан близ Ходжента. В 1953 г. окончил Ленинградский горный институт, работал по специальности (трест «Таджикуголь» и др.). С 1961 г. председатель Ленинабадского горисполкома. С 1963 г. председатель Госплана, а с 1965 г. также и заместитель председателя Совета Министров. С 1982 г. председатель Совета Министров. В 1985–1991 гг. первый секретарь ЦК; с 1989 г. также и Президент Таджикистана. В связи с событиями сентября 1991 г. ушел в отставку.

МИРРАХИМ Мирбобо – один из лидеров «Растохеза». В 1992 г. – глава государственного телевидения Таджикистана. В январе 1993 г. арестован в Ашхабаде таджикскими спецслужбами. Без суда заключен в тюрьму

на 2 года по обвинению в «антигосударственной деятельности». В тюрьме подвергался побоям. В ноябре 1994 г. в составе 23 оппозиционеров его обменяли на 27 правительственных пленных.

МИРШАКАРОВ Мирсаид родился в 1912 г. кишлаке Синдеви Шугнанского р-на Горно-Бадахшанской АО. В 1932 г. на комсомольской работе на строительстве Вахшского канала. В 1934–1937 гг. в армии. Потом – поэт, писатель, драматург.

НАБИЕВ Рахмон родился в 1930 г. близ Ходжента. В 1954 г. окончил Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации, некоторое время работал по специальности. В 1961–1971 гг. работал в ЦК, потом – в министерстве сельского хозяйства. С 1973 г. председатель Совета Министров и одновременно министр иностранных дел республики. В 1982–1985 гг. первый секретарь ЦК. После событий сентября 1991 г. (см. ниже) стал Президентом Таджикистана. Летом 1993 г. умер (убит?).

НАЗАРОВ Талбак родился в 1938 г. в с. Кангурти Дангарского р-на Кулябской обл. По окончании в 1960 г. института в Ленинграде – на преподавательской работе. С 1972 г. проректор, с 1982 г. ректор Таджикского университета.

ПАЛЛАЕВ Гоибназар родился в 1929 г. в Оше. С 1954 г. агроном в Джиликульском р-не. С 1955 г. главный агроном Колхозабадского р-на. С 1956 г. на хозяйственно-партийной работе в Московском р-не. С 1960 г. замминистра сельского хозяйства. С 1961 г. в Аштском, потом в Ленинском районах на партийной работе. С 1973 г. начальник «Таджсельхозтехники». В 1977–1984 гг. первый секретарь Курган-Тюбинского обкома. В 1984–1989 гг. председатель Президиума Верховного Совета Таджикистана.

РАСУЛОВ Джабар (1913–1982) родился в 1913 г. в Ходженте. В 1934 г. окончил Среднеазиатский хлопковый институт. Работал агрономом. Номенклатурную карьеру начал в 1941–1945 гг. как уполномоченный по наркомату заготовок, затем нарком земледелия, нарком технических культур. С 1946 г. председатель Совета Министров. В 1955 г. назначен заместителем министра сельского хозяйства СССР. В 1958–1961 гг. секретарь, в 1961–1982 гг. первый секретарь ЦК.

РАХИМБАЕВ Абдулло родился в 1896 г. в Ходженте. В 1908 г. поступил, а в 1917 г. окончил русско-туземную школу. Номенклатурную карьеру начал в 1919 г. как член Ходжентского уездного комитета, потом был членом ЦК в Самарканде (очевидно, подпольного – в то время Таджикистан входил в состав Бухарского эмирата). С 1920 г. на руководящей работе в центральном аппарате Туркестанской Республики. В 1923–1924 гг. первый секретарь Бухарского комитета партии. В 1925–1927 гг. учился в Коммунистической академии. В 1928–1933 гг. работал в Москве, после возвращения в Таджикистан стал председателем Совнаркома. В 1937 г. репрессирован.

РАХМОНОВ Бахром родился в 1949 г. в г. Янгиюль Ташкентской обл. Дед его – суфийский шейх Абдурахмон, боролся против советской власти и эмигрировал в Лондон, где и умер. Мать и жена Бахрома Рахмонова – узбечки, не знают таджикского языка. Б.Р. окончил Академию им. Фрунзе, служил на Дальнем Востоке, дослужился до начальника тыла округа. С 1984 г. председатель ЦК ДОСААФ Таджикской ССР. 24 декабря 1991 г. назначен государственным советником по обороне, национальной безопасности и внутренним делам. В 1992 г. не подчинился приказу Набиева и не выступил на его защиту, мотивируя тем, что ему «все равно не подчинились бы». С мая по июль 1992 г. возглавлял Комитет обороны, затем Набиев отправил его в отставку. Ему угрожали расправой, и он уехал в Янгиюль. В 1994 г. арестован в Узбекистане.

САЛИБАЕВ Алиджон родился в 1949 г. в Ленинабаде. В 1971 г. окончил юридический факультет Таджикского университета. С 1974 г. на работе в органах госбезопасности. К весне 1992 г. заместитель председателя КГБ. В мае 1992 г. назначен Набиевым на пост председателя КГБ (до этого этот пост занимали русские), потом снят за независимую позицию. Осенью 1992 г. назначен на этот же пост исламистами.

САФАРОВ Сангак родился в 1927 г. Кулябец. Из 65 лет жизни до 1992 г. 27 провел в заключении. Весной 1992 г. сформировал отряды «Народного фронта» для борьбы с исламистами. В декабре того же года, после победы «Народного фронта», не занимая никаких официальных постов, фактически стал правителем страны. 30 марта 1993 г. убит.

ТУРАДЖОНЗОДА (КАХОРОВ) Ходжи Акбар родился в 1954 г. в семье суфийского ученого. Окончил бухарское медресе Мир-Араб. С 1980 г. работал в управлении мусульман Средней Азии и Казахстана. В 1982–1988 гг. учился в Амманском университете (Иордания) на факультете шариата и адата. Там познакомился с «братьями-мусульманами». После этого – казиколон Таджикистана. Дружил семьями с Р. Набиевым. Осенью 1991 г. отказался баллотироваться в президенты, поддержал Д. Худоназарова. Сторонник светского правового государства. В 1992 г. совершил поездку в Ташкент, поддержал Мухаммед-Содыка (см. в приложении, в разделе «Узбекистан»). В декабре 1992 г. находился вместе с защитниками Кафирнигана (оппозиционерами).

УЛЬДЖАБАЕВ Турсунбай родился в 1916 г. в кишлаке Курук близ Ходжента. В 1943–1947 гг. первый секретарь ЦК комсомола. В 1950 г. окончил ВПШ, после чего работал первым секретарем Сталинабадского обкома. С 1951 г. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК. С 1952 г. первый секретарь Ленинабадского обкома. С 1954 г. секретарь ЦК, с 1955 г. председатель Совета Министров. С 1956 г. первый секретарь ЦК. В 1961 г. снят за приписки и расстрелян.

УСМОН (УСМАНОВ) Давлат родился в 1957 г. в Кабадиенском р-не. Учился Корану у неофициальных мулл. Работал электриком. С конца 1970-х годов занимался подпольной исламской деятельностью. В 1989 г. окончил юридический факультет МГУ. До 1990 г. работал юрисконсультом в Душанбе. С 1991 г. заместитель председателя Исламской партии возрождения; посетил Алжир. С мая 1992 г. заместитель премьера. В декабре того же года бежал в неизвестном направлении.

ХАЛИКНАЗАРОВ Худойберды родился в 1951 г. в Хороге. После окончания факультета востоковедения Таджикского университета – на работе в Иране, Афганистане, преподавал в университете. В 1981–1987 гг. работал в Институте востоковедения АН Таджикистана. В 1987–1988 гг. в Афганистане, советник при ДОМА (афганский комсомол), потом преподаватель кафедры философии Таджикского пединститута русского языка и литературы. В мае 1992 г. назначен министром иностранных дел Таджикистана.

ХИММАТЗОДА (ХИММАТОВ) Мухаммадшариф родился в 1951 г. в Кафирнигане. С конца 1970-х годов до января 1992 г. занимался подпольной исламской деятельностью: работая механиком на заводе, потом на водонапорной станции, был неформальным муллой. Лидер Таджикского отделения Исламской партии возрождения.

ХОЛОВ Махмадулло родился в 1920 г. в с. Болошар Гармского р-на. С 1940 по 1947 гг. в армии, потом на комсомольской, с 1954 г., после окончания партшколы – на партийной работе. С марта 1963 г. до 1984 г. председатель Президиума Верховного Совета.

ХУДОНАЗАРОВ Давлатназар родился в 1944 г. в Горно-Бадахшанской АО. В 1965 г. окончил ВГИК в Москве. В июне 1990 г. председатель Союза кинематографистов республики. В ноябре 1991 г. баллотировался в президенты Таджикистана. В июне–июле 1992 г. с риском для жизни ездил по местам боев, пытаясь выступить в роли посредника.

ШОТЕМОР Шириншо родился в 1899 г. в кишлаке Паршнёв на Памире. Трудовую деятельность начал в 1919 г. рабочим Ташкенте. С 1921 по 1924 гг. председатель Памирского ревкома. В 1925–1927 гг. нарком РКИ. В 1929 г. послан на учебу в Коммунистический университет народов Востока. В 1930–1933 гг. второй секретарь ЦК республиканской компартии. С 1933 г. председатель Центрального Исполнительного Комитета Таджикской ССР. В 1937 г. репрессирован.

ЮСУФ (ЮСУПОВ) Шодмон родился в 1949 г. в Пянджском р-не Курган-Тюбинской обл. Окончил филологический факультет Саратовского университета. Преподавал в Кулябском и Душанбинском пединститутах. С 1982 г. на работе в Институте философии АН Таджикской ССР. Лидер Демократической партии Таджикистана. Сейчас в эмиграции в России.

Афганистан (таджики, узбеки)

МАСУД Ахмад Шах (1953–2001) родился в кишлаке Джангалак уезда Панджшер. Таджик. Окончил теологический лицей «Абу-Ханифия» в Кабуле, учился на инженерном факультете Кабульского университета, где стал членом организации «Мусульманская молодежь». Участвовал в заговоре 1973 г., направленном на устранение М. Дауда, после провала заговора сумел скрыться и избежать казни. После подавления восстания в июле 1975 г. эмигрировал на Ближний Восток. Принимал участие в деятельности палестинских террористических организаций. В 1977 г. примкнул к движению Исламская Организация Афганистана; после апреля 1978 г. возглавил отряды вооруженной оппозиции. За 1979–1989 гг. советским войскам так и не удалось установить контроль над районами действия отрядов Масуда.

РАББАНИ Бурхануддин родился в 1940 г. в Файзабаде, в религиозной семье. Таджик. Поступил в исламскую школу «Абу-Ханифия» в Кабуле, где в 1958 г. вступил в организацию «Братья-мусульмане». В 1959 г. получил духовный сан. В 1963 г. окончил факультет теологии и права Кабульского университета, затем преподавал там же. Был одним из руководителей организации «Братья-мусульмане» в Афганистане. В 1965–1968 гг. учился в Египте, в университете «Аль-Азхар», получил ученую степень по исламской философии. В 1973–1976 гг. руководитель организации «Братья-мусульмане». После 1974 г., подвергаясь преследованиям со стороны режима Дауда, укрывался на территориях враждебных режиму племен. Сторонник исламской республики.

ХЕКМАТИАР Гульбедин родился в 1944 г. в кишлаке Вартапур провинции Кундуз. Выходец из пуштунского племени харути. В 1971 г. окончил лицей «Имансахиб» в Кундузе. Учился на инженерном факультете Кабульского университета, в 1972 г. посажен в тюрьму за резкие высказывания о короле и правящей верхушке. Выпущен после свержения в 1973 г. монархии. В 1976 г., спасаясь от репрессий М. Дауда против исламистов, эмигрировал в Пакистан, где создал Исламскую партию Афганистана. В 1979 г. был в Иране, встречался с аятоллой Хомейни. После советского вторжения в Афганистан – один из лидеров вооруженной оппозиции. В настоящее время ведет войну против Хамида Карзая и иностранного военного при-

существования (проявляя, впрочем, готовность к диалогу в случае ухода войск НАТО).

Абдул Халид Басир сын моулави Мамада Аслама родился в 1945 г. в г. Файзабаде. Таджики. В 1965 г. окончил лицей «Памир» в Файзабаде, работал там же учителем. После апреля 1978 г. выступил инициатором вооруженной борьбы в провинции Бадахшан.

Исмаил сын Мохаммада Аслама (Исмаил хан) родился в 1947 г. в кишлаке Насрабад провинции Герат. Таджики. Окончил военное училище. До 1979 г. в звании капитана командовал батальоном 4-го арtpолка в Герате. После мартовского (1979 г.) мятежа этого полка против власти НДПА дезертировал, стал одним из лидеров моджахедов.

Саид Мансур сын Саид Мартеза («Саид Панчо») родился в провинции Парван. Таджики. После окончания лицея некоторое время был мелким торговцем, потом окончил два курса Кабульского университета. Там вступил в Исламскую партию Афганистана. В 1978 г. назначен Г. Хекматиаром главой вооруженной оппозиции в провинции Баглан. Действовал против советских войск в районе перевала Саланг.

Устад Фарид родился в 1949 г. Таджики. Окончил Кабульский университет, работал преподавателем лицея, затем директором школы. В университете сблизился с Г. Хекматиаром.

Биографии составлены по следующим источникам:

Бибикова О.П., Щенников В.Ф. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев (политический портрет) // Россия и мусульманский мир. 1995. № 11 (41). С.88–106; Большая Советская энциклопедия (2-е изд.); Википедия, сайт <http://ru.wikipedia.org>; Ежегодник Большой Советской энциклопедии; Искандаров К. Национальный фронт Афганистана и потенциал конструктивной оппозиции // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 187–197; Кажегельдин А. Правозащитная империя // Известия. 2000. 12 апр.; Казахская Советская энциклопедия; Киргизская Советская энциклопедия; Киргизский переворот. М., 2005; Кто есть кто в Казахстане. М., 2002; Куртов А.А. Туркменистан: особенности развития политического процесса // Новая Евразия. М., 1995.

№ 4. С. 5–19; Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995; Ситнянский Г.Ю. Аскар Акаев – первый президент Киргизии // Азия и Африка сегодня. 1996. № 1. С. 4–10; Советская Историческая энциклопедия; СССР: Стат. справочник. М., 1982; Средняя Азия: Справочник. М., 1992; Таджикская Советская энциклопедия; Туркменская Советская энциклопедия; Узбекская Советская энциклопедия; Газеты: Советская Киргизия (с 1991 г. – Слово Кыргызстана); Независимая газета; Правда Востока. Сайты <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6344>; <http://who-ca-news.org/people/1574>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Конфликты в Средней Азии и Казахстане: общая характеристика	22
«Цивилизационный» аспект	22
Переток с юга на север	34
Конфликт между сторонниками светского государства и исламскими радикалами	44
Глава вторая. Латентные внутриевразийские противоречия	60
Казахско-русское этническое взаимодействие	60
Русско-киргизские отношения	72
Отношения между казахскими жузами	84
Глава третья. Латентные евразийско-восточные конфликты	95
Узбекско-казахские противоречия	95
Туркменско-казахские отношения	97
Противостояние узбеков и каракалпаков	98
Русско-узбекские отношения	100
Русско-туркменские отношения в свете общей ситуации в Туркменистане	103
Русская община Таджикистана в контексте гражданской войны	120
Глава четвертая. Латентные конфликты внутри восточных этносов	130
Внутритуркменские противоречия	130
Угроза внутриузбекского конфликта	135
Узбекско-туркменские трения	137
Таджикско-узбекские противоречия	138

Глава пятая. Состоявшиеся конфликты	142
Внутрикиргизский конфликт	142
Узбекско-киргизский конфликт	158
Киргизско-таджикский конфликт	164
Внутритаджикский конфликт	166
 Глава шестая. «Конфликты-сателлиты»	175
Узбекско-таджикско-пуштунский конфликт	175
Уйгурская проблема	181
 Заключение	190
Список литературы	203
Приложение	227

Научное издание

Ситнянский Георгий Юрьевич

Россия и Центральная Азия: вместе или врозь?
Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка *Е.А. Юрина*
Редактор *Л.Т. Соловьева*
Художник *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 23.06.2011
Формат 60х84 1/16. Усл.-печ. л. 17,9
Тираж 200 экз. Заказ № 11

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а